Юрий Бугаков

Ирмень, Семья и голуби

Юрий Бугаков

Ирмень, семья и голуби

Юрий Бугаков

Ирмень, семья и голуби

Соратники и современники о человеке,
который построил будущее

PVN
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗАО «ПЛЕМЗАВОД «ИРМЕНЬ» –

ведущее предприятие агропромышленного комплекса России. Специализация предприятия – разведение высокопродуктивного молочного скота, производство и переработка молока и мяса.

Успех зависит от людей.

От их ответственности и профессионализма. Так считал мой отец Юрий Федорович Бугаков. Так считаю и я. Когда у работников глаза горят, тогда и дело идет! А ирменцам профессионализма не занимать.

Олег Юрьевич Бугаков, председатель

«ИРМЕНЬ» – КРУПНЕЙШИЙ ПЛЕМЦЕНТР РФ

Элитное стадо

3900

коров ирменского типа черно-пестрой породы

Ежегодно продает более

250

высокоудойных телок

Молочный цех предприятия ежедневно производит:

75

тонн молока

33

тонны кисломолочных продуктов

5

тонн творога

60

НАИМЕНОВАНИЙ КОЛБАС, ДЕЛИКАТЕСОВ И ПОЛУФАБРИКАТОВ

20

НАИМЕНОВАНИЙ МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ

1,2

ТОННЫ ПШЕНИЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ЕЖЕДНЕВНО ВЫПЕКАЕТ ХЛЕБОБУЛОЧНЫЙ ЦЕХ

45

ЦЕНТНЕРОВ С ГЕКТАРА – СРЕДНЕГОДОВАЯ УРОЖАЙНОСТЬ ЗЕРНОВЫХ В ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ

20 000

ГЕКТАРОВ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ

40 000

ТОНН – ЕЖЕГОДНЫЙ ВАЛОВЫЙ СБОР ЗЕРНА

1 502 000 000
РУБЛЕЙ – ИНВЕСТИЦИИ В ТЕХНИКУ ЗА ПЯТИЛЕТКУ

254 000 000

РУБЛЕЙ — ВЛОЖЕНИЯ В СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ
ЗАО «ПЛЕМЗАВОД «ИРМЕНЬ» В 2021 ГОДУ

25

СЕМЕЙ В ГОД УЛУЧШАЮТ ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

250 000 000

РУБЛЕЙ ЕЖЕГОДНО НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ, ДОСУГА, ОБРАЗОВАНИЯ, СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

В ГЛАЗАХ – НЕБО, В ДУШЕ – СВОБОДА

Он всю жизнь смотрел в небо. Вначале — в детстве, когда хотел стать летчиком. Не сложилось. С мечтой о самолетах пришлось расстаться. Тринадцатилетний парень был вынужден уйти из школы, потому что после смерти отца стал главным кормильцем большой семьи.

Затем — в отрочестве, когда мама разрешила притащить в дом первых голубей. К их скромному птичьему теремку Юра, забыв про усталость, бежал сразу после работы и со свистом поднимал своих любимцев на крыло. Сизари задевали крыльями облака, купаясь в свободе, затем падали вниз, а он, задрав голову, замирал от восхищения.

И наконец — в зрелости, когда Юрий Федорович, маститый руководитель хозяйства, помог возродить в Верх-Ирмени церковь, и рассветная синь над селом озолотилась куполами.

За постоянное внимание небеса платили своему почитателю взаимностью. Бугаков почти не ошибался в предсказаниях погоды — ни климатической, ни политической, ни экономической. Благодаря этому редкому чутью за полвека председательства сумел без потерь провести свою «Ирмень» сквозь множество опасных развилок и стал одним из немногих счастливцев, кто познал триумф победы и в молодости, и в зрелости.

Жаром сердца, энергией действия он переплавлял свои поражения в достижения.

Жил в ладу с природой. С собой. По своим и небесным законам.

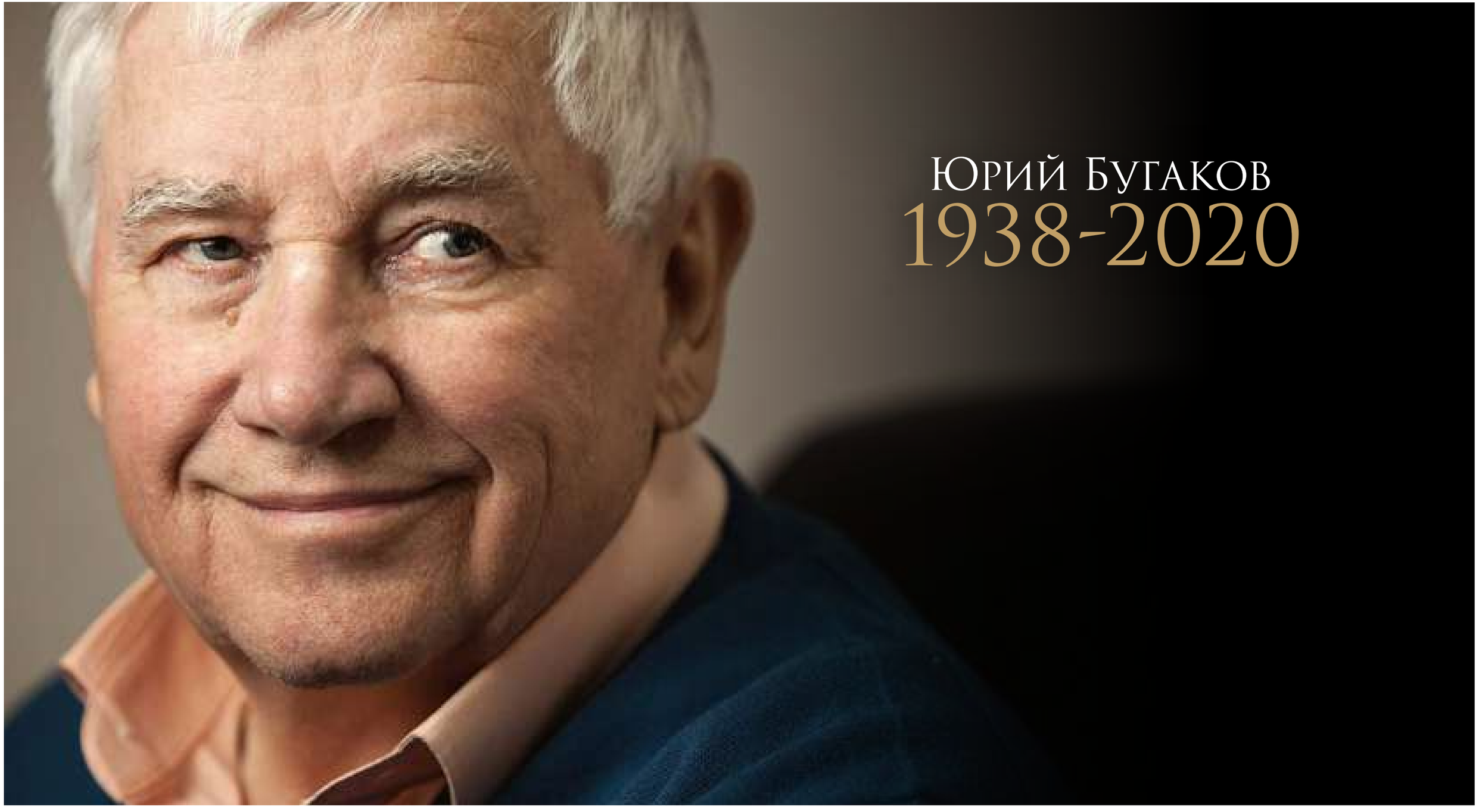
А когда выдавалась пара свободных часов, то, будто к святому источнику, возвращался к детскому увлечению: несмотря на солидный возраст, забирался на крышу и выпускал ввысь голубей.

Белые птицы дарили ему понимание свободы в ее исконной сути.

Свободы — как радости самостоятельного полета. Как права назло временам и моде оставаться самим собой. Как разрешения на высшую внутреннюю вольность — подняться в небо и сверить свой жизненный маршрут с истиной, доверяя лишь этой высоте.

Умение подниматься над суетой было главной чертой его личности. Поэтому голуби как потаенный душевный символ свободы, молодости и вечного стремления взлететь выше сопровождали его с детства до последних дней.

Таким Юрий Федорович Бугаков и остался в памяти земляков: человеком, смыслом жизни которого была личная вдохновенная «святая троица» — Ирмень, семья и голуби.


Юрий Бугаков
1938-2020

ИРМЕНЬ, СЕМЬЯ И ГОЛУБИ

КАРТИНА ПЕРВАЯ
Голодная

036
АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ БУГАКОВ
НАШЕ «ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО»

044
АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ КАНДИКОВ
«КОРНЕВАЯ СИСТЕМА» БУГАКОВЫХ

054
ТАМАРА ФЕДОРОВНА ТУПИЦЫНА
МАМИН СЫН

062
ЛЮДМИЛА ФЕДОРОВНА ВОЛКОВА
МУЖЕСТВО БЫТЬ ПЕРВЫМ

КАРТИНА ВТОРАЯ
Дерзкая

090
НЕЛЯ АРТУРОВНА ШЕФЕР
ШАГ В НЕВЕДОМОЕ

100
ИРИНА МИХАЙЛОВНА ЛАБУЗОВА
ПРИЗНАКИ ОСОБОЙ ПОРОДЫ

108
ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА БЕЛОВА
НЕДОСТИЖИМАЯ ВЫСОТА

120
СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АКСЕНОВ
ИРМЕНСКИЙ САМОРОДОК

130
ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ГАЛЕВА
ШКОЛА ЖИЗНИ ПО-БУГАКОВСКИ

142
ГРИГОРИЙ ФЕДОРОВИЧ ПИДЕНКО
НЕУГОМОННАЯ ДУША

150
ВИКТОР АФАНАСЬЕВИЧ ШЕФЕР
ЖИВАЯ ВОДА

158
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПОПОВ
ВЕРА И УПОРНЫЙ ТРУД

170
ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ОРЕШОК
УРОКИ ЛЮБВИ К РОДИНЕ

180
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРАВНИКОВ
ЛЕГЕНДА СИБИРИ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ
Заповедная

220
ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ МАТЮХА
В ЕЖОВЫХ РУКАВИЦАХ

230
ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АНОХИН
ВСТАЛ? ТРУДИСЬ!

240
НИНА КАРЛОВНА САМКОВА
КАК ОДНА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

248
ЕЛЕНА АРСЕНТЬЕВНА ЖДАНОВА
МИЛЛИОН ВЕДЕР МОЛОКА

256
ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ИВАРОВСКИЙ
ЧЕЛОВЕК С ГОСУДАРСТВЕННЫМ МЫШЛЕНИЕМ

262
МАРИЯ ФЕДОРОВНА РУДЕНСКАЯ
ПАСТЫРЬ НАШ

270
ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА БЕГЛЯКОВА
ОН ЛЮБИЛ ЭТУ ЗЕМЛЮ!

278
ВАЛЕНТИНА ВИЛЬГЕЛЬМОВНА ВЕРЕМЕЕВА
СЧАСТЛИВОЕ СОВПАДЕНИЕ

284
НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА МАКСИМОВА
НИЧЕГО НЕТ МИЛЕЕ ДЕРЕВНИ МОЕЙ!

292
ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА ГИРИЧ
ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ

298
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ДАШКОВ
НАСТЫРНЫХ УВАЖАЛ

306
ЛАРИСА СЕРГЕЕВНА ПАШКОВА
ПОЛВЕКА ПАХОТЫ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ
Парадная

312
ЗИНАИДА ПАРФЕНТЬЕВНА КАЙГОРОДОВА
ВСЕ ИСПЫТАНИЯ – ВО БЛАГО

320
АЛЕКСЕЙ СЕМЕНОВИЧ ЛЕДНЕВ
ДУША ПРИСОХЛА К ИРМЕНИ

356
ВАЛЕНТИН ФЕДОРОВИЧ ТИХОНОВ
ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО!

364
АНАТОЛИЙ АНТОНОВИЧ СТЕПАНОВ
ОДИНОЧЕСТВО НА ОЛИМПЕ

376
АЛЛА ВАСИЛЬЕВНА ТРИФОНОВА
РЕШАЛ НЕ ТОРОПЯСЬ, РЕШИВ–НЕ МЕДЛИЛ

386
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРЕЛИН
ФАНТАЗЕР С ГОРЯЩИМИ ГЛАЗАМИ

394
НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА МЕДВЕДЕВА
НА ВИДУ У ВСЕЙ РОССИИ

404
ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ЛЫКОВ
ЭНЕРГИИ– НА СЕМЕРЫХ!

412
ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ПОДОЙМА
ИСТОЧНИК МУДРОСТИ

420
АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ШИМКИВ
И ПО ЗАКОНУ, И ПО СОВЕСТИ

КАРТИНА ПЯТАЯ
Лирическая

454
ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ БУГАКОВ
ОТЦОВСКАЯ ШКОЛА

466
СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА ИВАНОВА
ВЕЧНОЕ СОЗВУЧИЕ

478
ОЛЬГА ПАВЛОВНА БУГАКОВА
МОЕ ВТОРОЕ ОТЧЕСТВО

486
ПЕТР ПЕТРОВИЧ ИВАНОВ
СТАРШИЙ ПО ЗВАНИЮ

498
ЕКАТЕРИНА ОЛЕГОВНА ЖУКОВА
ЛАВИНА ЛЮБВИ

506
ЮРИЙ ОЛЕГОВИЧ БУГАКОВ
СЕРЕБРО В ВОЛОСАХ И ЗОЛОТО В СЕРДЦЕ

516
ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ИВАНОВ
ЖИЗНЬ В ПОДАРОК

КАРТИНА ШЕСТАЯ
Небесная

542
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОМИН
ПТИЦА ВЫСОКОГО ПОЛЕТА

552
ИГУМЕН СЕРАФИМ
ДОРОГА К ХРАМУ

560
ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ КОЖУХОВ
МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

572
ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА МОСКАЛЕНКО
ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

580
ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА МАРТЮШОВА
ОН БЫЛ ОТЦОМ ДЛЯ ВСЕЙ ИРМЕНИ

590
ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ ГУДКОВ
СРАЖЕНИЕ ЗА ЖИЗНЬ

596
ФАИНА ЕГОРОВНА ДЕМАКОВА
ДВА МОИХ ГЕРОЯ

604
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ПОПОВ
ЧЕЛОВЕК-ЧУДО

610
ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШАЛЕНКИН
ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

620
ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИШЕБАРОВ
ХОЗЯИН ВОЛИ И СЛУГА СОВЕСТИ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Голодная

...Первый послевоенный год. Новосибирск. Зима. Морозы в 46-м лютовали, будто все еще воевали с фашистами.

Вернувшийся с фронта Федор Тупицын, которому раны не давали спать, в своем стареньком домике за Обью всю ночь топил печь. Это был единственный способ удержать ускользающее сквозь ветхий сруб тепло и обогреть четверых ребятишек, младшему из которых не было и года. Пока фронтовик не смыкал глаз, они мирно сопели под одеялами.

Ледяная ночь за окном медленно сменялась ледяным утром. Не дожидаясь рассвета, вставала и уходила на работу мама. Вслед за ней, прикрыв дверцу остывающей печи, отправлялся на завод отец. Дети на целый день оставались в холодной и голодной избе одни. На завтрак их ждала в лучшем случае картошка, на обед — пустой суп, а вечером, даст бог, краюха хлеба. Мария Макаровна состояла по тем временам на очень «сытной» должности — служила поваром на кухне детского дома, но собственную семью прокормить не могла. На карточки много не купишь, а таскать остатки с сиротского стола она была не приучена.

Ее мужу тоже удавалось добыть немного. Поэтому четверо малышей, несмотря на то, что оба родителя бились за их выживание, медленно угасали от голода.

МАМА, ПАПА И СЕМЬЯ

Пока отец с матерью работали на износ, управляться с голодной оравой помогала бабушка. Но основная тяжесть забот о малышах легла на плечи старшего ребенка в семье — восьмилетнего Юры.

Будущего Героя Социалистического труда.

Будущего орденоносца, который получит награды в Кремле лично от президента.

Будущего благословения села Ирмень на полвека.

А той послевоенной зимой — всего лишь мальчишки, у которого война безжалостно отняла детство.

Оно закончилось для Юры в первую неделю Великой Отечественной, когда отец ушел на фронт. День расставания с ним будущий кавалер двух орденов Ленина запомнил до скончания века.

«На войну» поехали на трамвае. За окном — июньское пекло. Юре три года, он на коленях у мамы. Отец стоит рядом, немного наклонившись, и держится за поручни. Его нарядная белая рубаха — лучшая из скромного гардероба — слегка расстегнута. Огромный, надежный, он кажется мальчику невероятно красивым…

Таким сын не увидит его больше никогда: в 1943 году в их дом постучится совсем другой человек: в потрепанной гимнастерке и на костылях. Что этот дяденька им не чужой, Юра поймет, когда бабушка с криком бросится незнакомцу навстречу.

О том, как воевал, как перебили ноги, вернувшийся солдат рассказывал неохотно: был взрыв, все кругом погибли, он чудом остался жив. Из пекла вытащили санитары, которые тянули его на шинели под обстрелом, но при этом сами сигали в близлежащие воронки, едва начинали свистеть большие снаряды. «Санитары спрячутся, а я лежу прямо под огнем, открытый, у всех на виду», — эти страшные воспоминания отца отныне станут частью жизни всей семьи. Раны у Федора Сергеевича так и не заживут. Они будут постоянно беспокоить фронтовика, даже когда он выучится ходить без костылей. От сильной контузии останутся и непреходящие головные боли.

Но несмотря на раны и тяжелый военный опыт, он до конца жизни сохранит душевную щедрость и доброту. Когда отец возвращался с работы со своего тарного завода, два сына и две дочки обязательно выбегали ему навстречу. Он брал кого на загривок, кого на руки. Шли домой. А вечером вопреки боли Федор Сергеевич всегда играл с детьми.

Казалось, закончилась война, семья снова вместе, жить бы да жить. Но в 46-м на страну навалился страшный голод. Было настолько тяжко, что мать заболела и не могла передвигаться даже по дому. Поэтому, чтобы прокормить семью, отец вечерами уходил еще на одну работу.

При этом ребятишки видели, что семьи других фронтовиков живут иначе, ведь некоторые вернулись с войны с неплохими трофеями. Сосед, например, привез из Германии велосипед «Диамант» и запас иголок для швейных машинок. Иголки продавали, благодаря этому в их доме всегда был хлеб. «А наш отец, — вспоминал Юрий Федорович Бугаков много лет спустя, — по натуре своей, по своему характеру привезти не мог ничего. Так что хватанули нужды по полной программе. Хлеб на столе был роскошью».

Но даже его отсутствие не отменяло семейного принципа — никогда не брать чужого.

Надо ли говорить о том, каково приходилось матерям с малолетними детьми во время войны. Сколько раз слышала Мария от самых близких людей: «Отдай ребятишек в детский дом, ведь перемрете все с голоду». Не сдала, выжили.

На фотографии: Юра (справа)

НАШЕ «ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО»

Александр Федорович Бугаков

младший брат

В послевоенные годы обувка у нас с братом была одна на двоих, бегали на улицу попеременке. Первую школьную рубаху мне сшили из американской продуктовой упаковки: на груди написано brutto, на спине – netto! В школу пошел в маминых ботах. Огромные, они болтались на моих худых ногах, и чтобы не сваливались, мама набивала внутрь побольше бумаги.

– Кто в детстве наголодался, тот и в старости будет собирать крошки в ладошку. Это закон. Каким бы богатым ни был, из безмерного уважения к хлебу – все крошки со стола в ладошку. Так мы были воспитаны.

Про наше голодное детство брат рассказал бы, конечно, лучше, он почти на три года старше меня. Мы в свое время говорили ему: Юра, пиши! Пиши! Записывай все, что помнишь, эти воспоминания когда-нибудь станут бесценными! Он кивал, соглашался, но времени так и не выбрал. Поэтому волею судьбы вспоминать те голодные годы, видимо, придется нам – его младшему брату и сестрам.

Я у родителей – не второй, а третий ребенок. Между мной и Юрой был еще мальчик Гена. Он умер в младенчестве. Однажды зимой мама искупала его, положила в кроватку, и он сильно простыл. Еще была третья сестра, последняя в семье, она тоже не выжила. Так мы и остались у мамы и папы вчетвером: Юра, 38-го года рождения – самый старший, затем я – 40-го, и две девочки: Тамара – 44-го, и Людмила – 46-го.

Голодухи хватили «досыта» – и довоенной, и послевоенной. До 50-го года голод был страшный, мать от него заболела водянкой, слегла. Но даже будучи больной, отдавала нам все, что только можно жевать. Сама еле очухалась, но нас спасла.

Отец вернулся на втором году войны весь израненный: ноги, голова, живот. По-хорошему, ему надо было лечиться, но когда? Семья голодает. Несмотря на больные ноги и осколок в голове,

он сразу пошел работать начальником цеха на тарный завод. Зарплату приносил котелками каши – перловой или овсяной, так и тянулись. Придет вечером домой весь разбитый, уставший, мать ему повязки на ногах размотает, а под ними кожа – будто слоеное тесто. Мама марганцовкой промоет, затянет чистыми тряпками обратно, и наутро – он снова на работу.

Кое-что отец рассказывал нам про войну. Бывало, затянет от боли голову полотенцем, расстелет на полу одеяло, а мы с Юркой – тут как тут. Лежим, слушаем. Как отцовский полк вывели на исходную позицию, а немец начал лупить по ним из минометов. Как солдаты ползли по ночному полю, небо освещали ракеты, и каски у них блестели! И как рядом с папой, прямо в метре, в спину товарища угодила мина, и соседей по окопу «кишками забросало»!

Как только он начнет рассказывать, мать сразу: «Федя, не надо такие страсти детям»! А он: «Пусть знают, что такое война»!

Весь его полк полег в том бою. А отец, перебитый, пополз по стылой земле в сторону своих. Тут бежит санитар. Посмотрел на раненого – и дальше. И наш папа не выдержал, достал автомат: «Попробуй только уйди»! Тогда санитар положил его на сани и вытащил с фронтовой линии.

Хорошо помню момент, когда отец пришел с войны. Мне года не было, когда его мобилизовали. Поэтому испугался и спрятался от чужого дяденьки под стол. Он ко мне руки тянет, а я упираюсь! А потом он, не раздеваясь, сел в шинели на стул, рюкзак свой развязал, достал несколько кусков сахара и полбулки хлеба. Очень о нас всегда заботился! Когда лежал в больнице и ему хотели ноги по колено отнять, не дал: «Зачем я своим детям нужен без ног»?

Но недолго мы отцовской любви радовались – умер он спустя шесть лет после победы. Я хорошо помню этот день.

Было часов 11, сумерки, начался дождь. Мы жили тогда на улице Кавалерийской, в небольшом домике с пригороженными сенцами, крыша у которых была худая. Мне было 11 лет, Юре – 13. Мать солила в кухонке капусту и услышала, как сквозь дыры в сенях пошла молотить вода. Попросила отца посмотреть. Он полез на крышу, но через несколько минут вернулся обратно: «Ой, ой! Голова страшно болит». Мать рассердилась: «Ну, иди, лежи».

Папа прилег. Мы тихо сидели по углам в надежде, что ему полегчает, но становилось хуже: из-за осколка, который отец с войны носил в голове, у него произошло кровоизлияние в мозг. За несколько минут до смерти он успел нас позвать. Мы подошли, отец посмотрел на всех на прощание, не сказал ничего, только улыбнулся. И в этой улыбке было все: мы знали, что он любил нас до беспамятства.

Дальше выживали как могли. Обувка у нас с братом была одна на двоих, бегали на улицу попеременке. В школу меня мать отправила в своих ботах. Огромные, они болтались на моих худых ногах и постоянно сваливались. Тогда мама стала набивать внутрь побольше бумаги. Рубаха у меня была из американской продуктовой упаковки: на груди написано brutto, на спине – netto! Сумку Юре сшили из отцовского галифе, а мне – из тряпок. Внутрь положили серую вдвое сложенную нелинованную тетрадь – огромное богатство по тем временам, с Дальнего Востока родственники прислали. Грифель от карандаша мать тряпицей обмотала, чтобы можно было писать, не пачкая рук.

Когда приходили в школу, нас раздевали догола, оставляли в трусах, а вещи уносили в подвал на прожарку, потому что иначе заедали вши. Учились при керосиновых лампах, электричества не было. На три парты одна лампа. Огромным счастьем было то, что в школе на обед давали стакан молока и булочку. Иначе бы не выжили. Хлеба вдоволь первый раз поели, когда мне было шестнадцать.

В то лето мы жили в Ордынске, на родине матери, куда перебрались семьей подальше от новосибирской голодухи. Родина нашей бугаковской родни – село

Рогалевское Ордынского района. Там появился на свет наш дед Макарий Бугаков, который до революции был зажиточным помещиком, а после стал кулак, или, как тогда называли всех, кто умел работать, дурак.

Прижимистый был дед, деловой. Столяр, плотник, все умел, чем и богатство нажил. Это пролетарии водку жрали, а кулаки все были трудяги. И несмотря на то, что расправились с ними безжалостно, качеств хозяйских не растеряли.

Из Новосибирска в Ордынск Дед Макарий уехал первым, потом нас перевез. Тогда участки под строительство давали на окраине города, прямо в лесу, чтоб сразу тайга корчевалась и дом было из чего сложить. Вот и дед наш валил сосны, ошкуривал и складывал в сруб. На троих – дед, Юра и я – мы построили два дома на улице Кутузова. Один для дедовой семьи, другой – для нас. Избы вышли как игрушки, лучшие на улице, крепкие. Стоят и поныне.

Второй наш дед, по отцу Сергей Парфенович Тупица тоже был не голь перекатная. Купец первой гильдии, жил на Дальнем Востоке, имел свои корабли, торговал с Японией и Китаем. Но как и Макария Кононовича, этого деда советская власть по головке не погладила, раскулачила и сожгла дом и корабли. «Ну, ладно, выгнали бы меня, – говорил он, – но к чему было жечь»? И до старости сокрушался: «Эх, внуки, внуки, если бы не революция, вы бы у меня все на аэропланах летали»!

Ростом этот дед был под два метра, мужик здоровый, могучий, до 93 лет дожил. Вот с фамилией ему, правда, не повезло. Была она хохляцкая, малозвучная – Тупица. Отец Федор в 1941 году уходил на фронт под отцовской фамилией, а в 1943 году вернулся уже Тупицыным. Когда мы в детстве ее носили, то замучились от одноклассников отбиваться. А поскольку родители у нас нерасписанными жили, то мы, когда стали взрослыми, Юра уже работал, совместно приняли решение перейти на мамину фамилию – Бугаковы. Чтобы наших детей не дразнили. Помню, дальневосточный дед обиделся очень. Как-то в конце 70-х приехал к нам из Владивостока. Юра его встретил и привез к себе. Но как только дед узнал о смене фамилии, то психанул и в сердцах сказал: «К тебе я больше не зайду» и сразу ушел ко мне, я был еще Тупица. Дед счел, что мы прервали его родословную. Но обратного ходу не было. Мы – Бугаковы.

После смерти папы за главного в семье остался Юра, он в свои 12 был маленький мужик. Я до смерти почитал его за второго отца. Правда, на этой почве он и поучал меня постоянно: делай то, не делай это. Мне было далеко за, а он все равно – как к мальцу.

Но и у меня фамилия Бугаков! Я помощи ни у кого не просил никогда, всегда был самодостаточным, зарабатывал хорошо, не меньше брата. Профессию выбрал одну из лучших – строитель. Возможно, потому, что когда-то с дедом мы сложили наш первый ордынский дом. Поступил после школы в институт, окончил его и несколько лет работал на родине. Позови меня сегодня проехаться по Ордынке, покажу десятки зданий, к которым приложил руку.

Мог бы продолжать строить для своего родного района и дальше. Но в 70-х заболела дочка. Врачи сказали: сибирский климат не для нее: или к морю, или умрет. Мы поднялись, не раздумывая, и уехали в Крым, где я вскоре стал главным инженером Бахчисарайского строительного управления. Потом тридцать лет отработал начальником ПМК.

Дочке черноморский климат помог, она выздоровела, окончила школу, академию МВД, сейчас в звании полковника.

Юра после нашего отъезда из Сибири в гости ко мне прилетал дважды: ездили с ним по побережью, в Ялту, на Ласточкино гнездо… Очень ему понравилось, помню, загорелся пожить на юге. А что? Я звал. Дом, говорю, у меня прекрасный, триста квадратов, места всем хватит. Но он подумал-подумал: «Нет, Саша, видимо, нет. Я хозяйство свое не могу бросить, оно без меня развалится, как глиняный горшок». Ирмень для него была краше любого Ласточкиного гнезда на морском берегу.

Да, умело наше поколение работать. Как отец учил, добросовестно. Мы колоски с третьего класса в поле собирали, вкалывали сутками за кружку молока и кусок хлеба. Думаю, благодаря этой детской закалке мой брат и достиг своих высот.

Пять лет назад я к нему на юбилей прилетал. Когда остались после торжеств одни, он достал тяжеленную шкатулку: «Вот смотри, брат, все мое богатство: золотая звезда Героя, орден Ленина, орден Красного Знамени»… И много-много других наград. Правда, не помню, чтобы он этот «иконостас» носил, звезду Героя разве что на лацкане, очень торжественно все это выглядело даже в коробочке, блестело, будто на параде.

Жизнь распорядилась так, что это была последняя наша встреча. Когда улетал, сказал ему:

– Юра, до свидания!

Он подошел, голову опустил… Обнялись, попрощались. И он говорит:

– Видимся с тобой, братишка, в последний раз.

Как он мог это знать?

Конечно, возраст у нас такой, каждый день живем как последний. Но я не поверил. И сейчас не верю. Он и сегодня для меня жив, просто временно в отъезде. Подумаешь, не звонит два-три раза в неделю, занят, значит. Ты попробуй-ка такое огромное хозяйство содержи, это сколько сил нужно! Для Ирмени он сам был, будто Ласточкино гнездо. Такой же крепкий «дворец на скале», способный выдержать любые шторма и притягивавший восхищенные взгляды.

«КОРНЕВАЯ СИСТЕМА» БУГАКОВЫХ

Александр Алексеевич Кандиков

КРАЕВЕД

История семьи Юрия Федоровича Бугакова богата и на радостные события, и на трагические. Как по отцовской линии, так и по материнской у него были трудолюбивые, мощные, зажиточные деды и прадеды. В документах есть сведения о владении ими множеством десятин земли, живности и техники. Но в период раскулачивания и у тех и у других советская власть отняла все.

– Ровно десять лет назад в один из зимних дней в селе Верх-Ирмень собрались гости со всей России. Они приехали на редкий и удивительный праздник под названием «Роду Кандиковых – 300 лет». Собрать вместе многочисленную родню решил мой дядя Валерий Иванович Кандиков – председатель Бердского филиала Новосибирского историко-родословного общества.

Сельский Дом культуры едва вместил гостей. В праздничном фойе в виде генеалогического древа ожила история рода, а рядом ходили живые его «ветви» и «листочки» – более четырехсот человек различных возрастов и профессий. Хлеборобы, ученые, шахтеры, врачи, учителя, военные, спортсмены… Сегодня они разбросаны по всему миру и носят разные фамилии – русские, немецкие, украинские, грузинские, татарские, белорусские… Но всех этих незнакомых ранее людей, вдруг ощутивших кровную и духовную связь друг с другом, объединила Ирмень.

Открыл встречу Юрий Федорович Бугаков. Наш знаменитый земляк не только поддержал начинание «неугомонного» Кандикова, но помог ему в реализации уникальной идеи. Выступая, он подчеркнул, что гордится семьями, в которых ценят свои корни, что праздник одной фамилии – это праздник всего села, улица в котором носит имя героя гражданской войны Сергея Дмитриевича Кандикова. А в заключение серьезно добавил, что с уходом

на пенсию планирует активно заняться восстановлением своей родословной.

Но жизнь распорядилась иначе. Заслуженного отдыха в жизни Юрия Федоровича не случилось. Но это не значит, что у его семьи не будет собственного генеалогического древа.

Еще при жизни Бугакова я работал в Верх-Ирменском музее, где заметил, что витрины, посвященные председателю колхоза «Большевик», до обидного скудны. Из скромности Юрий Федорович никогда не беспокоился об этом. В знак благодарности директору музея Елене Викторовне Матвиенко я предложил помочь в обновлении экспозиции. Получив одобрение, поговорил с Бугаковым: поставил в известность, что хочу заказать большие копии его наград, чтобы ирменские ребятишки могли своими руками к ним прикоснуться. Он не возражал.

Я тогда активно занимался поиском истоков своей семьи, изучал документы в разных архивах, поэтому стал параллельно отрабатывать вторую ветку. На мой взгляд, отдавать дань памяти своим прародителям – невероятно благое дело. После такой работы появляется ощущение, что весь твой род выстраивается за спиной – поддерживает, помогает, двигает вперед. И раз уж я обещал Юрию Федоровичу, с которым всегда с удовольствием общался, помочь с обновлением экспозиции, то погрузился и в историю Бугаковых.

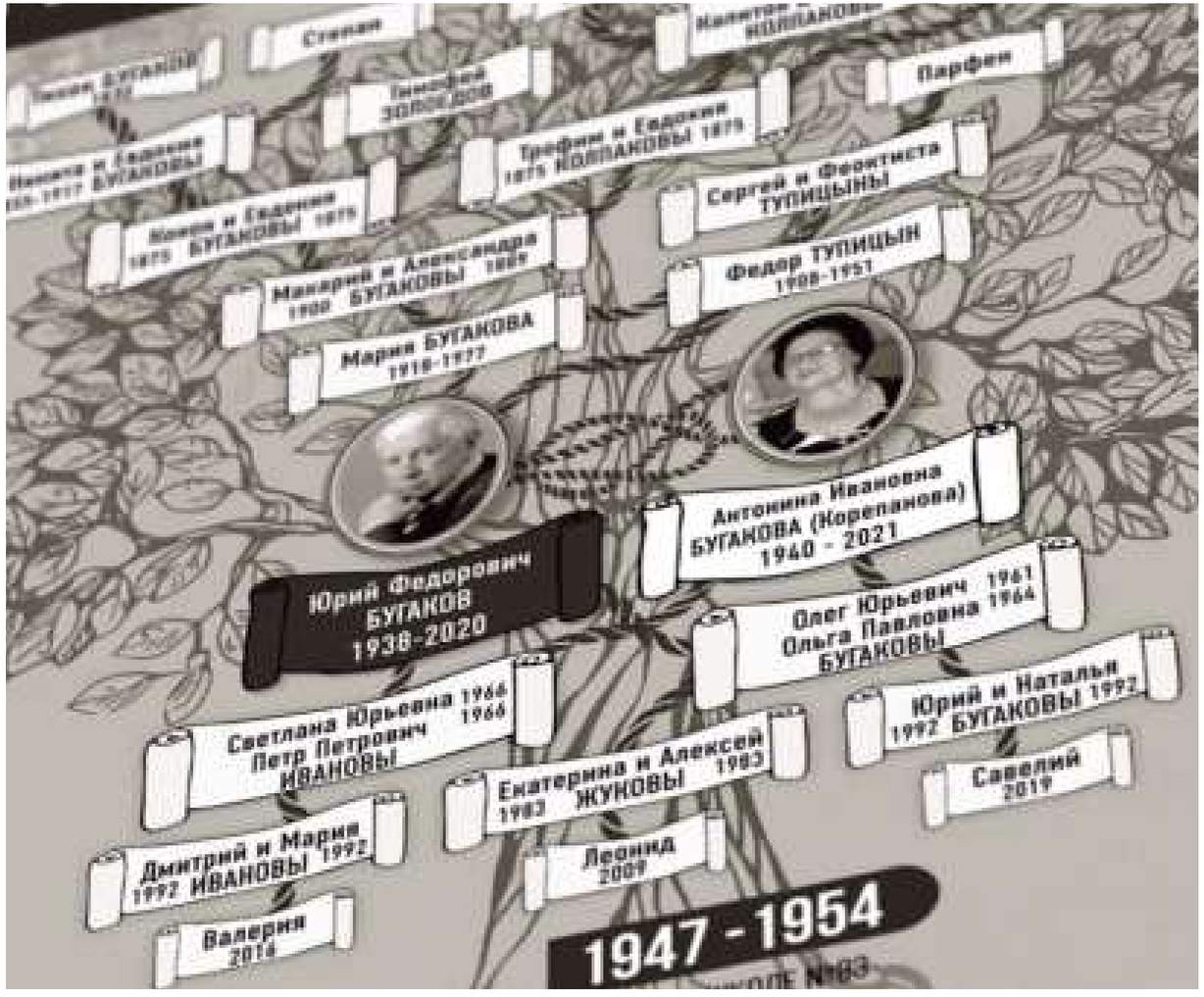
Сегодня в коллекции документов, которые удалось собрать, много подлинных свидетельств жизни его дедов и прадедов.

Дед Юрия Федоровича по отцу Сергей Парфенович Тупица был жителем Дальнего Востока. Успешный предприниматель, он занимался конными и водными перевозками: возил в Китай пушнину, а оттуда – мануфактуру. У него были торговые дома во Владивостоке, на Черной речке и в Хабаровске. Имел два корабля и двухэтажный особняк. Женой Сергея Парфеновича была Феоктиста, дочь промысловика, чистокровная якутка. Про нее говорили – невероятно волевая женщина, могла попасть из ружья в белку на полном скаку. Семья Феоктисты была очень зажиточной: отец владел полуторатысячным стадом оленей и нанимал людей за ними ухаживать. Предполагаю, что с будущей женой Сергей Парфенович познакомился в Якутии, куда ездил на золотой промысел.

Сын Федор у пары родился в 1908 году в селе Попова Гора Приморского края. Кроме него, в семье было пять детей: три сына и две дочери. Про них тоже есть свидетельства, что очень волевые люди, с нордическим характером. Но пришла советская власть, и никакая воля, никакой характер не помогли, благополучная жизнь Сергея Тупицы закончилась: семью раскулачили. Далее, по одной из версий, они сбежали в Сибирь, по другой – их туда выслали. Известно лишь, что в Новосибирске они работали на каменоломне.

В 1936 году Федор, которому было под тридцать, познакомился с восемнадцатилетней Марией Бугаковой. Влюбленные поженились, и вскоре у них появился первенец Юрий. Жила молодая семья в большой нужде, особенно после того, как в 41 году Федора забрали на фронт. Служил он в 33-й армии, 110-й дивизии, 1289-м стрелковом полку обычным стрелком, участвовал в обороне Москвы и в Ржевско-Вяземской наступательной операции. 23 марта 1942-го года при освобождении населенного пункта Егорье-Кулеши Калужской области получил тяжелое ранение, что оказалось для него удачей. Ведь отъезд в госпиталь уберег солдата от других несчастий: вскоре 33-я армия во главе с генералом Ефремовым попала в окружение. Командующий, который был тяжело ранен, застрелился, и есть свидетельства, что с почестями похоронен немцами.

Федор долго лечился в госпиталях, а в начале 43-го года был комиссован из армии в связи с инвалидностью. Он вернулся к семье в Новосибирск с незаживающими ранами, судя по тому, как родственники описывают его страдания, можно предположить, что у него был диабет. Бывший фронтовик постоянно перетягивал свои ноги бинтами, тряпками и так ходил на работу на тарный



завод при гормолкомбинате. В нашей коллекции исторических документов есть анкета с этого предприятия, с фотографией и автобиографией Федора Тупицына, заполненная им в 1947-м году.

В анкете он пишет, что участвовал в операциях по обороне Москвы и освобождению Вязьмы, однако в графе «государственные награды» ставит пропуск. А дети помнят, что у отца было как минимум пять медалей «желтого цвета» и одна «белая», на которой было написано «За отвагу». Еще был орден, который «мама хранила и никому не давала».

Юра и Саша частенько играли отцовыми медалями в чику или пристенок – ветераны в те годы не особо трепетно к своим наградам относились. Мы делали запрос в Центральный архив минобороны, но оттуда пришел ответ, что данных по наградам Федора Тупицына нет. Не мудрено, ведь армия, в которой он служил, попала в окружение, поэтому документы вполне могли быть сожжены.

В 1945 году Федор Сергеевич, несмотря на ранение, был повторно призван к нестроевой службе на японскую войну, но до линии фронта не доехал, лечился в госпиталях Амурской области и был окончательно уволен с воинской службы в 1946 году.

По материнской линии история семьи Юрия Федоровича не менее богата.

Его мама Мария Бугакова была дочерью Макария Кононовича Бугакова 1900 года рождения и Александры Трофимовны, в девичестве Колпаковой, которая была на два года старше мужа. Соответственно, прадедом Юрия Федоровича был Конон Никитич 1875 года рождения, а прабабушкой – его супруга Евдокия Тимофеевна, в девичестве Золоедова, 1875 года рождения. Если идти по нисходящей к предкам материнской линии, то известно, что Тихон Бугаков 1830 года рождения со своей семьей, в том числе сыном Никитой и внуком Кононом прибыли в Сибирь в 1899 году из села Большие Хомутцы Лебедянского уезда Тамбовской губернии. А через год, уже в селе Рогалевское, у Конона родился сын Макарий.

В конце XIX века, когда при царе Николае II была построена железная дорога от Москвы до реки Обь и основан город Новониколаевск, переизбыток рабочей силы из центральных губерний хлынул в сибирские просторы. В европейской части России землепашцам было тесно, их привлекала бескрайняя земля, которой в богатой и вольной Сибири наделяли всех членов семьи. Тамбовчане, которые как раз переживали последствия сильной засухи, очень активно откликнулись на предложение правительства переселиться и стали, пожалуй, самыми предприимчивыми и зажиточными среди всех сибирских новоселов.

Кстати, в Тамбове Бугаковы относились не к крепостным крестьянам, а к «однодворцам» – сословию из низших чинов служивых людей. Они служили либо в дворянском ополчении, либо на охране границ, и хоть и были бедными, но в отличие от крестьян владели землей.

В Рогалевском род Бугаковых стал одним из мощных. У деда была паровая мельница. Неизвестно, относилась ли семья к староверам, но то, что была очень трудолюбивой, мы знаем точно. В документах есть сведения о владении ими множеством десятин земли, живности и техники. Есть также протокол сельского схода, на котором старожилы дают разрешение заселиться в общину новым переселенцам. Исходя из этого документа, можно понять, что Конон Бугаков был в авторитете. Высказывая свое мнение по тому или иному вопросу, он обладал правом решающего голоса.

Вот только для советской власти зажиточный мужик был не авторитет. В нашей коллекции исторических документов есть два дела по раскулачиванию Конона Никитича Бугакова, из которых ясно, что он был сослан в Нарым.

В общем, история семьи Юрия Федоровича очень богата и на радостные события, и на трагические, и является благодатной почвой для исследований. Как обещал ему, я их продолжу. Генеалогическое древо Бугаковых, как и моей семьи, должно обрести полноценный ствол, ветви и листья.

МАМИН СЫН

Тамара Федоровна Тупицына

МЛАДШАЯ СЕСТРА

Мы и до смерти папы особо не жировали, но когда остались сиротами, стало еще голоднее. Юра после первых заморозков ходил собирать в поле картошку и потом делал из нее лепешки. В моей памяти навсегда осталась картинка из детства, как он стоит у плиты и их жарит.

— Есть в народе поверье: если сын похож на мать — будет счастливым. Юра у нас очень был похож. И внешне, и характером, и повадками. Когда после смерти отца он остался в доме за старшего, мама в первую очередь с ним по всем вопросам советовалась. Очень она его любила, связь у них была особенная.

Помню, как он пришел из армии. Входит такой, в военной форме, фуражке зеленой, а она от радости вся прямо светится! «Юра, — говорит, — дома, значит, все хорошо будет!» И вот эту веру свою непоколебимую в сына она не только сама через всю жизнь пронесла, но и в него вселила. Никаких трудностей он не боялся, шел напролом. Целеустремленность была невероятная с детства. Характер такой. Закаленный. Мамин. Так что правду люди говорят: похож на мать — жди счастливой судьбы.

О том, как Юра рос, как рано повзрослел, лучше всех из нас знает Саша. Все-таки между мною и старшим братом шесть лет разницы, и родилась я уже конце войны. В моей памяти самые трудные годы нашего послевоенного детства — будто дырявая мозаика: одни лишь обрывки да клочки, а целого нет. Ясно помню, пожалуй, лишь смерть отца. Мне было семь, у меня в этот день сильно разболелся зуб, я сидела унылая на кровати в нашем маленьком доме. Мама крошила капусту. У папы болела голова. Он вздыхал, стонал — и вдруг затих. В этот миг для нас изменился мир.

Мы и до его ухода особо не жировали, но когда остались сиротами, стало еще тяжелее. Я, правда, голода почти не помню, нам об этом уже в зрелом возрасте иногда Юра рассказывал. Как после первых заморозков ходил собирать в поле картошку и потом делал из нее лепешки. Как однажды повел с собой меня и Людмилу — меня за руку, ее на руках нес, поскользнулся, упал, и все мы вымазались в грязи.

Еще картинка из детства осталось, как он стоит у плиты и что-то жарит. Всегда готовил сам — и блины, и картошку. Позже, когда жизнь стала посытнее, зимой сотнями лепил пельмени. Он, как и мама, любил готовить и до своего последнего дня по праздникам вставал к плите. Хотя у него было кому — целая квартира женщин. Но он говорил: «Нет, Тамара, так, как я, мясо никто не сделает». А когда угощал, любил, чтобы еду хвалили.

Вообще был хлебосольный. Первый вопрос у него всегда: «Обедать будешь?» Неудивительно, у нас и мама такая была: ни одного человека из дома не выпустит, пока не накормит. Она у плиты стояла постоянно, всю свою жизнь. Когда в Новосибирске жили, уходила ни свет ни заря, потому что с транспортом тогда было плохо, а ей надо успеть вовремя приготовить для ребят из детдома завтрак. А до этого она и нам умудрялась на целый день наварить. Мы хоть и были предоставлены самим себе, но мамину заботу всегда чувствовали: кастрюля супа и компота, а летом тазик овощей на столе стояли с утра. Когда она спала, вообще непонятно.

Случилось так, что из всех братьев и сестер я раньше всех оторвалась и дальше всех оказалась от дома. Уехала сразу после школы. Училась на факультете лечебного дела в Новосибирском мединституте, потом получила распределение в Томскую область. Домой выбраться получалось редко. В студенчестве, чтобы из Новосибирска в Ордынку попасть, надо было полдня на дорогу потратить, а у меня был всего один выходной. Помню, ездили с подружками на рейсовом пазике, зима, холод… Водитель знает, что студентки в сапожках, на середине пути остановится и кричит: «Эй, кто там совсем замерз, садитесь на капот!» Вот мы попеременке посидим над мотором, погреемся, так потихоньку и доберемся.

А из Томска я в основном письма писала. Но нечасто. Мама меня журила: что ж ты, Тамара, редко так пишешь? Я в ответ: ну что писать, учусь и учусь, работаю и работаю.

Почти три года я провела в Томске, потом вернулась в Новосибирск. Получила специализацию невролога и больше двадцати лет отработала в больнице. А последние двадцать пять — уже в Верх-Ирмени.

Причиной возвращения в Ордынский район стала дочь: у нее внезапно появилась аллергия, источник которой никто из врачей определить не смог. Тогда знакомый доктор подсказал: уезжайте. Я посоветовалась с Юрой, он поддержал и помог: полгода жили у них, потом квартиру получила.

Юра вообще всем помогал. Недавно утром иду в магазин, а по пути ко мне женщина присоседилась:

— Здрасте, как живете?

— Да потихоньку, — отвечаю.

— Ой, а я как прохожу мимо дома Юрия Федоровича, слезьми заливаюсь, он же нам как отец был.

Эта женщина, немолодая уже, в свое время решила дом продать, да никто не покупал. Тогда она пошла на поклон к брату: не возьмете ли мою избушку для колхоза? Он сначала с недоумением на нее посмотрел — зачем это мне? А потом посидел, подумал-подумал и согласился: поменял ее дом на квартиру. «Чего ж ты будешь в таком возрасте мыкаться?» — сказал.

Некоторых отцов не любят так, как моего брата в Ирмени. Однажды видела: сидели люди, обсуждали, почему у нас село благополучное. Наверное, предположили, кто-нибудь нам помогает. А одна женщина вдруг возьми да покажи пальцем в небо: «Кто-кто? Да Юрий Федорович нам оттуда и помогает».

А ведь ему самому от жизни ой-е-ей как доставалось! Когда мама умерла, он страшно переживал! Даже почернел весь и вскоре очень сильно заболел. После похорон поехал куда-то с другом, и прямо в дороге у него подскочила температура. Сначала попал в больницу в чужом городе, а потом друг его чуть ли не на руках привез в Новосибирск. Я периодически навещала его в больнице, помню, диагноз долго поставить не могли. Только когда перевели в областную, случайно профессор какой-то определил: абсцесс брюшной полости.

Тогда мы поволновались за него! Кровь после операции при таком серьезном заболевании необходимо было менять полностью, и мы сдавали ее всей семьей. Плюс из Ирмени люди целыми автобусами приезжали. Однажды я на сдачу крови пришла, и лаборантка меня спрашивает: «А вы не боитесь?» Это сейчас медикам одно удовольствие работать — и одноразовый инструмент есть, и техники полно. А раньше как было? Два стола. Здесь пациент, там донор. Между ними метр и трубочка, по которой от одного к другому течет живая кровь.

Рядом стоит хирург и ручку крутит, чтобы «лекарство» двигалось только в одну сторону — от донора к пациенту, а не наоборот. Поэтому лаборантка меня и спросила, не боюсь ли, ведь одно неверное движение врача — и заражение крови будет общим.

Я ответила: «Да, возможно. Но это же мой брат!»

Она замолчала.

Тогда он выкарабкался. И мы были уверены, что так будет всегда. Когда в последний раз мне его дочь Света вся в слезах звонила, я говорила ей: даже не думай, он точно выцарапается, он же боец! Запереживала только, когда в реанимацию перевели.

Он не собирался умирать.

Когда ко мне заезжал в последний раз, сидели на кухне, чай пили, я очень просила его, чтобы работу свою бросил. «Возраст у нас такой, — говорила, — себя надо беречь. Останься дома, проводи свои планерки по Интернету. Путин всей страной через компьютер руководит и ничего». А он свое: «Мне надо людей видеть». Жил он для них.

Но что сейчас об этом? Ничего не изменишь. Я за свою медицинскую практику разных историй навидалась. Смерти два раза не бывать, а одной не миновать, через это суждено пройти каждому. Первому из нас к маме выпало уйти Юре, но рано или поздно там будем все.

В моей памяти он навсегда останется таким: захожу в дом, а Юра в своем спортивном костюме с чайной чашкой в руке спешит навстречу: «Здравствуй, сестра, проходи!» И дальше — без всякой паузы, точно так же, как делала мама, неизменный, фирменный бугаковский вопрос: «Обедать-то будешь?»

Отобедались.

Надеюсь, что сейчас им с мамой там хорошо вместе и мой брат и вправду хранит свою Ирмень с небес. Люди же зря не придумают.

МУЖЕСТВО БЫТЬ ПЕРВЫМ

Людмила Федоровна Волкова

МЛАДШАЯ СЕСТРА

Основным помощником у мамы, когда она овдовела, был, конечно, Юра. Едва ему исполнилось тринадцать, он пошел работать на картфабрику и начал приносить в дом первые небольшие деньги. Позже, когда переехали в Ордынск, окончил курсы водителей и стал зарабатывать лучше. Первой крупной покупкой, которую мой брат сделал для семьи, была корова, которую он сам кормил и доил.

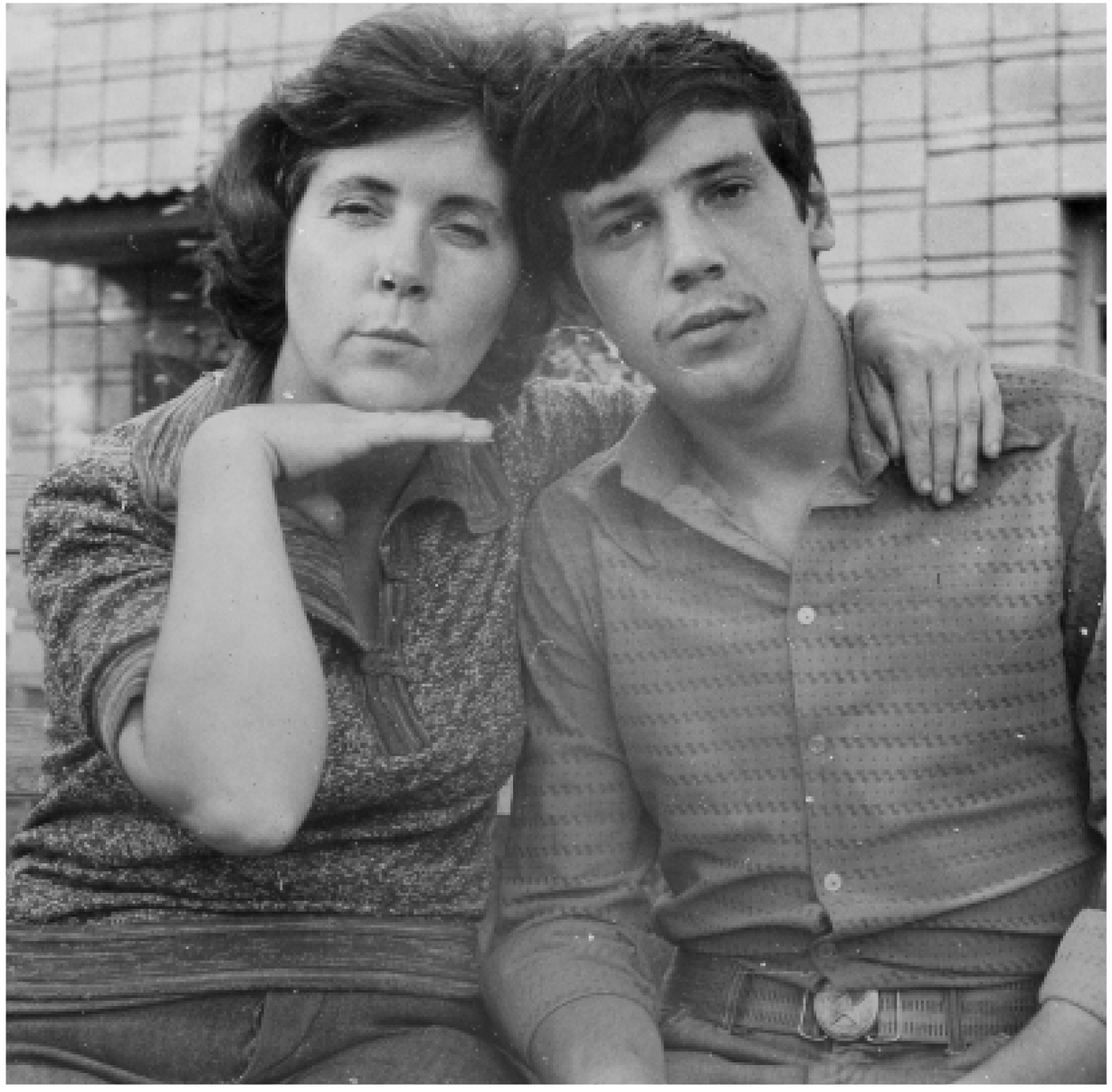
— Наш дед Макарий был из очень богатой семьи, имел в Рогалевском большой магазин и мельницу. Мама рассказывала, что на престольные праздники все в доме наряжались в батистовые рубашки, шерстяные платья, сафьяновые сапоги, пальто с песцами и шли на службу в церковь. А когда возвращались, снимали эту роскошь, укладывали в сундуки и, как простые поденщики, снова пахали в поле. С ранней весны и до поздней осени, с утра и дотемна.

Но это было задолго до нас. После того, как Бугаковых в Рогалевском раскулачили, по воспоминаниям мамы, на всю семью осталось лишь полмешка проса. Дедовы богатства изъяли, и больше ни нарядных кожаных сапог, ни тем более мехов в доме наших родителей не бывало. Мама всю жизнь была уже только «простой поденщицей» и, что такое ни кола ни двора, поняла еще на заре их совместной с папой жизни, когда перед войной родителей в первый раз обворовали.

С ними жил тогда папин брат дядя Витя. И отец, и дядя работали на мебельной фабрике, уходили из дома рано утром, а мама оставалась с моими братьями. В тот день она слегка прикрыла за собой двери и ушла за водой. А когда вернулась с полными ведрами, то прямо с порога поняла: что-то неладно. Потому что свиньи, которые у них жили в сенках, носились по загону и беспокойно визжали. Мама ведра бросила, бегом в дом, а там два амбала.

Утащили все. Оставили голый матрас. Ладно, хоть ее не тронули. Это была первая кража. Пережили ее родители сдержанно и потихоньку, ближе к войне восстановились. Но более позднее воровство для мамы не прошло незаметно, ударило прямо по сердцу. Потому что было предательством своих.

Когда умер папа, до сих пор без слез вспоминать не могу, бабушка Феоктиста, чтобы поддержать сирот,



отдала маме чудом сохранившуюся у нее от родителей золотую челюсть. Мама взяла это диковинное богатство, собиралась продать и нас одеть. Но не вышло, кто-то эти зубы упер.

Кто именно, стало понятно позже.

Как-то мама, чтобы сохранить продукты, сшила для круп и муки специальные мешочки, ссыпала в них весь наш неприкосновенный запас и спрятала на чердаке. Была уверена, что место надежное. Но однажды, когда заболела и не пошла на работу, услышала по потолку тяжелые шаги. Бросилась туда — и нос к носу столкнулась с мужем своей сестры. Он крал сиротскую еду.

Много позже, когда мы выросли, я, перебирая в памяти детские воспоминания, начала задаваться вопросом: как же можно было столько невзгод вынести? Огромную нужду и голод. Смерть двоих детей. Войну и ранение мужа, который вернулся с фронта насквозь больной, ноги в обмотках. Уход за ним до последнего вздоха, ежедневную тревогу. Потом его смерть, снова нужду и обиды от родных. И женское одиночество. Папа умер, когда ей было всего тридцать два. Для современных женщин это самый расцвет, но наша мама больше замуж не вышла.

Думаю, объяснением этому может быть только одно: родители очень любили друг друга. И все пятнадцать лет брака, которые выпали на их долю, оказывали взаимную поддержку, хранили тепло и верность.

И нас — очень любили.

После смерти отца до переезда в 1954 году в Ордынск мы еще три года мыкались в Новосибирске. Мать — неграмотная женщина, заработать много не получалось, и дальние родственники ей постоянно шептали на ушко: «Сдай хотя бы двоих в детдом, иначе умрете с голоду». Но она не только ни одного не сдала, но и с родичами этими не стала больше общаться. Ни выходных, ни праздников у нее не было, но мама вытянула всех четверых.

И основным помощником у нее был, конечно, Юра. Он пошел работать на картфабрику и начал приносить в дом первые небольшие деньги, едва ему исполнилось тринадцать. Позже, когда переехали в Ордынск, окончил курсы водителей и стал зарабатывать лучше. Первой крупной покупкой, которую мой брат сделал для семьи, была корова, которую он сам кормил и доил.

Непросто досталась я ему. Мне было всего пять, когда не стало отца. Тот возраст, в котором родительская забота нужна постоянно. Но мама все время на работе. Поэтому со мной как с писаной торбой носился Юра. Я росла маленькой, худой, больной, и он не знал, что придумать, чтобы заставить меня поесть. Помню, встанет к плите блины печь, меня посадит на шифоньер и предупредит: пока три блина не съешь, со шкафа не сниму. Только так и удавалось накормить.

Много лет спустя я отплатила ему заботой. Когда в Ордынске у них с Тоней родился первенец, Юра был занят на работе, Тоня тоже, а я ходила в школу. Тогда Юра сказал: «Кто согласится посидеть с Олегом до года, тому куплю часы». Я и вызвалась. Я бы и без часов ему помогла, ведь он у меня был и папа, и мама, и все сразу. Так что про свои девичьи радости я на время забыла и больше десяти месяцев сидела после школы с племянником: кормила, поила, купала… Олег бегал за мною как хвостик и только в школе узнал, что я не «няня», а Люда. Он любил меня. Помню, еще маленьким, когда кто-нибудь меня обидит, подойдет, погладит по голове: «Не плачь, казак, атаманом будешь».

А сегодня зовет меня тетушкой и помогает, как это всегда делал Юра. Я даже не прошу, но знаю, что к каждому празднику у меня будет вкусный подарок. Вот такую память в лице племянника оставил мне брат.

Юра с молодости работал как сумасшедший, дома мы его почти не видели, приходил только спать. Все своим хребтом.

Помню, когда он уже в Ирмени жил, мы к нему однажды из Ордынска на мотоцикле приехали, дело срочное было. Погода стояла солнечная-солнечная, купаться бы да отдыхать. Тоню застали дома одну. А где Юра? На обработке свеклы вместе с дочкой.

Поехали на поле искать, а там рядки без начала и конца. С одной стороны их обогнули — никого, с другой — опять ни одного человека. Поле настолько большое, что людей не видно, и Юра там вместе со всеми — с раннего утра до поздней ночи. Короче, так и не нашли, уехали не солоно хлебавши.

То он на уборке, то на посевной, то за рулем комбайна, то на Совете депутатов. А когда спросишь, как жеты, Юра, не устаешь, ответ один: своя ноша не тянет. Но если он по какой-то причине задерживался дома, то гостям был так рад, что стол ломился. Мы всегда приезжали к нему с большим удовольствием, везде он разрешал ходить, все разглядывать. А посмотреть было на что. Кроме голубей, которых он любил без памяти, Юра разводил дивных мохноногих куриц, в теплице выращивал разные овощи.

Сама я вышла замуж и уехала от мамы рано, в девятнадцать лет. Муж мне очень хороший попался, Василий Иванович Волков. По характеру трудоголик, он работал водителем в коммунальном хозяйстве в Ордынске, а когда в 90-х не стало основной работы, не чурался помахать и дворницкой метлой. Все деревья, что у нас в поселке посажены на центральных улицах, все ели и пихты у администрации привезены им. А еще у него была поливомойка: когда летом на улицах становилось сухо и пыльно, он их поливал. Вставал всегда очень рано, ведь надо было еще и собственное большое хозяйство с пасекой содержать.

Внуков двое. Внучка у нас окончила экономический факультет сельхозинститута, сейчас работает в Ордынске. А дочь живет и работает в д. Устюжанино Ордынского района. Я всю жизнь проработала в коммунальном хозяйстве заведующей складом. За тридцать лет ни разу не допустила недостачи, и Юра по этому поводу всегда говорил: «Умная, Люда, у тебя голова! Как у мамы». Он со мной строгим не был никогда, мы до седых волос оба дожили, а я выбегала ему навстречу как девчонка. Могла даже на шею кинуться: подойду, обниму, он прижмется, и на душе светлеет.

И злым за все семьдесят пять лет моей жизни я его видела лишь раз. В советское время это было. Мы к нему приехали, только пообедали, вдруг звонок. Райком. Строгое предписание: сдать весь фураж, потому что область не выполняет план. Он аж присел. Трубку положил и завернул мать-перемать: «Умники городские, а чем же я скотину-то кормить буду!?» Как Юра тогда из этой ситуации вывернулся, не знаю, но именно после таких звонков он и стал добиваться полной самостоятельности. И добился. Так уж сложилось в его жизни: всего приходилось достигать самому. С раннего детства ему выпало был первым, поэтому и хватанул по самые гланды. Родился из нас четверых первым. Помощником у мамы стал первым. Зарабатывать стал первым. А потом пошел-пошел — и стал первым в сельском хозяйстве не только Новосибирской области, но и всей России.

Он не любил ходить по протоптанным чужим дорогам. Выбирал потруднее, но свою.

РАБОТАЙ И ВСЕГО ДОБЬЕШЬСЯ!

Самая темная ночь бывает обычно перед рассветом...

Хоть и лютовали морозные послевоенные зимы так, будто продолжали вести бой с фашистом, но уже не пугали — были мирными. Все бытовые неудобства — голод, холод, нищета — меркли перед главным: не уходили больше из семей отцы и сыновья, не жили в постоянной тревоге за них матери, не приносили домой похоронки почтальоны. Вот это было страшно, а все остальное... Можно пережить.

Потихоньку мирная жизнь взяла свое и в семье безвременно ушедшего фронтовика Сергея Тупицы — его дети дождались своего первого сытого дня. Это был сентябрь 1956-го. Послевоенная страна, распахавшая целину, получила в том году небывалый урожай, поэтому муки повсюду было вдоволь. И в домике в Ордынске тоже пахло хлебом — и из печи, и от ветра с полей, который влетал в открытые навстречу бабьему лету окна. К сытости начали постепенно привыкать.

А уже следующей осенью Мария Макаровна, пока за заслонкой доходил до румяной корочки каравай, по нескольку раз перечитывала на своей кухне каждое армейское письмо от старшего сына.

«Мама, — писал Юра из Заполярья, — у меня все в порядке...» И письма эти, и особенно слово «порядок» очень грели душу матери. Ведь детей своих она, хоть и любила без памяти, растила в строгости — у жены фронтовика был командирский характер. По воспоминаниям соседей, дочерей своих Мария Макаровна всегда гоняла на кухне, приучая поддерживать идеальную чистоту: «Почему посуда грязная?! А ну, быстро все вымыть и разложить по местам!»

Сыновьям тоже доставалось. С раннего детства мать не разрешала им ложиться в постель, пока не умоются. К маленьким могла подойти, когда те уже заснули, поднять одеяло и, если обнаруживала грязные ноги, так наподдать, что оба «летели» до умывальника. У Бугаковых вообще было принято: если мама что-то сказала — это не обсуждалось, это надо было выполнять.

Но к старшему сыну после смерти мужа она стала относиться гораздо мягче: очень жалела Юру за то, что ему не досталось детства. В выходной день будила: «Сынок, встань, поешь и снова спи». И до глубокой старости Юрий Федорович, если сильно уставал, пользовался этим проверенным материнским «лекарством». Встанет, чаю попьет — и снова спать. Силы обязательно возвращались.

А еще Мария Макаровна часто говорила ему: «Юра, работай и всего добьешься». Это материнское наставление он исполнял всю жизнь.

Хотя наставлять этого парня особо и не надо было. Если Бугаков чем-то заинтересовался, в нем просыпалось столько энергии, что хватило бы на семерых, любознательность у него с детства зашкаливала. В школе, например, чтобы записаться в библиотеку, по правилам послевоенного времени нужно было сначала сдать хотя бы одну книгу. Вот только для бедной семьи это условие оказалось невыполнимым: книг у Бугаковых не было. Изобретательный мальчишка, мечтающий перечитать все, что стояло на библиотечных полках, насобирал газетных вырезок, сшил их и с помощью этого «самиздата» попробовал прорваться в книжное хранилище. Сшивной книжке в пропуске отказали. И тогда, в отсутствие другой литературы, Юра взялся читать то, что было под рукой, — свой школьный задачник. Зачитал так, что выучил на год вперед.

Замечено: лишения в детстве редко развивают в людях взрослую душевную щедрость. Скорее наоборот — тот, кто в раннем возрасте хлебнул бедности и нужды, встав на ноги, всеми силами закрывает свои детские травмы чем может: огромными особняками, крутыми автомобилями, а самые «обделенные» — еще и золотыми унитазами.

Детские испытания сделали с ним прямо противоположное.

Из голодного паренька, перед которым стояла задача не только самому выжить, но и вытянуть из нужды семью, вырос щедрый и заботливый человек. Когда в сороковых ему приходилось делить последнюю корку хлеба с сестрами и братом, он не тихарил, не прятал ее под подушкой. Он взял за неизменное правило: выживаем вместе. И, вероятно, тогда же дал себе слово: голодать рядом с ним больше не будет никто и никогда.

Он держал это слово в отношении своей семьи и своей страны до последнего вздоха.

Работать много, в полную силу, нередко на пределе возможностей, это у Булгакова от матери Марии Макаровны. А вот стремление ко всему лучшему, совершенному, красивому — это, пожалуй, от деда по отцу Сергея Парфеновича. Тот в свое время на все Приморье известен был своими лошадьми.

Бабушка Александра и дед Макарий (по материнской линии), правнук Олег

Дед Сергей и бабушка Феоктиста (по отцовской линии)

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДЕРЗКАЯ

Любой генерал, прежде чем получить свои лампасы, должен сначала досыта похлебать солдатской каши и помотаться лейтенантом по гарнизонам. Путь к статусным вершинам, как правило, торится работой до пота. И совершенно точно: к немалой доле везения, сопровождающего всех на этом пути, требуется добавить мегаватты собственной энергии, правило видеть стакан наполовину полным и… огромную дерзость. Быть. Заявить о себе. Стать. И не отдавать первенства никому.

У Бугакова — человека послевоенной закалки — всего этого было в избытке даже в седом возрасте, не говоря про юношеские годы.

Снова за парту Юрий Бугаков сел в двадцать лет. Когда вернулся из армии. Это сейчас однокашники высмеяли бы: недоросль! А в 50-е годы вернуться в школу взрослым было не зазорно. Все пацаны того времени, отстоявшие четыре года вместо отцов за станками, отложили свои аттестаты на после войны.

ПУБЛИЦИСТ, ПАРТОРГ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Однако Бугаков выделялся даже среди таких же недоучившихся школяров. Он жаждал состояться. Поставил себе твердую цель: сразу после вечерней школы поступить в сельскохозяйственный институт, чтобы получить высшее образование. Брал горстями то, что недодала война. Спешил. Настолько, что однажды чуть не завалил выпускной экзамен…

В начале июня 1962 года десятый класс Ордынской вечерней школы писал сочинение. Тему преподаватели предложили соответствующую духу времени: «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым!». Обязательным критерием хорошей оценки было использование цитат известных писателей и героев их книг. А бывший дембель Бугаков, который с раннего утра и до позднего вечера крутил баранку, хотел как можно скорее закончить работу. Поэтому решил обойтись без ссылок на авторитеты и главным в сочинении сделал собственные выводы. Сдал сочинение и вышел из класса. Молодец!

Но вдруг вслед за ним из класса выбегает учитель: «Бугаков, двойка! Ни одной цитаты в тексте, ни одного литературного героя!» «Он меня убил насмерть, — вспоминал потом Юрий Федорович. — Для меня «неуд» был страшнее всего, ведь он закрывал мне дорогу в институт».

Впереди замаячила реальная перспектива остаться на второй год.

Но Бугаков не был бы Бугаковым, если бы расписался в собственном бессилии. Недолго думая, он снова вернулся в класс и сел за парту. Он не может, не имеет права провалить экзамен! Собрался и дописал постскриптум пару абзацев про Павку Корчагина — главного героя романа «Как закалялась сталь», которого в те годы знала вся страна. «Кто не горит — тот коптит, и это закон», — был убежден Корчагин, и благодаря своему невероятному мужеству, назло параличу и слепоте, стал известным писателем. «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Юрий написал о том, что восхищен Павкой и его отношением к жизни, но, ни на что не надеясь, уныло покинул класс.

Когда он спустя пару дней, «расстроенный донельзя», пришел за оценкой, тот же учитель, к его изумлению, с гордостью объявил на весь класс: «Бугаков — пять!» Более того, вместе с нужным для аттестата высшим баллом будущий председатель колхоза «Большевик» получил и порцию первой популярности. Его сочинение прочитали по местному радио, а сам «писатель» вскоре был приглашен на работу в редакцию районной газеты «Ленинский призыв» специальным корреспондентом.

Вдохновленный, с ручкой и блокнотом он отправился колесить по колхозам и совхозам: писал о пахоте и уборке, влезал в спорные ситуации, критиковал… Изучил всю Ордынку, перезнакомился со всеми руководителями, в том числе и с тогдашним председателем колхоза «Большевик» Иваном Яковлевичем Овчаренко. И добился исполнения своего заветного желания: поступил на заочное отделение Новосибирского сельскохозяйственного института.

Острого на язык, лохматого и худого журналиста заметили не только читатели. Публицистику Бугакова оценили и в райкоме партии, куда он вскоре был приглашен на работу инструктором отдела пропаганды и где пару лет спустя произошло событие, определившее его будущую судьбу. Молодого человека пригласил первый секретарь райкома и предложил занять пост… секретаря партийной организации колхоза «Большевик». По тем временам для парня, которому не исполнилось и тридцати, это было чрезвычайно лестное предложение.

— С удовольствием! — мгновенно отреагировал кандидат. Хотя на ту пору Верх-Ирмень ему вообще не нравилась.

— Что значит «с удовольствием»? — изумился секретарь райкома. — Ты хоть дома-то посоветуйся. В Ордынске у тебя уже все обустроено: есть работа, зарплата, трехкомнатная квартира… А в этом колхозе еще ничего непонятно.

— Ни с кем советоваться не буду, — отрезал Юрий. — Еду! — Так велика в нем была тяга не к кабинетной, а реальной работе на земле.

Судьба помогает решительным. Счастье принадлежит бесстрашным. И вообще в русском языке слово «смелость» происходит от корня «сметь». Бугаков нахально смел — браться за неведомое, быть первым, отстаивать собственную точку зрения. Чем и удивил умницу, интеллигента, военного переводчика с китайского языка, председателя колхоза «Большевик» Ивана Овчаренко.

Дело в том, что до Юрия Бугакова на предприятии сменилось восемь парторгов. Все не могли сработаться с председателем. Из-за этого секретарь райкома в сердцах однажды даже сказал Овчаренко: «Ну, дам я тебе такого парторга, век помнить будешь»!

Век — не век, а три года, пока Ивана Яковлевича не забрали на повышение, Бугаков у него отработал. И не просто пришелся строгому начальнику ко двору, а сумел завоевать настоящее доверие. Такое, что Овчаренко уходить в начальники управления сельского хозяйства Новосибирской области не хотел,

Служба в армии

Дом Булгаковых

Судьба помогает решительным. Счастье принадлежит бесстрашным. И вообще в русском языке слово «смелость» происходит от корня «сметь». Булгаков нахально смел — браться за неведомое, быть первым, отстаивать собственную точку зрения.

пока не получил обещание, что управлять «Большевиком» после него останется Бугаков.

Чем же покорил молодой ершистый парень сердце бывшего фронтовика?

Все той же горячностью при достижении цели, граничащей с дерзостью. Той жаждой жизни и стремлением к высоким результатам, которые испытывал герой его выпускного сочинения.

В те годы освобожденные партийные секретари были только в совхозах, в колхозах им приходилось совмещать партийную работу с хозяйственной деятельностью. Поэтому Иван Овчаренко с первых дней назначил Бугакова своим замом, поручив ему транспорт, культуру и взаимодействие с людьми. Как бы сейчас сказали, корпоративную и социальную политику.

Конкурировать «Большевику» в 70-е приходилось с такими крупными и крепкими совхозами Ордынского района, как «Пролетарский», «Ордынский», «Луковский», «Красноярский», которые тоже стремились к первенству. В условиях постоянного социалистического соревнования молодой зам смог проявить себя не только как прекрасный руководитель, но и как настоящий лидер, умеющий нестандартно решать сложные задачи. Осенью 1971 года «Большевик» «сделал» всех.

В тот год над Сибирью разверзлись небесные хляби. Начиная с августа дождь хлестал каждый божий день. В поля не зайти было даже в сапогах, не говоря уж о колесной технике. Две тысячи гектаров налитой пшеницы на угодьях «Большевика» осыпались под ветром и дождем, комбайны вязли и буксовали. В глубине души хлеборобы надеялись на октябрь, но ранний снег окончательно поставил на урожае крест.

Овчаренко, у которого на ноябрь были куплены путевки в санаторий, махнул рукой: видно, так тому и быть, делать нечего. Оставил за себя Бугакова и улетел.

В праздничный день 7 ноября Юрий Федорович по сложившейся в хозяйстве многолетней традиции поехал по подразделениям поздравлять колхозников. Прибыл и в четвертую бригаду к Николаю Свистунову. После добрых слов и рукопожатий решили с бригадиром выехать в поле. На снежной равнине увидели, что валки пшеницы лежат голые, сухие, а зерно аж дрожит на морозе, готовое пасть в руки.

Бугакову пришла в голову шальная мысль:

— Николай Ефимович, а давай уберем!

Тот в ответ:

— Ты в своем уме?

— А что? Давай попробуем, чем черт не шутит.

Рискнули. 8 ноября комбайны вышли в поле.

Люди сидели в открытых кабинах в шубах, ушанках, рукавицах и валенках, но машины вели. И еще как вели! Пока Овчаренко отдыхал, коллектив «Большевика» под руководством Бугакова убрал тысячу гектаров пшеницы — великолепного качества, с урожайностью выше двадцати центнеров. А на полевом стане в вагончике мужиков всегда ждали организованный Бугаковым горячий обед и даже фронтовые сто грамм, которые помогали согреться в лютый холод.

Только успели ссыпать зерно под крышу — выпал основательный снег.

Председатель, когда вернулся, был поражен. И после этого не сомневался в выборе преемника. По его рекомендации, вопреки мнению райкома, в котором Бугаков считался человеком без опыта, 25 мая 1972 года колхозники единогласно избрали Юрия Федоровича своим новым руководителем.

Молодой агроном принял хозяйство с невероятным энтузиазмом. Работал как заведенный. Сразу все плановые показатели колхоза пошли в гору. По итогам 1972 года «Большевик» вошел в число победителей Всесоюзного конкурса племенного животноводства, а его председатель получил первую профессиональную награду — диплом II степени. Но одновременно молодой руководитель начал обретать и репутацию человека излишне самостоятельного, порой чрезмерно дерзкого. Тяжело ему пришлось не только с коллективом, который он начал переделывать «под себя», но и с начальством, которое Бугаков в первые десять лет руководства «Большевиком» постоянно раздражал излишней инициативой.

Главным поводом для жесткой критики стало его решение отказаться от сибирского черно-пестрого скота в его «чистом» виде и для улучшения породы взять голштинов. Племенную работу «Большевика» в начале 1980-х некоторые коллеги-председатели называли не просто ошибочной — вредной.

Выведением нового типа породы коров колхоз серьезно занялся с подачи ученого-зоотехника Ирины Михайловны Лабузовой. На отдельную ферму тогда привезли четыреста буренок из Германии, Польши и Голландии. Их поставили и стали наблюдать, какие дадут самый высокий удой. Селекционный отбор подкрепили основательной научной базой. И хотя статуса племзавода колхоз на тот момент не имел, руководство смело решило рубить «окно в племенную Европу», и постепенно, поколение за поколением, стало менять черно-пестрое стадо на новое — голштинское.

Такую дерзость ирменскому председателю простить смогли не все. Пока колхозная команда пыталась добиться увеличения продуктивности стада, партийные и исполкомовские начальники распекали Бугакова в своих кабинетах:

— Если на тебя нет управы в Новосибирской области, — предупреждали они, — будем жаловаться в Москву! Не позволим уничтожить местную породу!

— Но наши ни молока, ни мяса не дают, — парировал Бугаков.

Неважно. Все равно «низзя».

Директор одного из крупных хозяйств области, выступая на пленуме обкома партии, разнес Бугакова в прах. Но упертый председатель продолжал стоять на своем.

«А что они могли со мной сделать? — вспоминал он потом с усмешкой. — Уголовных преступлений я не совершал, ничего не крал, денег колхозных не разбазаривал. Чтобы снять меня с должности, решения обкома было недостаточно, требовалось получить большинство голосов колхозников». То есть той тысячи человек, которая мощной силой стояла за спиной председателя и которую одними лозунгами не взять.

Через три года доить в «Большевике» стали не по три, а по пять тысяч килограммов на буренку. А вся Новосибирская область поехала в Ирмень за опытом повышения продуктивности коров с использованием семени голштинских быков.

Мог бы жить Королев, не конструируя ракеты? Достоевский, не создавая своих романов? Наверное, нет. Писатель не может не писать, художник не может не рисовать — для призванных дело важнее денег и даже признания. Люди особой породы — нашедшие себя — редки, но они периодически появляются во всех сферах нашей жизни. И почему-то именно им судьбой чаще всего уготовано сделать прорывные открытия, которое рано или поздно становятся классикой.

«Среди руководителей я — «нестандарт», — открыто говорил Бугаков. У него хватало на это нахальства и дерзости.

ШАГ В НЕВЕДОМОЕ

Неля Артуровна Шефер

старший зоотехник-селекционер, заслуженный зоотехник Российской Федерации, работала в хозяйстве с 1974 по 2010 год

Удивительную дальновидность Юрий Федорович проявил в далеком 1980 году, когда вместе с Ириной Михайловной Лабузовой рискнул замахнуться на создание нового типа породы скота. В определенном смысле это была авантюра. Но благодаря решимости нашего председателя и знаниям ученого-зоотехника она обернулась редкой удачей: на свет появился ирменский тип черно-пестрой породы коров.

— Случай, когда специалисты обычного села в сибирской глубинке смогли вывести новый тип скота, для России уникален. Как выяснилось, такого в нашей стране больше никто и никогда не делал! Когда я в 2000 году приехала в Москву в министерство сельского хозяйства защищать ирменский тип породы, глаза у комиссии на лоб полезли.

— Вы где работаете? — спросили у меня.

— На племзаводе.

— Вы ушли из науки?

— Нет. Я никогда не была в науке.

— Как же вы у себя в селе новый тип породы вывели?

— Нам Бугаков сказал: «Надо»!

Можно представить, как были поражены бугаковским «надо!» столичные селекционеры. Возможно, даже больше, чем появлением нового типа породы.

Удивительную дальновидность Юрий Федорович проявил еще в 1980 году, когда вместе с Ириной Михайловной Лабузовой рискнул замахнуться на научную селекционную работу. В определенном смысле это была авантюра. Но благодаря решимости нашего председателя и знаниям ученого-зоотехника она обернулась редкой удачей: на свет появился ирменский тип черно-пестрой породы коров. Первого теленка, помню, ждали всем хозяйством, как первого ребенка.

И эти народившиеся «ребята» дали нам абсолютно иное стадо, с совершенно другой продуктивностью и качествами. Опытные животноводы, покупавшие ирменский молодняк, быстро убеждались в том, что эти телочки — будущее всего животноводства Сибири.

А когда мы с Ириной Михайловной только начинали, все было не так очевидно. Я бы даже сказала: совсем не очевидно.

5269
5269

Сначала поехали в Бердский совхоз, с которым она очень активно сотрудничала, и я впервые увидела стадо чистопородных голштинов, правда, не своих, а исключительно завозных. Тогда я спросила у Ирины Михайловны:

— Неужели и у нас когда-нибудь такие будут?

Она ответила:

— Будут! И еще лучше!

Вот только ради этого «лучше» пришлось пахать двадцать лет. Нас ждала очень долгая и сложная работа.

Мы заказывали за рубежом семя, тщательно отбирали коров, прослеживали, какие изменения появились в первом, втором, третьем, четвертом поколениях… В этом процессе участвовали не только селекционеры, но и ветеринарные врачи, зоотехники, специалисты по машинному доению.

Выросла ли продуктивность? Изменился ли экстерьер? Весь ход нашей работы Юрий Федорович держал под неусыпным контролем.

У нас в колхозе ничего не происходило без его контроля. Он мог на ферму за день трижды приехать. Утром идешь на работу — он навстречу, обязательно задаст вопросы. Днем делаем обмеры — Бугакову отчет. А потом и под вечер заглянет. Он умел оказываться в нужное время в нужном месте, чутье у него было удивительное, оно и подсказывало, куда именно сегодня надо наведаться.

Выведение нового типа породы шло очень сложно, дело было совершенно новое, плюс атмосфера вокруг напряженная, многие выступали против того, чтобы черно-пеструю породу скрещивать с голштинами. Бугакову приходилось доказывать свою правоту на самом высоком уровне — в области, в стране, они с Лабузовой буквально бились за право на свой эксперимент. Но как бы ни было тяжело, графики развития дойного стада показывали только плюс: тип скота становился более молочным, экстерьер менялся в лучшую сторону, шла прибавка продуктивности.

Юрий Федорович был новатором, он не только контролировал, он постоянно что-то внедрял: сексированное семя быков, трансплантацию эмбрионов… Экспериментировал с условиями содержания, кормлением, доением. Эксперименты часто давали отрицательный результат, но был и долгожданный положительный, и в итоге с показателей продуктивности начала 80-х в три с половиной тысячи литров на корову в год, в 90-е мы сумели войти с надоем свыше пяти тысяч. Новый тип породы был адаптирован к сибирскому климату, более устойчив к болезням и инфекциям.

Потом все резко изменилось, для животноводов наступили сложные времена — в стране как будто решили поставить крест на сельском хозяйстве. Даже за обычными инструментами приходилось ездить в Москву! Но Юрий Федорович провел нас и через эти годы. Во многом потому, конечно, что мы ему верили. За десятилетия работы он настолько вселил во всех веру в свою правоту, что его решения, даже неожиданные, не вызывали у людей ни бурных споров, ни сопротивления.

Когда наш ирменский тип породы коров запатентовали, это был настоящий праздник! А в 2002 году я была удостоена почетного звания «Заслуженный зоотехник России».

Сегодня, спустя сорок лет после начала редкого сибирского эксперимента, удивившего даже опытных селекционеров, в «Ирмени» надаивают по 12 тысяч килограммов в год на корову, что является предметом зависти многих хозяйств, поскольку такая продуктивность уникальна. Когда Татьяна Сергеевна Андреева, один из известных в стране специалистов по селекции крупного рогатого скота, приезжала к нам в «Ирмень», она признала, что наш скот лучший в России. Как порода и как стадо.

А в августе 2017-го у нас побывал Брайан Карскалден, судья мирового уровня из Канады, который оценивает крупный рогатый скот на международных выставках. Заключение по нашему типу он вынес положительное: очень высоко оценил ирменских коров, сказав, что они вполне могут конкурировать с американскими!

Когда-то мой отец работал начальником животноводческого комплекса. Он из Краснодарского края — переселенец, которого отправили в трудовую армию на Урал. Там он познакомился с мамой, и в 1949-м году они переехали в Верх-Ирмень. Отца давно нет на земле, но если бы он вдруг вернулся — вот бы удивился! В его время доярки ездили на дойку на открытой машине, в сапогах и фуфайках. А сейчас на нашем животноводческом комплексе повсюду чистота и цветы, женщины ходят хорошо одетые, в дорогой обуви; от каждой коровы получают теперь больше трех ведер молока в день. А его дочь имеет отношение к уникальному, единственному в России новому типу породы коров — ирменскому!

Думаю, папа бы мной гордился.

ПРИЗНАКИ ОСОБОЙ ПОРОДЫ

Ирина Михайловна Лабузова

КАНДИДАТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК, СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК СИБИРСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И ПРОЕКТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ЖИВОТНОВОДСТВА, АВТОР ИРМЕНСКОГО ТИПА ЧЕРНО-ПЕСТРОЙ ПОРОДЫ СКОТА

Бугаков был суров, но поскольку я тоже зацикленный на своем деле человек, а он таких уважал, мы вполне ладили. А вот ему доставалось нешуточно. Вокруг скрещивания ирменских коров с голштинами развернулась настоящая политическая борьба. Многие люди из Новосибирского областного управления сельского хозяйства выступали против.

— Не помню, сколько мне было лет, когда мы с мамой зашли в магазин и на длинной пыльной полке среди игрушек я увидела корову на зеленой дощечке. Мы жили небогато, как и все в послевоенные годы, и я никогда ничего у мамы не клянчила, но тут крепко вцепилась ей в руку: купи! Коровка показалась мне настоящим чудом. Я тогда и не подозревала, что выбрала профессию на всю жизнь.

А еще с детства вокруг меня было много талантливых людей. Напротив нас жил ссыльный хирург Сергей Сергеевич Юдин. Я иду за водой на Обь, а дядя Сережа обязательно напомнит: «Ирочка, набирай где почище!» Потому что выше по течению стоял санаторий, и Юдин опасался, что в воду для питья попадут стоки. Математику нам преподавал легендарный Капитон Михайлович Багашов, дядя академика Соболева. Он когда-то был товарищем — так раньше заместителей называли — министра просвещения. В институте я училась у лучших профессоров страны: мне после школы подсказали: хочешь получить правильное образование, ни в Омск, ни в Новосибирск не поступай, отправляйся в Оренбург, там работают противники Лысенко. Поэтому свою специальность «ученый-зоотехник» я получила на Урале.

Но больше всех учителей мне повезло с Бугаковым. Нас объединило дело: мы придумали идеальную модель молочной коровы и шаг за шагом к ней шли.

В «Большевик» я попала из Бердского совхоза еще до Юрия Федоровича, меня пригласил Иван Яковлевич Овчаренко. Бердский был тогда на виду: стадо коров считалось одним из лучших в области, и в 67-м хозяйство было награждено орденом Ленина.

По сравнению с ним Верх-Ирмень сильно отставала. Столько глупостей, столько беспорядка было!

Мужики, например, которым зарплату за привес платили, быстро придумали, как себя не обидеть: накормят телят перед взвешиванием — и пожалуйста, «результат».

Однажды иду по ферме и вдруг вижу, как бригадир бичом лупит корову, которая провалилась задними ногами в открытый люк. Бедняжка мычит, дрыгается, опоры найти не может. А здоровый мужик вместо того, чтобы помочь, хлещет ее по спине со всей дури! Я сорвалась и бегом к нему: «Ты что делаешь?! Тащи вожжи! И коня веди!» Подцепили несчастную корову вожжами и вытащили. А это ведь бригадир! Руководитель!

Еще помню время, когда по комплексу свободно сворами бегали собаки. Хозяйки на дойку — собаки за ними. Вроде бы мелочь, но она напрягала и заставляла сравнивать «Большевик» с другими хозяйствами не в его пользу.

Когда пришел Юрий Федорович, он жестко взялся за порядок. Распорядился огородить ферму и не пускать собак, наладил учет привесов, поощрял доброе отношение к животным… Вот только надои мы никак поднять не могли.

Для черно-пестрой породы, которая в основном и составляла тогда колхозное поголовье, три с небольшим тысячи килограммов молока в год было потолком, стадо работало на физиологическом пределе. Что хочешь делай — больше не даст.

Но Бугаков стремился к рекордам! Он хотел, чтобы «Большевик» не просто в хвосте не плелся, но и вышел в безусловные ордынские, а еще лучше — новосибирские лидеры. Тогда он меня поиском решения и озадачил: «Ирина Михайловна, нужно не три, не четыре и даже не пять тысяч килограммов молока от коровы в год. Нужны европейские удои — десять тысяч и выше!»

После этой просьбы у меня появилась дерзкая идея — вывести собственную ирменскую породу скота. И закрутилась работа.

Куда только Юрий Федорович не посылал нас за опытом — и в Ленинград, и в Киев, и в Ташкент. Я уж не говорю про Томск, Омск и Кемерово. Полгода я в Монголии в командировке провела, изучала, как поставлено там пастбищное молочное и мясное скотоводство. Мы постоянно консультировались со специалистами из разных институтов, зарубежными коллегами, каждый год смотрели стада, делали большие итоговые отчеты по работе с черно-пестрым скотом, делились мнениями.

Было невероятно интересно. Работали не за деньги, премии или звания, а за любовь к своей специальности, за возможность совершить прорыв в животноводстве. Мы попробовали прыгнуть выше себя, стали творцами новой, особо продуктивной породы, которой до этого в Сибири не было. Сложилось все: высокая удойность, хорошая устойчивость к болезням и наше желание сотворить чудо.

Но мы работали в дружелюбном и благоприятном микроклимате. Да, Бугаков был суров, однако у меня конфликтов с ним ни разу не было. Потому что я тоже зацикленный на своем деле человек, а он таких уважал. Но вот ему доставалось нешуточно. Вокруг скрещивания ирменских коров с голштинами развернулась настоящая политическая борьба.

Многие люди из управления сельского хозяйства были против, считая нашу работу чуть ли не уничтожением сибирского скота. Из-за сопротивления областного начальства все наши задумки могли пойти прахом, и я решила помочь председателю — напросилась на прием к первому секретарю обкома партии Федору Степановичу Горячеву. Он меня внимательно выслушал и говорит: «Пусть мне Бугаков официальное письмо напишет». Так Юрий Федорович и сделал: изложил все свои аргументы письменно и отправил в обком. После этого Горячев вызвал из областного управления всех противников Бугакова и сказал: «В “Большевик” не лезьте!»

Мы с Нелей Артуровной Шефер продолжили.

Составили план племенной работы и в первые годы получали семя быков голштино-фризской породы напрямую из Соединенных Штатов. Брали самых высокопродуктивных животных, с устойчивостью к заболеваниям, дающих молоко с высоким процентом жирности. Коровы у нас были начищены, намыты и разбиты по группам: сибирские, скрещенные с голштинами — третье поколение, четвертое… Разница бросалась в глаза даже непосвященному.

И вскоре к нам зачастили высокие гости. Из Новосибирска приезжали, из соседних областей, из других республик, из Москвы. Однажды председатель Совета Министров РСФСР Воротников приехал, а с ним секретари обкомов и райкомов, председатели исполкомов, начальники управлений сельского хозяйства всего Зауралья — целая толпа людей, которые, как и мы, искали способы поднять сельское хозяйство. Для них, помню, специально были куплены сапоги и носки шерстяные, чтобы ходить по ферме.

Мы упорно вели многолетнюю, постепенную, дотошную работу. И в итоге получили абсолютно чистопородный тип черно-пестрого скота с высочайшей продуктивностью более 12 тысяч килограммов в год на каждую из четырех тысяч голов дойного стада. Пусть кто-нибудь еще попробует получить такой результат!

Юрий Федорович сумел отстоять наше начинание. Он никогда не был приспособленцем, это к нему приспосабливались. Он мог промолчать о чем-то несущественном для хозяйства, но, где надо, мог так врезать, что мало не покажется! Да, был строг с подчиненными, порою безжалостен, но для того, чтобы те, кого он ругал, хорошо жили и зарабатывали.

Кроме того, он был внимателен к мелочам.

Доярки, например, у нас на утреннюю дойку частенько опаздывали. Должны были приходить в шесть утра, а появлялись минут на 15–20 позже. Стали разбираться, почему, и выяснили, что у всех дома свои коровы, из-за них и задержка. Как решить проблему?

Приезжаю я как-то с Украины и рассказываю ему, какой опыт там приглядела: коров доярки дома не держат, им разрешено брать молоко от той группы, которую они доят на работе. Идея его заинтересовала, и он решил ее внедрить. Купили у наших работниц коров, привели на ферму. Подоила доярка свою группу с личной буренкой, допустим, в среднем по десять литров с головы, значит, имеет право столько же взять домой. Мало того, он и мне, городской, разрешил иметь на ферме свою корову. Я держала ее год или больше, и мы дважды в неделю ездили из города в Верх-Ирмень за молоком.

Благодаря помощи, заботе и невероятной поддержке Бугакова мы своего добились — в Сибири появился новый ирменский тип черно-пестрой породы. А когда я ушла, Юрий Федорович сотворил еще одно чудо — сохранил его и приумножил.

Я боготворила этого человека! Перед каждым Новым годом — до его кончины — стихи ему поздравительные писала: «Чтоб от коровы каждой, мечтать ведь не грешно, удои составляли пятизначное число». А в последнем поздравлении написала: «Двадцатый год был очень трудным годом, но как смогли, его мы пережили». Только строк этих он уже не прочитал…

Он был человеком особой породы. Невероятно устойчивой и мощной, крайне редкой для руководителей. Таких, как он, в России — единицы. И никакому селекционеру не под силу добиться появления в нашем сельском хозяйстве второго Бугакова. Это уникум.

18450
1845

5263
5268

FINLAND
TOYO
Ш
7
О 288

НЕДОСТИЖИМАЯ ВЫСОТА

Татьяна Александровна Белова

начальник отдела экономики и учета ЗАО «Племзавод «ИРМЕНЬ», заслуженный экономист Российской Федерации, почетный гражданин Ордынского района

С Юрием Федоровичем мы часто жили как на пороховой бочке, но — никогда скучно. Он первым в области ввел безнарядные звенья, первым — арендные коллективы, первым — коллективы интенсивного труда. О КИТе наших братьев Кожуховых даже Михаил Горбачев говорил на партийном съезде. Бугаков дал им прав выше крыши: вот тебе поле, вот тебе техника, а вот чековая книжка. Урожай мы у тебя покупаем, а как его получить — сам думай.

— Впервые фамилию Бугаков я услышала еще школьницей. Мама с папой о чем-то секретничали на кухне, и в голосе отца звучали одобрительные нотки. Оказалось, молодой зампредседателя, который только-только появился в Ирмени, посмел вступить в спор с самим Овчаренко! Он горячо отстаивал интересы трех водителей, в том числе и моего папы, которым председатель колхоза выделил новые грузовики ГАЗ-53 и тут же поднял нормы. Шоферы от этих двух новостей — хорошей и не очень — опешили: «Спасибо, конечно, но почему так?» Пробовали доказать председателю, что это несправедливо, но тот слушать ничего не стал. Тогда за работяг вступился Бугаков.

Вот про это заступничество отец маме на кухне и рассказывал: «Парторг все правильно председателю говорит! Вот только разве он этого мальчишку послушает?» В итоге нормы мужикам все-таки подняли, переубедить Овчаренко не удалось, но «мальчишку» водители запомнили. Он уже тогда не боялся спорить с авторитетами, если считал, что прав. И другим не только позволял свое мнение отстаивать, но даже больше уважал за это.

Меня все с детства звали «маленькой учительницей», поскольку роста я была невеликого, а после школы собиралась в педагогический. После десятого класса все наши ринулись в сельхозинститут, ну и я за компанию решила ради любопытства хотя бы почитать об этом вузе. Попалась на глаза специальность «экономист-организатор». «Как красиво! — подумала я. — А пойду-ка я туда учиться!»

Отец, когда узнал, удивился: «Раз, — говорит, — у тебя такой легкомысленный характер, просто так я тебя

не отпущу. Пойду к Бугакову, попрошу, чтобы тебе дали направление от колхоза, это будет гарантия, что ты потом точно домой вернешься». Ну а с отцом разве спорят?

Юрий Федорович принял его, выслушал и сначала не понял: «А зачем нам экономист? У нас уже есть два». Тогда в разговор вмешалась заведующая отделом кадров Нина Дмитриевна Родина: «Давайте все-таки дадим направление! Мало ли что, пригодится».

Мы и пригодились друг другу: я — «Ирмени», «Ирмень» — мне. Главным экономистом предприятия я стала, когда мне не было и тридцати.

Правда, такая стремительная карьера в советское время считалась неприличной. Но у Бугакова был свой кодекс приличий. Он доверял молодежи и поощрял любой рост. Поэтому, когда место освободилось, пригласил меня и сказал: «Слушай, я тут подумал: пока ищу человека — поработай ты. Если понадобится помощь — приходи».

Ну, раз Бугаков просит… Я старалась невероятно.

Дело было летом, перед началом закладки сенажа. В тот год Юрий Федорович ввел новое правило: утреннее построение механизаторов. До начала рабочего дня люди должны были знать, кто и сколько из них заработал за вчерашний день. Собирали всех в восемь часов на полевом стане, подводили итог, передовиков благодарили и вручали им переходящие вымпелы и небольшие призы.

Но как успеть сосчитать заработок к рассвету, когда механизаторы до двенадцати часов ночи в поле? Вот и сидела я на новой должности вместе с коллегами дотемна в конторе, вручную начисляя зарплату. Вдруг слышу по рации: «Газон! Я — Газон-1». Позывной Бугакова! То есть первый час ночи, а он еще на работе! Это очень поддержало и вдохновило! И пахать с утра до ночи было не обидно.

Юрий Федорович был как вечный двигатель. Приезжает из отпуска поздно вечером — рано утром на работе, приезжает утром — к вечеру обязательно придет. Воскресенья, праздники для него часто были совершенно обычными рабочими днями. Первого января, когда все нормальные люди отсыпались дома, мы в восемь утра спешили в столовую третьего участка. Юрий Федорович с главным зоотехником подъезжали полдевятого. Но уже успевали объехать все фермы, побывать в молочном цехе, поздравить людей и вручить им подарки. Традиционно накрывался стол, дымился шашлык, и в первые утренние часы нового года мы всей дружной ирменской командой подводили общие итоги и планировали будущие победы. Это было незабываемо! Мы вместе, мы — одно целое, мы можем дальше идти за мечтой. Бугаков, как никто другой, умел объединить людей.

Вся моя жизнь была связана с именем этого человека, с Ирменью, и никогда не появлялось мысли уехать в другое место. Хотя заманчивые предложения периодически поступали. Как-то после одного из собраний краем уха слышу, Бугаков говорит главе администрации: «Я-то тебе зачем? Иди и сам с ней беседуй». Тут подошел ко мне глава, спрашивает: «Татьяна, может, пойдешь работать ко мне?» Я посмотрела на Юрия Федоровича и даже обсуждать это не стала. Мое место — в «Ирмени».

С ним часто мы жили как на пороховой бочке, но — никогда скучно. Я знала: если наступило нежданное затишье, это неспроста. Значит, скоро будет звонок, совещания, споры… Он первым в области ввел безнарядные звенья, первым — арендные коллективы, первым — коллективы интенсивного труда. О КИТе наших братьев Кожуховых даже Михаил Горбачев говорил в свое время на партийном съезде. Бугаков дал им прав выше крыши: вот тебе поле, вот тебе техника а вот — чековая книжка. Обрабатываешь землю, собираешь урожай, мы у тебя его покупаем, а дальше ты из этих денег сам за все рассчитываешься, от горючего до спецодежды. Он хотел, чтобы механизаторы тоже были в колхозе хозяевами.

Меня поражало и то, как много знал Юрий Федорович! Помню, на одном из первых своих заседаний правления сижу и слушаю, как он распекает ветеринарного врача: «Что у тебя творится?! Ты скоро телят угробишь диспепсией!» А я сижу и думаю: «Бугаков же агрономический факультет оканчивал. Откуда он знает ветеринарные термины?» После заседания спрашиваю у главного ветврача:

— Валерий Петрович, что такое диспепсия?

— Таня, отстань! Это понос.

Он вникал во все до мелочей, не чураясь никаких «диспепсий». Доходило до того, что если что-то не получалось, брал в руки вилы или лопату, как было в 2006-м, когда мы совершали переворот в животноводстве, переходя на беспривязное содержание. Он на равных разговаривал с любым специалистом. А как экономистам от него доставалось — мама родная! Мне иногда казалось, что земля из-под ног уходит. Это нереально! Это невозможно! Я не успею. Я этого не сделаю. «Успокойся! Сделаешь. Ты только слушай: надо делать вот так и так».

С годами темпы нарастали, задачи становились масштабнее: Бугаков постоянно находился в поиске чего-то нового. Он не мог остановиться.

В период дикой инфляции в 90-х Юрий Федорович едет к губернатору, договаривается, берет кредит и покупает первую упаковочную машину «ТР-12». Зачем? Чтобы самим фасовать молоко, продавать его и иметь живые деньги. Людям ведь надо зарплату платить — молокозаводы в то время очень плохо рассчитывались. А пока шла доставка, наладка и запуск нового оборудования, он отправляет бухгалтеров-экономистов в город торговать по дворам.

Привезем из Новосибирска деньги, свалим на стол в бухгалтерии, посчитаем. Выдадим зарплату одной бригаде, потом — второй, затем — третьей. Так и тянулись.

Наконец упаковочная машина готова, за ней другая, начинаем фасовать молоко в шведские зеленые пакеты. И хозяйство делает рывок, появляется финансовая стабильность. Наладили продажу молока — стали колбасный цех строить. А ведь коровы племенные, дорогие, новорожденный теленок десятки тысяч рублей стоит. Будут ли по такой цене покупать мясо? Поэтому сделали расчет, когда убедились, что эффект возможен, стали производить колбасу.

Бугаков редко ошибался. И мы, можно сказать, верили в него как в бога. Бывали ситуации настолько сложные, что казалось, нет выхода. А он находил! В 90-е в связи с принятием земельной реформы встал вопрос о выделении людей с их паями из колхоза. Боже мой, что мы тогда пережили! У Бугакова одна мысль была: только бы народ не разбежался, только бы землю не растащили…

Первоначально он выбрал форму товарищества с делением на паи. Был уверен: если мы таким образом разделим основные фонды, то минимум половина пайщиков останется, никуда не уйдет. И вот мы ночи не спим, делаем расчеты, распределяем паи, выдаем чековые книжки. А Бугаков в первый же год на эти паи выплачивает дивиденды. Вроде все довольны, но вдруг один механизатор заявляет: на мой пай выделите мне КамАЗ, а то я не чувствую прибыли. Бугаков сидит на планерке, голову рукой подпер и рассуждает: «И как он ее должен почувствовать? Переспать с ней, что ли?»

Начинаем искать новое решение и приходим к выводу: нужно вместо товарищества создать ЗАО. Тогда у каждого работника вместо пая будут акции. Если он захочет их продать — его дело, а на вырученные деньги может и КамАЗ купить.

Реорганизовали предприятие, выпустили акции, а тут такое началось! Рейдерские захваты, банкротства, хозяйства рушатся. Но Юрий Федорович и здесь находит выход: решает оставить контрольный пакет акций за собой. Он собирает людей, проезжает по производственным участкам, объясняет: «Мне это нужно не для обогащения. Я вам обещаю: дивиденды получать не буду! Я хочу сохранить хозяйство».

Люди поверили. И он сдержал слово! Я буквально на днях смотрела документы: за семнадцать лет он оставил в хозяйстве 72 миллиона рублей собственных дивидендов! Ему не важны были деньги, он просто хотел быть первым.

Помню период, когда мы закупали зерно в соседнем колхозе и были вынуждены расплачиваться наличкой. Так его директор приезжал к нам за деньгами с картонной коробкой. Ставил ее на стол, складывал внутрь пачки и отбывал. Чтобы такое позволил себе Юрий Федорович? Никогда. За все годы работы с ним я не припомню ни одного случая, чтобы он взял деньги из кассы. И тем более куда-то повез. Финансовая дисциплина была строжайшей. Делали ему дома ремонт: все выписанные на складе стройматериалы учли, все наряды на работы приложили — и не дай бог, ты забудешь вовремя взять с него оплату. Он даже когда на мясном складе обрезки для своей собаки брал, то раз двадцать переспрашивал: вы с меня за обрезки высчитали? Он всегда и за все платил. Миллионы предприятию подарил, а сам платил абсолютно за все.

Бугаков был фигурой особого человеческого масштаба. Рядом с ним каждый остро чувствовал высокий, почти недосягаемый уровень его личности.

Как-то мне задали вопрос: почему у вас в хозяйстве ничего не сносится, не разрушается? Все реконструкции в коровниках делаются на прежнем фундаменте: крышу сняли, здание надстроили, положили новую кровлю, но основания не тронули. Колбасный цех, пекарня — это бывшее здание ремонтно-технической мастерской. Почему так? Да потому, что Юрий Федорович ничего не разрушал! Он считал, что это аморально. Он был созидатель по природе, по своему глубочайшему внутреннему содержанию.

Для приезжего, может, и незаметно, но когда я проезжаю по селу, то часто думаю: господи, я же помню, здесь старый дом стоял, люди в каких-то избушках жили, а сейчас тут современные и комфортные дома. Настолько при Бугакове село изменилось к лучшему! В 90-х, когда зарплату повышали каждые три недели, такая свистопляска была, казалось, прижми уши и сиди тихо, а он открыл санаторий-профилакторий на берегу Обского моря. Туда стали возить лечебные грязи, радон. Катамараны, спортплощадка, джакузи, сауна… Когда из нашей сельской больницы решили сделать туберкулезный диспансер, Бугаков хлопнул по столу и заявил: «Этого не будет!» Взял больницу на баланс предприятия и последующие десять лет содержал.

Он всегда мыслил масштабно. Его хозяйство должно было быть лучшим, и оно таким оставалось даже в тяжелые времена.

Однажды Владимир Петрович Орешок, который был доверенным лицом Юрия Федоровича на выборах в Законодательное собрание, сказал очень точную фразу: «Бугаков — человек-легенда, про которого все знают все, но никто не знает ничего». Так и есть. Даже для меня, человека, который работал рядом с ним на протяжении четырех десятков лет, он остается непостижимым.

И недостижимым.

«КОНЕЧНО, Я СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК. СЧАСТЛИВ ТОТ, У КОГО ЕСТЬ ЛЮБИМОЕ ДЕЛО. С УДОВОЛЬСТВИЕМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ИДУ НА РАБОТУ. РАБОТА ДЛЯ МЕНЯ — ВСЁ».

ИРМЕНСКИЙ САМОРОДОК

Сергей Николаевич Аксенов

ЗАВЕДУЮЩИЙ ФЕРМОЙ, ЗООТЕХНИК, РАБОТАЛ В ХОЗЯЙСТВЕ С 1981 ПО 2016 ГОД

В 90-е годы наше хозяйство спас характер Юрия Федоровича. Тогда пришла западная мода развивать фермерство, и на бывшие колхозы стали давить. Но Бугаков встал, как скала: если мы сейчас свой самородок начнем пилить по кусочкам, потом уже не соберем. И сам не стал колхоз разделять, и другим не дал. В результате все наши соседи ушли в ноль: ни хозяйств, ни фермеров, все растащили. А «Ирмень» по-прежнему стоит.

— Сюда я попал из Алтайского края. Хозяйство было не из передовых, с жильем проблемы. И тут сорока на хвосте принесла весть о колхозе «Большевик». Я приехал в Верх-Ирмень, пришел на прием к Бугакову. Он меня давай расспрашивать: кем работал, какое образование, каких успехов достиг.

— Какая у вас там на Алтае продуктивность животных? — спрашивает.

— 2100 литров с коровы, самое большое — 2200.

А это был 81-й год, и в «Большевике» надаивали уже по 3400. Юрий Федорович посмотрел на меня и говорит:

— С такими успехами, как у вас, корову через день доить можно, — а потом добавил: — А их доить надо ежедневно!

Бугаков часто меня удивлял. Особенно в первые мои годы в «Большевике». Но потом вместе столько каши съели, что как будто стали одинаковы по духу, начали работать на одной волне. И я постоянно искал что-то новое, проводил эксперименты. Зайду к нему:

— Юрий Федорович, а что если так сделать?

Он всегда внимательно выслушает, постарается понять и, если в предложении есть зерно, скажет:

— Надо проверить, пробуй!

Тут же позвонит Беловой:

— Татьяна Александровна, зайдет Аксенов — надо сделать, как он предложит. Посмотрим, будет ли толк.

Бугаков любил говорить с людьми. Для чего? Для того, чтобы его поняли. На любом собрании он простым житейским языком объяснял, какая урожайность должна быть, какая продуктивность коров, чтобы ни в чем не нуждаться, иметь хорошую заработную плату и строить жилье. А если кто с первого раза не понимал, то обычно вздыхал и начинал разжевывать заново.

Но и сам из бесед с людьми черпал многое. Считал, что нужно пожестче с человеком, — разговаривал жестко, считал, что нужно помягче, — беседовал по-семейному: и про домашние дела расспросит, и как дети. При этом сохранял на удивление цепкую память. Мог вспомнить, кто о чем говорил давным-давно. Представьте себе: тысяча работающих, а он помнит все про каждого. На машине едет мимо комплекса — доярки идут. Посадит любую и беседует с ней, продолжая разговор, который они вели в прошлый раз. Он не готовился к этой встрече! Просто хранил все в памяти.

Юрий Федорович постоянно стремился облегчить тяжелый крестьянский труд. Когда еще «жигули» считались верхом комфорта, он сказал: «Мы доживем до тех лет, когда механизатор будет сидеть в кабине трактора, как в “жигулях”». И ведь дожили! Сегодня у нас высокопроизводительная комфортная техника — и тракторы, и комбайны не на уровне «жигулей», а выше. Доярки идут на работу, словно в город собрались — в платье, в туфельках. Юрий Федорович шутил: «То ли на ферму пошла, то ли на танцы».

Бывало, в какой-то период нет хороших надоев, как ни стараемся — не идет, и все тут! Он начинает беспокоиться, может вечером приехать, может ночью, в обед заглянет — посмотрит: то ли корма не хватает, то ли вообще его поменять. Посоветуется с одним, с другим. Если его волнует какая-то проблема, значит, бегают и ищут решения все. Раз, поменяли что-то в рационе, в системе, смотришь — опять пошло, пошло, пошло…

Удивляло то, что у него не иссякала энергия. Многие считали: исполнится Бугакову шестьдесят, и он уйдет на пенсию. А у него не было возраста, ни шестидесяти, ни семидесяти. Он шел и шел вперед, и всю свою энергию сохранил до последнего дня. Правда, когда сильно болел, голос тише становился, но это понятно, болезнь любого придавит.

Юрий Федорович был человеком земли. Кто-то стремится наверх, на этажи, повыше и поближе к Москве, а он нет. Говорил: «У меня выходной день, а я не могу отдыхать, мне надо что-то делать, куда-то идти». Вот, допустим, уборка закончилась, ноябрь, начинают объявлять выходные: когда день, когда два. Он жалуется: «Не знаю, чем в субботу и воскресенье заняться!» Садится в машину и едет по всем производственным участкам.

Он не мог без этого. Он этим болел, этим жил.

Помню, я уже был на пенсии, пришел на собрание акционеров. В перерыве вышли перекусить — в холле столик стоит, на нем продукция пекарни, молочного цеха. Стоим, пробуем, Бугаков подходит:

— Ну как у тебя, Сережа, дела?

— Я на пенсии, Юрий Федорович. Живу нормально, вопросов нет.

— На работу-то не хочешь?

Он не мог представить, что можно сидеть дома и не хотеть на работу.

В 90-е годы эта работоспособность Юрия Федоровича спасла наше хозяйство.

Будь наш руководитель бесхарактерным, вялым, начал бы поддаваться унынию — нынешней «Ирмени» не было. Но именно в те сложные времена его лучшие качества и проявились.

Тогда пришло новое экономическое поветрие, что вместо коллективных хозяйств нужно развивать фермерство. Что только на западный манер фермеры и смогут завалить страну зерном, обеспечить молоком и мясом. Не получилось! В наших условиях у единоличника ни на комбайн денег не хватает, ни на удобрения, ни на обработку зерна. В результате — ни хозяйств, ни фермеров, все растащили по кусочкам. Все наши соседи ушли в ноль: совхоз «Красноярский», «Граничный», «Пичуговский». Один неверный шаг — и ничего не стало.

Юрий Федорович тогда встал, как скала. Собирал людей и убеждал: если мы сейчас свой самородок начнем на кусочки пилить, то потом не соберем. И сам не стал разделять колхоз в угоду моде, и другим не дал.

Но принять решение — это одно, а выжить в новых условиях — другое.

Сложность тех лет заключалась в том, что нашу продукцию невозможно было продать. Зерно вырастили — оно лежит, девать некуда. Молоко на завод сдадим — деньги за него с боем. Тогда Бугаков решил сам продавать. Наполняем молоковоз, садится бухгалтер или кассир, едут в Новосибирск и вручную по бидонам и банкам разливают его во дворах. Помню, когда зерно стало неплохо продаваться, а молоко приходилось развозить в бочках и торговать по дворам, он иногда в сердцах говорил: «Все! Сдам я этих коров! Вместо кормов буду сеять хлеб, продавать его — и никаких проблем». Но мы все знали, что ворчит лишь для порядка, никогда бы он свое племенное стадо не пустил под нож.

А потом и молоко пошло. Ни одного месяца не было, чтобы люди не получали зарплату, каждый год была и прибыль, и хорошие доходы, и премии выдавали, и технику новую покупали.

Он никогда не давал слабины. Сказал — надо выполнить, значит, выполняй. Не сделаешь, наказывал материально, чтобы человек понял: так нельзя. Мне один раз тоже прилетело. Он мне задание поручил, я пообещал в тот же день выполнить, но замотался и забыл. Утром на планерке спрашивает:

— Сделал?

— Нет, Юрий Федорович, не успел. На сегодня запланировал.

— Извини, пожалуйста, это надо было сделать вчера. Мы с тобой договорились, и ты мне обещал. В этом месяце премиальных не получишь.

Какой бы крепкий ни был коллектив, ведет его за собой руководитель. Куда привели своих работников рулевые соседних хозяйств и куда привел «Ирмень» Юрий Федорович Бугаков - две большие разницы.

ШКОЛА ЖИЗНИ ПО-БУГАКОВСКИ

Людмила Ивановна Галева

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА, ЗАВЕДУЮЩАЯ КАФЕ, НАЧАЛЬНИК КОЛБАСНОГО ЦЕХА, РАБОТАЛА В ХОЗЯЙСТВЕ С 1978 ПО 2012 ГОД

Решил Юрий Федорович в «Ирмени» колбасное производство раскручивать. А сам тогда дружил с генеральным директором Новосибирского мясокомбината Анатолием Антоновичем Степановым, поэтому попросил помощи у него. Комбинат выделил нам очень опытного технолога, который научил, как нужно работать. И уже четверть века мы выпускаем достойный ассортимент мясных изделий, которые никогда не залеживаются на прилавках.

— Когда я увольнялась из кафе, бухгалтеры пришли ко мне и спрашивают:

— А где у тебя четыре кировские телеги?

У меня шок полнейший:

— Какие телеги?

— Числятся за кафе по документам!

Стали выяснять. Оказалось, в эпоху дефицита Юрий Федорович достал для нашего кафе три огромные хрустальные люстры и одну для конференц-зала в конторе. Но провести их по документам как осветительные приборы тогда было нельзя, и он умудрился через одному ему известные ходы и выходы, через сельхозуправление оформить их «кировскими прицепными телегами». Так и висели у нас «телеги» под потолком кафе, освещали зал, и еще одна в конторе. Изобретательный у нас был руководитель, когда дело касалось комфорта и уюта для людей. Что угодно мог придумать, чтобы бюрократические глупости и ограничения обойти.

История кафе, которым я руководила, говорит сама за себя.

Окончила я торговый институт в Новосибирске (специальность «технолог общественного питания») и вернулась в родной колхоз. Прихожу к Юрию Федоровичу, показываю диплом. Он посмотрел, пожал плечами:

— И куда я тебя с высшим образованием? У нас тут ресторанов нет.

— Будут! — говорю. — У меня знаете, как дипломный проект называется? «Кафе-столовая в селе Верх-Ирмень на 120 мест с магазином кулинарии и кондитерским цехом».

Он неожиданно заинтересовался:

— Посмотреть можно?

Я съездила в институт, в деканате забрала проект. А в колхозе в то время строительством занимался брат нашего председателя Александр Федорович. Он внимательно изучил мой труд и подытожил: «Хорошая студенческая работа, все рассчитано, вплоть до глубины промерзания грунта, толщины стен и перекрытий. В общем, рабочий проект. Девочка — молодец, даже свои нюансы привнесла». И эта идея — построить в селе кафе — настолько Юрия Федоровича увлекла, что через два года оно открылось. Он всегда шел навстречу новому.

Начиналось у него с юношеского азарта. Еще молодым, когда секретарем парткома работал, он стремился к оригинальному, необычному, значительному. Позже пришли мудрость и степенность. Появились спокойствие, уверенность, практический взгляд на многие вещи. Бугаков считал, что если делать, то всерьез и на века. Это, как деревце растет, дубок молодой. Сначала тонкий прутик, потом он становится толще, и вот уже мощный ствол.

Отработала я семнадцать лет в общепите, и снова вызывает меня Юрий Федорович: «Ну все, — говорит, — хватит. Выросла ты из этих коротких штанишек, давай на колбасный цех, нужно его развивать».

Стали мы колбасное производство раскручивать. Юрий Федорович дружил с генеральным директором Новосибирского мясокомбината Анатолием Антоновичем Степановым и попросил у него помощи. Тот дал нам опытного технолога Галину Максимовну Шалдяеву, она учила наших специалистов, как нужно работать. С тех пор прошло четверть века, но мы по-прежнему выпускаем достойный ассортимент — более шестидесяти наименований мясных изделий, которые никогда не залеживаются на прилавках.

Случалось, не согласишься с Бугаковым, но потом все сказанное им переосмыслишь и понимаешь, что он прав. Юрий Федорович был потрясающий стратег, очень точно оценивал ситуацию и словно наперед знал, что через год произойдет, что через два. На него как будто была возложена свыше некая миссия. Он не просто предвидел ситуацию, он владел ею, влиял на нее и отрабатывал на все сто процентов.

Иногда в его деятельности были периоды поспокойнее, но мы, старая гвардия, знали — до поры, до времени. В любой момент это «благолепие» слетит: возникнет новый проект, снова ночи без сна, снова заявка на шедевр. С людьми, которые не поддерживали этот темп, он расставался без сожаления.

Как-то он проезжал мимо моего коттеджа, а я как раз из дома выходила. Остановился, предложил меня подвезти, посадил в машину и спрашивает:

— Ты чего еле плетешься?

А я сдуру возьми и скажи:

— Да на работу после обеда идти неохота.

Как он преобразился! Затормозил резко, говорит:

— Возвращайся домой! Не хочешь на работу идти — не ходи, толку от тебя не будет.

Он был очень строг, порой мне от него сильно доставалось. Все потому, что я тоже была упертая, вредная, вечно что-то доказывала, требовала. Он вызывал специалистов, слушал, что скажут главный зоотехник, главный бухгалтер. Когда они не могли меня переспорить, он искренне возмущался: «Что это такое? Почему она одна вас забила?» Но при этом часто говорил, что «по закону физики ничто аморфное опору составлять не может». «А вот такие упертые и стойкие всегда моей надежной опорой будут».

Однажды мы с ним крепко поговорили, я вышла из его рабочего кабинета и между двумя дверями потеряла сознание: спиной открыла входную дверь и выпала на руки в приемную.

А в другой раз заявила, что уйду из хозяйства. На что он только рукой махнул: «Куда ты денешься!» И правда, грозы по кабинетам гремели, а я продолжала работать.

Он видел во мне иной потенциал. Семнадцать лет я отработала в общепите, и вдруг вызывает меня Юрий Федорович и говорит: «Секретарь парткома уезжает. Я предложил твою кандидатуру на его место».

В первую минуту у меня был полный шок. Юрий Федорович посмотрел на меня и все понял. «Справишься! — сказал. — Язык у тебя подвешен, говорить умеешь, с людьми ладишь, так что вперед!» Пока шли до крыльца и я все отнекивалась, во дворе у конторы появилась машина, с которой начали продавать розы. Он и спрашивает:

— А ты чего не покупаешь?

— А где мне их сажать? У меня даже балкона нет, я же на первом этаже живу.

— Бери ключи от русаковского дома. — Это дом, где наш бывший парторг жил. — Въезжай. И розы обязательно посади.

С того разговора прошло тридцать семь лет, а большой розовый куст, который я купила, до сих пор жив! Дважды я его пересаживала, и каждый год он поражает своим великолепием — на его ветках распускается одновременно до сорока огромных бутонов. Я потом и другие розы сажала, но такого прекрасного куста больше не было.

Позже я поняла, почему он меня в парторги выбрал. Я выросла из комсомола, была членом бюро, участвовала во всех значимых событиях. В общем, уговорил меня, и я два года работала освобожденным секретарем парткома.

Очень много мы тогда занимались социалкой: обеспечивали уходом больных, праздники организовывали, на проводах зимы устраивали социальные лотереи, разыгрывали бочонки меда, мешки гречки, теленка, поросенка… Когда я уходила с этой должности, в обкоме партии удивились: «Ну как так? Вы у нас единственная женщина в обкомовской номенклатуре и надумали уходить». Но была в разгаре перестройка, и мне хотелось обратно в родной общепит. Я вернулась в кафе, где по-прежнему был простор для инициативы.

Одно из наших фирменных блюд называлось «ребрышки по-бугаковски» — Юрий Федорович их очень любил. Готовятся они несложно: со свиных ребрышек снимается шпик, чтобы осталось одно мясо. Потом они обжариваются с большим количеством лука и моркови, тушатся — и просто тают во рту. Мы этим блюдом всех важных гостей в нашем кафе встречали. Приезжает очередная делегация — мы им «ребрышки по-бугаковски».

Вот только с председателем Совета министров РСФСР Воротниковым иначе вышло.

Мы к его приезду все приготовили на высшем уровне, но тут санэпидстанция пожаловала. Подходят, спрашивают:

— Что это такое?

— Мед.

— А где сертификат на него? Откуда мы знаем, где ваши пчелы летали!

Дошли до фирменного блюда:

— Что это такое?

— «Ребрышки по-бугаковски».

— Где сертификат на свинину?

И началось: это убрать, то убрать. Малина? Какая малина? Все свежее, деревенское убрали! Привезли из обкомовской столовой карбонад, рыбу красную, другую стандартную еду. Накрыли столы, грустно смотрим на все это… Официальная часть закончилась, заходитв кафе главный министр с сопровождающими лицами. Расселись по местам за столом, в узком кругу отобедали. Воротников встает и говорит: «Я думал, приехал в сибирскую деревню, хоть поем по-крестьянски. А меня накормили, как в обкомовской столовой!» Вот на такой ноте и уехал.

Однако большая часть сопровождающих-то осталась! Юрий Федорович подзывает меня, говорит: «Так, Люда, давай-ка наши ребрышки!» Но мы видим, что на всю голодную толпу заготовок не хватит. Давай срочно рубить мясо на большой деревянной чурке, в темпе вальса обжаривать его, и буквально за полчаса все было готово. Тут и судачок, выловленный из нашей Оби, безо всяких сертификатов на стол пошел, филеечка, запеченная в персональных сковородочках под сметанным соусом, свой мед, своя малина — чего только не было! Все подчистую смели. Одному Воротникову ничего не досталось.

А потом наступило время тотального дефицита — от фруктов и ягод до всего на свете. Но наш председатель, обладая совершенно невероятным умением выживать, был готов и к таким переменам. Однажды сижу я у Бугаковых в гостях, и Антонина Ивановна приносит большую чашку зелени: петрушка, одуванчики, какие-то травы. Юрий Федорович берет все это и горстями кидает в блендер. Измельчает, добавляет водички, выжимает половинку лимона, добавляет две ложки меда — и получается нечто вроде смузи. Он мне наливает и говорит: «Вот посмотри, что придумали. Живые витамины!»

И в хозяйстве было так же. По его инициативе развернулась программа витаминной помощи беременным женщинам. Прихожу к нему в кабинет, он делится идеей: «Надо девчонкам раздавать продуктовые наборы, чтоб и они не болели, и дети здоровыми родились». Начали мы в нашем кафе такие наборы готовить, и появилась мысль: использовать цветочные парники для выращивания зелени.

Я спрашиваю:

— Юрий Федорович, а можно там, где у вас розы растут, мы салат и петрушку посадим?

В первый момент он на меня как на сумасшедшую посмотрел:

— Ты что, сдурела?!

Но мне удалось его убедить, и вскоре между розами, по краешкам грядок мы посеяли зелень. Это сейчас любую зеленушку в супермаркете круглый год можно купить, а тогда это была экзотика. И мы ее букетиками, пучочками, вместе с яблоками и другими фруктами собирали каждую неделю в витаминные наборы для будущих мам.

Похожая история была с медом. Еще студенткой я прочитала, какие полезные элементы в нем содержатся. И когда мы составляли в кафе меню для детского сада на разные возрастные группы, отправилась

к Юрию Федоровичу со своими наработками. Объяснила: ребенку обязательно нужны микроэлементы и минералы, дневная норма которых содержится, «вы представляете — всего лишь в восемнадцати граммах меда»! Правда, есть эту ложку меда нужно каждый день. «Так в чем проблема?» — говорит. И тут же отдает распоряжение выделить детсаду мед.

Бугаков — человек-эпоха. Он сочетал талант строгого руководителя с человеческим отношением к своим работникам, к женщинам, к детям. Все наше село — памятник ему, а не только Агрогородок. Он никогда не делил местных жителей на своих и чужих. Дороги делал для всех, автобусное сообщение организовал: детей в школу везут, рабочих — на производственные участки, все по расписанию. Стадион — для всех, конно-спортивная школа — для всех, Дворец культуры — для всех. Соседние села завидовали, считали, что на ирменцев манна небесная сыпется. А на самом деле в основе всего — отлаженная председателем работа.

Когда речь заходила о наших успехах, Юрий Федорович говорил: мол, это все — заслуга людей. Но кто их повел за собой? Кто поднял такую махину? Кто сумел провести через то, что в стране творилось? Даже в лихие 90-е выход всегда находился. Помню, как мы ползали по полю, будто мураши, ковыряли в земле палочками, делали лунки и сажали сахарную свеклу. Осенью везли урожай в Бийск на переработку, а потом каждый получил по мешку сахара. На колхозной пасеке можно было выписать мед, работникам выдавали гречку, муку. Мы проскочили эти лихие, даже не заметили!

А как он доверял молодым!

Молодой главный энергетик, главный инженер только после института — у Бугакова невероятное чутье было на талантливую молодежь. Он считал, что за ними будущее и создал настоящую кузницу кадров. Многие из тех, кто у нас работал, заняли потом высокие должности и в районе, и в области. Районные начальники почти все отсюда вышли. Главный инженер стал директором большого сельхозпредприятия в Новосибирске, зоотехник — руководителем Института кормов на ВАСХНИЛе.

Юрий Федорович в наше село всю душу вложил. Он, как дуб, врос в Ирмень корнями, и просто так его невозможно было выдернуть, только вместе с нею. Он говорил: я без этого села, без этих людей не могу. И это не красное словцо, рисовка, потому что любовь Бугакова к Ирмени была настоящей, глубинной.

Мне всю жизнь везло на хороших людей. Но то, что мне дал Юрий Федорович за тридцать пять лет совместной работы — это школа, университет, академия. Нет, больше! Он научил меня жизни.

НЕУГОМОННАЯ ДУША

Григорий Федорович Пиденко

БРИГАДИР КОМПЛЕКСНОЙ БРИГАДЫ, НАЧАЛЬНИК ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА, ГЛАВНЫЙ ЗООТЕХНИК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПО ЖИВОТНОВОДСТВУ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РАБОТАЛ В ХОЗЯЙСТВЕ С 1987 ПО 2017 ГОД

В 90-х годах Юрий Федорович съездил в США и привез оттуда идею холодного содержания телят. Вернулся, пригласил меня, положил фотографию на стол: «Вот, смотри, в таких клетках американцы молодняк держат. Где мы такие же сможем разместить?» А у нас с развала Союза теплицы простаивали — раньше в них цветы разводили, огурцы выращивали, я и подумал: почему нет? Удобное место. В общем, фото Бугаков привез в декабре, а в феврале мы поставили в новое стойло первого теленка.

— Какой бы строй в стране ни был — капитализм, социализм, лучше коллективного труда ничего нет. Не зря говорится: один в поле не воин. Если ты фермер, тебе нужен коллектив, в одиночку ты ничего не сделаешь.

А для коллектива редкая и бесценная удача — иметь такого руководителя, как Юрий Федорович Бугаков. Главной его заслугой я считаю то, что в тяжелые годы он не дал разделить хозяйство, тратил свое время, постоянно разъясняя людям: не надо из колхоза выходить, не надо делить паи, надо работать коллективно.

Как-то утром часов в девять-десять едва подписав нужные бумаги, Бугаков меня вызвал. Я захожу, а он прямо с порога: «Тебе нужно принять комплекс». А я тогда бригадиром в поле работал, и меня все более чем устраивало. Трудиться на земле — это было мое! Какой комплекс? У меня отец всю жизнь в животноводстве, поэтому я знал, что это такое. Как бы помягче выразиться? Неблагодарный труд! В поле весной — посевная, летом и осенью — уборка. Между ними можно отдохнуть. А на комплексе ежедневно и посевная, и уборка. Зачем мне это? К тому же я в своей четвертой бригаде к тому времени более-менее порядок навел: коллектив подобрал, дисциплину отладил… Мы такие дела делали!

Первый КИТ братьев Кожуховых у нас был как раз при моем бригадирстве. Трем человекам было доверено стать настоящими хозяевами своей земли.

Хотите — втроем работайте, хотите — еще людей набирайте: определенная сумма вам выделена, платите за все сами. А то, что останется после продажи зерна, — ваш заработок. Вот они и пахали. Иной раз вижу — совсем зашиваются. Помню, у Лешки Кожухова в спину вступило — ни согнуться, ни разогнуться, а работать надо. Приезжаю, спрашиваю:

— Может, все-таки еще человека нанять?

— Нет! Мы сами!

Потом наработали опыт, немного изменили структуру, стало легче: три КИТа моей бригады закрывали всю пашню. И вот все это налажено, работает как часы, а мне нужно все бросить и в животноводство перейти? Я рогом упирался. Дело обстояло так: прежний хороший руководитель ушел на пенсию, после него несколько человек поменялось, и все на комплексе немножко поразвалилось.

Мы просидели в кабинете Бугакова практически до обеда, и он меня уговорил. Я сказал себе: раз председатель просит — надо идти, и согласился: «Ладно, Юрий Федорович!»

Тогда я, конечно, не понимал, куда иду, зачем… Сложно было все с нуля освоить, настроить коллектив на новые задачи. Но я такой по характеру: если взял на себя обязанности — должен их выполнять. Честно и добросовестно.

У меня отец был такой же строгий, как Бугаков. Мы жили в селе большой семьей — шестеро детей. Уходит отец на работу и, к примеру, говорит: «Сегодня вы должны выкопать картошку, перебрать ее и опустить в погреб». Ну а мы покопать-то покопали, а в погреб не спустили, убежали в кино. Кино во времена моего детства — это нечто! Сидим в зале, смотрим. Вдруг дверь клуба открывается и на весь зал, громче актеров, голос отца: «Пиденко, на выход!» Мы все выходим, он нас спрашивает:

— Почему картошку не опустили?

— Кино хорошее.

— Нужно было работать быстрее! Идите и опускайте.

Вот так и приучал нас к ответственности.

В общем, были у меня планы заочно отучиться в институте по агрономии, а пришлось поступать на зоотехника. Ну а с людьми у меня всегда получалось. Понимаете, знания можно добыть в вузе или на производстве, мотая себе на ус, а вот находить взаимопонимание в живой ежедневной работе — этому не научишь, это с рождения дается. Мне было дано. И постепенно все наладилось. Я отработал начальником на комплексе до 2004 года, после десять лет — главным зоотехником.

Трудиться рядом с Бугаковым было непросто. Он практически весь мир объехал, многое видел, сравнивал, выискивал лучшее. Некоторые руководители скатались за границу, отдохнули, вернулись и забыли, зачем ездили. А он — нет. Юрий Федорович вез в родную «Ирмень» все, что удалось увидеть передового в мире.

В 1996 или в 1997 году он съездил в США и привез оттуда идею холодного содержания телят. Вернулся в декабре, пригласил меня, положил фотографию на стол:

— Вот, смотри. В таких клетках они телят держат.

Положил вторую фотографию:

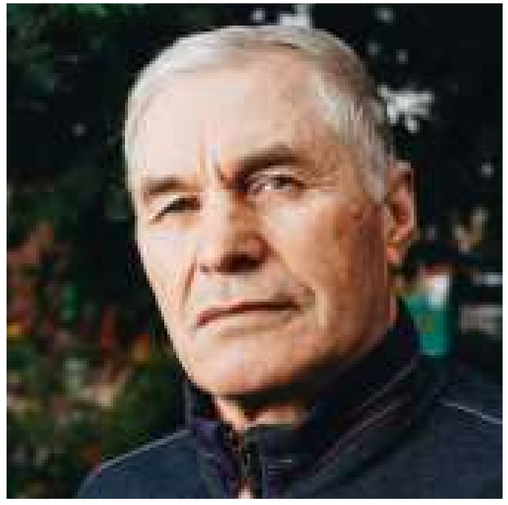
— Вот помещение, в котором эти клетки стоят. Сможем такие же поставить?

— А размеры?

— Бери фотографии, думай.

Я нарисовал эскиз, согласовал с ним, и Бугаков уже требовал: скорее, скорее, надо в кратчайшие сроки это дело запустить. А у нас с развала Союза теплицы простаивали — раньше в них цветы разводили, огурцы выращивали, но потом все рухнуло, теплицы стали убыточными и стояли скелетами, мозолили глаза. Вот я и подумал: удобное место.

Сварщики наварили клети, мы начали готовить в бывших парниках помещения для телят: напрессовали тюков квадратных, утеплили стены, крышу наполовину закрыли, оставшуюся часть застеклили. Короче, все подготовили для внедрения американской технологии. Бугаков привез фото в декабре,



а в феврале мы поставили в новое стойло первого теленка.

И правда, крепкие и сильные пошли телята! Морозоустойчивые!

Потом мы сидели с председателем, беседовали, я говорю: «Юрий Федорович, а если бы я до вашей поездки пришел и сказал: давайте в теплицах телятник сделаем, вы бы что мне ответили?»

Бугаков рассмеялся.

Он и нас постоянно отправлял куда-то за чужим опытом. В Америку в составе международной группы — восемнадцать животноводов из Франции, Румынии, Саудовской Аравии и России. Наших в составе группы было пятеро: трое из Питера и двое — из Верх-Ирмени. Обучались мы в Калифорнии на базе при местном университете. Принимали хорошо, поселили в студенческом общежитии, сопровождал нас специальный представитель фирмы, у которой «Большевик» в те годы семя быков закупал. Мы оттуда столько интересного привезли!

Там уже доильные залы были, современное оборудование, а российские технологии очень отставали, и нам захотелось сделать не хуже. Поэтому сначала съездили за океан в 2000-м, потом в 2003-м и к 2006-му созрели для серьезной перестройки животноводческого комплекса.

Поначалу все давалось тяжело. Нужного опыта не было, работники оказались психологически не готовы. Часто понимание приходило лишь через собственные ошибки. Но мы закончили реконструкцию комплекса, поставили первый современный доильный зал, второй, третий, для коров чесалки устроили, крыши проложили специальным материалом, влияющим на микроклимат: летом — прохладнее, зимой — теплее. Отлично все получилось.

И я подумал: пенсионный возраст близок, надо бы преемника подыскать. Стал готовить человека на свое место. Когда я в отпуск уходил — он меня замещал. Мимо Бугакова это не прошло, он что-то заподозрил, спрашивает:

— Ты чего это?

— Готовлю человека вместо себя.

— А сам куда собрался?

— На пенсию пойду.

— Кто тебя отпустит? Работай еще!

Для него не существовало никаких рамок. Я по его настоянию даже районным депутатом был пять лет. Получил депутатский наказ отремонтировать крышу больницы и добросовестно его исполнил. Но, честно сказать, второй раз в депутаты не пошел бы, даже если бы выдвинули. Понял такую вещь: там нужно быть не просто добросовестным исполнителем, необходимы другое мышление и другие знания, чтобы уверенно разбираться в законах и положениях. Мне говорили: у тебя хорошие перспективы, двигайся. Но я карьеристом никогда не был. Я себя не двигал никуда, никуда не просился. Меня, как фигуру на шахматной доске, от задачи к задаче двигал Юрий Федорович.

ЖИВАЯ ВОДА

Виктор Афанасьевич Шефер

инженер-мелиоратор, руководитель производственного участка № 1,
заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации,
работал в хозяйстве с 1974 по 2011 год

На Чемах, как и у нас, воры растащили оросительную систему. Так там сдались, решили больше судьбу не испытывать и заново устанавливать систему не стали. Но наш Юрий Федорович никогда не сдавался! Если бы он тогда махнул рукой, остались бы наши поля без полива. Но он был упрямый! Назло всем ворам принял решение расширяться: было две тысячи поливных гектаров, мы еще тысячу добавили.

— Проблемы на нашем участке начались неожиданно. Приходим после зимы: ворота вскрыты, оросительное оборудование, поставленное на зимнее хранение, исчезло. Я себя тогда почувствовал, будто в ледяную воду ухнул — даже не злость, а пустота внутри. Заявили в милицию, но воров даже не искали — такое впечатление, что все были одним миром мазаны.

Начали оросительный сезон с нуля: поставили в поле новые насосы. Так опять приехали и унесли!

На Чемах, где в отличие от нас оросительную систему строило государство, была похожая ситуация: мощные насосы, отличное оборудование — все растащили. Там сдались, решили больше ворам радости не доставлять и судьбу не испытывать. А у нас Юрий Федорович никогда не сдавался! Если бы тогда махнул рукой, как руководители в Чемах или в Ярках, остались бы и наши поля без полива. Но он упрямый был!

Воруют? Поставим круглосуточную охрану.

Не достать запчастей? Отыщем.

Нет денег на покупку нового оборудования? Найдем иной выход.

Уронили бы тогда систему — и больше бы не подняли. Но мы ни одного года не стояли, работали. Назло всем ворам даже стали расширяться: было две тысячи поливных гектаров, мы еще тысячу добавили. Постепенно все поутихло с лихими набегами, и мы полностью вошли в обычный рабочий ритм.

Юрий Федорович был очень хозяйственный, у него все шло в дело: старые постройки разобрали — перевезли на новое место, еще поработают на колхоз.

Это позже доильные залы начали строить на новых фундаментах, старые для них стали слабоваты, а до этого у нас были не столько стройки, сколько реконструкции. Бугаков умел экономить — деньги ведь собственные, колхозные. Санаторий, который у нас на берегу, тоже начался с этого: здание разобрали — туда перевезли. И всем миром помогали строить.

Как Юрий Федорович все успевал — не знаю. Если заметит, где что-то не так, обязательно вернется и проверит: исправили или нет.

Помимо работы он только голубями и увлекался. Ездил на охоту с руководителями соседних хозяйств, но за компанию, не любитель он был ружья. А рыбак и вовсе никакой. Когда я уходил на пенсию, он у меня поинтересовался:

— Что собираешься делать?

— Рыбачить буду.

Он:

— Ну а мне как быть? Я вот не рыбак. Что я на пенсии стану делать? Нет, буду работать дальше!

Посмотрел на меня:

— Скучно станет — приходи.

Для него «скучно» означало — дома без работы, без колхоза, без ежедневной суматохи, без большой, невыполнимой задачи.

Все обычно перестройку вспоминают, когда Бугаков хозяйство сохранил, а я помню конец 70-х. Он поехал на юг, какую-то заразу подхватил и надолго слег в больницу, пришлось даже переливание крови делать. Если бы он тогда не выжил, может, ирменская сказка и не написалась бы. Не будь Бугакова, не пойди колхоз «Большевик» его путем, прими другой руководитель иные решения, все закончилось бы еще в советские годы.

Но он у нас был! Он не сдавался, если нечистые на руку люди пытались увести с полей оросительные системы. В любых обстоятельствах он бодался, воевал, отстаивал колхоз до последнего. Он сам, будто живая вода, восстанавливал и поднимал на ноги хозяйство при любой безнадеге.

ВЕРА И УПОРНЫЙ ТРУД

Александр Михайлович Попов

НАЧАЛЬНИК ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ЗАО «ПЛЕМЗАВОД «ИРМЕНЬ», ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Соединенным Штатам Америки нашу «Ирмень» сегодня догонять и догонять. Поэтому Байден пусть пока нервно покурит в сторонке. Задачу, которую ставил перед нами Юрий Федорович Бугаков, — надоить 12 и выше тысяч килограммов молока от коровы в год — мы выполнили. Обещание, данное ему, сдержали и США обогнали.

— Я при Юрии Федоровиче Бугакове вырос. Школу окончил. У меня чувство, что он, как мама и папа, был в моей жизни всегда. Так я к нему и относился — с сыновним уважением и благодарностью. И он ко мне — по-отцовски. Подойдет иногда, обнимет: «Ладно, Саня, не грусти!» После этих слов на душе становилось светлее.

Мои родители всю жизнь отдали колхозу, который он возглавлял почти полвека. Мама была одним из лучших в России техников искусственного осеменения, а отец — ребенок войны, дай бог ему здоровья, десятки лет отработал животноводом. В целом трудовая династия семьи Поповых насчитывает сегодня минимум девять человек. И для меня выбора, куда идти работать, тоже не было — только в колхоз. В Ирмени родился, в Ирмени крестился, здесь и помирать буду.

Поступал я в «Большевик» два раза. Первый — после школы. В советские годы в колхозе были такие строгие правила, что на работу брали только после собеседования. Это был «судный день», иначе не назовешь. Представьте состояние 17-летнего подростка, который входит в зал, а там сидят серьезные мужи, в том числе и председатель, которые закидывают тебя вопросами! Пройти такое испытание и устроиться в «Большевик» было тогда для многих выпускников пределом мечтаний. Поэтому и обещание работать на совесть, которое мы давали комиссии, больше походило на присягу.

А второй раз я вернулся сюда после армии и техникума. Тогда было попроще.

Мне с детства очень нравились животные, особенно лошади. В первые годы работы в колхозе дернулся было пойти в механизаторы, но быстро понял: не мое. Душа искала чего-то другого. Поэтому после армии пошел учиться на ветеринара, а три года спустя с дипломом в руках зашел к председателю:

— Я окончил, Юрий Федорович!

— Ну, молодец! Приступай к работе, пойдешь на комплекс.

На комплекс, так на комплекс.

Первые годы я работал там и ветеринаром, и старшим врачом, и даже трансплантацией эмбрионов занимался — была такая модная фишка, делали коровам ЭКО. Юрий Федорович предложил поехать поучиться, я не отказался, прошел стажировку в Белоруссии и на Украине. В целом перспективы и результаты эмбрионального направления были неплохими, но в 90-х годах оно сошло на нет: институты позакрывали, а без серьезной научной базы заниматься этим сложным делом невозможно.

Тогда председатель принял решение отправить меня заведующим фермой по откорму быков. И там были результаты: мы брали двухмесячных телят и доводили их до товарных кондиций. Видимо, по итогу этой большой работы в 2006 году Юрий Федорович и сделал мне серьезное предложение: возглавить животноводческий комплекс. С того года мы плотно работали вместе, так как решились на кардинальную модернизацию.

Началась она со строительства новых современных доильных залов, которые позволяли хозяйству приобрести технические преимущества и улучшить условия труда. Идеи все, конечно, были Юрия Федоровича. Но и я старался быть надежным помощником. Мог, например, если приходила хорошая мысль, позвонить ему напрямую и в полдвенадцатого ночи, и в шесть утра: «Вот хотел бы сделать так, вижу перспективу».

Никогда выговора от него за эти неурочные звонки не получал, ответ у председателя был всегда один: «Ну давай попробуем».

И за три года мы совершили практически прорыв в животноводстве.

В 70-е годы, когда я ходил в школу, недостижимой планкой, идеей фикс для колхоза «Большевик» был надой от коровы в пять тысяч килограммов. И пока мы за партами учили биологию и математику, Юрий Федорович начал эту идею воплощать: создал селекционный отдел, в котором советские специалисты занимались скрещиванием скудной черно-пестрой породы с голштинами. При его горячей поддержке молоко потихоньку пошло вверх, и когда я 12 марта 1984 года в первый день пришел в колхоз в качестве ветеринара, здесь доили нереальные для соседних хозяйств пять тысяч. Вера и упорный труд сделали свое.

Но наш председатель хотел большего.

Это был лидер, провидец, который смотрел через себя, через века. Молочные успехи нашего хозяйства — одна из главных его заслуг как руководителя и как государственного человека. В течение одной короткой человеческой жизни он сумел достичь невозможного: надои в «Ирмени» стали выше, чем в Америке. Сегодня Штатам нас догонять и догонять, поэтому Байден пусть пока нервно покурит в сторонке. Задачу, которую ставил перед нами Юрий Федорович Бугаков, — достичь 12 и выше тысяч килограммов молока от коровы в год — мы выполнили, обещание свое перед ним сдержали. Вот только, к сожалению, доложить ему об этом не успели: рекорд был поставлен 31 декабря 2020 года, а днем раньше Юрия Федоровича не стало.

Он не узнал, что мечта всей его жизни сбылась: сегодня в его любимой «Ирмени» молока доят больше, чем где-либо в мире. Один Израиль мы пока не догнали, а этого он тоже страшно хотел. Но ничего, уже два года подряд наступаем Святой земле на пятки, так что и этот наказ председателя рано или поздно будет выполнен.

Юрий Федорович так горел идеями, так стремился к лидерству, что не проникнуться было невозможно. Он заражал энтузиазмом всех вокруг. Помню, была на слуху одна его очень известная фраза, что наши доярки будут ходить на ферму в туфельках. И навсегда забудут про свои фуфайки «на выход». Когда мы построили и запустили первый доильный зал, осмыслили эту фразу заново. На фоне свежего здания, как на контрасте, стали резко бросаться в глаза всякие мелочи: то телега бесхозная не на месте стоит, то пачки от сигарет на земле валяются. Идея облагородить территорию снова встала во весь рост. Решили: будем потихоньку воплощать обещание председателя про туфельки.

До этого газон в Ирмени сеяли только у конторы. Мы сочли, что надо и на комплексе. Юрий Федорович требовал, чтобы все было аккуратно, невычурно, но красиво. Чтобы душа и глаз радовались. А что может быть симпатичнее, чем живая зелень? Вот и начали с газона и клумб. Поехал я как-то в Новосибирск, смотрю — на площади Труда замечательная цветочная конструкция. Подглядел, как сделано. Потом в Питере увидел вазон-«бабочку». Тоже конструкцию срисовал. Мы вообще где что интересное увидим, сразу подхватываем — так Юрий Федорович приучил. Он был мастак на всякие выдумки и нас за них поощрял.

Потом фигурки заказали, фонтанчик типа водопада… Вроде мелочи, а настроение другое — хочется идти на работу. Обычно я придумаю что-нибудь, объясню нашим местным Кулибиным, что нужно сделать, мужики покумекают, воплотят, а я — к председателю: «Давайте ребятам премию выпишем». Он никогда не отказывал. И так потихоньку добились своего: сегодня по территории комплекса стыдно ходить в сапогах. Только в туфельках. Желательно начищенных.

Заслуга нашего председателя не только в том, что под его руководством выведен ирменский тип коров, но и в том, что появился новый ирменский тип людей. Наши умеют работать. Не как в городе на заводе: ручки после смены помыл — и домой.

У нас непрерывное производство, которое нельзя остановить, несмотря ни на выходные, ни на природные катаклизмы. Нам нужна особая сплоченность. В пандемию, например, у меня в один день четыре человека на работу не вышли. Угроза сбоя цикла встала во весь рост. Но ничего, стали искать замену, брали людей с других участков, обучали, но ни разу технологии доения не нарушили. Мы живем за счет молока! И это тоже благодаря удивительной чуйке Бугакова, который в 1991 году привез из Швеции идею переработки. В первые годы начинали с десяти тонн в день, сейчас делаем по сто.

Хозяйство вести — не штанами трясти. «Ирмень» стояла в первую очередь потому, что мы своему руководителю верили. За сорок лет работы, в том числе и в лихие годы, я не припомню ни одного случая, чтобы у нас хотя бы на день задержали зарплату. Нет, вру, однажды в банке не оказалось налички, пару дней пришлось подождать. Но это был единственный случай, и то не по вине руководства.

А кроме зарплаты нас постоянно поощряли морально. Помню, я был депутатом районного совета, сижу с коллегами на сессии, и вдруг звонит Бугаков: «Поздравляю, Александр Михайлович, на тебя пришла телеграмма о присвоении звания заслуженного работника сельского хозяйства!» Для меня это было огромной неожиданностью. Я ничего не знал, по распоряжению Юрия Федоровича нужные бумаги были собраны и отправлены в Москву втайне.

Широчайшей души был человек! К нему не только с производственным, но и с личным вопросом можно было в любое время обратиться. Знаю это по собственной семье. Много лет назад матушка у меня заболела, слегла в больницу. А я был в командировке в Белоруссии. Отец пришел ее навестить вечером, смотрит, совсем плоха. А там один товарищ подсказал: если что-нибудь срочно не предпримете, до утра не дотянет. Услышав это, папа отбросил все стеснения и на ночь глядя пошел к Юрию Федоровичу. Тот с порога все понял: «Сейчас решим». И через пару часов маму увезли в Ордынку, сделали операцию, и, слава богу, она жива до сих пор.

Такое не забывается.

Если говорить образно, наше хозяйство, наш коллектив — это большое дерево, корнем и стволом которого был Юрий Федорович Бугаков. А мы — и толстые ветки, и тонкие, и крохотные листочки, и крупные — все от него. Могучее он посадил дерево. И сына за себя оставил, чтобы оно стояло и стояло многие годы.

УРОКИ ЛЮБВИ К РОДИНЕ

Владимир Петрович Орешок

директор Верх-Ирменской средней школы имени Героя Советского Союза Александра Демакова

В конце 90-х у нас проходил очередной форум. Юрий Федорович подошел ко мне и говорит: «Смотри, мне надо, чтобы наши сельские ребятишки по уровню образования не уступали городским лицеистам и гимназистам. И чтобы без вопросов выдерживали конкуренцию в лучшие вузы». Я воспринял эту просьбу как сигнал ввести в школе специальные классы с углубленным изучением предметов. Результат появился достаточно быстро — наши дети стали поступать в Москву.

— Благополучие любого села определяется тем, остаются ли в нем выпускники. Если да — у него есть будущее. Если нет — медленно доживает свои дни.

Юрий Федорович Бугаков понимал это, как никто другой. В советское время, задолго до тенденций разрушения «глубинной» России, он прилагал усилия, чтобы Ирмень всегда оставалась территорией будущего.

Я знаю это не понаслышке, в конце 80-х сам возглавлял комсомольскую организацию колхоза «Большевик», тогда одну из самых крупных в Ордынском районе. В ее составе было почти двести комсомольцев, которых правление колхоза никогда не оставляло без внимания. И не только на производстве. Наши молодежные звенья в животноводстве и полеводстве гремели на всю область, зарплаты и премии были достойные, но руководство хозяйства старалось обеспечить ребятам и досуг, и возможность заниматься творчеством и спортом. При финансовой поддержке колхоза, в тесном сотрудничестве с Юрием Федоровичем мы отправляли молодых передовиков по комсомольским путевкам за границу и в различные туры по России.

Это было прекрасное время. Часть вчерашних школьников, конечно, делала выбор в пользу города, но львиная доля оставалась. В Ирмени молодежи всегда было и где заработать, и чем полезным заняться после трудового дня. Как сегодня помню, например, комсомольский субботник по сооружению монумента памяти погибшим в Великую Отечественную войну. Такой механизации, как сейчас, в те годы не было,

и мы практически вручную соорудили конструкцию с четырьмя пилонами — контурами холмов, перелопатив под сто тонн грунта. И сегодня, нисколько не приукрашивая, можно сказать, что главный памятник в нашем селе появился благодаря рукам комсомольцев 80-х.

Создавали мы и новые традиции. Когда наш Герой Советского Союза Александр Демаков погиб в Афганистане, предложили сделать эту траурную дату общим сельским Днем памяти. Традиция прижилась и поныне остается одной из главных в нашем ирменском календаре.

С Бугаковым было непросто — он задавал невероятный темп и ставил очень высокую планку. Наша работа была напряженной, но очень результативной. Руководство «из кабинета» Юрий Федорович никогда не практиковал и не поощрял, ну и я, соответственно, фактически жил «в полях». А потом комсомольский возраст, как и огромная наша страна под названием Союз Советских Социалистических Республик, закончился. А стремление нашего председателя обеспечивать Ирмени достойные перспективы — нет. Он продолжил работать на то, чтобы вчерашние школьники в конкурентной борьбе между городом и деревней выбирали свою родину. Тогда я и стал директором Верх-Ирменской школы.

Это назначение — отдельная история, которая связана с личностью Юрия Федоровича. Однажды в конце 80-х мы с ним ехали с очередного пленума райкома партии. Он не просто так пригласил меня в свою машину. Председатель «Большевика» видел, что КПСС близится к своему закату. Ему казалось, что помочь может омоложение партийных кадров, и по дороге он завел со мной разговор:

— Давай-ка, Владимир Петрович, ко мне парторгом, надо поднимать эту работу.

А у меня в планах была исключительно педагогика: по образованию историк, я перешел на работу в Верх-Ирменскую школу уже заместителем директора.

— Не верю я в себя в роли парторга, Юрий Федорович. Если делать что-то доброе, то лучше в школе. Все перспективы — там.

Наверное, тогда я обидел его отказом. Но виду он не подал, буркнул что-то вроде «ладно, поговорили и забыли». Однако, как выяснилось позже, ничего не забыл. Когда в 1992 году мой предшественник на посту директора школы перешел на работу в сельсовет, Бугаков вспомнил нашу беседу и рекомендовал в качестве замены мою кандидатуру. Так в моей трудовой биографии начался новый период, который длится тридцать лет.

Работу директора школы Бугаков считал одной из важнейших в селе. Когда мы с ним говорили об этом, то сошлись на одной важной мысли: ждать, когда закончится в России перестройка, не стоит. Воспитательной работой в условиях краха пионерской и комсомольской организаций надо заниматься самим.

Договорились, что в Верх-Ирменской школе должны стать главными как минимум три вещи: чтобы дети хорошо учились, достойно себя вели и были социально активны. То есть надо воспитывать будущих выпускников так, чтобы село ими гордилось. Это и стало своеобразной точкой отсчета.

Ирмень в перестройку сумела устоять. И школа тоже.

Когда советские традиции везде рушились, у нас процесс созидания был в разгаре. Мы вместе с учителями и детьми на коммунарских активах придумали и воплотили в жизнь идею общественной организации «Эскадра-альтруист», благодаря которой дети успели многое сделать для села на бескорыстной основе. В ней было все, что полагается солидному объединению: свой флаг, свой гимн, свой герб. Руководили работой адмирал и адмиральский совет, сформированный на основе выборов. Это была важнейшая нематериальная школьная ценность для учеников, родителей, всей Ирмени. Нашу «Эскадру» повсюду знали, уважали и приглашали, у нас росли лидеры, которые с детских лет учились брать на себя ответственность за важные решения.

А в 2019 году, когда период исторической турбулентности был пройден, мы преобразовали ее в «Единство Ирмени», снова объединив заинтересованные стороны: ребят, их родителей и школьных партнеров. Теперь у нас не адмирал, а лидер, но тоже выбирается детьми. Руководство по-прежнему демократическое, на основе триумвирата — представителей от детей, педагогов и родителей.

Юрий Федорович был рад этому преобразованию, в последние годы он часто критиковал «игру в матросов», говорил: «У нас моря нет, только поля. У нас должны быть не экипажи, а бригады». Но все-таки «Эскадра», несмотря на не совсем сибирскую тематику, свою роль в жизни Ирмени сыграла. Ее придумали дети, и она четверть века помогала нам «переплывать» трудные годы критического пересмотра основ школьного воспитания.

Бугаков, кстати, их периодически пересматривал, без проб и ошибок не обошлось. Вместе мы настойчиво искали наиболее подходящий для нашей школы воспитательно-образовательный формат.

Помню, в конце 90-х был очередной форум. Юрий Федорович подошел ко мне и говорит: «Смотри, мне надо, чтобы наши сельские ребятишки по уровню образования не уступали городским лицеистам и гимназистам. И чтобы без вопросов выдерживали конкуренцию в лучшие вузы». Я воспринял эту просьбу как сигнал ввести в школе специальные классы с углубленным изучением предметов.

Результат появился достаточно быстро — наши дети стали поступать в Москву.

Но мы с Юрием Федоровичем поняли, что у «столичного» успеха есть и вторая, не очень нас устраивающая сторона. После лучших университетов и обретения блестящих перспектив ирменские выпускники перестали возвращаться домой. Бугаков эту тенденцию уловил четко и в привычно жесткой манере вновь поставил вопрос о переосмыслении школьной стратегии. После нескольких мозговых штурмов мы придумали новую модель профессионального самоопределения.

Это была далеко не бумажная работа «из кабинета». И так получилось, что она стала последним крупным проектом, который мы реализовали в сотрудничестве с Юрием Федоровичем Бугаковым. Проектом, нацеленным на светлое будущее его любимой Ирмени. Он уже понимал, что стал чаще болеть, и дал школе четкий посыл: работаем на перспективу. По сути, этот проект — его наследство.

В 2016 году мы внедрили первую программу профессионального самоопределения, специально для которой составили перечень из 18 необходимых для Ирмени специальностей. Дети получили возможность самостоятельно выбирать ту, которая нравится. Сейчас мы по факту работаем с каждым ребенком, с детского сада и до студенчества.

Во-первых, все школьники посещают социальные и производственные объекты села с экскурсиями. Во-вторых, в девятом классе начинаются «пробы профессий» — ребятишки на практике примеряют на себя одну специальность за другой. Мы привлекли для этого множество специалистов, в том числе и за пределами школы. Промежуточные итоги самотестирования подводим в рамках круглого стола с участием родителей, учителей и экспертов, мастеров своего дела, которые работали с детьми.

Затем следует более высокий уровень: в десятом классе ребята готовят большой личный научно-исследовательский проект по выбранной специальности и реализуют его вместе с кураторами — представителями «Ирмени» и других служб села. А ближе к выпускному делают первые реальные шаги в профессию — два месяца после уроков ходят на работу: бухгалтером, медиком, специалистом колбасного цеха.

Юрий Федорович программу эту принял и одобрил. Более того, поддержал материально. Сказал: «Если выпускникам необходимо коммерческое обучение, “Ирмень” примет участие в его оплате».

Благодаря совместной работе в прошлом году в село вернулись первые ребята, прошедшие все стадии программы.

Мы рады, что они пошли учиться именно на те специальности, которые нужны Ирмени, что предпочли свою малую родину Новосибирску, Москве и другим престижным городам.

Роль Бугакова в развитии села в целом и сельского образования в частности трудно переоценить. Она огромна. Председатель племзавода не оставлял на задворках ни одну из школьных «задачек». Не зря в 80-е годы Юрий Федорович был награжден знаком «Отличник народного просвещения РСФСР». Его интересовало все: содержание педагогической работы, ее результативность, внешний вид детей, их поведение, умение здороваться. Обычно придет в школу, все внимательно осмотрит, каждую мелочь подметит, а потом обязательно последует либо выговор, либо похвала. Мы принимали и то и другое с благодарностью: пустых слов он не говорил. А мог и самостоятельно заметить какую-либо острую школьную проблему, чтобы потом без всяких просьб разрешить ее.

Так получилось, например, с асфальтом. Однажды он пришел в школу и обратил внимание, что наш двор, сданный в эксплуатацию вместе со зданием в 1980 году, сильно обветшал. Мы прекрасно знали о его состоянии, но, понимая, что ремонт стоит миллионы, не рисковали даже заикаться об этом.

Юрий Федорович по двору походил-походил, языком поцокал, а через два дня смотрим — под школьные окна пришла техника. И через неделю у нас была обновленная пришкольная территория! Сказать, что весь педколлектив пришел в изумление, — ничего не сказать!

Он на школу ничего не жалел — ни внимания, ни денег. В некоторые годы мы от племзавода получали больше, чем от государства. И обязательно, это как «Отче наш», председатель «Ирмени» приходил к нам на первый и последний звонок. Всегда с подарками, главным из которых была возможность для каждого ребенка сделать первый шаг во взрослую жизнь. Сегодня, когда наши дети рассказывают гостям школы о том, как им нравится летом работать на племзаводе, некоторые пальцем у виска крутят: вы сумасшедшие в каникулы вкалывать? Может, со стороны и так, но из желающих трудоустроиться летом в «Ирмень» очередь стоит. С советских лет Юрий Федорович находил для школьников фронт работ, щедро им платил и предпочитал вручать увесистую детскую зарплату торжественно, на первой школьной линейке.

В заведенной председателем «Ирмени» традиции объединялись и материальная, и моральная мотивация, поэтому ничего удивительного, что дети у нас мечтают в каникулы не спать до обеда, а ходить на работу. Как и в том, что сегодня в нашей школе открыт класс имени Юрия Федоровича Бугакова, в котором дети получают первые уроки любви к своему селу и первые навыки самостоятельности. Все, как он и хотел.

ЛЕГЕНДА СИБИРИ

Андрей Александрович Травников

губернатор Новосибирской области

Уникальность Бугакова заключалась в том, что он умел сочетать, казалось бы, несочетаемое: консерватизм и новаторство, жесткость и человеколюбие, тактичность и прямоту. Создав десятилетиями упорного труда непревзойденное по показателям хозяйство — племзавод «Ирмень», он не позволял себе останавливаться на достигнутом, постоянно был в поиске нового и до последних своих дней трудился на славу Новосибирской области.

— Не боюсь повториться: Юрий Федорович Бугаков был человеком-легендой. И не только в Сибири. Его фамилия широко известна всей Российской Федерации. В последние лет тридцать перед любым губернатором и любым министром сельского хозяйства Новосибирской области стояла одна неизменная задача — максимально широко растиражировать опыт «Ирмени» на другие агропредприятия. Когда перед тобой такой лидер, такой пример — это просто необходимо делать. Также управленческой команде региона всегда было важно, чтобы и Юрий Федорович чувствовал, что его достижения — неоценимая для области вещь.

Уникальность Бугакова заключалась в том, что он умел сочетать, казалось бы, несочетаемое: консерватизм и новаторство, жесткость и человеколюбие, тактичность и прямоту. Создав десятилетиями упорного труда непревзойденное по показателям хозяйство — племзавод «Ирмень», он не позволял себе останавливаться на достигнутом, постоянно был в поиске нового и до последних своих дней трудился на славу Новосибирской области.

К сожалению, в отличие от коренных новосибирцев мой период знакомства с председателем «Ирмени» был коротким — всего три года. Но в данном случае качество оказалось важнее количества: наше общение было настолько насыщенным и воодушевляющим, что мне часто казалось, что я знал этого человека всегда.

Первая наша встреча состоялась в начале 2018 года — в период, когда я в статусе временно исполняющего обязанности губернатора Новосибирской области объезжал регион. Поездка в Ордынку, в отличие от других районов, была двухдневной, так как в «Ирмени» — главной достопримечательности Ордынского района —

действительно есть на что посмотреть. Юрий Федорович показал мне замечательное хозяйство — дело всей его жизни. Мы обошли производственные объекты, поговорили с людьми, и главное, что я понял буквально в первые часы знакомства, — несмотря на свой достаточно жесткий характер, руководитель племзавода трепетно относится к судьбе каждого своего односельчанина. В нем чувствовалось нечто очень заботливое, отцовское, что подкупало.

Расстались мы как давние знакомые, и Юрий Федорович пригласил меня заехать еще, чтобы более обстоятельно, никуда не торопясь, поговорить о развитии аграрной отрасли региона. Конечно, я приглашением воспользовался, и не раз.

Что интересно — на перекрестке у трассы Бугаков всегда встречал меня сам. Не припомню ни одного случая, чтобы за рулем его автомобиля сидел водитель. Я пересаживался к нему на пассажирское сиденье, и мы отправлялись по полям и комплексам. Опытный руководитель, он хорошо знал, что такое протокол рабочего визита главы области, ответственно относился к запланированному графику, но мог и с удивительной простотой его расширить: «А давайте отклонимся от маршрута!»

Помню, как мы вместе с владыкой Никодимом ездили по приглашению Юрия Федоровича в Михаило-Архангельский монастырь в Козихе, а потом он внезапно предложил поехать на поля: «Посмотрите, как мои ребята работают!» И всей делегацией во главе с владыкой мы отправились непосредственно на посевную — туда, где под первым весенним солнцем трактора поднимали плугом землю. Почему-то в памяти чаще всего и остаются такие неожиданные, импровизационные моменты.

Мне вообще нравилось ездить в Ирмень. Для меня была невероятно ценна возможность пообщаться с руководителем, который прошел огонь, воду и медные трубы, у которого душа болела за сельское хозяйство Новосибирской области. И говорили мы в первую очередь об этом:

о необходимости развития мощностей по хранению зерна, о развитии мясного скотоводства, о качестве переработки продукции.

Что еще было интересно: начинаешь обсуждать с ним какую-либо новую аграрную технологию, подсмотренную в другом хозяйстве, и вначале в ответ обычно получаешь несколько сдержанную реакцию: спешить не стоит, нужно еще слева и справа посмотреть, насколько это выгодно. А через год приезжаешь в Верх-Ирмень, смотришь — технология-то уже работает! Практически в каждую из наших встреч Бугакову было чем удивить.

В том числе — и новой вкусной продукцией, которой он очень любил угощать.

Открою секрет, с первых дней моего приезда в Новосибирск вся молочка в нашем доме — ирменская. И не только потому, что я с большим уважением относился к руководителю этого хозяйства, а объективно: моя семья знает, что это продукция, качеству которой можно доверять.

Говорят, правители нуждаются в мудрецах значительно больше, чем мудрецы в правителях. Вот это точно про Юрия Федоровича Бугакова. Думаю, не только мне, но и многим знавшим этого человека представителям управленческой команды области сегодня очень не хватает общения с ним. Его неспешного, вдумчивого, но при этом юморного и неизменно позитивного подхода к любой проблеме. В нем было то, что я очень ценю в людях, — осторожный оптимизм, сочетающийся с прямотой. Имея за плечами огромный управленческий опыт, авторитет и славу, он тактично, понимая, что на моих плечах ответственность за целый регион, мог обратить внимание на те вещи, которые, по его мнению, надо поправить. Уже в первую нашу встречу он счел необходимым высказать мне ряд замечаний по поводу развития аграрной отрасли и после делал это регулярно. Но критика у него получалась настолько корректной, что воспринималась как совет, как обмен мнениями на равных, переходящий в легкую дискуссию.

Юрий Федорович был невероятно по-житейски мудрым, чем очень к себе притягивал. И сегодня одной из непреложных обязанностей руководства региона я считаю сохранение памяти об этом замечательном человеке.

Здесь нам есть о чем сказать.

Во-первых, имя Ю. Ф. Бугакова присвоено Ордынскому аграрному колледжу.

Во-вторых, с учетом его многолетнего депутатского опыта мы сочли, что самым удачным местом для увековечения памяти легендарного председателя станет сквер его имени рядом с Законодательным собранием.

В-третьих: в Новосибирской области учреждена премия имени Бугакова. Идея в том, чтобы ежегодно вручать эту награду последователям его дела — сильным, ответственным, патриотичным руководителям агропредприятий, отдавшим много лет своему хозяйству и селу.

Оценивая положение дел в сельскохозяйственной отрасли региона в целом, могу отметить, что чувствует она себя уверенно, мы серьезно поднялись в производительности, а также качестве и объемах продаж сельхозпродукции. Именно этот общий тренд и задавал Юрий Федорович, когда на наших встречах говорил, что нужно вкладываться в переработку, в повышение качества, в возможность сохранять урожай до выгодных цен. Это был его принципиальный подход, и сегодня мы видим, что опыт племзавода, где в конечный продукт перерабатывается все, что можно переработать, подхватывают другие хозяйства.

Да и «Ирмень» благодаря его дальновидности уверенно стоит на ногах. Доставшийся от отца штурвал корабля крепко взял в руки Олег Юрьевич Бугаков, так что темпы развития хозяйства не потеряны, планы реализуются, намеченные показатели достигаются. Поэтому я уверен, что дело Юрия Федоровича в нашей области будет достойно продолжено.

РЕКОРДЫ, РЕФОРМЫ, ЖИЗНЬ

Участь глубокой старости зависит от того,
на что была потрачена молодость.

Бугаков и в свои восемьдесят был полон радости жизни.
Больше того — он светился энергией предпринимателя, у которого компания
работает как часы. Значит, молодость не была потрачена на безделушки.
Значит, в юношеские годы он сумел отыскать свое истинное призвание.

Период его взросления стал взлетной полосой к той редкой высоте – профессиональной и человеческой, поднявшись до которой, люди становятся очень требовательными к себе. Снижать планку для них уже непозволительно, невозможно. И для Бугакова стало делом чести все лучшее и передовое в сельском хозяйстве Сибири начинать с Ирмени.

Именно здесь появились новый тип породы сибирских коров, уникальные агротехники, коллективы интенсивного труда, элитные коттеджи для колхозников, холодный метод выращивания телят, беспривязное содержание стада… И многие другие новации. За полвека правления Бугакова небольшое сибирское село стало аграрным центром России, постоянно внедряющим практики мирового уровня и вызывающим зависть и интерес всей отрасли.

Бесконечные делегации, в том числе и из-за рубежа, приезжали сюда не только за технологиями. Они стремились перенять особый ирменский стиль жизни. Хотя перенимать и постигать следовало лишь одно: феномен руководителя, который не представлял своей работы без очередного рекорда.

В 2002 году на опытном участке «Ирмени», который занимал более 70 гектаров, столпилась очередная группа ученых. Они прибыли в поисках ответа на вопрос: «Как? Как такое возможно?» Бугаков опять всех удивил: его хлеборобами получен самый высокий урожай зерна в постсоветской России — 76 центнеров с гектара!

Невероятный результат почти двадцатилетнего труда.

Первые шаги к рекорду, внедряя интенсивные технологии выращивания зерновых культур, сделал в начале 80-х заведующий кафедрой Новосибирского агроуниверситета, доктор сельскохозяйственных наук Кайрулла Габбасович Алимов. Тогда он нашел в лице Бугакова единомышленника и инвестора: председатель колхоза «Большевик», не скупясь, поддерживал ученого, пока тот в поисках решения экспериментировал с почвами и сортами. И попал в яблочко: в 1986 году на опытном поле «Большевика» установлен первый хлебный рекорд — 50 центнеров пшеницы с гектара.

«Это был шок! — вспоминал Бугаков. — Ведь обычно сибирские агрономы хлопали в ладоши, даже когда удавалось получить 20 центнеров. А тут больше в два с половиной раза!»

В достоверность ирменского результата почти никто не верил. Большие начальники, научные сотрудники приезжали, изучали, считали… Подозревали в тайных подтасовках. Но назло скептикам урожайность с каждым годом росла. Через шесть лет после первой жатвы на экспериментальном поле уже на всей колхозной площади в 9 тысяч гектаров было собрано по 46 центнеров! Хлеборобы доказали, что и в сибирских условиях при сбалансированном питании и надежной защите растений от болезней, вредителей и сорняков можно получать немыслимые урожаи.

Ученые, приехавшие зафиксировать достижение, спросили председателя:

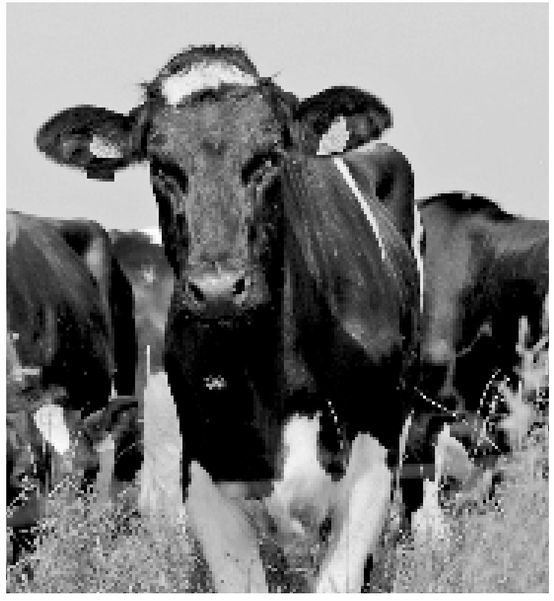
— Юрий Федорович, а зачем вам нужны такие поразительные результаты? Вы же понимаете, что массового применения ваши агротехники в обозримом будущем не найдут. Сельское хозяйство страны не может обеспечить условия для таких урожаев — слишком слаба экономика.

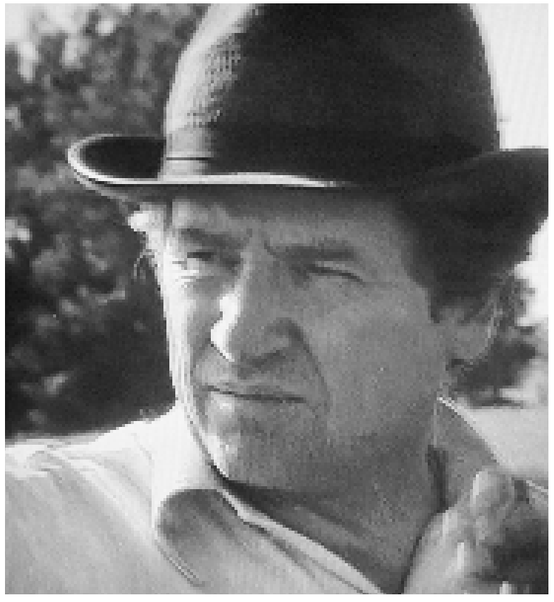
— И что теперь — сидеть сложа руки? — парировал председатель. — Для меня важно было доказать, какой щедрой может быть сибирская земля, если относиться к ней грамотно.

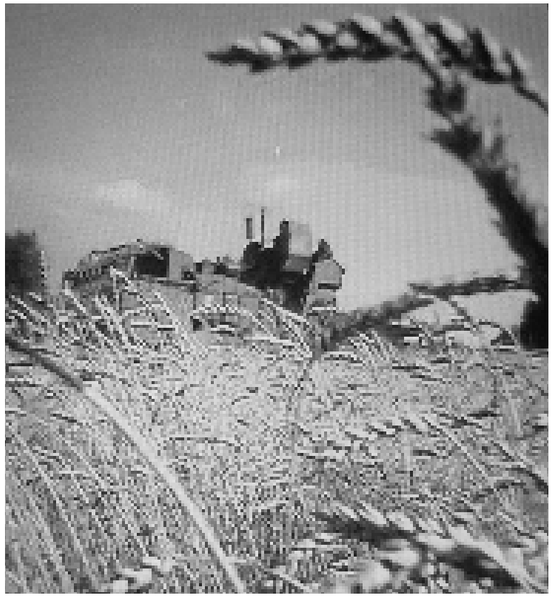
Такие скептики и пессимисты периодически встречались и в составе делегаций, осматривающих пять ирменских доильных залов от шведской компании DeLaval, где с тысячами коров в смену управляются всего девять операторов машинного доения.

Бугаков вначале сердился, потом привык. Он понял, что для большинства людей нытье и отговорки характерны больше, чем желание засучить рукава и добиться невозможного. А он добивался.

После удачного завершения селекционной работы по выведению нового типа коров и реконструкции комплексов «Ирмень» сделала очередной рывок: надои молока поднялись с 7 до 12 тысяч килограммов. С этим результатом в России и сегодня рядом никто не стоял. Да что там в России! Впереди маленького сибирского хозяйства только Израиль, Земля обетованная.







Два рекорда. Две высоты мирового уровня. Два дерзких решения молодого Бугакова, которые обеспечили ему триумф в зрелости… Он говорил: «Советский Союз после войны все догонял, догонял Америку, но никак не мог догнать. А Верх-Ирмень и догнала, и перегнала — мы жили и живем лучше США в десять раз».

Однажды Юрия Федоровича в его командировке в Штаты сопровождал американец Дин Францискович. В свои пятьдесят лет Дин жил в старом доме и ездил на машине, за которые платил кредиты банку. Он не пил и не курил, но, приезжая в Россию, делал и то и другое. И очень просил Бугакова не рассказывать об этом его жене: «Она боится: если я подорву здоровье, мы снова переселимся в бедный квартал». А увидев ирменские дома, сказал, что иметь такой в собственности у себя в США — его несбыточная мечта.

Но, несмотря на удавшийся «обгон Америки», хозяину «Ирмени» порою было обидно за свою страну. Ведь многие его мечты воплощались в жизнь не благодаря, а вопреки. И речь не только о широко известном политическом запрете на выведение новой породы. В интервью «Вечернему Новосибирску» в 2012 году Бугаков рассказывал: «В 90-е годы по сельскому хозяйству в России врезали так, что мне и сейчас непонятно, как мы выстояли. Ведь наряду с экономическим уничтожением была и моральная травля: ельцинские либерал-реформаторы объявили председателей колхозов «помещиками», «носителями вредной совково-колхозной идеологии». Кто-то из нас выдержал эту травлю, а кто-то — нет. Началась массовая дикая насильная приватизация. Руководителей колхозов и совхозов заставляли акционироваться, а вдобавок обязали проходить процедуру избрания. Из-за этого во многих хозяйствах за год менялось до пяти директоров! Помню, в Козихе однажды выбрали настоящего уголовника, только что из тюрьмы. Приехал в деревню этот бритоголовый деятель и сказал жителям: «Изберете меня, завтра привезу вам уголь!» Ну что, взяли да и выбрали. Потом стали разбираться, оказалось — рецидивист. Его прямо из руководящего кресла — опять в «обезьянник».

В годы реформ прекратили существование не только слабые хозяйства, банкротились и крепкие «середняки», и бывшие флагманы отрасли. «Ирмень» тоже пошатнулась. Однако устояла. Потому что среди остальных агропредприятий ее выделяло одно невероятное преимущество: руководитель хозяйства умел превратить напасти в победы. То, что убивало других, Бугакова делало сильнее.

Все сибирские агропредприятия находятся в зоне рискованного земледелия. Заниматься в них животноводством, особенно молочным, не имея постоянного запаса кормов, невозможно. Даже если в засушливый год государство поможет субсидиями и дотациями, корову деньгами не накормишь. В таких случаях под натиском метеообстоятельств Бугаков вводил в «Ирмени» «всеобщую мобилизацию».

Когда на своих полях становилось совсем голодно, колхозники ехали на заготовку кормов в Томскую область или в Колыванский район или дружно выходили с литовками в околки, овраги, косили по деревенским окраинам крапиву и рубили березовые ветки. Благодаря хозяйской сметке председателя, который всегда держал запас сена, сенажа и силоса на два-три года вперед, по причине недокорма здесь не потеряно ни одной коровы. Жарило ли солнце, заливали ли ливни, Бугаков умел найти брешь в погодных фронтах.

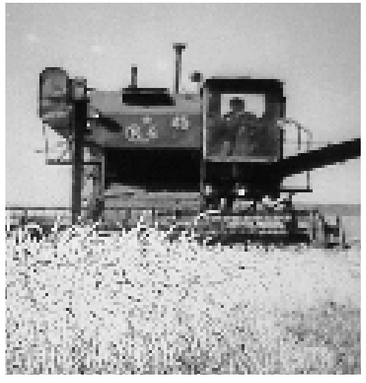
В 2013 году проблемы начались еще с посевной. Дождей в весенне-летний период выпало в три раза выше нормы. Что творилось в полях! Техника вязла в грязи. Механизаторы «Ирмени» дежурили в уборку у комбайнов чуть не круглые сутки, запуская их сразу, как только между затяжными дождями возникало небольшое сухое «окошко».

Бугаков не вылезал с поля. Он торопил мужиков, поскольку не боялся, что самосвалы повезут зерно мокрым. Ему не нужно было ждать, когда урожай естественным образом просохнет до рекомендуемых 24 процентов влажности. Предвосхищая любое развитие событий, он заблаговременно позаботился о покупке сушилок. В частности, одна только «Веста» обрабатывала около пятидесяти тонн зерна в час. Поэтому, несмотря на непрекращающиеся ливни, урожай везли под крышу, пропускали несколько раз через горячий воздух, доводили до нужных кондиций и отправляли на хранение. И назло болоту, которое устроила на полях погода, смогли убрать все, снова став первыми в области!

Были большие проблемы и с уборкой кукурузы, но тут морозец помог.

Кстати, первый в Сибири опыт выращивания кукурузы на семена по традиции принадлежит «Ирмени». По мнению специалистов хозяйства, которые ездили в Израиль изучать эффективность использования глютена в рационе коров, ставку стоило делать именно на эту культуру. Приняв решение заниматься кукурузой, «Ирмень» снизила затраты на покупку кормов на ее основе в пять раз! До этого брали кукурузную муку за рубежом по 50 тысяч рублей за тонну, а своя стала обходиться в десять тысяч. Вот и ответ на вопрос, почему Бугакову во всем сопутствовал успех. Да просто голова была на месте.

Он всегда знал, когда пора начать торговать зерном, а когда стоило его попридержать. Например, в 2011 году, все хозяйства с осени начали продавать пшеницу по четыре тысячи рублей за тонну, Бугаков преспокойно возил урожай на склады, которых к концу сезона построил двадцать! Выдержал нужную паузу — и стал реализовывать свой продукт. Но по десять тысяч.



Помогла его экономическая смекалка выжить и в пору профицита молока.

В 90-е холодильники у переработчиков были под завязку забиты готовой продукцией, которую никто не брал. Чтобы сократить убытки, им не оставалось ничего иного, как отказываться от излишнего закупа сырья. А ирменцы тогда надаивали до 30 тонн в день. Как быть? Молоко на землю не выльешь, корове вымя не завяжешь. Приходилось всю эту роскошь спаивать телятам.

Бугаков, закаленный трудностями и переживший не одну реорганизацию, не мог сомкнуть глаз ночи напролет. Неужели придется отказываться от племенного стада? Ликвидировать тысячи элитных коров? Некоторые руководители, кстати, так и делали — вырезали буренок и бросали скотные дворы, которые мгновенно, как после пожара, растаскивались по бревнышкам и кирпичикам. В тот год в «Ирмени» впервые за много лет отказались от выращивания кормовой свеклы и продали большую группу племенных телок. В нормальных условиях их оставили бы на ремонт стада.

Так быть племенному животноводству или не быть? Вопрос встал ребром.

И вдруг, когда судьба одной из лучших в стране ферм фактически висела на волоске, Юрий Федорович вспомнил давнюю идею, которую не удалось реализовать в советское время. Тогда он в составе одной из делегаций ездил в Швецию. При посещении компании Tetra Pak потолковал с ее президентом и загорелся установить в колхозе автоматическую линию по розливу молока в пакеты. Когда вернулся домой, даже нашел поддержку в Москве и области и спал и видел, как в Ирмень едет европейское оборудование за сотни тысяч долларов, но… Дело встало из-за пустяка.

В те годы молоко у хозяйств закупали по 41 копейке за литр, а в торговой сети оно продавалось по 26 копеек. Разницу переработчикам закрывало государство, а вот председателю «Большевика» в дотации отказало! Правда, он и просил больше. Но не просто так, а обоснованно — пытался отстоять свои реальные затраты в комитете по ценообразованию с калькулятором в руках.

В тот момент у него не хватило ни сил, ни доводов, чтобы преодолеть бюрократические барьеры. От великолепной идеи пришлось отказаться. Но сейчас-то что мешало к ней вернуться? После развала Союза никакие комитеты не могли запретить ему заложить нужную рентабельность. А это означало — выжить. И спасти ирменское животноводство.

Бугаков поднял старые расчеты и связи, нашел приемлемый кредит, купил импортное оборудование — и запустил свою переработку, одним выстрелом убив сразу трех зайцев. Новосибирцы получили качественные молочные продукты. Племзавод — постоянный и уверенный рынок сбыта и доход. Экономика области — надежного налогоплательщика.

Плюс возник неожиданный экономический бонус: верное решение Бугакова в тяжелейшей кризисной ситуации позволило «Ирмени» обрести заметное конкурентное преимущество на новосибирском молочном рынке на многие годы вперед. С конца 90-х и по сегодняшний день предприятие уверенно занимает четвертую часть этого рынка.

Дерзость руководителя принесла хозяйству не только весомые экономические плоды, но и символичное признание — медаль «За смелость». Эту особенную награду учредил Россельхознадзор для честных и уверенных в себе предприятий, которые изъявили желание пройти тщательную и внезапную проверку.

«Ирмень» вызвалась одной из первых: приезжайте в любой момент и проверяйте! Инспекторы не заставили себя долго ждать: приехали без предупреждения и взяли пробы продукции на анализ. А затем выдали вердикт: «По результатам лабораторных исследований продукция ЗАО “Племзавод “Ирмень” полностью соответствует требованиям технических регламентов Таможенного союза “О безопасности молока и молочной продукции” и “О безопасности пищевой продукции по показателям фальсификации”». Так «Ирмень» одной из первых в Новосибирской области вошла в «список честных» Россельхознадзора как предприятие, доказавшее качество своей продукции.

В каждом кризисе есть потенциал выхода на новую жизненную орбиту. Бугаков умел находить его, обогащая личный управленческий опыт. Именно в периоды мучительных поисков и раздумий, эмоциональных взлетов и падений Юрий Федорович научился не прятаться от угрозы, а смотреть ей в глаза, говорить людям горькую правду, а если принял решение — воплощать его, не сдаваясь под натиском обстоятельств. Он слушал себя, слушал мир, свой коллектив, ощущая себя с ним единым целым. И ирменцы будто чувствовали своего руководителя, неведомым образом читали его мысли, унывали вместе с ним и вместе загорались новыми идеями. На каждом эмоциональном витке эта связь становилась крепче, питала, давала силы и поддерживала председателя.

Он дерзал заглядывать за горизонт. Но замыслы свои строил исключительно на земной основе. Поэтому его взлетная полоса, строительство которой он начал на ирменских полях в молодости, вышла уникальной: она одновременно и подняла сибирского председателя на недосягаемые высоты, и позволила ему обеими ногами стоять на родной земле.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЗАПОВЕДНАЯ

Давно подмечено: хочешь узнать истинную сущность человека, дай ему две вещи — власть и деньги. Если «парень в горах не ах», высокое кресло и толстый кошелек обязательно это покажут.

Юрию Бугакову испытание двумя главными человеческими соблазнами в жизни выпало рано: уже в тридцать с небольшим вместе с должностью председателя колхоза он получил сотни подчиненных и право распоряжаться миллионами рублей. Плюс статус. В советское время руководитель крупного хозяйства не уступал по влиянию секретарю райкома, а в своем селе вообще был царь и бог.

И с первых лет руководства председатель «Большевика» мог своим «царским» положением прекрасно пользоваться: возвести для семьи крутой особняк, проводить половину года на курортах, определить дивиденды под хороший процент, а затем бросить беспокойное сельское хозяйство и встретить старость где-нибудь на берегу океана. У него были неограниченные возможности прожить жизнь для себя.

Но он этого не сделал.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

«Для меня деньги сами по себе имеют мало ценности, — отвечал Бугаков на вопрос “почему нет”. — Как и праздная жизнь, пусть даже в достатке и комфорте. Такая жизнь для меня противоестественна. Если бы мне нужна была власть, я бы давным-давно ушел из колхоза. Отработав три года, мог бы стать секретарем райкома партии, председателем райисполкома, заместителем нескольких губернаторов. Но я хотел быть руководителем хозяйства».

У него были железные принципы.

Очень простые, общеизвестные. Не кради. Не желай зла ближнему. Будь честен — в первую очередь с собой. Безупречная репутация этого человека имела под собой бетонное основание — личный моральный кодекс. Примером собственной жизни Юрий Федорович опровергал стойкое общественное убеждение, что успех и совесть в постсоветской России — вещи несовместные.

Он совмещал.

Когда в начале 90-х рухнул СССР и началась эпоха «прихватизации», «Большевик» стал первым колхозом в Новосибирской области, который реорганизовался в акционерное общество.

Стали думать, как распределить между новоявленными акционерами совместно нажитое добро. Схему предложил Бугаков. Она была простой и честной — по вкладу, в который вошли стаж, профессиональные заслуги каждого, в том числе пенсионеров, плюс сумма зарплат и премий за все годы. Дальнейшее было делом техники: поделив стоимость активов «Ирмени» на получившиеся баллы, экономисты вычислили цену одной акции, а затем и персональную долю каждого. Кто больше заработал — больше получил.

Бугакову тоже достался собственный пакет. Он был не самым скромным, конечно, но и не самым большим. Можно быть уверенным, что Юрий Федорович им бы и обошелся, если бы не реально возникшая опасность скупки акций и последующего захвата «Ирмени» рейдерами. Постоянные попытки разных пройдох наложить на предприятие лапу вынудили председателя постепенно довести свой пакет до контрольного — пятьдесят процентов акций плюс одна. На этом он остановился и больше свою долю не увеличивал.

Начало 2000-х… Очередное колхозное собрание должно было пройти по обычному сценарию: подведение итогов за прошедший год, добрые слова в адрес передовиков, нагоняй ленивым, а в финале самое вкусное — распределение дивидендов. И тут встал Бугаков: «Уважаемые акционеры, прошу не начислять мне дивиденды на мой контрольный пакет. Я бы хотел оставить эти средства на развитие хозяйства, так как считаю, что председателю достаточно и зарплаты». В зале на минуту воцарилась тишина.

Конечно, коллектив «Ирмени» и до этого знал, что их руководитель не занимается личным обогащением за счет предприятия. Но в ситуации, когда колхозники обрели неожиданную возможность получать по итогу года реально хорошие суммы, заявление Бугакова все равно прозвучало как гром среди ясного неба.

Первыми сориентировались юристы: «Юрий Федорович, так не получится. Нельзя. По закону хозяйство обязано вам все выплатить».

Тогда Бугаков берет ручку и пишет заявление: «Прошу направить средства, начисленные на контрольный пакет акций, на развитие социальной сферы общества». И с того памятного дня адресовывал акционерам такие заявления ежегодно.

Сколько он мог заработать за десятки лет владения контрольным пакетом? При желании это способен вычислить любой, прибыль предприятия — информация открытая. Например, только в 2019 году она составила более 494 миллионов рублей при выручке в 2,4 миллиарда. Но для Юрия Федоровича «деньги сами по себе ценности имели мало». Он точно знал, что на свете есть вещи гораздо дороже.

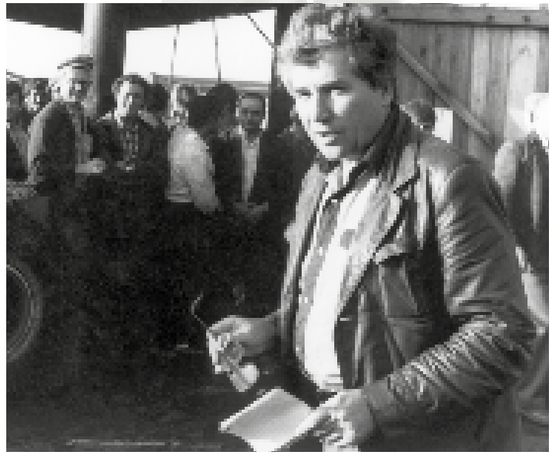
В 1977 году у Бугакова умерла мама. Можно сказать, прямо на руках. Потерю сын переживал настолько тяжело, что заболел. Почти год провел на больничной койке, балансируя на грани жизни и смерти. Причиной стало крайне сложное и опасное заболевание — заражение крови, которое требовало длительного лечения. Возникла критическая ситуация, которая определила отношение Бугакова к «Ирмени» на весь оставшийся ему век.

Однажды состояние пациента настолько обострилось, что единственным способом спасти ему жизнь врачи сочли полное прямое переливание.

«До этого я думал, что меня в “Большевике” не любят и боятся, — рассказывал позже Юрий Федорович. — Но когда узнал, что вместе с моей семьей беду переживали все колхозники, которые стали целыми автобусами приезжать и сдавать кровь, я понял, как ошибался. Особенно это почувствовал, когда ко мне в палату зашел Алексей Солминов — кряж такой, которого я перед этим выгнал из колхоза за пьянку. У меня ком встал в горле».

В те полные переживаний дни, когда исход болезни был непонятен, ирменцы дарили своему председателю не только кровь, но и дружную моральную поддержку. Их добрые слова возвращали его к жизни, а шутки в больничной палате заставляли смеяться, несмотря на слабость и боль.

«Заходит в палату другой мой колхозник Николай Петров.



Как полагается, верхнюю одежду снял, пошли они с сестрой в операционную. Она ему говорит: «Раздевайтесь! И плавки тоже снимайте». Он ей в ответ: «Ой, а у меня плавок-то нету». Сестра смутилась, замешкалась, а этот товарищ на абсолютном серьезе продолжает: «У меня только трусы». Я все это слышу, конечно, и понимаю, что сейчас все медицинские трубки повалятся — давно так не смеялся».

Вытянула Ирмень своего председателя.

И когда он, похудевший и осунувшийся, спустя почти год появился на отчетном собрании, то первое, что сделал, — обратился к людям со словами благодарности. «Теперь вы мне все родные по крови, — сказал Бугаков. — Я из Ирмени никогда не уйду и буду делать все, чтобы вы жили лучше».

Все плакали, и Юрий Федорович тоже.

В тот памятный год ему исполнилось сорок. Впереди было больше четырех десятилетий у руля хозяйства. И весь этот период деньги имели для него значение лишь в той мере, в какой приближали общую ирменскую мечту: построить село — идеал порядка, чистоты и благополучия.

Нет, утерев слезы благодарности после выздоровления, Бугаков не стал кротким и благостным, не утратил своего фирменного жесткого стиля руководства. Он просто выучился редкому жизненному искусству: оставаться первым среди равных.

Вот хотя бы известная история со свеклой.

Для хозяйства эта культура была далеко не рядовой: щедрое молоко требовало щедрого рациона. Но вырастить свеклу — дело трудоемкое, она нуждается в ручной обработке. Как только на огромном поле появляются всходы, его надо немедля очистить от сорняков. Согнувшись в три погибели или ползком на коленках — кому как нравится. На жаре или под дождем. Часами. Маленькая каторга.

Поэтому на собрании колхозники решили разделить ее на всех поровну. Независимо от должности, каждому члену коллектива и всей его семьи — от малых до старых — полагалось прополоть по два километровых ряда.

Придумали и способ морального поощрения столь рутинного труда: в начале каждого ряда ставили табличку с фамилией ответственного. Чтобы, придя на поле, сразу видеть, кто молодец. Поставили такие и Бугаковым. И многие колхозники, даже если для этого надо было сделать солидный крюк, любопытствовали: вдруг не прополоты? Тогда товарищу Бугакову так же, как и всем остальным, полагался нагоняй от бригадира, а в довесок — и снисходительные усмешки от подчиненных.

Вот только зря ходили. Потому что даже при напряженном графике председатель выбирал время

и вместе с детьми приводил свой «свекольный гектар» в идеальный порядок.

Такое исключительное бугаковское отношение к делу невольно задавало планку всей «Ирмени». Но главное — председатель получал неоспоримое моральное право по полной программе требовать и с подчиненных. В этом смысле у Бугакова всегда была репутация человека весьма резкого.

Во-первых, на дух не выносил лентяев.

Однажды жители одной из соседних деревень попросили у него помощи в ремонте крыши. Ладно, сказал, завтра же пришлю машину с шифером. Но этого мало, продолжили просители, кроме шифера нужны еще и работники, своих нет. Ладно, вздохнул председатель, постараемся помочь. А дальше, как в том анекдоте «дайте попить, пожалуйста, а то так есть хочется, что переночевать негде», выяснилось, что жителям деревни хотелось бы еще и прудик у себя соорудить, «чтобы мужикам было где с удочкой посидеть».

— Получается, что с удочкой сидеть у вас есть кому, а шифер положить — некому, — съязвил Бугаков и выезд машины на завтра отменил.

В одном из очерков новосибирского публициста Геннадия Сассы есть прекрасный фрагмент, иллюстрирующий подход Бугакова к нерадивым подчиненным. «Однажды мне довелось в Верх-Ирмени увидеть такую картину, — пишет автор. — На поляне в строгую линейку выстроены тракторы. Механизаторы волнуются: что скажет комиссия о состоянии их машин? Рабочие тут — народ зажиточный, у каждого личный автомобиль, а то и два. Они также стоят неподалеку. Члены комиссии, в их числе и председатель, медленно проходят вдоль строя гусеничных и колесных тракторов, надолго задерживаются то у одного, то у другого. Вот осматривают один из “Беларусей” и остаются недовольны. Бугаков обращается к трактористу:

— Где твой жигуль?

— Вот он — желтый…

Подошли к сверкающей машине. Председатель заглянул в салон, попросил:

— Открой капот.

Мотор в прекрасном состоянии. Все подтянуто, отрегулировано, ни потеков, ни грязи.

— Выходит, что жигуленок для тебя сын родной, а трактор — пасынок, — с укоризной сказал Юрий Федорович. — Но поразмысли: не легковушка обеспечивает благополучие твоей семьи. Кормильцем является вот этот чумазый работяга. Именно он создает материальные богатства, в том числе и коттеджи, в одном из которых ты живешь, и машину, на которой ты ездишь за грибами да на рыбалку. И чем он надежнее, чем дольше будет служить, тем богаче будет наше общее хозяйство и твое личное подворье.

— Знаю… — буркнул побагровевший механизатор».

Терпеть не мог Юрий Федорович и дельцов, хотя предпринимательскую жилку ценил и уважал.

Когда в лихих 90-х, в период отказа молочных заводов брать ирменское молоко, по российской глубинке поехали улыбчивые американские советники, один такой прибыл и к Бугакову. Представился консультантом министерства сельского хозяйства России и, не откладывая, принялся поучать: «Ну что, господин председатель, медлить нельзя: надо прямо сейчас весь ваш скот увезти на мясокомбинат». Юрий Федорович опешил: «Да вы что, как можно?! Во время войны люди голодали, рисковали жизнью, но сохраняли племенное поголовье!» И тут американец произнес фразу, после которой Бугаков все про этих господ понял: «Производить продукцию себе в убыток не только экономически нецелесообразно, но и безнравственно». Вот такое интересное в Америках понятие о нравственности!

Для Бугакова же, в отличие от современных прозападных менеджеров, безнравственным было любое, даже сверхвыгодное решение, которое вредило коллективным интересам. И когда он замечал, что по этим, чуждым ему правилам прекрасно работают государственные структуры, сердце у советского председателя болело.

Вот один из последних случаев, практически перед его уходом.

Решили в «Ирмени» приобрести брошенные земли. От ухоженных бугаковских их отделяла лишь тополиная аллея: по одну ее сторону — свежая зябь, по другую — березки да хвойное мелколесье. Как полагается, заявились на участие в аукционе, выиграли его и даже заплатили аванс, но когда специалисты поехали заключать договор, выяснилось, что у «Ирмени» возник внезапный конкурент, предложивший более выгодные условия. Он землю и получил. Причем лишь затем, чтобы… перепродать ее Бугакову! Потому что вскоре появился в Ирмени с «выгодным» предложением. «Это влегкую сейчас», — с горечью рассказывал в одном из последних интервью председатель.

И дальше — о современной России: «В советское время, если руководитель клал себе купюры в карман, его могли наказать. А сейчас — вольному воля, что хочу, то и ворочу. Хозяйства разваливаются, но найдите мне хоть одного погибающего директора! Все они живут многократно лучше, чем при Союзе, когда зарплата была у всех одинаковой».

Легендарный председатель «Ирмени» продолжал оставаться верным своим «устаревшим» принципам: не кради, не лги, не желай зла ближнему… Бесконечно простые, они помогали ирменцам строить общую мечту.

Об этих бугаковских житейских заповедях — обыкновенных и уникальных, личных и общечеловеческих, сиюминутных и вечных — люди будут помнить и рассказывать еще долго.

«ЖЕСТОКИМ МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ,
НО ЖЕСТКИМ БЫТЬ ОБЯЗАН!»

В ежовых рукавицах

Василий Иванович Матюха

инженер, ревизор, заместитель председателя,
заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации,
работал в хозяйстве с 1972 по 2015 год

Своей строгостью Юрий Федорович приучил колхоз к трезвости и честности, за каждым неприглядным проступком следовала немедленная кара. Стащил мешок зерна, доски домой унес или комбикорм — никогда не прощал. За пьянку первый раз мог лишь премии лишить, а за воровство выгонял сразу. И так постепенно извел и пьянство, и воровство.

— Мы с мужиками после работы любили поиграть в домино, а Юрий Федорович эту игру терпеть не мог. Поначалу наша мастерская располагалась там, где сейчас пекарня, и было трудно заметить, когда кто-то подходил. Потом построили новую, кабинет заведующего находился на втором этаже — если кто-то по лестнице поднимается, хорошо слышно. Рабочий день закончится, мы с мужиками садимся за стол, достаем костяшки — играем, дела мастерской обсуждаем. Увидим, что Бугаков приехал и к нам идет — тут же костяшки сгребли и разбежались кто куда: кто у окна встал, кто газету читает, кто беседует. Юрий Федорович заходит, глянет на нас:

— Опять играли?!

— Да не-е-ет, мы тут разговариваем.

Но бывало, заиграешься — и не заметишь, как он вошел. Встанет в дверях, наблюдает за нами молча, а как заметим — выговаривать начинает: «Руки только бьете!» На дух домино не переносил, ему казалось, что это пустая трата времени.

Пьянство терпеть не мог, он давно понял, какое это зло на селе. И вся его решительная борьба с зеленым змием разворачивалась на моих глазах и с моим непосредственным участием.

Мы — четверо студентов Новосибирского сельскохозяйственного института, инженеры-механики — прибыли в Верх-Ирмень по распределению в октябре 1972-го. Перед этим из «Большевика» к нам в институт наведывались специалисты, разговаривали с руководством факультета, с преподавателями, выявляли тех, кто им подходит, и отбирали.

Приехали мы уже к Бугакову, он как раз стал председателем колхоза. Молодой, бодрый, инициативный. Он постоянно нас удивлял. С его приходом стали выращивать лен, организовали переработку: масло делали, паклю. Были построены кормоцеха. На фермах, чтобы навоз не таскать, сделали самосплавное удаление. Ну и, как следовало ожидать, и до пьянства руки у него дошли.

До Бугакова как было? Пьяным считался тот, кто попался на производственном участке в рабочее время. Допустим, рабочий день до пяти часов вечера. Увидело тебя начальство выпившим десять минут шестого — это не в счет. Юрий Федорович начал с того, что объявил: нетрезвый на рабочем месте — в гараже, в ремонтно-технической мастерской, на территории другого производственного участка — нарушитель в любое время. До работы, во время работы, после работы — неважно. Застали? Тут же наказывали материально — на первый раз. По итогам года нам выдавали очень хорошие премии, всем пьяницам их стали срезать. Попался во второй раз — мог и за воротами оказаться.

Пьянки на рабочих участках извели, принялись за следующий этап: пьяным вообще запретили появляться на территории хозяйства. Даже в выходные дни и в нерабочее время. Раньше и драки по пьянке случались в выходной, и милиция задерживала, и в аварии попадали. Бугаков таких сразу выгонял. В итоге что получилось? На традиционных колхозных праздниках в бригаде накрывают стол, ставят спиртное — люди пригубят, выпьют символически и все — уже привыкли без вина. Поели, поговорили, песни попели — всем хорошо. Больше половины бутылок на столе так и остаются нетронутыми. Приучил Юрий Федорович колхоз к трезвости.

И с воровством было точно так же: жесткий контроль и немедленная кара. Стащил мешок зерна, доски домой унес или комбикорм — Бугаков никогда такого не прощал. За пьянку первый раз мог лишь премии лишить, а за воровство выгонял сразу.

И постепенно извел и пьянство, и воровство.

Он постоянно что-то придумывал, пытался изменить к лучшему. Мы по его поручению весь Советский Союз объездили! Одного специалиста на Восток посылает, другого — на Запад. Тульская область, Тамбовская, Белгородская, Тюменская, Омская, Томская, Красноярский край — во всех передовых хозяйствах побывали. В поездках примечали — где какие породы коров, как налажено воспроизводство стада. Технологии смотрели, склады, полив. Приезжаем — и на отчет к председателю, подробно ему рассказываем, что видели, что заинтересовало. Он внимательно выслушает и совместно с нами решает: это давайте пробовать, а это не пойдет.

Юрий Федорович был инициатором всего нового в колхозе. Например, год или два пробовали комбайнеров на период уборки домой не возить. Убирают они урожай до часу-двух ночи, пока роса поле не прибьет. Если везти домой, а утром обратно — сколько времени у человека на сон останется? Бугаков распорядился прямо в поле поставить вагончики. Комбайнер работу закончил, ему в вагончик ужин привезли, он переночевал, позавтракал и, как росу на рассвете солнышко сбило, снова завел машину.

Казалось, мелочь какая — вагончик. А на результатах сказывалось.

Позже, когда страна в перестройку начала разваливаться и за молоко перестали платить, он придумал отправлять молоковозы в город и торговать по дворам. Алюминиевая цистерна ГАЗ-53, в которую входит три с половиной тонны, изнутри сделана как термос, то есть выдерживает и жару и холод. Встанет она в жилом секторе, народ собирается, начинается торговля. Так и приспособились штаны поддерживать, люди на голодном пайке не оставались.

Но наши молоковозы в городе гонять начали. Подходят ребята: «Почему здесь стоите? Это наше место, платите». Бывало, что всю выручку у продавцов отбирали. Мы — в милицию, но бесполезно, там их никто искать не собирался.

Потом «санитары» начали приходить, указывать, что мы СанПиНы не соблюдаем. Юрий Федорович понял: надо искать другое системное решение — и вернулся к теме упаковки, которую давно хотел внедрить, но руки не доходили. А еще ему пришла мысль вместо торговли по дворам открыть собственный магазин. Под эту идею он выбил у новосибирских властей самое лакомое и дорогое место на Центральном рынке. Я тогда работал у него заместителем, и нам было поручено найти подрядчика, который наш магазин построит.

Договорились с метростроевцами — у них как раз ни денег, ни работы тогда не было, специалисты простаивали. Заключили договор, и бригада строителей метро поставила нам магазин на углу Гоголя и Мичурина. До сих пор работает.

Запустили упаковку — стали возить молоко в магазины в пакетах. Как только не приспосабливались! В грузовик партию загрузишь, сверху палаткой накроешь — повезли. Но через какое-то время нам говорят: открытым бортом нельзя, нужно фургонами. Ладно, будем фургонами. Через некоторое время новое замечание: обычными фургонами нельзя, только изотермическими. Делать нечего, повезли изотермическими. Снова не так! Уже надо рефрижераторами.

А требования торговых сетей? Попробуй-ка их все учесть! Я всегда поражался, сколько у Бугакова терпения, чтобы вынести бесконечный поток проверяющих и контролеров!

Не только терпения, но и прозорливости. Умел он предугадывать. Я часто в шутку говорил, что Юрию Федоровичу в Гидрометцентре работать нужно, настолько он точно погоду предсказывал. Скажет, что ждать в этом году засухи, — будет засуха. Скажет, дождливый год ожидается, — значит, станут с весны до осени дожди лить. Ему словно кто-то сверху подсказывал, что завтра будет. Мы так привыкли к этому, что верили на слово: как Бугаков скажет — так и случится.

Сегодня я слышу от знакомых, что учителя в современной школе не имеют никаких прав.

Когда я учился, учительница могла за нахальство линейкой или указкой по спине шлепнуть. Один раз проучит — и все, замолчал. А сейчас? «Вы не имеете права мне ничего сделать!» Один как-то, рассказывали мне, до того обнаглел, решил закурить в школе. Учительница говорит:

— Выйди из класса!

А он:

— Я не настоящие курю, электронные.

В наше время разве такое возможно было?

Юрий Федорович Бугаков эти новые порядки не приветствовал. Ему как и мне, не нравилось, что школьникам сегодня запрещено работать. Даже уборка в классе стала эксплуатацией детского труда! А что из этих недорослей выйдет, когда им по восемнадцать исполнится?! В школе их работать не заставляли, а после они и сами не захотят. Не умеют, не приучены.

Понимая все это, Юрий Федорович Бугаков, несмотря на невероятную занятость, находил время для работы с детьми. Была у нас в «Ирмени» такая практика: школьники приходили на экскурсии. Ведешь ребятишек по мастерским — показываешь технику, объясняешь, им интересно, они вопросы задают, а потом, глядишь, один-другой на работу просятся.

Особое любопытство у детей всегда вызывал трактор-памятник рядом с конторой. Я им объяснял: на таких машинах работали ваши деды, а то и прадеды. Едешь на нем — землю видно, и весь жар от двигателя идет в кабину. Если на улице пекло, трактористу приходится ездить раздетым, если мороз — то в фуфайке. И к концу рабочего дня он выглядел, будто шахтер: весь в пыли и копоти, одни глаза блестят да зубы.

Чтобы успеть вспахать зябь, трудиться на этих тракторах приходилось почти круглосуточно. А конструкция была такая, что из выхлопной трубы вылетал факел длиной сантиметров двадцать. Двигатель-то несовершенный, солярка в цилиндрах сгорала не вся, поэтому и вылетала огнем на улицу. И вот ночь, темно, трактор пашет, а за ним дорожка из пламени. Дети спрашивают:

— Правда?!

Я говорю:

— Точно! Пожар от него запросто мог случиться.

И комбайны были без кабин. Мостик, на котором комбайнер стоял, был высоко, на ветру, со всех сторон дует, а уборка иногда до снега затягивалась. Чтобы выдержать много часов на непогоде, комбайнер вынужден был надевать шапку, варежки меховые, валенки — и все равно весь промерзал. Ему, чтобы согрелся, позволялось выпить боевые сто грамм. Поэтому когда Красноярский завод первым начал делать кабины, вроде как для Сибири, председатель «Ирмени» тут же распорядился их найти и купить.

Но одними рассказами да экскурсиями со школьниками дело не ограничивалось. Бугаков брал их летом на работу: они белили стены, красили окошки и двери, косили траву, на току подметали, подтаскивали, разгружали. Учились зарабатывать деньги — делали первые шаги к умению самостоятельно себя содержать, которым великолепно владел наш председатель.

Я думаю, если бы ему страну довелось повести, электронные сигареты во время урока были бы невозможны, он уважал людей, их труд, любил землю и шалопаям не позволил бы относиться к этим вещам иначе.

«ЧТОБЫ ХОРОШО ЖИТЬ,
НАДО ХОРОШО РАБОТАТЬ»

ВСТАЛ? ТРУДИСЬ!

Владимир Михайлович Анохин

БРИГАДИР СТРОИТЕЛЕЙ, НАЧАЛЬНИК МОЛОЧНОГО ЦЕХА,
РАБОТАЛ В ХОЗЯЙСТВЕ С 1994 ПО 2016 ГОД

Бугаков требовал от нас очень напряженного рабочего ритма. Казалось бы, еще одно дело не закончили, работы по горло. Куда там! «А вот это когда начнете делать?» Он был очень пробивной человек и подчиненным застаиваться не позволял. Если надо — до любых верхов достучится. Один раз, когда нас не пустили на кемеровское предприятие посмотреть новую машину — конкуренты, мол, — так он до губернатора Тулеева дошел!

— Пятнадцать лет я отработал учителем труда в Казахстане. Затем Союз развалился, зарплаты не стало, а семью кормить надо — пришлось пахать на трех работах сразу. И мы с друзьями стали искать место, куда можно переехать. Сначала подались в Ордынку, работали втроем строительной бригадой. Потом кто-то говорит: в Верх-Ирмени коттеджи строят. Так мы и познакомились с Юрием Федоровичем Бугаковым: он переговорил с нами, узнал, что у всех высшее образование, и дал работу на строительстве Агрогородка.

Спрашивал строго! Каждый день на планерке я отчитывался перед ним: если он что-то спросил — должен ответить четко и ясно, а если не смог — сразу вопрос: почему не можешь, достаточно ли компетентен? Очень был строг!

Я в молодости с отцом часто спорил: почему Китай социализм построил, а у нас не получилось? Потому что в Союзе не хватало дисциплины. Если бы в СССР хоть пять процентов безработицы было, люди стремились бы работать. А у нас… Взял — и ушел со своего места посреди рабочего дня, взял — и выпил. У Бугакова такого не было! Он вообще как руководитель для меня кумир, и царившей в Ирмени жесткой дисциплине я только радовался, когда пришел. Не надо никого уговаривать, на собрании разбирать. Выпил — за ворота! Прогулял, опоздал — первый раз рублем наказать, второй — за ворота. Хочешь трудиться — трудись.

Зато если зарекомендовал себя, председатель к тебе присматривался и двигал выше. Я бригадиром строителей лишь год проработал. Начинали вчетвером. Смотрю, одного моего товарища из бригады Бугаков в колбасный цех отправил, другого — на кирзавод. А тут меня вызывает и предлагает возглавить молочный цех. Действительно, за двадцать лет до этого я по окончании института работал на молзаводе в Темиртау — сначала наладчиком, потом механиком, главным инженером, даже за директора три дня был. И Бугаков все это держал в голове, а когда ему понадобилось — вспомнил.

Но я тогда зарекся с молочкой работать! Три года отпахал, сутками с завода не уходил — и сбежал, сказал себе: больше никогда!

Правильно говорят — не зарекайся. Нашел ведь Юрий Федорович нужные слова, уговорил!

Бугаков был ценен тем, что развивался. Ни одного дня не проходило, чтобы какие-то новшества не предлагались. И с нас он требовал того же. Казалось бы, одно дело не закончили, работы еще по горло. Куда там! «А вот это когда будете делать?» Он был очень пробивной человек! Если надо — в любой высокий кабинет войдет, до любого начальства достучится. Один раз нас на кемеровское предприятие не пустили, чтобы посмотреть новую машину, — конкуренты, мол, — так он до губернатора Тулеева дошел! Всегда своего добивался.

Особенно он бился за качество. Каждый день: качество, качество! Когда я молочный цех возглавил, удивлялся: чего это он за число соматических клеток так беспокоится? Ведь при пастеризации молока они все равно уничтожаются. По регламенту показатель высшей категории, кажется, должен быть максимум 500 тысяч, а у нас 200 — то есть в два с лишним раза лучше. Но Бугаков все равно каждый день спрашивал! Если с 200 до 220 тысяч подпрыгнул, так он уже по голове бьет!

Мы одни из первых хозяйств в области приобрели аппараты для проверки молока на антибиотики — никакой дряни в ирменской продукции быть не должно! Среди наших зоотехников споры пошли, ведь в хозяйствах коров антибиотиками лечат. Приехал Бугаков, построил специалистов в молцехе и сказал: хоть один килограмм молока, в котором антибиотики будут, примете — пойдете за ворота. А животноводам хлеще выдал: не дай бог, пришлете в молочный цех эту погань — сами пить будете.

Для Бугакова качество — это главное в работе. Он никогда не дал бы ничего сделать в ущерб продукции.

Я до сих пор переживаю, когда в газетах публикуют недоказанные факты про нашу продукцию и начинают их обсасывать. Фейки разные. Насчет того же молока: мол, оно у вас не скисает. Причем тут не скисает?! Посмотрите анализы! Это молоко — лучшее в области: ни антибиотиков, ни соматики. Вы попробуйте найти такое же. Я как-то родственнику говорю: ты почему берешь другое, не ирменское? Я на этом предприятии был, знаю все от и до, видел анализы — там соматика за миллион. Такого намешали, я его никогда пить не буду! А ты каждый день покупаешь.

Юрий Федорович нас учил: чтобы хорошо жить — надо хорошо трудиться. Некоторые его темпа не выдерживали. Людей принимали на работу, а они не были готовы ни интенсивно работать, ни соблюдать порядок. Да они и не будут готовы никогда и нигде, потому что дисциплину нужно вовремя прививать, а им никто не привил. Вот ребенок: он балованный-балованный, а пошел в армию — возвращается другим человеком. Почему он изменился? Дисциплина!

А у Бугакова было непреложное правило: встал — трудись.

NIMCO

NIMCO

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ДОЛЖЕН
ЗНАТЬ ВСЕ!»

КАК ОДНА БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Нина Карловна Самкова

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ОТДЕЛА КАДРОВ ЗАО «ПЛЕМЗАВОД «ИРМЕНЬ»

Однажды мы по поручению Бугакова летали на обувную фабрику в Азербайджан. Там подписали договор, отобрали на складе обувь для детишек, а потом на КамАЗах повезли через всю страну в Сибирь. Выгрузили прямо в конторе, весь конференц-зал был завален обувью! Начали распределять по участкам. И я, действительно, как требовал Юрий Федорович, узнала все семьи — у кого какие дети, сколько, какого возраста. Чтобы, не дай бог, ненароком никого не обидеть.

— Самое первое, главное требование у Юрия Федоровича — дисциплина и честность. Ехал к нам Алтай, ехала Омская область, ехали люди из отдаленных районов Новосибирской области. А из ближайших деревень — нет! Потому что знали, какой у нас строгий спрос.

Мы с мужем — приезжие, из Купинского района. Увидели публикацию о передовом колхозе в журнале «Работница» и приехали. Муж устроился трактористом, а я сначала замещала учителя в школе, а затем меня председатель сельсовета порекомендовал Юрию Федоровичу в отдел кадров. Я шла на беседу и страшно боялась. Народ-то я не знала фактически, как с кадрами работать? Но мы переговорили, и первое время, месяца четыре, Бугаков меня оставил работать со старым кадровиком.

Однажды вызывает, в кабинете сидит мужчина, смотрю — знакомый! Одноклассник. Я говорю:

— Здравствуй! Как дела?

Бугаков удивился:

— А ты его что, знаешь?

— Знаю, в школе в одном классе учились.

— Просится к нам агрономом.

Оборачиваюсь к земляку, спрашиваю:

— Выдержишь у нас? Требования очень жесткие!

— Попробую!

Но не выдержал, через год перешел в другой совхоз.

Отсеивались многие. Попробуют и понимают, что не тянут, не соответствуют бугаковским требованиям. Плюс у нас шла постоянная борьба с пьянством, из-за этого до середины 80-х годов текучка была страшная: одни уходят — другие приходят. Но в перестройку ситуация выровнялась: пока другие хозяйства с трудом выживали, мы развивались. В самые трудные времена у нас стабильно

платили зарплату, ни на единый день не было задержки. Не чувствовали мы и особого дефицита продуктов. Крупа, мука, сахар, которых было днем с огнем не найти в магазинах, на нашем складе лежали всегда, мы могли взять под зарплату. Благодаря этому отношение к работе сильно переменилось, люди стали держаться за свои места.

В 90-е годы к нам приходили устраиваться те, кто успел нахлебаться и искал стабильности, более сознательные и ответственные. Да и выпускников Верх-Ирменской школы оставалось немало: из двадцати-двадцати пяти человек половина выбирала родное село.

Я и сама ездила на беседу с деканом в сельхозинститут, смотрела молодежь, приглашала к нам на практику. Кто-то не выдерживал, уезжал, а кто-то оставался. Так остался наш главный агроном: с Алтая, приехал после института с папой — совсем ребенок! А нам как раз нужен был агроном. Посмотрела его документы — диплом с отличием, пошла к Бугакову, он выслушал, говорит: «Ну давай возьмем его с испытательным сроком». Взяли — до сих пор работает!

Но иногда мы с Юрием Федоровичем спорили. Тяжело с ним было спорить если он против того или иного кандидата при найме на работу. Если я была уверена в человеке, хорошо его знала — отстаивала. Он со мной соглашался, а потом говорил: «А ведь ты была права!» Или наоборот, я приходила и признавала: «Ошиблась я, вы были правы, Юрий Федорович».

Иногда случалось, что я настаивала на увольнении: все бесполезно, кажется, пора расстаться с человеком. А он: «Давай подождем!» Со специалистами был очень жестким и скорым на расправу, а когда дело касалось простого работника, медлил. Говорю:

— Господи, да не переделаешь его! Не переделаешь!

Юрий Федорович:

— Нет, давай посмотрим.

— Ну давайте.

У нас была традиция — приходить каждый год в школу на выпускную линейку поздравлять ребятишек. Он обязательно ходил, а если не получалось, отправлял замов или меня. А на начало учебного года, тут уж железно, все бросал. Казалось, школа, зачем она была нам нужна по большому счету? Но он считал ее нашим производственным участком. Каждый вторник — это его личная инициатива — специалисты хозяйства приходили на первый урок в разные классы. Рассказывали о своей профессии, о хозяйстве. Начинали с пятого класса и — по возрастающей. Дети были в курсе всех колхозных дел.

Каждое лето ученики, начиная с 14 лет, устраивались к нам на работу. Трудились человек по 30–40 на ремонте, на животноводческом комплексе, на других производственных участках. Бугаков всегда старался, чтобы дети сами заработали себе на форму, на обувь.

В конце августа я собирала данные в бухгалтерии: кто на какой срок был принят, сколько заработал. Мы подводили итоги, и школьники, которые отработали наибольшее количество дней, получали еще и приличную премию! Зарплата у мальчика, к примеру, вышла сто рублей, плюс ему и премия такая же. Это был такой стимул, что у нас из желающих каждый год очередь стояла! Принимали не всех, не было возможности трудоустроить, их же не пошлешь на тяжелые работы. И за ними требовался присмотр, постоянно приходилось кого-то назначать бригадиром.

Весело было работать тогда. Трудно, но весело! Может быть, это была молодость, не знаю. Но под руководством Юрия Федоровича объединялись все. Если у кого-то, не дай бог, что-то случилось, мы всегда были вместе. Это правда.

Я шла на работу, и у меня не было страха, просто я каждый день чувствовала великую ответственность. Бугаков мог позвонить в любое время дня и ночи задать какой-то вопрос. И попробуй на него не ответить! Никогда не забуду, как он однажды мне сказал: «Ты должна знать абсолютно все о каждом. Ты должна знать даже кто с кем спит!»

Юрий Федорович был строгим руководителем, но очень душевным, мягким человеком. Он каждому старался помочь в трудную минуту. Если что-то случалось, все куда бежали? К нему. Кто мог еще поддержать? И всему этому — и требовательности, и внимательности к людям — он учил свою команду.

Однажды в августе 89-го года, накануне первого сентября, вызвал меня утром и говорит:

— Хочу вас с Ириной Викторовной отправить в командировку в Азербайджан.

— Зачем?!

— За детской обувью. Я с обувной фабрикой договорился.

— Юрий Федорович! Да сможем ли мы это сделать вдвоем? Мы же не разбираемся в этом!

Он посмотрел на меня удивленно и говорит:

— Почему не сможете? У тебя дети есть? У нее дети есть? Значит, знаете, что им надо.

И послал нас на Кавказ.

Мы прилетели на фабрику, подписали договор, отобрали на складе обувь для детишек, а потом на КамАЗах повезли через всю страну. Выгрузили прямо в конторе, конференц-зал весь был завален туфельками и ботинками! Начали распределять по участкам. И я, действительно, как требовал Бугаков, узнала все семьи — у кого какие дети, сколько, какого возраста.

Свои магазины когда открывали — то же самое. Завозился товар, и я сидела ночами, все это распределяла, чтобы, не дай бог, никого не обидеть. У нас работал главный зоотехник Виктор Алексеевич Мартьянов, он после вечерней дойки всегда заезжал в контору. У него кабинет был на первом этаже, у меня на втором, никакой охраны раньше не было, все двери открыты. Дверь хлопнула, я знаю, что Мартьянов зашел, крикнет:

— Нина Карловна, ты здесь?

— Здесь!

Бывало, до полуночи сидела, особенно когда пройдет правление и нужно протоколы оформлять, выписки делать. Бугаков иногда заедет: «Ты почему до сих пор здесь? У тебя семьи нету?»

Домашний он был, домашний! Как будто отец родной, честное слово. Помню, это год 2005-й или 2004-й — 31 декабря. Он задержался на заседании в области, а мы часов до восьми сидели в конторе и его ждали. Знали, что приедет и всех обязательно поздравит.

Мне с Юрием Федоровичем было и трудно, и легко. Что-нибудь не так сделаешь — попадет. Отругает. Уйдешь со слезами, в кабинете закроешься, наревешься, через полчаса вызывает:

— Ну что? Переревела?

— Переревела.

— Ну все, давай дальше работать.

Он был очень требовательный, жесткий, но к нему можно было прийти с любым вопросом. Всегда выслушает. Никогда не проходил мимо человека, чтобы не поздравить с днем рождения или с рождением ребенка. И если у кого случилось горе, на помощь приходил первым.

Мне повезло в жизни, судьба свела меня с таким человеком, как Юрий Федорович Бугаков. Я многому у него научилась, и главное — видеть в каждом человеке личность.

«КТО ХОРОШО РАБОТАЕТ —
ТОТ ХОРОШО И ЗАРАБАТЫВАЕТ!»

МИЛЛИОН ВЕДЕР МОЛОКА

Елена Арсентьевна Жданова

ДОЯРКА, РАБОТАЛА В ХОЗЯЙСТВЕ С 1971 ПО 2000 ГОД

Кто у Бугакова работал, был в достатке. У телятниц, например: хороший привес получила — вот тебе холодильник. А в те годы получить холодильник — все равно что в космос слетать. За мою работу мне и бронзовую медаль с ВДНХ вручили, и 11 дипломов «Мастер — золотые руки», и 26 почетных грамот. А помимо денег, подарков и грамот Юрий Федорович к нам всегда проявлял внимание. Приедет на ферму, всех по имени-отчеству называет, спрашивает, какая помощь нужна.

— Помню, один год хлеб убрали, поставили в колхозном клубе столы, чтоб отжинки отметить. Клуб тогда располагался там, где сейчас музей и мясной магазин. Повара со всех бригад — а их у нас в колхозе пять — стряпают, готовят, на праздничный стол тарелки носят. Животноводов пригласили, меня в том числе. Встает Юрий Федорович — поздравляет всех, и начинается традиционный осенний сельский праздник.

Потом гармонист на гармошке заиграл, народ давай Бугакова подначивать, а он и не против: вышел да как пустился плясать цыганочку! Молодой, красивый, кудри вразлет, туфли черные лакированные. В то время где такую обувь увидишь? Только в кино! И так он цыганочку выезживал — только держись!

60-е годы тяжелые были, мы в колхозе денег почти не видели. Не платили деньгами на деревне, пшеницей заработок выдавали. И вот берешь мешок, едешь на Ленинский рынок продавать, а потом на выручку в городе что-нибудь купишь, ведь в колхозах не было ничего, ни тряпок, ни колбасы. Тогда и банков не было, кредиты никто не давал. Жили тем, что производили. Урожаи маленькие, центнеров по 11 с гектара, это сейчас у нас по 50 берут вкруговую, больше, чем на Кубани! Доили тоже мало. Я первый раз две тысячи надоила — о-о-о! — передовая доярка района!

Помню, на комбайне уборку отработала — пять рублей дали. Я так рада была! В первый раз за всю жизнь заработала пять рублей!

Работа на ферме в те годы — ужас сплошной. Над головами вагонетка с навозом висит, по рельсе сверху ездит. Накладываешь лопатой навоз и толкаешь эту махину

что есть силы через всю базу на улицу. О-о-ой, работа адская! Тридцать две коровы в группе, каждой силоса принеси, сенажа натаскай. Молоко ведрами — в молокоприемную и там во фляги процеживали. Я за годы, наверное, миллион ведер молока перетаскала.

Ситуация потихоньку стала меняться к лучшему, когда Юрий Федорович в председатели пришел. Он постоянно внедрял что-то, старался труд доярок облегчить. Соорудили на ферме транспортер для вагонетки с навозом, транспортер для кормушек — уже легче. Встаем по двое с каждой стороны ленты, она бежит через всю базу, силос тащит, а мы вместе с ней бежим, раскидываем. Надо было силос так раскидать, чтобы всем коровам хватило. Бугаков посмотрел-посмотрел да и убрал транспортеры, с трактора начали коров кормить, еще легче стало.

В 80-е молокопроводы соорудили, теперь никаких ведер, молоко само в молокоприемную убегало. Но и нагрузка возросла: на каждую доярку не по 30 коров, а по 120. А сейчас тысячи доят, наверное: я по телевизору смотрю — в голове не укладывается. В те бы года мне сказали, что так будут доить, — ни в жизнь бы не поверила! Решила бы — это фантастика. А Бугаков ее былью сделал.

Он на ферме чуть не каждый день бывал, казалось, вообще не спит! Встанет в два часа ночи, заведет машину — и приедет на ферму. А там скотники спят, коровы грязные… Ох, и волочит всех по полной программе утром! И так день за днем, пока не приучил работать по совести. Везде был! На всех участках. Особенно где не ждут — обязательно появится. На много лет вперед видел, стремился к цели и других этим стремлением заражал. Отругает — бежим исправлять, похвалит — мы и вовсе лбы разбиваем.

Наш колхоз всегда в передовых числился, мы этим сильно гордились. Потом началась перестройка, в соседних селах по два директора в год менялось. Скот порежут, карманы набьют и до свидания — в город. Ставят другого — то же самое, хлеб уберет, скот порежет, наворовался — и с глаз долой. Все вокруг разваливалось. А мы крепче становились. Почему? Потому что народ у нас отфильтрованный. Юрий Федорович так дело поставил, что работа в «Ирмени» стала, будто фильтр.

Много людей приезжало устраиваться, и лодырей среди них было немало, и алкашей: думали, у Бугакова калачи на березах висят. А у него работать надо! Алкашей повыгоняли, лодыри сами сбежали — остался костяк. Те, что сумели пройти через бугаковский фильтр. Те, что действительно умеют работать, любить свое дело и свое село.

Для некоторых 90-е годы — мрак сплошной. А я вот в них только с колен поднялась. Мне эта перестройка, наоборот, на пользу пошла, я стала скота много держать, появились покупатели. И покатилось у меня дело. Молоко нарасхват. Мясо — прямо домой за ним придут, свинью прирежут, заберут. И я за четыре года накопила почти на дом! А при советской власти в каждом дворе корова, а мяса не продашь. В каждом дворе куры, гуси, а птицу не продашь. Кто-то говорит «лихие годы»! Да кто сидел на лавочке сопли жевал — для тех и лихие! А мы в Ирмени как работали, так и продолжали работать.

Когда сахар в магазинах стали давать по талонам, по килограмму на человека, Юрий Федорович решил вырастить свой собственный. И весь колхоз в тот год вышел в поле сахарную свеклу сеять. Раньше мы кормовую только для скота выращивали, а тут сахарная. Осенью урожай вывезли на центральную усадьбу, и снова все ходили обрезать ботву. Отправили наш урожай на Алтай, на переработку, а обратно готовый сахар привезли и всем раздали по мешку. У меня сын младший работал в третьей бригаде трактористом — так мы на двоих два мешка получили. В других деревнях бегали с талонами по магазинам, а у нас Бугаков взял и решил проблему!

Вслед за сахаром каждый работник по мешку гречки получил — в нашей семье опять два мешка,

куда эту гречку девать? Разве мы все съедим? Позвонила в город родственникам: приезжайте, забирайте.

Мука на колхозном складе: приходи, плати денежки, покупай, сколько хочешь. Проблем не было ни с чем. Мы этого дефицита в колхозе не заметили, тягот перестройки не почувствовали. Зарплату Бугаков ни на один день за все годы не задержал! Как получали строго по графику, так и продолжали получать. Когда колбасный цех открыли — и вовсе хорошо стало. Свиней откормим — сдаем: хочешь за деньги, хочешь за мясо, колбасу.

Юрий Федорович хороших работников всегда поощрял. Много надоила — получи премию, и еще поощрения всякие — грамоты, медали, подарки. Мне и часы вручал, и паласы, и ковры… Один ковер на стене висит, еще два в спальне, один на платье поменяла. Это все премиальные ковры! Кто у Бугакова работал, тот и зарабатывал. У телятниц, например, заработок с привеса был. Хороший привес получила — на тебе холодильник. А в те годы получить холодильник — все равно что в космос слетать. За мою работу мне и бронзовую медаль с ВДНХ вручили, и 11 дипломов «Мастер — золотые руки», и 26 почетных грамот. А помимо денег, подарков и грамот Юрий Федорович всегда проявлял к нам внимание. Приедет на ферму, всех по имени-отчеству называет, спрашивает, какая помощь нужна. И специалисты вслед за ним приучены были относиться к работникам с уважением.

Я один раз обращалась к нему за помощью. Мы сыну дом покупали в 1997-м, а денег не хватало. Пришла к нему со своей проблемой, так он разрешил выдать мне на пять лет беспроцентную ссуду. Беспроцентную! Какие пять лет?! Это не есть, не спать, думать, что я должна? Тридцать свиней выкормила, пахала с утра до вечера, но за год с предприятием рассчиталась.

Юрий Федорович умел подстраиваться под обстоятельства. В советское время колхозу план доводили: столько скота сдать, столько мяса, столько молока. Кровь из носа, а сдай! А с перестройкой мы хозяевами стали: хотим — продадим, хотим — съедим. Бугаков что по старым правилам прекрасно играл, что по новым.

Он был такой же, как мы, он привык на этой земле жить. Вот передо мной сейчас поставь два мешка золота и скажи: езжай, бабка, жить в город. Да я ни за что не поеду! Это — мое. Я в деревне родилась, в деревне выросла, я иду по своей улице и как рыба в воде себя чувствую. И Бугаков то же чувствовал, ни на какие приглашения не соглашался — ни в Новосибирск, ни в Москву. Он с этой землей сроднился, куда ж он от нее?

«БОЛЬШОЕ МОЛОКО ТРЕБУЕТ
БОЛЬШОЙ ЗАБОТЫ»

ЧЕЛОВЕК С ГОСУДАРСТВЕННЫМ МЫШЛЕНИЕМ

Павел Петрович Иваровский

заместитель председателя ЗАО «Племзавод «ИРМЕНЬ» по реализации продукции

Великая, пока не полностью оцененная заслуга Юрия Федоровича в том, что он провел в Верх-Ирмень газ. И не только в наше село — во весь Ордынский район. Пробил это решение. В свое время Толоконский, когда был губернатором, каждый раз отказывал. Но пришел другой глава — Юрченко, ситуация в стране поменялась, и Юрий Федорович добился заветной цели!

— На свое шестидесятилетие Бугаков собрал специалистов в кафе. Пригласил руководителей бригад, ферм — всех с женами. Мне тогда было сорок, разница в два десятилетия. Я ему говорю:

— Юрий Федорович, шестьдесят лет — это так много! Вы, наверное, на пенсию уйдете?

А он мне в ответ:

— Эх, молодежь! Ничего вы не понимаете. В шестьдесят жизнь только начинается.

Слукавить перед собой, позволить обойти острые углы в разговоре Бугаков никогда никому не позволял. Но и сам отвечал прямо — мне это нравилось. С иными руководителями начинаешь разговор — и понеслось… Темный лес с неясными обещаниями. У Юрия Федоровича «да» всегда означало «да», «нет» — значит «нет». И все — с простым и понятным объяснением. Он все ситуации просчитывал до конца и от подчиненных требовал того же: четко и понятно разложить информацию по полочкам, добраться до сути. На каждое дело у него был назначен конкретный человек, за каждой ответственностью стояла фамилия. При этом ко всем относился одинаково: он и с доярки мог спросить, и со специалиста, послаблений не давал никому, даже собственному сыну: Олег Юрьевич отработал более двадцати лет бригадиром полеводческой бригады.

Его уважение выражалось в том числе и в оплате труда. С зарплатой у нас был лишь один-единственный период, когда она была ниже, чем в соседних хозяйствах. В перестройку сельский кочегар у соседей стал получать

столько же, сколько главный специалист в «Ирмени». А в «Приобском», например, рабочий каждый месяц клал в карман несколько наших окладов. Тогда среди некоторых наших специалистов началось брожение: как так? Бугаков собрал всех и сказал: «Да, в “Ирмени” может быть так же, если хотите. Не вопрос. Но мой жизненный опыт подсказывает, что такое “благополучие” продлится год-полтора, а потом уйдет в никуда».

Не знаю, может, дар предвидения у него такой был, но получилось ровно так, как председатель сказал. Мы и сегодня получаем высокую и стабильную зарплату, а «Приобского» уже двадцать лет не существует.

На нем лежала колоссальная ответственность. Не вопросы текущей работы — сева, уборки или покупки техники, а глобальные — удержать хозяйство, когда со стороны постоянно пытаются подмять его или захватить. В перестроечный кризис мы ему поверили, отдали в его руки контрольный пакет акций и потом ни разу не пожалели, все свои договоренности он до конца жизни выполнял.

Юрия Федоровича часто приглашали идти наверх — и первым секретарем обкома, и заместителем губернатора. Но Бугаков знал, что в «Ирмени» он хозяин, тут он все может, четко видел, что стоит не на болоте, под ногами твердая почва, тыл прикрыт. Я не знаю другого хозяйства в области, которое руководитель сделал настолько сильным и эффективным. Сколько сменилось глав области, сколько министров, вся прежняя страна ушла в никуда. А «Ирмень» стоит! Это же золотое семечко!

Сложные вопросы Бугаков рассматривал со всех сторон: переговорит со всеми, тридцать раз перепроверит и только тогда принимает решение. В конце 80-х мы хотели угольную котельную перевести на природный газ. Тогда в соседних Пичугах котельная на мазуте работала. Он дешевый был, они в ладошки хлопали и говорили: «О, хорошо! Чисто, аккуратно, заведующий котельной ходит в белой рубашке — ни угля, ни зольника, ни уборки». А у нас — и уголь, и зольник, и черный дым. Вот Бугаков, чтобы облегчить труд кочегарам, и поставил себе совершенно нереальную в тех условиях цель: провести в село Верх-Ирмень газ. И провел!

И не только в наше село, во весь Ордынский район — и это великая, пока не полностью оцененная заслуга Юрия Федоровича. Он пробил это решение, будучи депутатом Законодательного Собрания Новосибирской области.

В свое время Виктор Александрович Толоконский, когда был губернатором, каждый раз отказывал: газа в Ордынском районе нет и в ближайшее время не будет. Но пришел другой губернатор — Василий Алексеевич Юрченко, ситуация в стране поменялась, и наш председатель добился заветной цели! Сейчас нам осталось перекинуть газ на левую сторону Ирмени и довести до Плотниково и Крюково.

Бугаков своей деятельностью заработал огромный авторитет. Если было трудно — шли к нему не только из нашего села, но и из других. Он помогал деньгами, техникой, рабочими, просто советом. Это был не местечковый царек, как порой недоброжелатели его называли, а человек с государственным мышлением. Он думал о том, чтобы не только хозяйству было хорошо, но и району, и области. Не зря его и Человеком года называли, и звание почетного гражданина области присвоили. Вопросы жизнь перед ним ставила сложные, тяжелые, нестандартные. Жизнеобеспечение, водоснабжение… Сейчас у нас и ЖКХ есть, и муниципалитет отвечает за село, а раньше за все отвечал Бугаков — и за дороги, и за асфальтирование, и за очистку, и за полив, и за воду на всех улицах.

Он менялся с годами, как и все люди. Он же не железный дровосек, в последнее время становился все мягче по отношению к людям. В советские годы был как отец — жесткий, принципиальный, а потом как дедушка — добрый и понимающий. Но мужской надежный стержень внутри оставался всегда, до последнего дня.

ПАСТЫРЬ НАШ

Мария Федоровна Руденская

ДОЯРКА, ЗООТЕХНИК, РАБОТАЛА В ХОЗЯЙСТВЕ С 1971 ПО 2005 ГОД

Юрий Федорович постоянно требовал результат. Первое время мы каждый квартал заполняли специальный бланк: сколько надоили, почему столько, почему мало или много — все должны объяснить. На каждом заседании правления разбирали результаты — боялись мы этого разбора не знаю как! Мы это молоко буквально выдавливали: не дай бог, коров не вовремя накормить, сорвать что-то, нарушить график. Все по часам, по минутам.

— Не все относились к нововведениям Бугакова положительно. Новое — это и дополнительная нагрузка, и другие требования, и потрудиться придется. Помню, как доярки возмущались, когда Бугаков решил ввести работу в две смены. Тогда за каждой дояркой было закреплено по 55–60 коров. А если работать посменно, то надо 200 обслуживать.

— Сейчас мы каждую корову знаем, — переживали они, — а когда их будет две сотни? Мы же работать не сможем!

Я их успокаивать стала.

— Девки, — говорю, — не горюйте! Все хорошо будет, привыкнете.

— Да мы не сможем ко всем хорошо относиться, как раньше.

— Неужели, — спрашиваю одну, — ты увидишь, что корова заболела, и ее оставишь? Тебе же совесть не позволит!

— Нет, конечно, не оставлю.

— А что тогда споришь? Поработаем — увидим, насколько звеньевая система хороша.

Перешли на звенья, привыкли, хуже точно не стало.

Раньше на ферме надо было учет вести, делать контрольные дойки: сколько каждая корова дает молока. Это тяжело — и дояркам, и мне. Потом пошли счетчики, а сейчас у каждой коровы датчик — подойдешь к компьютеру и смотришь, сколько она молока дала. И никто не удивляется, все привыкли.

Многое из того, что сегодня привычно, когда-то было новым. Внедрялось Юрием Федоровичем — иногда тяжело, с трудом, через сопротивление. Он встречался с людьми, разъяснял, зачем это делается, что принесет. Но люди разные, все равно противники находились, которые хотели работать по старинке, как привыкли. Но проходило время, и они говорили: все правильно Юрий Федорович сделал.

Когда в 2006-м коровники перестраивали — Григорий Федорович Пиденко этим занимался — ох, тяжело было! А сейчас зайдешь в коровник — птичьего помета нет,

вода свежая — хоть в молодняке, хоть в дойном стаде. Буренки как королевы живут! Им даже чесальню сделали – ходят, чешут себе шкуру.

В том и сила руководителя, что он против течения умеет идти. Я году в 2005-м ехала в больницу и разговорилась по пути с одним человеком, который раньше работал в Красном Яру шофером у председателя Сергеева. Он послушал, как дела в Верх-Ирмени идут, и говорит мне: «Если бы наш председатель был живой, мы бы тоже на плаву остались!» Все зависит от руководителя.

Конечно, были и ошибки: как без этого? Был такой случай: в одном хозяйстве подсмотрели технологию беспрерывного доения. И Бугаков решил этот метод у себя проверить: отобрали несколько коров, специалисты поставили им на соски катетеры, чтобы животные молоко все время давали. Эксперимент неудачный вышел, только коров испортили. Юрий Федорович понял, что решение ошибочное, и все прекратил.

Бугаков чутко следил за чужим опытом. Где что-то интересное появится, мы об этом знаем, Юрий Федорович либо сам туда мчится, либо специалистов отправляет. Когда он из Америки приехал, то на собрании всем рассказывал, как там животноводство устроено. Сравнивал, сколько у них один человек голов обслуживает и сколько у нас. Рассказывал, какая идеальная чистота царит на фермах, а потом ведь и у нас так стало! Сам все проверял. Вечером заедет, каждый уголок осмотрит, каждый! Везде всегда все проверял. Вот поэтому у нас и царил порядок.

Юрий Федорович любил порядок и чистоту. Не терпел, если неряшливо, разбросано, мука рассыпана, например, увидит — замечание делает. Обязательно вернется и проверит: если не выполнено, не исправлено — сразу наказывает. Он не доверял слову, только глазам. Приедет, говорит: пошли, посмотрим. И мы идем — сначала в родильное отделение к телятам, потом коров смотреть.

Видит, одна корова заболела:

— Почему?

— Да вот привезли такую.

Отругает и обязательно выяснит, как так получилось. Поэтому не успеет Бугаков дверь закрыть, все бросаются исполнять то, что он приказал. Боялись наказания. А без этого никак нельзя. Потому что мы как бараны, простите за выражение. Если бы не наказывал, толку бы не было. Абсолютно. Но постепенно люди привыкли к порядку. Привыкли к его требовательности, к тому, что работать нужно так, как он говорит. Он ведь хорошую зарплату платил, и никто не хотел места лишиться, каждый своей работой дорожил.

Когда в 85-м году пригнали импортный скот — голландский, польский, немецкий — вот я с ним хлебнула! Попадало от Бугакова почти каждый день. Он рассчитывал получить от этих коров хорошие показатели. И что? Польские оказались никуда не годными, хуже наших. Ошиблись с ними, они вообще хозяйству были не нужны. Вот Бугаков и выходил из себя. Зато немки и голландки — особенно голландки! — были хороши, в первый год они дали по 4400 литров на фуражную корову, при этом средняя жирность получилась четыре процента! Представляете, какое жирное у них молоко!

Юрий Федорович постоянно требовал результат. Первое время мы каждый квартал заполняли такой бланк — «форму 24»: сколько надоили, почему столько, почему мало или много — все должны объяснить. На каждом заседании правления разбирали результаты — боялись мы этого разбора, не знаю как! Мы это молоко буквально выдавливали: не дай бог, коров не вовремя накормить, сорвать что-то, нарушить график. Все по часам, по минутам.

Бугаков нелицеприятен был, когда того требовала работа, и со специалистами, и с простыми работниками. Хоть и улыбался, и говорил: «Я женщин так не ругаю, как мужчин». На самом деле женщинам попадало не меньше. И мне тоже.

Но и поощрял. Он меня на ВДНХ отправил: я пять дней в Москве жила, награду получила. Механизаторы по ночам съездят, сорняки опрыскают — вредная работа, так по окончании обязательно всех в санаторий на десятидневку. Через профсоюз работникам путевки давали, все бесплатно.

Мы за Юрием Федоровичем как за каменной стеной жили. Нужна помощь — к нему идем, посоветоваться — снова к нему. В девяностых, когда все в дефиците было, мы и не ощутили. И зарплата была, и продукты выдавали — сахар, гречку, пшено. По телевизору показывают — учителя голодают, шахтеры касками по Красной площади стучат, а мы у Бугакова сытые, одетые, обутые, нас это не касалось. Всего полно было.

Бугаков бывал всякий: и грубый, и добрый, но всегда оставался нашим пастырем. Такой человек, как он, может, на пять тысяч один рождается. А теперь пастырь наш ушел, а овцы остались. Но думаем, молодой пастырь справится — Олег Юрьевич многое от отца перенял.

«ХОЧЕШЬ ЖИТЬ — УМЕЙ
ВЕРТЕТЬСЯ,
А НЕ СИДИ КАК АПОСТОЛ!»

ОН ЛЮБИЛ ЭТУ ЗЕМЛЮ!

Валентина Александровна Беглякова

доярка, заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации, работала в хозяйстве с 1987 по 2018 год

Бугаков приучал нас к постоянному порядку. В Васильевке, где я до этого работала, помню, у нас на летней дойке нередко свет отключался, все садились и ждали. Я так не могла: мне коров жалко — доила руками. В Ирмени — ничего подобного. И кормили животных здесь намного разнообразнее. Столько всего, что и не вспомню: и жмыхи всякие, и крапиву сушили, и особая «мука» была — так мы комбикорма называли.

— Юрий Федорович жил когда-то на углу над аптекой. Я была еще девчонкой и видела, как мимо его дома на грузовике возили на работу доярок. Под окнами Бугакова машина останавливалась, и женщины запевали частушки. И не уезжали, пока он не выходил! Выйдет, помашет рукой — тогда едут дальше.

Село у нас большое: улочки, лавочки… В 70-х по вечерам молодежь выходила на улицу, сидела с семечками и гармошками на скамейках. В одной из таких компаний я познакомилась с будущим мужем.

После свадьбы мы уехали в село Васильевка Чулымского района, и там я научилась доить аппаратом. В детстве я учительницей хотела быть, нравилось мне возиться с детьми, никогда не думала, что стану дояркой. Хотя сестра мужа работала на ферме, и я ей иногда помогала: видела, как она разбирает аппарат, приносит его домой мыть. Даже мысли не было — пойти на ферму.

Но мы предполагаем, а жизнь располагает. Когда родила третьего сына, еще года ему не исполнилось, соседка попросила подменить ее на ферме. Вернулась она через три дня и уволилась. А я успела к коровушкам привыкнуть, бросить не смогла. Не спрашивайте, почему, — это не объяснить. Так вместо трех дней я отработала на ферме два года.

Вы не подумайте, что моя профессия простая. Во-первых, нас постоянно учили: ветврач приходил, зоотехник — и не одно занятие: рассказывали о возможных болезнях и прививках, чем корма различаются, чем полезны, как использовать, как составить рацион. А сколько литературы я проштудировала — вы не можете представить! У меня дома целая зоотехническая библиотека.

Некоторые книги перечитывала по десять раз, пока не разобралась досконально.

В Верх-Ирмень мы вернулись в 87-м, и разница между фермами мне показалась огромной. Во-первых, доильные аппараты. На прежнем месте мы, бывало, отсутствующие детали мылом заклеивали, а здешние доярки про такое даже не слышали, у них аппараты были в полном порядке. Во-вторых, жесткая дисциплина. В Васильевке у нас на летней дойке нередко свет отключался, все садились и ждали, когда снова дадут. Я так не могла: мне коров жалко — доила руками. В Ирмени — ничего подобного. В-третьих, здесь животных кормили намного разнообразнее. Столько всего, что и не вспомню: и жмыхи всякие, и крапиву сушили, и особая «мука» была — так мы комбикорма называли.

Мне повезло, мне доверили племенной скот, который был тщательно подобран и куплен хозяйством за серьезные деньги. На моей группе шел селекционный отбор: были специальные селекционные коровы, которые хорошо доились, и в мои обязанности входило наблюдать, сколько молока каждая может дать в зависимости от разных видов ухода и корма.

В хозяйстве у Бугакова постоянно увеличивалось поголовье. Сначала в группах было по тридцать голов, потом по пятьдесят, семьдесят. Потом я работала на тысячу-полторы. Вот так на моих глазах росла «Ирмень»!

О нашем председателе можно говорить бесконечно — другого такого в моей жизни не было. Он настолько велик, что я возле него — пылинка. Он видел многое наперед, постоянно обсуждал с нами планы: «Девочки, я хочу так и так сделать». Но это не значит, что он был для всех хорошим. Он держал хозяйство в ежовых рукавицах. А как иначе? Люди любят послабления, если их не построить — все развалится.

На ферме были очень строгие правила. Например, Бугаков никогда не брал в постоянные доярки курящих женщин, только в подменные, да и то… Но главный принцип у Юрия Федоровича — постоянное обучение,

он часто говорил: «Если остановитесь — все, пропали». И мы не останавливались — всегда шли вперед.

Бугаков приучал нас к хорошей жизни. Он уже дороги заасфальтировал, а мы все в фуфайках да галошах на ферму ходили. Нацепишь что-нибудь и побежишь. А он говорил: «Нет, девочки! Вы будете у меня красиво на работу ходить. И с работы будете красивые возвращаться». Не дай бог в фуфайке ему на глаза попасться, та-а-ак на тебя посмотрит, что ты готова сквозь землю провалиться.

Юрий Федорович — редкий человек. Из него нельзя Бога делать, но он был очень необычным, все понимал по-другому, чем остальные.

Я вернулась в Верх-Ирмень в конце 80-х — страна трещала, а в 90-е все стало рушиться. Там, откуда я приехала, наступил полный разор, а здесь мои дети спокойно учились в школе и летом я могла отправить их отдыхать в лагерь. Средний сын поехал в «Артек», младший — в «Океан» на Дальнем Востоке. Муж ездил в Москву на ВДНХ, я в Сочи путевки выиграла — правда, так и не съездила: у мужа уборочная была в разгаре, а одна я постеснялась. Я так благодарна Бугакову за то, что он для своих работников делал, для их детей! Его не останавливали никакие сложности.

Вокруг сельхозпредприятия одно за другим рассыпались. Хозяйство хорошее, богатое, и вдруг оно исчезало, уходило в никуда. А у нас всего было в достатке, работа кипела, постоянно строилось что-то новое — комплексы, базы. В перестройку нам привозили все дефицитные продукты, женщинам на 8 Марта — живые цветы! Бугаков их в теплицах распорядился к празднику выращивать — там, где помидоры и огурцы сажали.

Сколько в эти годы проходимцев было вокруг! Однажды в Верх-Ирмень приехал один такой, московским журналистом назвался. Его хорошо встретили: накормили, в санатории он отдохнул. Рассказывал: я, мол, в Чечне на войне побывал. И пообещал наших колхозников в Берлин свозить. Взяли лучших, отправили с ним в Москву, он собрал со всех деньги, якобы по хорошему курсу на марки поменять — и все, до свидания. Мы сидим на Казанском вокзале, ожидаем, а его все нет и нет. Кто-то догадался, купил журнал, в котором тот журналист якобы работал, позвонили в редакцию: у нас такого нет! Хорошо, на обратную дорогу деньги были.

Это мелкий проходимец, а представьте, сколько крупных было, которые пытались у Юрия Федоровича хозяйство отжать! Доходило до того, что мы могли нашу «Ирмень» потерять. Но провести Бугакова было невозможно, он сразу видел, если кто-то хотел его надурить.

Хотя при этом не был злопамятен. Многие по молодости взбрыкивали, чего-нибудь лишнего хотели, а он не мог или не считал нужным дать. Но ни разу я не помню, чтобы он мстил. Даже когда понимал, что человек при случае сдаст его завтра. Вопреки всему помогал, понимаете? Это понятие жизни совершенно другое — выше, чем у нас, обычных людей.

Он очень любил эту землю! Просто любил.

СЧАСТЛИВОЕ СОВПАДЕНИЕ

Валентина Вильгельмовна Веремеева

СЕКРЕТАРЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ, РАБОТАЛА В ХОЗЯЙСТВЕ С 1971 ПО 2011 ГОД

О Юрии Федоровиче так скажу: наверное, нам его Бог послал, поэтому в хозяйстве и было все отлично. Вспомнить только, какие образцовые были поля! У меня внучка маленькая была, один раз едем с ней на машине, а колос за дорогой уже большой. Внучка спрашивает: «Дед, а кто колосья подстригал?» — настолько поле ровное, будто подстриженное!

— Однажды у Юрия Федоровича уходила секретарь, и он поручил отделу кадров подыскать замену. Нина Дмитриевна Родина подготовила большой список, в котором было много девчонок из нашего хозяйства, и отнесла ему. Бугаков просмотрел внимательно и указал на мою фамилию.

Не знаю, почему он именно меня выбрал. Может, потому, что часто бывал в столовой, где я работала поваром, и делегации разные приводил к нам — я его гостей постоянно обслуживала как официантка. А может, потому что знал и меня, и моего папу.

И вот вызывает он меня в кабинет и говорит:

— Решил тебя секретарем к себе взять.

Я растерялась совершенно, заявляю ему:

— Да меня уже поваром на первую бригаду записали!

У нас каждый полевой сезон на бригадах работали полевые кухни, кормили трактористов. Юрий Федорович только рукой махнул:

— Туда ты всегда успеешь!

— Да мне с мужем надо посоветоваться!

— А чего с ним советоваться?

Вот так из поваров — в секретари. Пришла, поставила мужа перед фактом, но он всегда меня понимал и поддерживал.

На машинке печатать я немного умела — научилась у мамы на работе, когда сидела в кабинете бухгалтера и тыкала пальцем, стараясь попасть по клавишам. Но все равно волновалась в первые дни работы! Если опечатку сделаю, все начинаю с чистого листа. Юрий Федорович сидит рядом, диктует… Я боялась его подвести, хорошо печатать быстро выучилась, плюс вскоре по его поручению прошла курсы секретарей-машинисток в Новосибирске. Машинка у меня была механическая, называлась «Башкирия»,

и когда я на ней работала, такой шум стоял, на два этажа слышно! Не машинка, а трактор.

Секретарю в приемной много чего приходится видеть. И радости, и драмы, и ссоры, и разочарования…

Юрий Федорович был строгим, мог на кого-то накричать сгоряча. Некоторые обижались, другие задумывались. Выйдут молча: «Подожду, пока остынет». Потом заходят снова, разговор продолжается. Юрий Федорович, действительно, быстро остывал, долго зла не держал, а если перегибал палку — сильно переживал по этому поводу. Он мне говорил: «Если я кого-то обидел, потом ночь не сплю». И позже просил прощения.

Меня он за работу никогда не ругал, не помню такого. О Юрии Федоровиче скажу: наверное, нам его Бог послал, поэтому в хозяйстве и было все отлично. Вспомнить только, какие образцовые были поля! Один раз едем с внучкой на машине, а колос за дорогой уже высокий. Внучка спрашивает: «Дед, а кто колосья подстригал?» — настолько поле ровное, будто подстриженное!

Не обходилось, конечно, и без сложных рабочих эпизодов — председатель мог и сказать что-нибудь сгоряча. Потом увидит мое грустное лицо: «Что, я тебя обидел? Ну прости, прости».

Когда ему было необходимо проговорить сложную проблему или чужое мнение услышать, кое-что обсуждал и со мной: «Вот как ты думаешь?» Я ему свое мнение скажу.

Вернулся как-то из очередной поездки и загорелся идеей поставить на повороте с трассы стелу с названием хозяйства. Увидел в гостях — и решил у нас сделать. Привез фотографии, разложил на столе, спрашивает: «Тебе какая нравится?» Я ему показала. Он кивнул головой. А скоро и стела появилась.

Он был новатором в любом деле! Многое на собственном опыте проверял. Услышал о соционике — нашел профессионалов в этой новой науке и пригласил их протестировать специалистов хозяйства на совместимость с председателем. Психологи со всеми побеседовали, тесты заполнили и сидят у меня в приемной. И вдруг один говорит Юрию Федоровичу: «Давайте мы и вашего секретаря проверим». Дали мне тесты, встали у меня за спиной, смотрят, как я на вопросы отвечаю. Затем кружочки цветные нужно было раскладывать. В итоге захожу к Юрию Федоровичу в кабинет, он читает результаты и улыбается: «Слушай, — говорит, — ни один из специалистов мне по характеру больше тебя не подходит!»

И действительно — я Бугакову доверяла полностью! Тридцать лет с ним проработали дверь в дверь, и я каждый день на работу бежала с удовольствием. Он иногда удивлялся: Вале Веремеевой почему-то ничего от меня не надо. К нему идут: то денег просят, то дрова, а я никогда ничего. Даже квартиру в коттедже он предложил: «Тебе-то надо? Я вот как раз распределяю…»

Мне всего хватало в жизни, а если не хватало, то считала так: сама добьюсь и заработаю. Возможно, это и было нашим главным совпадением.

«В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
ЛЕГКИХ ЛЕТ НЕ БЫВАЕТ»

НИЧЕГО НЕТ МИЛЕЕ ДЕРЕВНИ МОЕЙ!

Надежда Александровна Максимова

председатель профкома, заведующая пекарней, председатель сельского совета Верх-Ирмени, работала в хозяйстве с 1979 по 2011 год

Весной 1984 года я стала председателем профкома колхоза «Большевик». В хозяйстве все бурлило: открыли кафе, профилакторий, музей, запустили КИТы. Мы ночью писали боевые листки, а утром отправляли их на участки, чтобы проинформировать рабочих об их успехах. Перед планеркой запускали по радио новости — у кого сколько намолочено, кто сколько скосил, в обед ездили поздравлять передовиков, вручали им подарки и призы. Иногда Юрий Федорович рано утром придет на работу, увидит меня и удивляется: «Ты тут ночевала, что ли?»

— Юрий Федорович меня по жизни как отец вел. Моего родного папы рано не стало, мне всего двадцать два года было, когда он умер, и со всеми своими вопросами — семейными, житейскими, материальными — я шла к Бугакову. Как к отцу, вот честно. Никогда, ни разу не отказал, настолько был добр ко мне!

Трудовая жизнь моя началась поваром на бригаде. Три года отработала, и вдруг появились ограничения по здоровью, которые потребовали перехода на более легкий труд. Что делать? Куда идти? В райповской столовой — или чайной, как ее тогда называли, — в это время уволилась заведующая. Мне диплом позволял работать на этом месте, и я пошла к Юрию Федоровичу. Он меня выслушал и говорит:

— Ну чего ты придумала? Зачем тебе из хозяйства уходить? Может, твоя болезнь и пройдет скоро.

— А что мне сейчас делать? — спрашиваю.

— Я тебе найду работу, — отвечает. — Председателем профсоюзного комитета пойдешь?

Мне двадцать восемь лет только исполнилось, едва из комсомольского возраста вышла, страшно было! Но он в меня верил.

Весной 1984 года я стала председателем профкома колхоза «Большевик». В хозяйстве все бурлило: открыли кафе, профилакторий, музей, запустили КИТы. Мы ночью писали боевые листки, а утром отправляли на участки, чтобы проинформировать рабочих об их успехах. Перед планеркой запускали по радио новости — у кого сколько намолочено, кто сколько скосил, в обед ездили поздравлять передовиков,

вручали им подарки и призы. Иногда Юрий Федорович рано утром придет на работу, увидит меня и удивляется: «Ты тут ночевала, что ли?» Хорошее было время…

Он очень любил людей. Был простой! Встретив человека, которого давно не видел, мог остановиться прямо на дороге. За ручку поздоровается, обо всем расспросит — о семье, детях, о заботах житейских. И в то же время по работе был очень строг и требователен. Никому не давал расслабиться. Мне всегда казалось: пусть Бугаков меня не хвалит, лишь бы не ругал.

Без его ведома в колхозе не делалось ничего. Столько всего знал — не голова, а компьютер! И про животноводство, и про растениеводство, и про культуру, и про песни, и про все наши дела — партком, профком, комсомол… Сидим на планерке по понедельникам, ко всем у него есть вопросы. При этом инициативу подчиненных не подавлял, а наоборот, всячески приветствовал. Выслушает, расспросит, если возражений не нашлось, дает добро: делайте, я потом посмотрю, что у вас вышло.

В 87-м году в нашей семье появился второй сын. Помню, собралась в декрет, Юрий Федорович на планерке говорит: «Надежда Александровна сегодня у нас уходит в длительный отпуск». А по мне почти незаметно было, что срок подошел, все сразу зашушукались:

— Куда уходит? Какой длительный отпуск?

— Она у нас уходит в декрет. Пожелаем ей хорошего прохождения этого периода и возвращения к нам.

Вот так по-отечески.

Он относился ко мне как к родной. До сих пор со слезами благодарности вспоминаю, как он помог моей семье, когда нам с двумя детьми и мамой стало невмоготу тесниться в квартире. Настолько, что я пошла и попросила его войти в положение. И он не просто вошел! Он предложил идеальный на тот момент вариант: дал квартиру моей маме. Причем в нашем доме! Для меня с двумя детьми это было кстати — бабушка всегда рядом. Мы живем на третьем этаже, она — на втором и в любой момент может прийти и посидеть с малышом.

Прошло время, ребенку год исполнился, Юрий Федорович звонит мне и спрашивает:

— Ты на работу собираешься выходить?

— Собираюсь, — отвечаю, — но в профком не пойду. Маленький ребенок, как я с ним?

— А куда пойдешь?

— Да хоть в технички, только чтоб с малышом побольше быть.

Он задумался на мгновение и говорит:

— Ладно, я придумал, куда ты пойдешь! Там все хорошо будет. И выходные тебе, и праздники. Только там, Надя, надо депутатом быть.

— Да что за работа такая? — ничего не понимаю.

— Приходи, мы с тобой поговорим.

Прихожу к нему в кабинет, он мне и говорит:

— Председателем сельского совета пойдешь.

Я оторопела:

— Да вы что?! Юрий Федорович!

Для меня это был шок, а он спокойно продолжает:

— Да нормально все будет, не переживай. Все у тебя получится. Я помогу.

Он меня так вдохновил этим обещанием, заверением, что все нормально сложится, что я согласилась!

А тут дефицит в стране начался, талоны, все было очень серьезно. Но Юрий Федорович действительно помогал во всем! По его инициативе мы организовали прием людей за рекой по средам. Потому что не всем удобно к нам идти — далеко, особенно пожилым. И мы выезжали в клуб, там принимали людей.

Ребенок часто болел, времени на него почти не оставалось, и я очень переживала по этому поводу. В конце концов, когда освободилось место начальника военно-учетного стола, я пошла к Бугакову и попросила найти мне замену на посту председателя сельсовета. А через несколько лет настали времена, когда перестали платить деньги. Что делать? Я опять к Юрию Федоровичу: «Хочу назад! Хочу обратно домой!» Он мне говорит: «Не переживай, что-нибудь придумаем». И предложил стать заведующей пекарней.

Тяжело было перестраиваться, очень! Но сделали ремонт, дисциплину отладили, и в итоге я тринадцать лет в пекарне отработала! До пенсии и год после.

Я так прикипела к деревне, никогда не думала, что мне в Ирмени будет настолько хорошо. Горжусь тем, что живу здесь много лет и что работала под руководством Юрия Федоровича. Помню, как-то вечером сидим с его женой Антониной Ивановной на крылечке — беседуем. И я говорю ей: «Смотрите, комбайны с уборки с включенными фарами едут!» Мы заплакали — от радости, от восторга, что вместе видим эту красоту.

«ЛУЧШЕ ГОРЬКАЯ ПРАВДА,
ЧЕМ СЛАДКАЯ ЛОЖЬ»

ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЕТСЯ В БЕДЕ

Валентина Степановна Гирич

ЗООТЕХНИК-СЕЛЕКЦИОНЕР, РАБОТАЛА В ХОЗЯЙСТВЕ С 1979 ПО 1987 ГОД

До Бугакова всякое бывало в колхозе! Бригадиры врали, а я была прямолинейна, выступала против них на собраниях, писала в районку. Дожила до того, что сказали: или молчи, или уходи. Я — заявление на стол. И долго никакой работы не могла найти: не брали! Но потом как-то встретила Юрия Федоровича и пожаловалась: «У меня работы нет». Он меня тут же в колхоз пригласил!

— До Бугакова всякое бывало в колхозе! Бригадиры врали, а я была прямолинейна, выступала против них на собраниях, писала в районку. Дожила до того, что сказали: или молчи, или уходи. Я — заявление на стол. И долго работу не могла найти: не брали! Наконец устроилась в спецшколу и отработала много лет, пока она не закрылась. И снова — ни работы, ни денег, а мне уже пятьдесят исполнилось.

Как-то в Троицкую субботу собралась на кладбище к родственнице на могилку, а Бугаков как раз к матери пришел. Я ему и пожаловалась:

— Юрий Федорович, у меня работы нет. Спецшколу закрыли.

Он меня тут же в колхоз пригласил:

— Приходи завтра, у нас зоотехник в декрет уходит.

Многие говорили: ой, я боюсь идти к Бугакову! А я нет. Сколько мы с ним проработали, чтобы он мне что-то сказал суровое, ни разу! Голоса на меня не повысил. Сколько времени уже прошло после его смерти, а я захожу в контору и крещусь на его портрет, как на икону. Я только здесь, в Верх-Ирмени, и перестала себя чувствовать дочерью врага народа.

Отца моего, бухгалтера Топчихинской МТС, арестовали в 1937-м. Он выстроил новый дом, видать, кто-то позавидовал и написал донос. Увели папу ночью, я и не слышала как. Просыпаюсь и слышу вой — не звериный, но и на человеческий голос мало похож. Это мама сидит над колыбелью моего младшего брата и воет.

Вскоре дом, имущество отобрали, у мамы швейную машинку — и ту унесли. Ни работы, ни денег, ни жилья, и нас пятеро ртов. Кое-как перезимовали в старой избушке и подались на Урал к родственникам. Вскоре после начала войны мама умерла, сердце не выдержало. Мы остались полными сиротами, а по документам — дети врага народа. Кому мы нужны? Кто такую ответственность возьмет? И младших по разным детдомам отправили.

Помню, в пионеры принимали в третьем классе. Всем галстуки торжественно повязали, а меня увели в другую комнату и там — одной. Я тогда не могла понять: почему? В седьмом классе меня вместе с другими такими же девчонками повезли в Молотов на ткацкую фабрику. А какая из меня ткачиха? Полтора метра роста, до станка не достаю — и меня вернули в детдом.

По отцу у меня была родственница в Верх-Ирмени, известная на селе учительница Октябрина Петровна Смирнова, и я списалась с ней. Вдруг она мне пишет: приезжай! Это был 47-й год. Мне детдомовские мальчишки в мастерской сделали чемодан, рюкзак с продуктами в дорогу собрали — приезжаю в Новосибирск. Как отыскать эту Верх-Ирмень? Мне говорят: езжай в Бердск, там на базар приедут верх-ирменские, заберут с собой. Какой там базар! Так пешком из Бердска и пришла, разве что через Обь перевезли. И только здесь я перестала чувствовать себя дочерью врага народа.

В 1991-м вышел закон о выплатах жертвам репрессий. Столько бумаг собрать надо было! Решила уточнить в отделе кадров, какой пакет документов нужен. Пришла в контору, Бугаков навстречу:

— Ты куда?

— Да….

Он, видно, что-то почувствовал:

— Ну-ка пойдем!

Пришли в его кабинет:

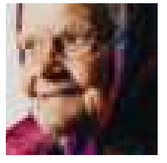
— Рассказывай!

Я рассказала. Он вызвал секретаря Валентину Веремееву, завкадрами Нину Карловну и говорит: «Так! Чего ей надо, какие документы или какие бумаги составить — пишите, посылайте». И я быстро собрала документы и деньги получила.

А когда зоотехником на ферме быть перестала и на пенсию ушла, Юрий Федорович устроил меня работать… в церковь. Он очень много помогал церкви, часто там бывал. На службах не стоял, но в Бога верил, и глубоко верил! Бог ему и жизнь спасал, и дожить помог до старости, и детей вырастить.

Вот он раз в храм придет, второй, третий — меня встречает. А я тогда в конторе подрабатывала, полы мыла. Он видит: тяжело мне, останавливается как-то и говорит: «Знаешь что? Ты ведь ходишь в церковь? Там документацию вести надо».

И так устроил в церковь работать!



«НИ ШАГУ НАЗАД!
ТОПТАНИЕ НА МЕСТЕ
СМЕРТИ ПОДОБНО»

НАСТЫРНЫХ УВАЖАЛ

Владимир Николаевич Дашков

механизатор, начальник производственного участка,
работал в хозяйстве с 1981 по 2020 год

Когда мне исполнилось 43 года, Юрий Федорович отправил меня учиться в техникум, что в Раздольном за барахолкой. Я ему говорю: «Мне на пенсию скоро, какая учеба?» Он смотрит на меня: «Я что-то понять не могу, ты собираешься здесь работать? Если да, то поезжай и учись. Если нет — пиши заявление об уходе». И я пошел учиться заочно.

— На повороте от трассы к нашему агрогородку Бугаков поставил большую стелу. Чтобы водители, которые едут из города, видели, что здесь находится племзавод «Ирмень». А за дорогой, в сторону Ордынки, линия электропередач тянется. Она как бы на чужой земле стоит и к нам совершенно не относится, но Юрий Федорович по два раза за лето посылал нас выкашивать вокруг нее траву. Это сейчас триммеры есть, а тогда брали в руки косу и — вперед. И все для того, чтобы рядом с названием нашего хозяйства даже намека на бурьян не было.

Мелочь? Как сказать. Для него это дело чести — содержать в порядке территорию рядом с Ирменью. Пусть даже чужую.

Я в колхоз к Бугакову попал в 81 году. Моя сестра окончила медицинское училище и по распределению попала в Верх-Ирмень. Приехал я к ней однажды в гости, смотрю — все чистенько, красиво. Иду по улице, тележка стоит: человек мусор аккуратно вынес, затем машина проехала, все собрала…

Позже мне Юрий Федорович рассказывал, что не всегда так было. Пока он приучил народ к порядку, сильно кое с кем повоевать пришлось. Наказывал за грязь, но своего добился. Я село увидел уже очень ухоженным. Разница между тем хозяйством, где я работал, и бугаковским была видна невооруженным глазом: в Ирмени и асфальт положили, и городок строили, и современные квартиры работникам давали. Так мне понравилось здесь — пошли с другом в контору на работу проситься.

Юрий Федорович в отъезде был, нас принял его заместитель и взял временно, до его приезда. Через две недели Бугаков вернулся и расспросил нас

обо всем дотошно. В финале разговора задал главный вопрос:

— Желание работать есть?

— Есть!

— Ну тогда идите работайте.

Дали нам с товарищем комнату в общежитии на двоих. И так получилось, что вскоре я в Верх-Ирмени встретил свою судьбу — моя будущая жена приехала в здешнюю школу по распределению учителем начальных классов. В апреле свадьбу сыграли, а в июне двухкомнатную квартиру получили. Где еще такое было возможно?

Бугаков о своих работниках все знал! Дочка родилась — он мне трехкомнатную квартиру предложил. Дома как раз стали строить на два хозяина, он вызвал меня и говорит: бери ключи и въезжай!

И как только все успевал? Однажды перед сенокосом едем с ним по полям, которые на Обское море выходят. Он меня спрашивает:

— Ты нынче купался?

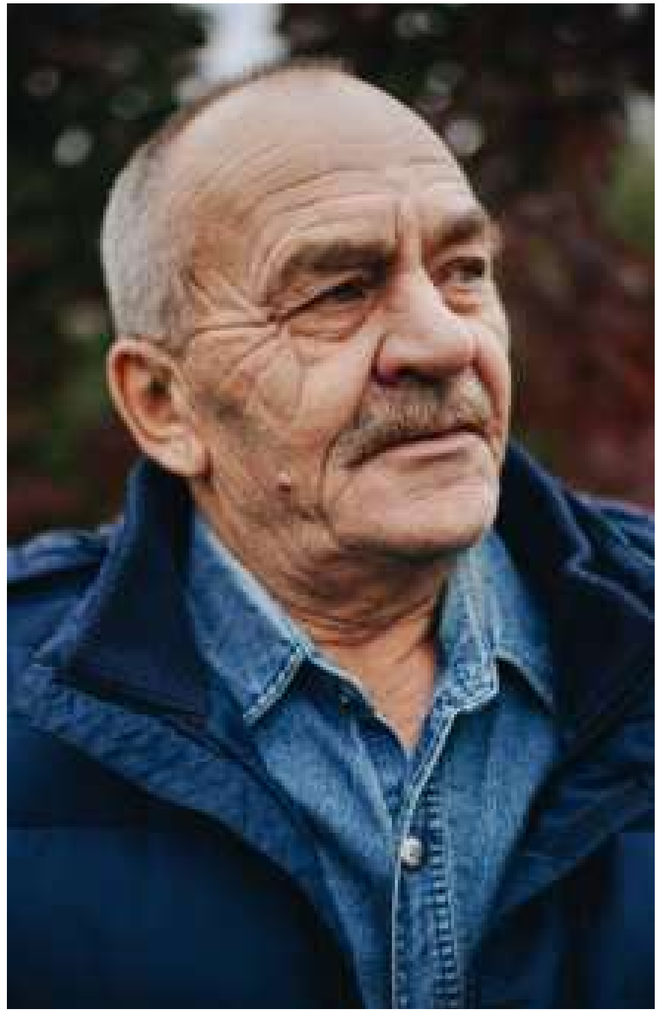
— Нет, работы много, не до купаний.

— Вот и я за все лето ни разу на Оби не был. Давай хоть вдоль берега проедем.

В страдную пору он, как и мы, простые механизаторы, забывал об отдыхе.

Вот только по сравнению с нами нагрузки у него были раз в десять выше. Мы только в поле, а он успевал везде, уделял внимание всем направлениям и что ни задумает — обязательно в плюс.

В начале 90-х в колхозе был короткий период, когда мы в округе получали меньше всех. Юрий Федорович убеждал: это ненадолго, давайте подтянем пояса, запустим переработку молока, и тогда все наладится… Со стороны казалось — мы и так не особо жируем, а он переработку придумал, такие деньги в нее вбухивает. Но прав оказался председатель. Как всегда. На открытие нового производства у него ушло года полтора — как раз столько, чтобы деревни, в которых зарплата была выше нашей и которые, по сути,



проедали свои ресурсы, практически все посыпались. Всего год назад из соседних хозяйств к нам приезжали, хвастались, а потом — бах! — все рухнуло. Стали по два, по три месяца задерживать зарплату, а зимой люди сидели на голодном пайке. А у нас зарплата росла постепенно, но непрерывно, и через год с небольшим мы снова в гору пошли.

Когда мне исполнилось сорок три, Юрий Федорович отправил меня учиться в техникум, что в Раздольном за барахолкой. Я ему говорю:

— Мне на пенсию пора собираться, какая учеба?

Он смотрит на меня:

— Я что-то понять не могу, ты собираешься здесь работать?

— Да.

— Вот или поезжай в техникум, или пиши заявление об уходе.

И я пошел учиться! Заочно. Из колхоза нас четверо было, и в техникуме мы оказались самыми старшими. Окончил учебу в мае 2005 года, а в июне Бугаков меня поставил бригадиром.

За такую работу стоило держаться! В любой кризис благодаря предприимчивости Юрия Федоровича и постоянной учебе мы крепко стояли на ногах, и зарплаты были достойные. Помню, перед 2008-м годом, когда в Новосибирске начался строительный бум, на стройках стали платить сумасшедшие деньги. Некоторые из наших погнались за длинным рублем и уехали из Ирмени. А потом — опа, кризис, и все стройки накрылись! По неделе в приемной у Бугакова сидели эти горе-строители и просили, чтобы их взяли на работу обратно.

Помню, Сашка, знакомый мой, измором его брал. Юрий Федорович рано утром приезжает на работу — тот уже в приемной.

— Сидишь?

— Сижу.

— На работу?

— На работу.

— Ну подожди, — и заходит в кабинет.

На обед выходит:

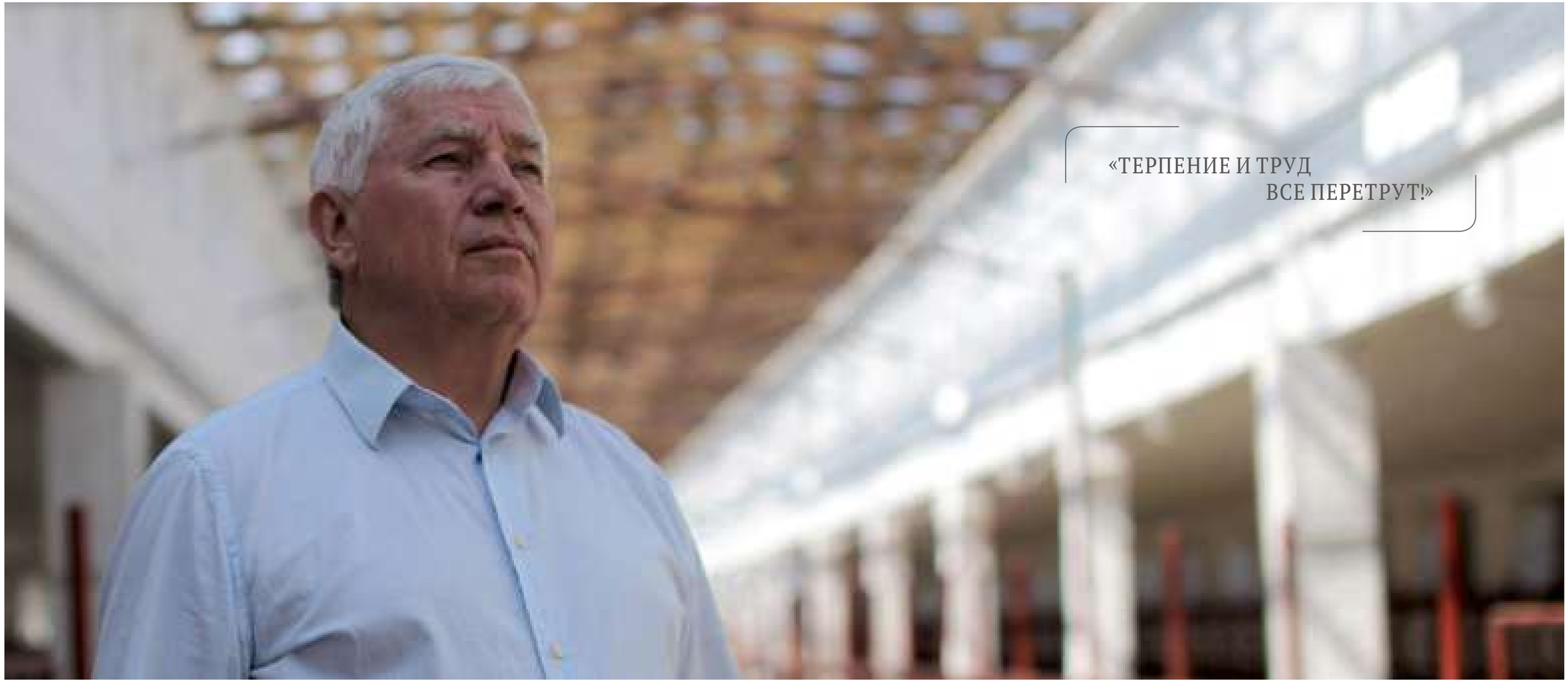
— Саша, ты здесь, что ли?

— Здесь.

— Ну ладно, подожди.

И взял-таки Бугаков его обратно!

Настырных он уважал. И замечал каждую мелочь, если она человека характеризовала.



«ТЕРПЕНИЕ И ТРУД
ВСЕ ПЕРЕТРУТ!»

ПОЛВЕКА ПАХОТЫ

Лариса Сергеевна Пашкова

БЫВШИЙ УЧИТЕЛЬ ХИМИИ ВЕРХ-ИРМЕНСКОЙ ШКОЛЫ

Верх-Ирмень конца 60-х, когда в ней появился Бугаков, была обычной деревней в сибирской глубинке, не блиставшей ни уровнем культуры, ни комфортом. А какая она у нас теперь! Даже сравнивать невозможно. Но все эти прекрасные изменения в селе произошли при одном человеке — бессменном руководителе племзавода «Ирмень». Именно творческой мыслью Юрия Федоровича Бугакова в последние полвека и преображалось наше село.

— Прежде чем сказать о Юрии Федоровиче, хочу немного вспомнить дни своей молодости, когда я впервые попала в Верх-Ирмень. Это было за двадцать лет до того, как Бугаков стал председателем колхоза «Большевик».

Родом я из европейской части России, из Рязани, училась в Орехово-Зуево и в 1950 году после института получила распределение в Новосибирскую область. В Великую Отечественную наш город был прифронтовым, немцы до него не дошли всего 30 километров, мы остались в тылу, но ежедневно видели, сколько горя приносила война, сколько забирала мужчин и оставляла сирот.

Тогда, в 41-м, все москвичи были очень благодарны сибирским дивизиям, отстоявшим Москву и Ржев: сибиряки почти все полегли на поле боя, но столицу не сдали. Не дождались своих отцов ребятишки. Однако война закончилась, страна вставала из руин, нужно было возвращаться к мирной жизни, а детям — ходить в школу. Поэтому мы, выпускники педагогического института — десять девчат и один парень, поехали через всю страну на восток, чтобы их учить.

Четыре дня тащил нас паровоз от Москвы до Новосибирска. На главный вокзал прибыли 13 августа и сразу пошли в облоно, где специальная комиссия выдавала направления на работу. Поскольку у меня был красный диплом, то вызвали первой, и я попросилась «в какое-нибудь село поближе к городу». «Ну что ж, — сказали мне, — вот вам Верх-Ирмень, можете отправляться».

Когда вышла из кабинета, сотрудница облоно объяснила: «Сейчас до Верх-Ирмени вам не добраться, дорога грунтовая и раскисла так, что даже грузовики не идут. Единственный путь — доплыть пароходом до Красного Яра, а оттуда попробовать найти машину до места». Вот так сложно было попасть в Ирмень в 50-х!

Мы с двумя подружками, которым тоже нужно было вниз по Оби, пошли в речпорт, взяли билеты и в обед отплыли. Погода стояла чудесная, было очень красиво — небо синее, на воде дорожка, по берегам бор шумит, мы не уходили с палубы.

Но моя радость оказалась недолгой. Ближе к вечеру, когда стало темнеть, подошел матрос: «Кто сходит в Красном Яру?» Выяснилось, что одна я.

Как москвичка, которая привыкла к городской цивилизации, я ожидала, что сейчас увижу пристань в огнях и кучу народа. Но вместо этого увидела лишь голый берег. Матросы сбросили на него сходни, и все.

Пароход стоял пять минут, девчонки вышли меня проводить, кругом было пусто, лишь вдалеке виднелись огоньки. Как я увидела это все, чуть не заплакала: «Лучше я дальше с вами поплыву!..» Но делать нечего, теплоход отчалил, а я, как в песне, «одна стою на берегу», на глазах слезы. Пригляделась, чуть поодаль небольшая кучка народа, человек десять, семечки лузгают, специально пришли смотреть на пароход. Подошла. Одна девчонка указала мне на пожилую женщину, у которой можно попроситься переночевать. А завтра, говорит, попробуем отправить тебя в Верх-Ирмень. Бабушка взяла мой чемоданчик с книгами, я — узелок, и мы пошли.

Ой, какое настроение у меня было жуткое! Особенно когда хозяйка зажгла керосиновую лампу. В ту пору в сибирских деревнях электричества не было! Это меня, которая в Москве «Трех сестер» Чехова смотрела, добило. Думаю: боже, куда я попала?! Вдруг и Ирмень такая же…

Чай на ночь при керосинке попили, утром встали — дождь, туман, и настроение такое же. Пошли на элеватор, нам сказали, что туда придет машина из Ирмени. Так и вышло. Подошел грузовик, шофер крикнул:

— Кто на Верх-Ирмень?

— Я.

— Лезь в кузов.

А там две девчонки, ученицы старшего класса, которые ездили за брусникой. Приняли они мои вещички, я помахала доброй женщине, и поехали. Когда прибыли, водитель спрашивает: куда вас? А я и не знаю, на дворе воскресенье, школа закрыта. Ну, тогда давай в дом колхозника! Девчонки согласились проводить.

На другой день пошла в школу — здание добротное, кирпич и дерево, но туалет на улице. Пришла к девяти часам, а там вовсю кипит работа, ученики и учителя готовят школу к 1 сентября. Вот так и началась жизнь бывшей жительницы Рязани в сибирском селе.

Конечно, в конце 60-х, когда в Верх-Ирмени появился Бугаков, электричество везде было и дороги стали лучше, но это по-прежнему была сибирская деревенская глубинка, которая не блистала ни уровнем культуры, ни комфортом. И какая она у нас теперь! Даже сравнивать невозможно. А ведь все эти прекрасные изменения произошли при одном человеке — бессменном руководителе племзавода «Ирмень». Именно творческой мыслью Юрия Федоровича наше село в последние полвека и преображалось.

Руководителем он был замечательным, городок, в котором мы сегодня живем, — его задумка. Построен он был для колхозников. Но когда у меня ноги стали отказывать, я нашла вариант поменять свой дом на квартиру именно здесь. И нисколько не пожалела. Бугаков — молодец! Настоящий хозяйственник, он и городок возвел отменный и сумел сделать из своего села, до которого раньше в распутицу было не добраться, одно из лучших мест в Новосибирской области.

Да, многие знают, для этого ему пришлось пойти на крутые меры. Наши мужики в те годы выпить любили, а сельское хозяйство этого не терпит: на посевной и уборке нужно пахать от зари до зари, один погожий день год кормит. И Бугаков добился того, что пьянства среди колхозников не стало.

Помню выпускника своего, зоотехником работал. Он имел неосторожность выпить на работе, так Бугаков моментально его выгнал, несмотря на образование. Мать еле вымолила, чтобы взял обратно. Юрий Федорович откликнулся на ее просьбы, принять снова согласился, но не специалистом, а простым работником. Вот на таких примерах люди поняли, что рюмка в колхозе больше «не пройдет», стали работать добросовестно, и хозяйство вышло в передовики.

Бывал председатель постоянно и у нас в школе, всегда приходил на сентябрьскую линейку и обязательно не только поздравлял ребят и учителей, но и благодарил старшеклассников, которые летом не болтались, а работали у него до последнего дня каникул. Он вручал им зарплату, и торжественность этого события была лучшей наградой детям за их первый шаг в самостоятельную жизнь.

Но только линейками и поздравлениями его внимание к сельским учителям не ограничивалось. Некоторым из нас он квартиры в Агрогородке давал. Например, первому директору Надежде Александровне Щукиной, потом завучу и нескольким ветеранам. Помог и семье учителя Воронкова: тот был литератор, приехал из города и не мог приспособиться к жизни в частном неблагоустроенном доме. Нужен навык — управляться с дровами, а учителю когда? Поэтому зимой у них было очень холодно. Тогда директор школы пошел к Бугакову, и тот не отказал, получила квартиру и эта семья.

Позже, когда в стране началась приватизация, Юрий Федорович всем учителям, как и колхозникам, разрешил оформить жилье в собственность. И это такой хороший жест! Так Бугаков еще раз подчеркнул, что люди, которые много лет проработали в образовании, заслуживают внимания и заботы не меньше, чем те, кто всю жизнь отдал сельскому хозяйству и «Ирмени».

ВСЕ ИСПЫТАНИЯ – ВО БЛАГО

Зинаида Парфентьевна Кайгородова

старший зоотехник, заслуженный зоотехник Российской Федерации,
работала в хозяйстве с 1961 по 1992 год

Два раза я пыталась уйти из колхоза, и оба раза Юрий Федорович мне отказывал. Посмотрит на заявление, на стол положит, скажет: «Не горячись». А один раз, когда узнал, что собираюсь в спецшколу уйти, добавил: «Лучшая спецшкола — у нас на комплексе».

— «У меня земля всегда под ногами» — это выражение Юрия Федоровича Бугакова я впервые услышала от него в начале 90-х. Однажды утром в «чистый четверг» — так мы называли все четверги на ферме, потому что делали генеральную уборку — я как всегда, не заглядывая в контору, пошла делать обход. Захожу в родильное отделение, смотрю, а в подсобке стол накрыт, скотники и доярки сидят, выпивают. В восьмом часу утра! Я с порога: «Это что такое!?» А мужики уже разомлевшие, за языком не следят… «Уборка закончена, имеем право! И вообще, Парфентиха, твое время ушло!»

Ну что мне с ними — драться?

Захожу в коровник, качество уборки проверяю и обнаруживаю в одном углу плесень. Стою, слезы на глазах. Ворчу от обиды и злости. И так в эмоции погружена, что не услышала, как сзади тихо подошел Юрий Федорович:

— Ты чего ворчишь?

А я признаться боюсь, что плесень нашла, что с коллективом поругалась. Только и нашлась что ответить:

— Так, Юрий Федорович, земля из-под ног уходит.

— Ну, это ты брось! Вот у меня земля всегда под ногами.

И как-то спокойно мне стало от этих слов. Думаю, и правда, чего расклеилась, надо собраться, пойти к мужикам и спокойно потребовать, чтобы работали, как полагается. Не знаю, насколько серьезно у них в тот день сложился разговор с председателем, но позже они передо мной извинились. А пьянство в колхозе Бугаков выжег каленым железом.

Это был истинный, настоящий руководитель! Он был способен добиться любой поставленной цели.

Я в «Большевике» с 1961 года. Начинала при Гавриле Семеновиче Тростникове — это мой первый председатель. Потом через год пришел Овчаренко, он только-только вернулся из Китая, где служил армейским переводчиком.

Помню, я была тогда членом правления, и однажды Иван Яковлевич привел к нам на заседание нового колхозного парторга. Представил: Юрий Федорович Бугаков.

Мы встретили новичка с любопытством: молодой, худенький, с буйной шевелюрой… Много лет спустя в воспоминаниях Юрия Федоровича я прочла, что в первые годы работы в нашем колхозе он чувствовал себя «пацаном». И отношение к нему со стороны специалистов было как к дилетанту — человеку, который мало что понимает в сельском хозяйстве. По этой причине он даже хотел уйти из «Большевика». Но остался. Потому что умел преодолевать себя. А еще очень повезло с наставником.

Овчаренко был невероятный умница, человек, основательно подкованный и эрудированный во всех экономических, политических и хозяйственных вопросах. Юрий Федорович от него очень многое взял и, по сути, стал таким же, как его учитель. Недаром Иван Яковлевич не давал согласия уехать из Ирмени на повышение, пока не добился, чтобы вместо него руководителем колхоза оставили Бугакова.

Мне повезло несколько лет работать с ними обоими. Говорю «повезло», несмотря на то что это было очень сложное время, особенно для зоотехников. Раньше в «Большевике» были не только коровы, но и свиньи, овцы и куры. При этом кормов не хватало, прибыли животноводство не приносило, и за это нас постоянно ругали.

Тогда Иван Яковлевич принял волевое решение отказаться от всех видов скота, кроме крупного рогатого, на его основе и начали поднимать хозяйство. Когда я в 1961 году студенткой пришла в «Большевик» на полугодовую практику, от коровы получали 1200 килограммов молока в год. Это не то что скромный, это скверный результат. Поэтому все внимание два руководителя — Овчаренко и Бугаков — направили именно на животноводство: племенную работу, технологии доения, корма, кадры, бытовые условия людей, их зарплату… Благодаря этому мы постепенно пошли в гору, и в 92-м, когда я уходила на заслуженный отдых, годовой надой от коровы составлял 5600 килограммов.

Более чем четырехкратный рост результата потребовал невероятной работы. Еще на практике с меня спрашивали как с полноценного специалиста, будто я за все отвечаю. А после окончания института — и подавно. Поначалу зоотехников в колхозе было два человека: я и Валентина Степановна Гирич. Обеим досталось по полной программе — и ответственности, и работы.

Я хоть и зоотехник, но на ферму приду, халат надену — та же доярка. Иду по корпусу по своим делам, а мне кричат: «Зинаида Парфентьевна, бегом сюда, корова телится, помогай!» А у наших коров тогда после внедрения искусственного осеменения при трансплантации обычно рождались двойни. Бегу к месту отела, начинаем тянуть второго теленка, принимаем его прямо на навозном полу! Ой, нынешним специалистам, что называется, и не снилось… Да и Ирмень в те годы — не сравнить с нынешней: грязь непролазная не только на фермах, но и на центральных улицах.

Тем не менее, назло всем трудностям я отработала старшим зоотехником в колхозе тридцать два года. За это время сменилось пятнадцать главных: ответственность очень большая, спрос за надои, дисциплину… Плюс руководство чрезвычайно строгое: каждый месяц собирали правление, на котором мы должны докладывать о своей работе. Вот и не выдерживали люди такого напряжения, хватало на год-два, а потом шли искать чего-нибудь попроще.

Бугаков был невыносимо строгий. Когда идешь к нему в кабинет, в приемной лучше уточнить, какое у него сегодня настроение. Потому что если попадешь под горячую руку — хорошего не жди. Некоторые новички не сразу это понимали, но жизнь быстро учила.

Помню, во времена главного зоотехника Виктора Алексеевича Мартьянова мы в хозяйстве организовали повышение квалификации животноводов.

Я и сама училась. Все, как полагается, — лекции, семинары, практика и аттестационные экзамены. Комиссия экзаменационная была большая, и Юрий Федорович — тоже в ней. Я стою перед аудиторией, трясусь: «Ой, так боюсь, так боюсь!» А другой зоотехник, моя коллега, которая тоже пришла экзамен сдавать, говорит: «Не смеши меня, Зина! Чего бояться? Что мы, на пару вопросов не ответим?»

Ну и что получилось? Вошла она в аудиторию, вытащила билет и даже хорошо на него ответила, а Бугаков как давай ей дополнительные вопросы подкидывать! «Скажите, Галина, а какая корова у нас на ферме имеет наивысший удой?» Она глазами хлоп-хлоп. Не знает. А у него на столе тетрадь, где про каждую корову все написано. В итоге он увидел, что зоотехник не владеет предметом, и так на нее рассердился, что выгнал! Отправил на переэкзаменовку. Так что пришлось «неверующей» девушке поверить, что я не зря тряслась и что у Бугакова просто так не проскочишь.

Все было. Зато и результат был.

С Машей Руденской, бывшим нашим зоотехником, разговорились недавно, вспомнили нашу работу, непростой нрав председателя и вместе пришли к выводу: если бы не бугаковская строгость, наш колхоз, как и все соседние, давно бы развалился. А он устоял. Потому что Юрий Федорович — молодец. Ни себе, ни нам покоя не давал.

И что очень важно: он ценил работяг.

Помню, в очередной раз отчитывалась на правлении о своей работе, недостатков хватало, меня стали ругать. Я терпела-терпела, потом храбрости набралась да и говорю Юрию Федоровичу:

— Что вы с меня постоянно требуете? Человек должен хотя бы иногда отдыхать? Я три года в отпуске не была!

— Не может быть!

Вызвали бухгалтера, уточнили, оказалось — правда, три года без отпуска. Тогда Бугаков тут же:

— Собирайся на курорт, завтра получишь путевку.

А у меня на тот момент было написано заявление на расчет, но вот как судьба повернулась! Вместо увольнения отправилась на Кавказ.

Два раза я пыталась уйти из колхоза, и оба раза Юрий Федорович мне отказывал. Посмотрит на заявление, на стол положит, скажет только: «Не горячись». А один раз, когда узнал, что собираюсь в спецшколу уйти, добавил: «Лучшая спецшкола — у нас на комплексе».

Он понимал, что у человека иногда действительно может наступить предел и его необходимо поддержать. Однажды в такую минуту про награды со мной заговорил: «Мы тебе звание присвоим и орденом наградим». А я так устала, что мне было все равно: «Ничего не надо, увольняйте». Но раз он заикнулся, то слово держал: меня наградили орденом «Знак Почета», а в 1985 году присвоили звание заслуженного зоотехника России.

И сегодня, когда прошли десятилетия, думаю — и хорошо, что осталась. Неважно, что тяжело, ни о чем не жалею, другой работы и другого места жительства я не знала. Да и колхоз наш, когда ушла на пенсию, в трудную минуту меня не бросил. Я же вдова, и получилось так, что в какой-то момент перестала справляться с домом. Когда допекло, пошла к председателю на прием:

— Ограда у меня упала, Юрий Федорович. Мне б мужиков, чтоб подняли.

— Все, Зина, будет.

И практически на другой день пришла бригада, которая быстро и качественно все поправила: и ограду, и ворота, и спуск в погреб.

А однажды я обратилась к Юрию Федоровичу с неожиданной просьбой:

— Разрешите сходить на новый комплекс на экскурсию. Туда без пропуска никак.

Он отвечает:

— Не вопрос. Сейчас скажу начальнику комплекса Александру Михайловичу Попову, он тебя провезет.

И мы поехали.

Ой, мама моя, какая красота! Ни навоза, как в наше время, ни загазованности, ни грязи. Микроклимат такой хороший! Везде цветы и даже фонтан. А коровки какие чистые! Я помню, когда мы пятнадцатый коровник открывали, там был самосплав, коровы в корпус идти не хотели, мы толкали их в ворота за грязные бока. А эти — красотки! Хоть открытки печатай!

Очень радостно было у меня на душе, когда все это увидела. Новый комплекс — лучшее доказательство, что человек, твердо стоявший на земле, не бросил ничего, не предал, довел до ума и сделал животноводство в Ирмени одним из лучших в России. И в этот момент все слезы мои, все заявления, и все-все, что пережито в родном колхозе, обрело настоящий смысл.

«БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ!»

Душа присохла к Ирмени

Алексей Семенович Леднев

механизатор, работал в хозяйстве с 1956 по 2000 год

Юрий Федорович всегда переживал о нашем здоровье. Построил специально санаторий на берегу Оби. Приедешь вечером домой с работы уставший, умоешься, переоденешься — и туда. Массаж, электрофорез, другие процедуры. Кому что нужно. Потом мы ужинали, играли в бильярд, ходили в сауну. Кто хотел, оставался на ночь, а утром после завтрака — снова автобусом на работу.

— Мы с Юрием Федоровичем Бугаковым практически ровесники. Я на два года его помладше, но как ребенок войны тоже знаю, и что такое голодное детство, и что такое остаться без отца, и как сызмальства работать.

Я вообще не по возрасту ранний, копны на лошади возил лет в шесть. У меня даже был конь личный в колхозном табуне. Монгол звали. Рыжего цвета. Приду на поле, а он бегом ко мне — и голову подставляет под уздечку. Как будто говорит: только с тобой, паренек, и хочу работать. Запрягал его, как умел, и мы шли на покос. Там бабушки грузили сено на волокуши, а я верхом на Монголе без седла таскал их к стогу.

Уже в школе с волокуш перешел на грабли, другие прицепы к трактору... В шестнадцать лет, как только девять классов окончил, хоть и прав не имел, сел за рычаги. Стал, как и моя мама, которая всю жизнь проработала в «Большевике» за трудодни, колхозником. Потом армия. Отслужив на Байконуре, я вернулся под новый 1963 год домой и, ни дня не отдохнув, — снова в колхоз. Слесарем. А чего выжидать? Жили бедно, надо было вставать на ноги. Первое время я даже армейскую форму вместо телогрейки носил, потому что надеть было больше нечего. Так и ходил полгода в мастерские в военном бушлате.

60-е годы помню как очень тяжелые: постоянная засуха, бескормица... Нас на гусеничных тракторах отправляли зимой в Чулым за сеном. День едем, день грузимся, на третий — домой. В радиаторы, как и в мотор, заливали солярку, и в кабине постоянно стоял дым и жуткий запах, от которого мы задыхались. Ночевали с напарником в тракторе, а вместо обедов грызли по дороге хлеб, вот и вся еда. Термосов тогда в помине не было. Маялись, сидели на сухпайке, мерзли, но ехали. Коровы-то дома голодают!

Помню, надо нам было туннель Коченевский проезжать, а там сугробы выше крыши, железнодорожные пути забило снегом так, что пришлось лишний день потратить — себе дорогу разгребать.

На вторую зиму поехали грузить солому уже в «Пролетарский». Мы со сменщиком работали попеременке: пока у него передышка, он сидит в кабине «остывает», а я солому из-под снега выковыриваю. Минут через 15 он кричит из трактора: «Леха, меняемся, я замерз!», тогда я отдаю вилы ему, а сам, мокрый от пота, лезу в трактор, там хоть не дует. Рассказать современной молодежи, которая сейчас сидит по офисам в рубашечках, как нам довелось работать, — не поверят.

А потом колхоз стал постепенно переходить на сев собственных луговых трав: костер, люцерну, и кормов стало в достатке. Еще Иван Яковлевич Овчаренко это начал, а Юрий Федорович подхватил и довел до ума. Не голодали больше у нас коровы.

Хотя новый председатель, как только работать начал, многим сильно не понравился. Потому что решил навести дисциплину, воевал с пьянством и воровством. Я знаю некоторых, кто с зерном стыренным попадался. За такое дело Бугаков по головке не гладил, сразу увольнял. Ну а мне такая жесткая политика, наоборот, пришлась по душе. Я к дисциплине с детства привык: мама, когда уходила на работу, всегда наказ оставляла — «вот сегодня тебе два ведра картошки истереть на крахмал». А раз мама сказала, делать нечего, сидишь час-два и трешь. Или грядки полешь. Или картошку копаешь. Не было такого, чтоб работу не сделать.

Я ведь и в Ирмени из-за матери остался.

Когда вернулся из армии, у меня брат жил на Обь-ГЭС. Как-то поехал в гости к нему, сходили станцию посмотрели, там стройка шла. Он и говорит: «Давай переезжай, устроим тебя учеником на кран». Я загорелся, вернулся домой, рассказал маме, она слушала-слушала: «Нет, — говорит, — дорогой, вот похоронишь меня, тогда можешь хоть на все четыре стороны. А пока нет». А я очень маму любил. Остался, да и навсегда. Присох к Ирмени.

Годах в 80-х у нас лучше стало. И зарплата повысилась, и за технику дырявую председатель взялся. Очень серьезно взялся, ни одной новинки мимо глаз не пропускал. Так лет за десять обновил почти весь парк. Не стало больше у нас тракторов с соляркой в радиаторе.

Потом строиться начали. Еще при Овчаренко началось, а Бугаков продолжил — превратил Ирмень из деревни в шикарное село. Не заметил я, как 45 лет в родном колхозе отработал. Все в основном на ферме, на раздаче кормов. Был и в правлении, избирали членом ревизионной комиссии. За добросовестную работу наградили золотой и серебряной медалями ВДНХ СССР и тремя десятками почетных грамот. Денежными премиями тоже поощряли, путевки давали — на курорт в Ессентуки и в Болгарию. Наш председатель для простых работяг делал много, вспоминаю его только добрым словом.

Вот держал я, допустим, в своем хозяйстве свинью. Надо ее летом зарезать, а мясо куда? Это ж какого размера морозильник нужен! На этот случай в колхозе придумали, чем помочь: пожалуйста, привози свое мясо на склад. Потом сколько надо килограммов, приедешь — возьмешь.

То же и с зерном. В советское время каждому работнику «Большевика» его давали по две тонны. А куда такое богатство ссыпать? В свой пригон опасно — мыши и крысы разведутся. Тогда председатель позволил держать зерно на колхозном складе, да вдобавок мельницу там поставил. Сколько тебе надо, столько и перемелют. От всей Ирмени за это была ему благодарность.

А о здоровье нашем как он переживал! Построил санаторий на берегу Оби. Приедешь вечером домой с работы, уставший, измотанный, умоешься, переоденешься — и туда. Массаж, электрофорез, другие процедуры. Кому что нужно. Потом мы ужинали, играли в бильярд, ходили в сауну. Кто хотел, оставался на ночь, а утром после завтрака — снова автобусом на работу.

В случае болезни Юрий Федорович никогда никому не отказывал. Случилась у меня беда — болячка привязалась, пришлось два года подряд ездить в Новосибирск на облучение. Болезнь коварная, заработал ее через тяжелый труд в необогреваемых тракторах. Мест тогда в онкологическом центре не было, но завотделением вошла в мое положение: «Может, — говорит, — Алексей Семенович, просто поездите к нам на процедуры?» Вот и ездил как на работу: утром прибуду, облучение пройду, в обед — домой обратно. Автобусов подходящих тогда не было, в основном на попутках — то свои молоковозы шли, то знакомый какой, а то и по поворотам голосовал. Трудно было: и морально, и материально. Поэтому иногда приходилось идти на поклон к Юрию Федоровичу. И только откроешь дверь к нему в кабинет, он даже вопросов не задает лишних, сразу с порога встречает: «Знаю, зачем пришел. Иди, пиши заявление на материальную помощь». При всей строгости он был очень отзывчивый и справедливый.

Утром по рации перекличку делает, узнает, кто провинился, тут же скажет свое веское слово. Потом приедет, пройдет по ферме, все осмотрит, если непорядок увидел, вызовет к себе зоотехника и отчистит один на один. Но не при нас, не при подчиненных. О нем многие говорили, что слишком жесткий мужик, а я вот ни разу не припомню, чтобы нас ругал. Наоборот, хвалил и гордился. Но и мы старались не подводить. На откормочной площадке, где стояло больше тысячи голов, крутились как заведенные, все успевали, и привесы росли. А для него самое важное — честная работа, такой он был человек.

Когда в 90-х страну начали пилить, колхозы развалились, он сумел найти для нас нужные и убедительные слова: «Раздирать колхоз по частям не дам, станем все акционерами и каждый год будем подводить итог, и каждому будет денежка». Так и вышло. У меня и сегодня есть акции. Точнее, уже у моих детей. Меня когда сильно болезнь прижала, думал, что концы отдам,

на них все свое колхозное «богатство» переписал — и акции, и землю.

Соседям нашим, бывшим колхозам передовым, такое и не снилось. Все нам завидовали: «Ой, какой у вас Бугаков молодец!»

Он особенный. Неугомонный. Сам ездил везде, опыт перенимал и нам засиживаться не давал. Я простой механизатор и дело мое вроде маленькое — выполняй, что начальник скажет, но председатель считал иначе.

Он хотел, чтобы нам интересно было ходить на работу, чтобы душа пела. Вот и отправлял в командировки по Союзу, куда только мог. Я, например, в составе группы из семи человек однажды побывал в совхозе «Назаровский» Красноярского края, смотрел, как животноводы выращивают крупный рогатый скот, свиней и телят. И правда, у любого хозяина — свои диковины. В той поездке я впервые увидел, как подсосные телята воспитываются рядом с матерью, как быки-голштины — огромные красавцы — живут на открытом воздухе. Не как у нас в Ирмени, на ферме, а абсолютно свободно посреди поля, только в непогоду прячутся под небольшой навес.

Еще из той поездки помню, как смешно в свинарниках «Назаровского» пили поросята. Для них придумали трубочки, торчащие прямо из пола. Подбежит поросенок, попьет из нее, как из фонтанчика, и гуляет себе дальше.

Мы потом, как приехали, Юрию Федоровичу про все доложили: что видели, чему подивились, что у нас можно применить. Из каждой поездки он старался брать все самое интересное и полезное.

Мощный был человек! Закаленный военным детством. На таких страна наша стояла и благодаря этой закалке, переданной по наследству, стоять будет.

«ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ,
ОН ИЩЕТ ВОЗМОЖНОСТИ,
ЕСЛИ НЕ ХОЧЕТ —
ПРИЧИНЫ»

СОЦИАЛИЗМ БУГАКОВА

У него были нерушимые жизненные заповеди.
Нельзя сказать, что особенные, напротив, очень простые.
Чти родителей своих. Не желай зла ближнему.
Будь честен — в первую очередь с собой. Не кради.
Не обещай попусту. Просящим — не отказывай.

Но все таки была в их числе и одна истинно бугаковская.
Та, благодаря которой «Ирмень» будет помнить своего
легендарного председателя очень долго.

Живи для людей.

За внешней жесткостью Юрия Федоровича, будто за каменным фасадом, билось совсем не каменное, а живое, полное сопереживания сердце. Его подчиненные видели, что, спрашивая с других, он в первую очередь не щадит себя. А если вдруг беда, то свою мощную руку протягивает первым. Поэтому, несмотря на то, что вначале ни Ирмень молодому парторгу не приглянулась, ни он своенравной Ирмени не понравился, между ними случилось большое чувство.

Бугаков об этом не раз откровенно рассказывал.

«Мне казалось, что село это какое-то темное, лежит в котловине, и я даже никогда не обедал здесь, — вспоминал Юрий Федорович. — Но как-то после партийного собрания, на котором меня выбрали секретарем парткома колхоза «Большевик», Иван Яковлевич Овчаренко предложил мне задержаться, выпить чаю, и домой пришлось возвращаться по темноте. Уезжая, я посмотрел на Верх-Ирмень и увидел село, лежащее в распадке. Оно светилось огнями. И тогда я внезапно понял: я здесь навсегда. Я нашел свое место на земле».

Однако эта проникновенная минута не означала, что будущий руководитель «Ирмени» мгновенно обрел себя. Несмотря на, казалось бы, найденное призвание, он, как и любой молодой человек, совершал ошибки, о которых потом сожалел.

В начале 70-х энергичному парторгу было скучно на вторых ролях. Он жаждал реальной работы на земле и полноценной самореализации в качестве руководителя. Поэтому однажды чуть не решился… покинуть Ирмень. Овчаренко как раз был в отъезде, а тут Бугакова вызывают в райком и предлагают стать главным агрономом совхоза «Граничный». Принять решение требовалось в течение суток.

Первым делом Бугаков поехал на место, чтобы своими глазами посмотреть на возможную будущую работу. Впечатление сложилось не ахти — это хозяйство и его родной «Большевик» отличались как небо и земля. Тем не менее, мечтая о работе по специальности, Бугаков согласие на новую должность секретарю райкома дал. Потом рассказывал так: «Вернулся я из “Граничного”, сижу вечером в парткоме, горюю: куда я лезу? Там же в столовой на полевом стане вместо стола стоит ящик из-под папирос. Поля — смотреть не на что…»

Затемно растерянного парторга за его сложными размышлениями застал Овчаренко. Как услышал новость, просто рассвирепел: «Ты что, с ума сошел?» Несмотря на поздний вечер, схватил телефон и набрал домашний номер первого секретаря:

— На каком основании вы без меня распоряжаетесь моими кадрами?

— Бюро состоялось, Иван Яковлевич, решение принято.

— А кто им руководит, этим бюро? Вы приняли, вы и отмените.

Настоял на своем Иван Яковлевич. Назавтра Бугаков вернулся к своей работе парторгом колхоза «Большевик».

Судьба. Потому что спустя год с небольшим он получил то, о чем мечтал, — стал первым. А вместе с лидерством — и простор для самостоятельной деятельности. Бугаков засучил рукава и взялся за преображение своего места на земле.

Это сейчас зарубежные агентства пишут об Ирмени как о маленькой Швейцарии. Коттеджи, уютные улицы, аккуратные заборы, из-за которых летом на улицу глядят цветы. Но в ту пору, когда молодому ирменскому председателю было немногим за тридцать и он еще не стал Героем Соцтруда, село выглядело совершенно иначе. В личных огородах росла в основном картошка, и редкая хозяйка занималась цветами.

Юрий Федорович задумал все изменить. Но это было непросто.

На балансе колхоза «Большевик» в 70-х числилось три клуба, а в зоне ответственности — еще и три школы. Бугаков понимал, что такую инфраструктуру ему не вытянуть. Если деньги размазывать по всей округе, села мечты не построить никогда. «Но кто я был? Пацан! — вспоминал он. — Это надо было насмелиться сказать,

что отныне школа на все 12 бывших колхозов будет одна и ходить в нее детям придется за шесть-семь километров…»

Затевая «централизацию», он шел на реальный риск. Ведь за нее излишне резвому «пацану» колхозники вполне могли отказать в доверии. Но он рискнул — и в первые годы работы председателем закрыл три школы и три клуба, сосредоточив все средства на обустройстве центральной усадьбы. «Да, — говорил он людям, — у нас будет одна большая новая школа, один большой дом культуры, зато самые лучшие».

Критика пошла валом, колхозники стали роптать, что в Ирмени живут «белые» люди, а в близлежащих деревнях — «черные». Дорог нет, распутица, ребятишек возили на уроки на тракторных санях, на которых до этого таскали лес… Тучи над Бугаковым сгущались день ото дня, некоторые сельчане, не скрывая, говорили, что председатель сошел с ума. Впереди замаячил вотум недоверия.

Но он все-таки вырулил!

В качестве эффективного способа снять эмоциональное напряжение в коллективе Юрий Федорович выбрал открытый разговор. Пошел на грозу. Начал терпеливо, не избегая острых вопросов, объяснять людям, как видит их общее будущее. «Дайте немножко времени, — просил он. — Вы все будете жить в благоустроенных домах, а дети будут учиться в хорошей школе у хороших учителей».

Почему умудренные опытом колхозники поверили? Трудно сказать. Видимо, было в этом парне что-то. Настоящее. Надежное. Мужское. Как будто после той ночи над освещенным огнями распадком на лбу у него действительно появилась надпись: «Мое место на земле — Ирмень».

«Если я обещаю — не обманываю, — гораздо позже, на фоне обустроенного и похорошевшего села рассказывал журналистам Бугаков. — Обещать, заведомо зная, что не сделаешь, — в тебя верить никто не будет. Если что-то пообещал, начни потихоньку работать, чтобы люди видели, что ты не пустозвон. А от этого и вера идет: сказал — сделал. Люди обещаний до тошноты наслушались и ждут действий».

Слово Бугакова доказало свою силу. Закончив со школой и Дворцом культуры, он переключился на детский сад, затем — на Агрогородок, в котором появились сначала многоэтажные благоустроенные дома, а позднее — и особняки. Засверкала зеркальными вставками на фасаде новая колхозная контора — такой дизайн Юрий Федорович подглядел в одном белорусском селе. Постепенно Ирмень обретала новое лицо, а с ним и статус достояния и гордости Сибири. Люди почувствовали вкус новой жизни.

Возможен ли был такой прорыв, если бы Бугаков попытался реализовать его в одиночку? Вопрос риторический. Без команды высшие результаты недостижимы ни в одной отрасли. Но где председатель нашел столько единомышленников, согласившихся при его жестком стиле руководства и бешеном ритме разделить путь к мечте? Ответ: здесь же, в Ирмени. Это те же сельские жители, что и везде, с теми же недостатками, просто немного другие — вдохновленные энергией и уверенностью своего лидера. А вдохновленная команда может все. Бугаков это прекрасно понимал с молодости.

В 1972 году, когда его избрали председателем колхоза «Большевик», многие опытные руководители говорили: побесится и успокоится. Но, как подчеркивал Юрий Федорович, его «бешенство» не прошло и за полвека. При социализме Бугаков строил капитализм — через хозрасчет, коллективы интенсивного труда, новые формы хозяйствования, высокие зарплаты и беспроцентные кредиты. При капитализме — возвращал в суровую реальность лучшее из социализма: коллективизм, социальную поддержку, сильный профсоюз, заботу о стариках и детях.

Когда другие руководители для быстрой наживы распродавали фонды купленных предприятий, сдавали в аренду площади — в общем имитировали разумный экономический подход, Бугаков создавал предприятие капиталистическое снаружи и социалистическое внутри. Высокоэффективное, прибыльное, конкурентное, стремительно развивающееся и одновременно социально ориентированное, комфортное, заботливое… Когда другие пытались скинуть с плеч социальные объекты, он не просто оставил их на балансе — он на их основе сумел построить дружественное пространство жизни для своих земляков.

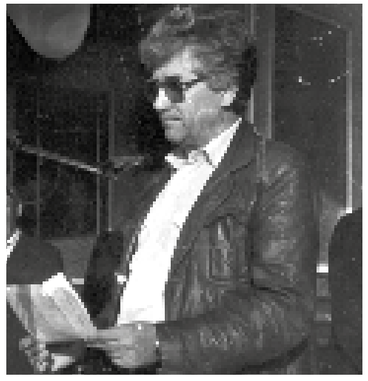
И команду для решения этой задачи подбирал под себя, отдавая предпочтение тем, кто разделял эти ценности.

Сейчас в это трудно поверить, но в 70-х в колхозе высшее образование имели только главный агроном и главный зоотехник. А некоторые работяги даже крестик вместо подписи ставили. Поэтому для начала Бугаков занялся подбором специалистов — отправился в сельхозинститут, где встретился с лучшими студентами факультета механизации. Уговорил, одного даже с красным дипломом, после защиты поехать в Верх-Ирмень, обещая, что создаст здесь собственное конструкторское бюро. У ребят загорелись глаза.

Перестроили коровники, сделали систему самосплавного удаления навоза, наладили мобильную раздачу кормов, протянули молокопроводы. Доярки наконец смогли вздохнуть — им не нужно было таскать десятикилограммовые ведра и махать тяжелыми лопатами.

«Женщины, милые! — ласково обращался к доярочкам председатель, когда были благоустроены подъезды к животноводческому комплексу. — Снимите сапоги и фуфайки, больше они вам не понадобятся! А если у кого нечего надеть, я вам на свои деньги куплю по хорошему пальто».

Казалось бы, ну фуфайки? Так, частность. А суть в том, что Бугаков, как никто, умел ценить и уважать крестьянина и его труд. Можно прожить без банковского счета, без очередного гаджета, без выхода в Интернет. Но без хлеба, мяса и молока человеку и человечеству на земле жизни нет.



Юрий Федорович это понимал. И поднял отношение к крестьянскому труду в «Ирмени» на небывалую высоту. Он хотел, чтобы у его людей все было самое лучшее. Отсюда и высокие зарплаты, и новые технологии, и комфортные условия, и чистота в цехах, и порядок на улицах. И нарядные платья вместо фуфаек и галош. Все ради того, чтобы его «колхозники», его ирменцы почувствовали уважение к себе и могли гордиться — своим делом, своей судьбой, своим предназначением.

В первое же десятилетие работы Бугакова динамика развития «Ирмени» была задана такая, что ее хватило на полвека.

В 2000-х в ходе реконструкции животноводческого комплекса в доильных залах установили уникальное оборудование из Швеции и Франции, полностью автоматизировавшее процесс. Доярки стали ходить исключительно в красивой спецодежде. И сегодня получение молока в «Ирмени» идет едва ли не круглые сутки. Графики, составленные по группам животных, выполняются с точностью до минут. Если это и можно с чем-то сравнить, то разве с движением поездов на станциях новосибирского метро…

Комфортными условиями труда и впечатляющим соцпакетом Бугаков смог мотивировать свою команду на отличную работу. И достойной зарплатой, конечно. Женщины «Ирмени» и без помощи председателя вполне могут позволить себе шикарный гардероб.

«Еду как-то по животноводческому комплексу, идут три доярки, — рассказывал в одном из интервью Бугаков. — Останавливаюсь, приглашаю: садитесь, подвезу. Они подходят: мы бы с превеликим удовольствием с вами, Юрий Федорович, прокатились, да только у нас собственные машины». И показывают на стоянку у комплекса, которая полным-полна личных авто.

Примерно ту же картину по утрам можно сегодня наблюдать и у ирменского детского сада. Когда все родители одновременно привозят сюда детишек, на сельской улице возникает практически городская пробка. А ведь Юрий Федорович прекрасно помнил, как после своего переезда в Верх-Ирмень возил зимой двухлетнюю дочку в старый деревянный детский сад на санках. «Однажды был такой сильный мороз, — рассказывал он, — что я испугался, как бы Светка по дороге не замерзла, засунул ее за пазуху и бегом до дому…»

В работе Бугаков был неудержим — он преображал не только производственные участки, но и стиль ирменской жизни в целом. О «Большевике» много писали — и областные, и общесоюзные издания. Люди ехали сюда, будто на БАМ, из других районов и областей. Когда в других хозяйствах мучились дефицитом кадров, здесь была приличная конкуренция. Остаться в селе стремилась и местная молодежь. Что ей делать в столицах, если и дома хорошо? Ведь с некоторых пор летние каникулы в колхозе среди старшеклассников стали очень модными — за три месяца можно было прекрасно заработать.

Детям обычно поручали ремонты: чистку, мойку, покраску помещений. В школе даже возник конкурс среди желающих попасть в колхозную бригаду, и свои заявления в отдел кадров ребята приносили еще зимой. Благодаря такому простому приему в селе незаметно сформировалось новое поколение рабочих — кадровый костяк современной «Ирмени». И это тоже итог продуманной, неформальной работы команды Юрия Федоровича.

«Когда в том месте, где живешь, плохо, это можно понять по настроению родителей. В таких случаях они говорят своему ребенку: беги отсюда, — очень тонко подмечал Бугаков. — Да, сегодня сельское хозяйство в России совсем не в фаворе. В Новосибирском аграрном университете недобор: когда-то на заочное был конкурс, а сейчас с трудом находят желающих на очное. После окончания выпускники в деревню возвращаться не хотят. Зачем, если можно лечить кошек и собак в городе или идти на станцию ТО инженером?

Чтобы это изменить, надо не пожалеть денег. Я своему специалисту с высшим образованием плачу больше ста тысяч в месяц, и живет он в прекрасном коттедже. В свое время мне таких условий никто не создавал, но все меняется. Неизменным остается одно — внимание к людям, и это единственный способ сохранить село. Даже скворец возвращается туда, где вырос, и другие птицы летят на родину. С тепла в холод, но летят. Так может, просто создать условия получше на родине, чтобы выпускники возвращались?»

И далее с горечью резюмировал: «Сегодня, к сожалению, второй Ирмени нет».

Как больше нет нигде и уникального фонда председателя Бугакова, созданного для лечения детей, независимо от того, где работают их родители. Надо помочь поддержать здоровье ребенка? К руководителю фонда за помощью могли обратиться люди из другой деревни или района, Юрий Федорович никому не отказывал.

Успех Бугакова — это успех всей Ирмени. Он не раз отмечал, что в родном селе была и остается особая атмосфера, которую нелегко понять приезжим — ее можно только почувствовать, прожив здесь какое-то время. Просто Бугаков задал ирменцам более высокую планку.

«Мы все здесь отфильтрованные», — отметила, вспоминая Юрия Федоровича, доярка Елена Жданова. Этим фильтром был сам председатель. Лодыри его ненавидели, а работяги, которых в «Ирмени» всегда была львиная доля, уважали и любили: рядом с ним по жизни шли те, кому, как и Бугакову, можно было доверять.

Когда другие искали легкие пути дохода, у него нужно было работать по-настоящему. По-государственному. В стране многие имитировали социализм, а он его действительно построил. Причем реальный, а не выдуманный. И помогла ему в этом простая, но нерушимая заповедь — жить для людей.

«КАК-ТО ОДНА ЖУРНАЛИСТКА СПРОСИЛА МЕНЯ, НЕ СЧИТАЮ ЛИ Я СЕБЯ САМЫМ УМНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ. МОЛ, У ВАС ВСЕ ХОРОШО, А КРУГОМ ДУРАКИ.

УМНЫХ, СПОСОБНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ МНОГО. БОЛЬНЫХ СРЕДИ НИХ МАЛО. РАБОТА, КАК БОЛЕЗНЬ, ЕЙ НАДО ЗАБОЛЕТЬ—ТОГДА И БУДУТ РЕЗУЛЬТАТЫ».

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ПАРАДНАЯ

Первым неожиданным признанием стал для него орден Трудового Красного Знамени.

Однажды в середине 2000-х на встрече новосибирского актива партии «Единая Россия» с тогдашним председателем Правительства РФ Дмитрием Медведевым руководитель племзавода «Ирмень» Юрий Бугаков негромко и неспешно рассказывал, чего за несколько десятилетий удалось добиться коллективу предприятия.

— Да за это Героя надо давать! — воскликнул лидер главной парламентской партии.

— Так ведь и дали, — улыбнулся Юрий Федорович.

ЗОЛОТАЯ ПЯТИЛЕТКА ИРМЕНИ

Действительно, успехи сибирского хозяйства никогда не оставались незамеченными. Поиск и внедрение успешного опыта, новые технологии в животноводстве и агрономии, отсутствие догм, готовность к эксперименту и непрерывные инновации — эта экономическая стратегия Юрия Бугакова уже в советское время сделала «Ирмень» исключительным явлением аграрной отрасли России. Своего Героя Социалистического Труда он получил, когда будущий лидер «Единой России» только работал на зачетку — в 1987 году. Звезду на лацкан пиджака председателя колхоза «Большевик» прикрепил тогда председатель Президиума Верховного Совета СССР Андрей Громыко. А вместе с ней — и орден Ленина, высший знак отличия Союза, который в биографии Бугакова стал уже вторым.

«Мне сложно сказать, какая из моих наград наиболее для меня ценна, — делился позже Юрий Федорович. — Все по-своему дороги, но я не ходатайствовал ни об одной».

Первым неожиданным признанием стал для него орден Трудового Красного Знамени. Это был 1975 год, третий год его руководства колхозом. «Конечно, для меня это было восторгом. Еще совсем молодой — и уже такая серьезная награда. Страна посчитала, что я, оказывается, обладаю "трудовой доблестью". Счастья было — выше некуда!» — рассказывал он журналистам.

Первый орден Юрий Федорович счел исчерпывающей наградой и, не помышляя больше ни о какой иной, продолжил «пахоту» на колхозной ниве. Но в середине 80-х в Верх-Ирмень с рабочим визитом приехал Виктор Никонов — секретарь ЦК КПСС, отвечающий за сельское хозяйство. Его, как полагается, сопровождали представители местной власти — первый секретарь обкома и председатель облисполкома.

Московский гость прошелся по селу, побывал на животноводческом комплексе, в бригадах, все осмотрел и спрашивает у председателя:

— А какие, товарищ Бугаков, у вас награды?

— Орден Трудового Красного Знамени, Виктор Петрович.

Никонов удивленно поднял бровь, обернулся к сопровождающим его новосибирцам и строго поинтересовался: «В чем дело? Смотрите, какое хозяйство! Председатель заслуживает больше!» Те откликнулись моментально: «Поняли, исправим!» После этого знаки отличия посыпались на Бугакова, будто золотой дождь.

За короткий период он получил орден Ленина, звание заслуженного работника сельского хозяйства, стал лауреатом Государственной премии СССР, лауреатом премии Совета министров, отличником просвещения…

Пиком триумфа стал 1987 год.

Вот как он вспоминал об этом в одном из интервью: «Когда вручили первый орден Ленина, высшую награду СССР, у меня было ощущение, что я добился в жизни всего, о чем только мог мечтать. Был уверен, что такое признание человек может получить лишь раз за всю биографию. Но меньше чем три года прихожу как-то домой на обед — и вдруг телефонный звонок: "Будете говорить с Центральным комитетом КПСС". Я напрягся: так просто оттуда не звонили. Оказалось, это был Виктор Никонов. Сообщил: "Юрий Федорович, только что состоялось заседание Центрального комитета партии, вам присвоено звание Героя Социалистического Труда". Я не знал, что сказать! Совершенно неожиданно. Так, практически в одну пятилетку, я получил два ордена Ленина и золотую медаль Героя Соцтруда».

Со столь уникальным набором наград 50-летний Бугаков сразу же вошел в число самых титулованных людей Советского Союза, встав в один ряд с такими кумирами миллионов, как Михаил Калашников, Виктор Астафьев, Людмила Зыкина. А позже, как единственный представитель промышленности и сельского хозяйства Новосибирской области, являющийся полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством», обрел исключительное положение и в своей отрасли. Первый орден ему вручил в 1997 году Президент Российской Федерации Борис Ельцин, второй, третий и четвертый — в 2003-м, 2013-м и 2018-м — Владимир Путин:

— Без малого пятьдесят лет Юрий Федорович посвятил сельскому хозяйству. Многие годы он возглавляет в Сибири крупный агрокомплекс, который при всех экономических укладах крепко держит звание передового. Благодаря таким прогрессивным, умным, рачительным и заботливым руководителям успешно развивается российский агропромышленный комплекс, — подчеркнул в своем приветственном слове президент, вручая в Кремле награду Бугакому в год его 80-летия.

— Вы об «Ирмени» еще услышите, — пообещал главе государства убеленный сединами аграрий.

После того знакового дня Юрий Федорович Бугаков вошел в узкий круг полных кавалеров ордена «За заслуги перед Отечеством», имена которых известны каждому россиянину. Это и академик Жорес Алферов, и актеры Леонид Броневой и Владимир Зельдин, и режиссер Марк Захаров, и министр иностранных дел Сергей Лавров… Коллектив небольшой, но невероятно значимый для истории нашей родины.

Не обошел именитого председателя дождь наград и в родной Сибири.

Он был титулован всеми областными званиями, какие только существуют: знаком отличия «За заслуги перед Новосибирской областью», званием «Почетный гражданин Новосибирской области», наряду с Покрышкиным, Коптюгом, Мешалкиным и другими знаменитыми людьми был признан «Гражданином XX века Новосибирской области».

Кто-то скажет: просто повезло. В нужное время был замечен нужными людьми. Однако любой человек, который лично знал, насколько самоотверженно Бугаков относился к своему делу, возразит: дело не в везении. Точнее, не только в нем. Причина столь масштабного признания заслуг председателя не очень большого по советским меркам колхоза — в его феноменальных личных качествах. И феноменальных достижениях. И это счастье, что человека, не как у нас обычно водится, заметили при жизни, поддержали и тем самым подарили возможность работать более вдохновенно.

Юрий Федорович был очень благодарен за такое внимание. Говорил: «Для меня особенно важны именно награды местного значения, областные. Потому что это оценка со стороны людей, которые много лет хорошо меня знают. Считаю, что к областным наградам представляют более взвешенно, ведь если в глазах земляков ты ее не заслуживаешь, то тут точно люди молчать не станут».

И они не молчали. Уважение земляков к Бугакову выражалось не только в медалях и званиях. Несколько десятилетий подряд они доверяли Юрию Федоровичу представлять их интересы сначала в Верховном Совете СССР, потом в Новосибирском областном Совете депутатов и Законодательном Собрании Новосибирской области. Причем «завоевывать» электорат на выборах, давать обещания, выдвигать лозунги или опираться на поддержку партий ему было не нужно. За его плечами стоял огромный опыт работы в одном селе, где все знали его как облупленного.

За годы работы Бугаков приобрел такой авторитет, что однажды его чуть не выбрали одним из главных лиц Российской коммунистической партии — секретарем ЦК по сельскому хозяйству. На уровне СССР это место долгие годы занимал так благоволивший Бугакову Никонов. Юрию Федоровичу предлагали руководить аграриями на уровне республики.

Он поехал в Москву на организационный пленум ЦК РСФСР, где узнал, что его предлагают в качестве одного из кандидатов. Выдвинул сибирского председателя Аграрный союз России.

«Вначале, когда рассматривалось четыре кандидатуры, — вспоминал он, — я успокаивал себя: “Ну, до меня очередь точно не дойдет”. Но затем, когда пленум решил отказаться от объединения отделов экономики и сельского хозяйства, соответственно уменьшив до двух и число претендентов, не на шутку взволновался. Вот это поворот! А что, если возьмут да и изберут?» Попросив слово, Бугаков поднялся на трибуну и взял самоотвод.

Что тут началось!

Вопреки партийной практике безусловного принятия самоотводов, участники пленума один за другим ринулись к трибуне выражать свое негодование. Как это так? Какого-то выскочку из Сибири наделяют таким высоким доверием, а он капризничать? «Раньше думай о Родине, а потом о себе», «если партия сказала надо, ты ответить должен “есть”» — стыдили они отказника. Пришлось Юрию Федоровичу выходить на трибуну повторно, чтобы объяснить делегатам со всей России, что быть функционером, пусть даже в Москве, это не для него: ну а если душа не лежит, значит, и толку не будет.

Бугаков имел смелость, если того требовала душа, заявить на всю страну: «нет!».

Рисковал ли он потерять при этом часть своего авторитета? Безусловно. Коммунистическая партия, хоть и на закате СССР, по-прежнему имела в стране наивысшее политическое влияние. Но родные края, Ирмень и желание работать на земле были для него важнее любых столичных перспектив.

Политические партии наперебой предлагали ему вступить в их ряды, но даже если он и соглашался, главной партией для Бугакова всегда оставался он сам. Вообще к стремительным карьерным взлетам, высокому общественному положению и всяким титулам Юрий Федорович относился по-своему, по-бугаковски. С большой долей юмора. При всем уважении к тем, кто его награждал, Бугаков, если выдавался случай, мог превратить это в повод для шутки, чтобы повеселиться самому и повеселить друзей. Для него это был лучший способ не «бронзоветь».

Бывший директор учхоза «Тулинское» Константин Першилин вспоминал, как однажды они вместе с Бугаковым ехали через село Зудилово, что в тридцати километрах от Барнаула. «Юра по дороге все время ворчал, был чем-то недоволен, — рассказывает Константин Георгиевич, — мы возьми да и скажи ему: “Раз ты зудишь беспрестанно, пусть это будет твое родовое село. Так и знай — всякий раз, как будем проезжать, станем отдавать ему дань как твоей родине”».

И ведь выполнили обещание! Несколько лет спустя уже втроем — вместе с председателем Новосибирского облпотребсоюза Станиславом Липским — поехали на инаугурацию губернатора Алтайского края Александра Карлина. Путь лежал через Зудилово, где Першилин, помня тот случай, предложил: «Давайте-ка остановимся и возьмем горсть землицы у родового села Юрия Федоровича». Бугаков бровью не повел. Остановились, набрали земли в карманы. Приезжают в Барнаул. Там после инаугурации всех, как водится, ждет застолье. От новосибирцев берет слово Липский, встает с бокалом и говорит: «Дорогие друзья, сегодня мы привезли к вам легенду сибирского земледелия, Героя Соцтруда, вашего земляка, уроженца деревни Зудилово Юрия Федоровича Бугакова». Застолье оживляется: «А что ж вы, Юрий Федорович, раньше-то скрывали, непорядок! Мы вам бюст поставим на въезде в деревню».

Бугаков молчит как партизан.

История развивается дальше. Проходит год, и в районе поселка Коченево Новосибирской области организуется праздник земледельцев День поля. Первому слово на нем предоставляют гостю — заместителю губернатора Алтайского края, и тот решает начать с самого важного: «Спасибо, дорогие новосибирцы, за честь у вас выступить! Я хочу сегодня поднять тост за нашего земляка Юрия Бугакова, рожденного на алтайской земле!» Все аплодируют — человек двести, а министр сельского хозяйства области Георгий Иващенко по-соседски тычет Бугакова в бок: «Юра, ты что, обалдел? Встань, скажи, что это неправда!» А Юрий Федорович, у которого на лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул, спокойно отвечает: «Зачем людей разочаровывать? Пусть чествуют. Может, собственную историю удосужатся узнать поглубже».

Конечно, некоторое время спустя, когда шутка затянулась, он признался, что все розыгрыш. Но вполне вероятно, что кто-нибудь из алтайцев и сегодня считает Бугакова уроженцем села Зудилово. Хотя на Алтае Юрий Федорович за всю жизнь провел пару месяцев — в санатории «Белокуриха».

ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО!

Валентин Федорович Тихонов

ДРУГ

Звезда Героя Соцтруда сделана из золота 950-й пробы. Эта дорогая награда была единственной, которую Юрий Федорович иногда позволял себе надевать. Носил он свою «золотую капельку» на лацкане пиджака, часто под пальто, и его беспокоило, что может однажды, не заметив, потерять. Поэтому он попросил специалистов изготовить точную ее копию и как-то вместе с настоящей взял на одно из совещаний в Новосибирск. И, конечно, Бугаков не был бы Бугаковым, если бы не устроил из этой истории розыгрыш...

— Мы дружили. Дружили полвека, хотя жили за 600 километров друг от друга. Это для всех Юрий Федорович Бугаков был Герой Социалистического труда, заслуженный работник сельского хозяйства, почетный доктор агроуниверситета и ВАСХНИЛ. А для меня просто Юра. Не официальное лицо с Доски почета, а искренний, живой, удивительный человек и друг.

Он к своим званиям с иронией относился. Расскажу случай.

Звезда Героя Соцтруда сделана из золота 950-й пробы. Дорогая награда. И она была единственной, которую Юрий Федорович иногда позволял себе надевать. Носил он эту «золотую капельку» на лацкане пиджака, часто под пальто, и его беспокоило, что может однажды, не заметив, потерять. Поэтому попросил специалистов изготовить точную ее копию, все как полагается, с серпом и молотом, но не такую дорогую. Чтобы надевать без опаски.

Когда муляж был готов, Бугаков как раз поехал на какое-то совещание в Новосибирск. Прихватил с собой и «звезду». Достал, рассматривает, а попутно решил своего товарища, директора учхоза Константина Першилина разыграть: «Смотри, — говорит, — меня второй звездой наградили». А у Першилина у самого четыре награды от Путина, разве что Героя Соцтруда нет. Он всплеснул руками: «Да ты что! Правда?» Звонит мне:

— Ты в курсе?

— Нет, не слышал.

— Да я сам видел сейчас!

Теперь уже я набираю Бугакова:

— Слушай, у тебя что, второй Герой?

Он в ответ:

— А ты, видимо, указов президиума Верховного Совета не читаешь? Стыдно, товарищ.

Не сознается, в общем.

Я думаю, может, и правда, чего пропустил? Пока искал, Першилин подхватился и вечером — к Юре: давай обмывать. Тот не сдается, интригу держит. Достал свой костюм с двумя звездами: давай. И лишь тогда признался, что всех разыграл, когда уже молва пошла и посторонние люди начали его по телефону поздравлять.

Умел Бугаков учудить! Юмора в нем было через край, много раз этому был свидетель, особенно на отдыхе.

Познакомились мы с ним в 1968 году, когда я работал парторгом в одном из хозяйств Венгеровского района, а он — в «Большевике». Однажды вместе сидели на пленуме обкома партии, слово за слово, так и сошлись. Я тоже имел некоторое отношение к сельскому хозяйству: сначала возглавлял райком профсоюза, потом работал директором госпромхоза «Таежный», а в 90-е годы — проректором агроуниверситета, то есть нам было о чем поговорить.

Большую часть времени, правда, «дружить» приходилось по телефону, иначе никак — у него работа, у меня работа. Но вот на отдыхе встречались постоянно. Вместе объехали много курортов — Железноводск, Кисловодск, Белокуриха… Иногда к нам присоединялись директора-аграрии, и получался настоящий «всесибирский съезд». Обсуждали дела не только родной области, но и в целом страны — Бугаков уже в молодые годы был депутатом Верховного совета СССР. У него было представление, как реорганизовать Россию, чтобы люди жили достойно. К нему всегда ездили за советом, и он многим помогал.

Он был непоседа, даже в отпуске скучал без работы, не сиделось ему и не лежалось, торопил время. А когда что-то ему в своей «Ирмени» удавалось, часто мне рассказывал и приглашал посмотреть. Конечно, я приезжал с удовольствием.

Как-то попал на ферму, вначале подумал, что адрес перепутал и это санаторий. Кругом корпуса беленькие, цветы… Любо-дорого посмотреть. Прохожу через вертушку, а мне кричат: «Вы ноги вытерли?»

Такое же чувство испытал, когда впервые попал на ирменские поля. Любил Юра и посевную, и уборку, а про комбайны свои говорил — «корабли, которые идут по полю». Я их тоже видел: идут вечером с огнями по пшенице, колос стоит как влитой, на поле — ни сорняка. И правда, красота неописуемая!

Но кто знает, сколько труда стояло за этой красотой?

Юра рассказывал, что когда начинал работать председателем, ничего у него не получалось. Вокруг были специалисты с опытом, намного старше его, и каждый из них заслуживал того, чтобы занять должность руководителя «Большевика». А Иван Яковлевич Овчаренко взял да и выбрал невесть откуда взявшегося Бугакова. И так молодому Юрию Федоровичу с этими спецами было непросто, что однажды после особенно тяжелого дня он пришел к матери и прямо с порога будто ушат воды вылил: «Все, мама, не могу больше! Ничего не получается, вынужден уйти».

В ответ на это Мария Макаровна, мудрая женщина, сказала только одно: «А ты думаешь, где-то тебе будет легко? Погляди на себя: ты и в редакции работал, мы тебя не видели, и в райкоме партии. Ты и сторожем пойдешь работать, так же будешь беситься, с ума сходить. Так что терпи, и все у тебя получится». Всего пару фраз и сказала-то, но как она его успокоила! Вспоминал он потом об этом со слезами на глазах. И потихоньку выровнялся! Увидели-таки ирменцы в нем настоящего руководителя, который дело делает. Правда, для этого пришлось ему усвоить не один урок, признать не одну ошибку.

Чуть ли не в первый год, когда Юрий Федорович стал председателем, он по неопытности под осень начал ремонт ферм. А что такое сибирская осень?

Это снег в октябре! Вот и влип: все корпуса раскрыты, крыш нет, а сверху белые мухи летят. И тут ему докладывают: в Ирмень едет первый секретарь обкома Федор Степанович Горячев. А это руководитель был въедливый, толк в сельском хозяйстве знал, не то что нынешние.

И действительно, через час подъезжает к конторе обкомовская «Волга»:

— Ну что, мил человек, поедем на ферму?

— Поехали, — повесил голову Юра.

И как только Горячев коровники без крыш увидел, все его чувства так явно были написаны на лице, что Бугаков «упал на колени», это он так рассказывал:

— Федор Степанович, костьми лягу, но все до зимы сделаю и вам доложу.

И действительно, поднял всех, ночами не спал, но успел все сделать до морозов, стадо на стойловый период поставил вовремя. Когда Горячеву доложил, тот засмеялся:

— Да ты, Бугаков, настоящим героем будешь!

И как в воду глядел: вскоре Юрий Федорович получил свою звезду. Заслуженную. Золотую.

Вот передо мной лежит книга «Моя жизнь — Ирмень» десятилетней давности. Часто ее читаю — и прямо Юру вижу:

— Ваше кредо, жизненная позиция?

— Любовь к людям, возможность помогать попавшим в трудную ситуацию.

— Ваша любимая пословица?

— Хочешь жить — умей вертеться, а не сиди, как апостол.

— Самое поразительное открытие вашей жизни?

— Не сделал еще.

— Ваши планы на будущее?

— Работать до восьмидесяти лет.

Как загадывал — так и вышло, отстоял на посту до 82-х. В последнее время, правда, жаловался: «Что-то все время болячки преследуют…» Поехал в семь часов вечера на уборку моркови, сам за рулем. Вроде дорога знакомая, привычная, а тут вдруг откуда ни возьмись огромная промоина. И так он в нее вдарился, что все четыре дверцы у машины распахнуло! Выйти из-за руля вышел, а обратно сесть не смог и пять месяцев после этой травмы проходил в корсете.

В те дни я просил его, чтобы принял у себя двух профессоров агроуниверситета. А он мне в ответ: «Да как, Валя? Я могу только стоять или лежать. Не буду же я с ними лежа разговаривать. Вот как поправлюсь, дам добро». Но не попали на прием профессора, не стало вскоре моего друга, человека с большой буквы Юрия Бугакова.

А будь жив, было бы таких Бугаковых на всю Россию человек пятьдесят, я уверен, не покупали бы мы морковку в магазинах по сто рублей, дороже, чем бананы.

Но нет таких больше! Если во времена СССР в Новосибирской области было полтысячи добротных хозяйств, то сейчас едва с десяток наберется. Мало кто нынче хочет круглосуточно вертеться и доказывать, что страна способна прокормить себя. Это проще и выгоднее — провизию из-за кордона возить.

Тем более нет таких, кто в тяжелом сельском труде видит вдохновение и поэзию. У кого не комбайны, а «корабли», не доярки, а «женщины дорогие», не дивиденды, а «возможность помогать тем, кому трудно». Появится ли еще один такой хозяин и меценат в Сибири? Думаю, при моей жизни нет.

ОДИНОЧЕСТВО НА ОЛИМПЕ

Анатолий Антонович Степанов

председатель совета директоров ООО «Соколово»

Однажды, выступая на совещании в Армении, я полушутя сказал: «Одним из способов поднять наше сельское хозяйство могла бы стать концентрация всех имеющихся бюджетных средств по очереди в каждом из районов области. В этом году — в одном, в следующем — в другом, так лет за тридцать нам удалось бы создать тридцать новых “Ирменей”. Единственная проблема — на каждое такое хозяйство потребовался бы свой Бугаков. А создать тридцать таких возможно разве что с помощью клонирования».

— В жизни я ни разу не назвал Юрия Федоровича Бугакова на «ты», хотя степень доверия в наших отношениях в последние годы была такой, что он бы позволил. Я себе не позволял.

Во-первых, он был старше меня. Входил в число пяти корифеев — руководителей сельхозпредприятий России, которых приглашал президент, чтобы услышать мнение о развитии отрасли. Был абсолютным авторитетом для всех аграриев. На лацкане его пиджака блестела звезда Героя… Хочешь не хочешь, этот общественный статус довлел, и я постоянно задавал себе вопрос: а можно ли быть на «ты» с таким человеком? Но благодаря удивительному такту Юрия Федоровича и вопреки моему неизменному «вы», равноправное общение у нас сложилось.

Правда, не без предварительной проверки с его стороны.

Не секрет, что для части коллег Бугаков был человеком, «обласканным властью», и почтение к нему носило некоторый оттенок зависти. Поэтому молва периодически разносила разные легенды, в которых я выглядел по отношению к нему не очень достойно. Якобы в глаза одно, за глаза другое. И однажды, когда прокатился очередной недобрый слух, Юрий Федорович вышел на прямой мужской разговор. Он, кстати, всегда так поступал в подобных случаях. Просто пришел и напрямую задал вопрос. А я напрямую ответил. Обменялись, так сказать, любезностями, но тему возможной неискренности в отношениях закрыли.

Бугаков не был легким в общении, а в острые минуты тем более. «Заслужил — получишь!» — вот это очень про него. Однако каким бы острым ни складывался

разговор, я ни разу не припомню, чтобы он меня не выслушал. И никогда в диалогах не было ничего с его стороны типа «я великий». Свободное выражение собственного мнения Юрий Федорович не подавлял — он его приветствовал. Может быть, на этой почве мы и сошлись: оба считали правильным неприятные вещи говорить в глаза.

Когда вместе работали в областном Совете, страсти в депутатской среде кипели часто. Он открыто говорил: «Вот здесь ты не прав». Или: «А вот сейчас я тебя поддерживаю». И я за критику был очень благодарен, потому что она была прицельной, точной, необидной и помогала проверять собственные убеждения на крепость. Я тоже в ответ критиковал, хотя научился не сразу — очень давил его авторитет. Возражать ему с моей стороны было все равно что сыну поднять голос на отца. Но я научился: в жизни каждого человека наступает возраст, когда уже можешь сказать все.

И так постепенно, не в первый год и не во второй, он вывел наши отношения на такой уровень доверия, когда не стало запретных тем. Мы были в тесном диалоге до последнего дня — все мои подчиненные и знакомые знали: если час-полтора до Степанова невозможно дозвониться, значит, он говорит с Бугаковым.

Как единомышленники мы особенно сблизились в начале 2000-х во время командировки в Белгород, куда в составе делегации Новосибирской области отправились изучать опыт развития сельского хозяйства. Я работал тогда председателем комитета по аграрной политике, потребительскому рынку и земельным отношениям областного Законодательного собрания, и кроме защиты кандидатской диссертации по теме реформирования агропромышленного комплекса занимался разработкой областной программы развития АПК. С группой энтузиастов, в которую входил и председатель «Ирмени», мы загорелись повторить у себя в области успех белгородцев, которого они достигли под руководством губернатора Савченко.

В этом регионе действительно было чему поучиться. Дело в том, что начиная с 90-х годов сельское хозяйство Белгородской и Новосибирской областей развивалось диаметрально противоположно: у них — прогресс, у нас — регресс. Одной из причин такой разницы была различная система управления отраслью, что только добавляло нашей задаче сложности. Ведь практически в первый день командировки мы поняли, что каким бы передовым ни был белгородский опыт, перенести его на сибирскую землю будет проблематично. Губернатор Евгений Степанович Савченко прямо так и сказал нам при знакомстве:

— Уважаемые сибиряки, мы, конечно, не скрывая, покажем вам все. Но я думаю, у вас ничего не получится.

— Почему? — вырвалось у нас одновременно.

— Потому что с вами не приехал руководитель региона.

Как бы то ни было, свою миссию мы выполнили. По возвращении доложили руководству об итогах поездки, собственных выводах и включили в проект программы некоторые белгородские разработки, в том числе и в сфере управления. Насколько это был радикальный шаг, стало понятно довольно скоро.

На презентацию программы, которая была поручена мне, съехалась вся региональная элита: главы районов, начальники управлений сельского хозяйства, руководители агропредприятий, ученые аграрного университета и институтов ВАСХНИЛ. Дискуссия была не просто жаркой, в ее ходе наша работа подверглась мощной критике и не получила поддержки.

Мы были разочарованы таким результатом.

Но поскольку Юрий Федорович — боец, то, несмотря на неудачу, он продолжал внедрять в жизнь хотя бы некоторые элементы программы, методично доказывая их необходимость каждому из высоких чинов. Он умел находить нужные слова, что не удивительно — ведь неформальный аграрный центр нашей области всегда находился в Ирмени. Именно к Бугакову, будто на исповедь, в трудную минуту приезжали все руководители.

Да, в тот период реализовать наши предложения в полном объеме не удалось. Но это «худо» в итоге, как в известной поговорке, вышло не без добра. Несмотря на, казалось бы, проигранное стратегическое сражение, в тактическом плане отрасль сумела существенно продвинуться вперед. В частности, высшее руководство региона согласилось с необходимостью создания совета по развитию АПК при губернаторе области. Структура была образована, и возглавил ее Бугаков. Причем так, что, фактически войдя в состав правительства, сумел остаться на «земле» — на своем неизменном посту председателя племзавода «Ирмень». При его живом содействии в Новосибирской области вскоре появился закон о поддержке сельского хозяйства, постановление правительства о создании базовых хозяйств в связке с наукой и многие другие важные документы.

Вскоре было принято решение и о создании ассоциации руководителей сельхозпредприятий, которое, кстати, также впервые было озвучено в Ирмени, куда съехалось все профессиональное сообщество: губернатор, министр, ключевые фигуры аграрного сектора. Руководителем ассоциации Юрий Федорович рекомендовал меня. Выступая тогда перед участниками встречи, я полушутя сказал: «Одним из способов поднять наше сельское хозяйство могла бы стать концентрация всех имеющихся бюджетных средств по очереди в каждом из районов области. В этом году — в одном, в следующем — в другом, и так лет за тридцать нам удалось бы создать тридцать новых “Ирменей”. Единственная проблема — на каждое такое хозяйство потребовался бы свой Бугаков. А найти тридцать таких возможно разве что с помощью клонирования».

Помню, как он меня тогда после совещания журил: «Ну ты даешь, аж до моего клонирования договорился!»

Но я уверен, что любой производственный прорыв — это риски, бессонные ночи и огромный труд в первую очередь одного человека. Руководителя. Мы с Юрием Федоровичем часто приходили к общей мысли: создание чего-либо нового и передового — всегда удел чудаков и одиночек. Это уже потом в случае успеха к ним присоединяются нежданные соратники: у победы отцов всегда много, лишь поражение — сирота.

Бугаков в этом смысле остаться сиротой не боялся. Истинный лидер, носитель мощной жизненной философии, он своим громадным опытом обеспечивал результат практически любому начинанию. Плюс мощнейшая интуиция, особый нюх на успех. Если случалась редкая неудача, то унынию не поддавался. Он хорошо знал: храбрость не всегда кричит, иногда она тихим голосом говорит в конце дня: «Завтра я попробую еще раз».

Помню, в непростой для меня период, когда я стоял на распутье и искал возможности самореализации, он своим особым отношением к жизни преподал мне незабываемый урок.

Одно время я медленно дрейфовал в сторону решения занять пост министра сельского хозяйства. Юрий Федорович знал об этом и как-то раз, ничего не советуя, мнения своего не навязывая, взял и рассказал о себе. О том, почему он с неизменным упорством отклонял все предложения губернаторов возглавить министерство. «Я потерял бы интерес к работе — вот в чем причина, — честно признался он. — Я хочу занимать в жизни свое место, хочу и могу делать хозяйство-эталон. Но воплотить то же в масштабах области — идея несбыточная. Против системы в одиночку не попрешь».

Меня это зацепило. Возможно, именно благодаря этой честности я, и до того никогда не бывший аграрным функционером, имевший приличный опыт управления в качестве генерального директора Новосибирского мясокомбината, принял решение более серьезно заняться практическим сельским хозяйством. Именно тогда у нас и появилось «Соколово».

А затем собственную переработку открыл и Юрий Федорович.

Был в истории российской аграрной отрасли такой период, когда она развивалась по принципу: в хозяйстве должно быть все. Прямо как у китайцев: «в каждом дворе — по домне, и мы решим проблему чугуна и стали». Конечно, как общая стратегия это путь в никуда, но как тактическая вещь, ради ежедневной копеечки, смысл имеет. Исходя из этих соображений, Бугаков и решился на собственный колбасный цех.

Вместе мы пришли к выводу, что в «Ирмени» для этого есть все возможности, и я предложил ему свою помощь: в техническом оснащении, в подготовке специалистов, в обмене опытом. Собрал собственный коллектив и поставил задачу: мы беремся за «Ирмень».

Показательный эпизод. По сути, Бугаков открывал производство, аналогичное нашему. И на старте со свойственным ему энтузиазмом намекнул: «Делать продукцию хуже, чем у тебя, я не собираюсь». Зная Юрия Федоровича, это следовало понимать однозначно: «Буду делать лучше». То есть мы вступали с ним в прямую конкуренцию. Но я этого абсолютно не опасался. Наоборот — был уверен, что в его лице мы найдем выгодного партнера. Так и вышло.

После строительства в центре Новосибирска фирменного магазина «Ирмени» Бугаков предложил нашему предприятию торговые площади второго этажа. А потом, когда я плотнее занялся сельским хозяйством, сделал полностью открытым для меня и личный опыт, и компетенции своих специалистов. Звонил и первым делом спрашивал: «Блокнот и ручку приготовил? Пиши». У нас не было друг от друга профессиональных секретов, и я понимал, что допущен к бесценному кладезю знаний.

И я не один был такой. Всевозможные «изучатели опыта» от Бугакова буквально не вылезали, семинары в «Ирмени» шли нескончаемые. Он не отказывал никому, простому фермеру мог уделить времени и внимания больше, чем министру. Вот только в последнее время я все чаще слышал в его интонациях нотки недоумения: «Смотрю на очередную делегацию, вижу,

человек раз десятый, наверное, приезжает. Зачем? Что он вынес, что внедрил?»

Недоумение и разочарование — таким мне все чаще виделось его состояние в последние годы. Я даже статью в журнале «Председатель» о нем назвал «Одиночество на Олимпе». Бугаков был выдающимся, из ряда вон выходящим явлением и яснее всех видел пропасть между своей «Ирменью» и остальными хозяйствами области. Рядом с ним близко никто не стоял, видимо, еще поэтому он так яростно и активно работал.

По его рассказам, по нашему диалогу я ощущал, что круг людей, с которыми он мог советоваться, сужался. Знаю, как огорчало его искаженное общественное мнение о том, что он «обласкан» и сидит на дотациях: у нас многим проще простить человеку ошибку, нежели успех. То, что он был самым заслуженным, часто осложняло ему жизнь: Бугакова не только не щадили, но и больнее кусали. Он принимал это как неизбежное: кому много дано, с того много и спросится. И, несмотря на всю тяжесть морально-психологической ноши, которую он нес, оставался на удивление жизнерадостным человеком. Такого дерзкого чувства юмора, как у него, я, больше не встречал.

Помню, когда Новосибирская область открывала свое представительство в Германии, наша делегация вылетела чартером во Франкфурт-на-Майне. В немецкой гостинице мы впервые столкнулись с системой, когда вместо ключей от номера нам выдали магнитные карты. И вот представьте: все в ожидании торжественного ужина, наши коллеги пребывают в состоянии легкой эйфории, и Юрий Федорович вдруг объявляет: «Всем необходимо очень-очень быстро, пока обменный пункт не закрылся, обменять свои карты на марки». Ну, раз Бугаков говорит, значит, так оно и есть — он-то знает! Вся сибирская делегация помчалась на первый этаж и выстроилась в очередь у обменника. Немец-менеджер понять ничего не может, глаза таращит, а Бугаков один себе веселится у фуршетного стола. И такие шутки на грани фола для него были не редкостью.

Но я знал его и другим — очень бережным, способным в критический момент поддержать человека.

Когда-то Юрию Федоровичу периодически приходилось сидеть в советских президиумах разного формата. Выступающих тогда подбирали по принципу: комсомолка, колхозник, спортсмен и так далее. Но редко кто из этих людей умел выступать с трибуны. И вот как-то один из работяг решился сказать речь без бумажки. Говорил-говорил, и… внезапно упустил мысль. Растерялся, стоит, глазами хлопает, воздух глотает. Бугаков видит: человека спасать надо, и прямо из президиума тихонько ему шепчет: «Заверяй и уходи!» То есть фактически предотвратил его фиаско. «Оратор» собрался, достойно завершил выступление и под заслуженные аплодисменты вернулся в зал.

Юрий Федорович Бугаков был личностью многогранной и отличался особым чутьем на людей. Не скажу, что как рентген, но морально-человеческую суть высвечивать точно мог. Знакомство и дружбу с ним я считаю большой жизненной удачей.

РЕШАЛ НЕ ТОРОПЯСЬ, РЕШИВ — НЕ МЕДЛИЛ

Алла Васильевна Трифонова

председатель Совета депутатов Ордынского района с 2004 по 2020 год

Юрий Федорович сказал: «Ирменские поля мне нравятся, а само село — нет». И построил Агрогородок. Когда увидел, что старая деревня осталась неухоженной, переключился на нее. Буквально за десятилетие Ирмень по благоустройству превзошла районный центр. Более того, даже территория животноводческого комплекса стала выглядеть гораздо лучше, чем иные центральные улицы в городе.

— Герой Леонида Быкова из фильма «В бой идут одни старики» майор Титаренко говорил: «На земле на цыпочках стоять нельзя, только полною ступнею». И сколько раз я этот фильм ни смотрела, на этой фразе всегда вспоминаю Юрия Федоровича. Ведь Маэстро сказал как будто про него — Бугаков всегда стоял на земле полной ступней. Всего себя отдавал делу: с любовью пахал, строил, управлял, пел. Жил полной жизнью. Брал на свои плечи невыполнимые задачи. Если нужно, не боялся портить отношения и — пробивал стены. Если хотел помочь — раскрывал в людях новые таланты и даже мог поменять судьбу. Всегда полный идей, он не обязательно их озвучивал, но если озвучит — то душа на поляну, он это сделает.

О Бугакове я впервые услышала, когда еще была секретарем комсомольской организации совхоза «Приобский», а он парторгом в «Большевике» — хозяйстве, созданном из 12 колхозов, которое в Ордынском районе всегда было на виду и на слуху. Разное слышала, но в основном хорошее. Очень красивый, с роскошной шевелюрой, молодой парторг имел репутацию излишне горячего, по причине чего его не всегда воспринимали тогдашние аксакалы.

А еще он одевался преимущественно в костюмы светлых тонов, что выделяло его на привычно темно-сером фоне.

В 1981 году председатель Ордынского райисполкома Петр Викторович Хмелевский пригласил меня на должность заворга и инструктора. Я стала заниматься подготовкой сессий, заседаний исполкомов, и с этого времени — плотно работать с руководителями, в том числе и с энергичным председателем колхоза «Большевик».

Для исполкома он сразу обозначил: если возникают вопросы по Ирмени, его касается все — от почты до школы. И этот стиль руководства потом выдерживал всю жизнь, мелочей для него не было: комбайн встал или нуждается в помощи многодетная семья, выборы депутатов или соревнования в детском саду. Я удивлялась, как при таком количестве важных дел, он не пропускал даже незначительных мероприятий! Не гнался за «статусом», находил время для каждого, в общении всегда оставался крайне прост, без начальственной помпезности.

Да, он мог быть резким, но ирменцы ему это прощали. Ведь у бугаковской резкости всегда были основания. И вряд ли без нее ему удалось бы искоренить пьянство — заразу нашу непобедимую.

Помню, однажды, когда я работала в райкоме профсоюза, мне звонят женщины из Ирмени и жалуются:

— Алла Васильевна, Юрий Федорович с ума сошел.

— Что случилось?

— Отправил мужиков наших после работы в санаторий, даже домой не дал зайти.

И это действительно оказалось так.

Бугаков знал, что ирменские мужчины по статистике редко доживают до пенсии, поэтому построил на берегу Оби санаторий-профилакторий и обязал своих механизаторов проходить там лечение. Скотники, трактористы заполняли санаторный корпус зимой, а летом на четыре смены там поселялись их дети. Если Юрий Федорович был убежден в своей правоте, то действовал, а не ждал, когда поймут. Вот и этих механизаторов, которых после десятидневной химической обработки полей заждались дома, отправил прямиком на лечение. Потом, правда, после женских просьб смягчился и разрешил мужьям вечером по завершении процедур возвращаться домой, ведь у каждого было большое домашнее хозяйство.

Здоровье колхозников для него всегда оставалось одной из главных целей. И этот случай характеризует стиль работы Бугакова — удивительно человечный, полный заботы о людях. Думаю, именно благодаря ему Ирмень всегда и держалась в первых строчках сельскохозяйственных сводок.

Тоже, кстати, не без горячей заинтересованности председателя.

При подведении итогов соцсоревнования он мог, например, позвонить мне утром в воскресенье с недоуменным вопросом:

— А почему я не вижу в числе победителей трактористов и комбайнеров из Ирмени? Давай разберемся.

— Давайте отложим до понедельника, Юрий Федорович.

— Никакого понедельника, сейчас разберемся!

Настойчивость и позволяла ему добиваться задуманного. Бугаков мечтал видеть свое отдельно взятое хозяйство оазисом благополучия и делал все, чтобы достичь мечты. Шел первопроходцем, но без страха. И что удивительно — ему все удавалось.

Один из немногих в России, он смог реорганизовать колхоз в акционерное общество. Потому что был прозорлив и не допустил на момент приватизации «Большевика» непогашенных кредитов или других государственных заимствований. Благодаря этому колхозники были свободны и имели право принять любое решение.

Первые коллективы интенсивного труда — КИТы — тоже появились в «Большевике». Изучать их опыт к нам приезжал весь Западно-Сибирский регион.

Сказал: ирменские поля мне нравятся, а само село — нет. И построил Агрогородок. Когда увидел, что старая

деревня осталась неухоженной, переключился на нее. Буквально за десятилетие Ирмень по благоустройству превзошла другие села, более того, даже территория животноводческого комплекса стала выглядеть гораздо лучше, чем иные центральные улицы в Ордынке. Сама видела: реконструировал здания на миллионы рублей, прорисовывая карандашом свои мысли и вникая в каждую тонкость, общался с прорабом и другими специалистами на равных — вот какая мужская крестьянская смекалка!

В 90-е годы, когда все в России разваливалось, он развивался. Создал у себя переработку. Весь соцкульт-быт оставил на балансе. Сохранил все социальные гарантии для своих рабочих. Но особенно дотошно занимался вопросами здоровья людей и специально учредил ставку методиста по спорту. То поставит на лыжи детский сад, то спартакиаду колхозную организует — и зимнюю, и летнюю, восемь-девять видов. А если кто не участвует — мог лишить части премии. В последние годы возродил одну из лучших советских традиций — производственную гимнастику. Каждый день на пятнадцать минут вся контора, отложив в сторону важные дела, занималась физкультурой.

Помню, однажды сетовал: «Надо срочно какой-то крем для женщин покупать». Оказалось, был на вручении дояркам наград и увидел их обветренные руки.

Я тоже относилась к числу людей, о которых он заботился. Три созыва подряд меня избирали председателем Совета депутатов Ордынского района, и первым, кто меня поддерживал, был Юрий Федорович. У нас не проходило и пары дней, чтобы мы не позвонили друг другу: «Слушай, нужно принять срочное решение, хочу знать, что ты думаешь». А затем обсуждали вопрос с полной откровенностью. Я, несмотря на его политический и репутационный вес, не боялась высказывать свое мнение, потому что он его уважал. Никогда не давил, только убеждал. И какой бы сложной ни была обсуждаемая проблема, разговор всегда заканчивался одинаково: «Не грусти».

Как же мне не хватает этих простых теплых слов!

Знаю, что в кругу работников сельского хозяйства его называли «дед». Он и правда был дедом — любящим, мудрым, чутким. Для него все были членами семьи — и родные, и близкие, и колхозники. Особенно меня восхищало его удивительное качество — умение быть первым без превосходства.

Бог точно поцеловал этого человека. Четкая правильная государственная линия, которую Юрий Федорович Бугаков выдерживал в течение десятилетий, и сегодня сохраняет темп и рабочий настрой его команды: основателя уже нет, а хозяйство продолжает достигать новых рубежей.

Еще при жизни Юрия Федоровича, в период подготовки к его 80-летнему юбилею, мы думали о том, как увековечить его имя. Но тогда не получилось — имена живых улицам и проспектам не присваивают. После его ухода обсуждение этой темы было возобновлено с новой силой, и при поддержке губернатора и председателя Законодательного собрания области Ордынскому аграрному колледжу, в котором он оформил и содержал аудиторию ЗАО «Племзавод «Ирмень», было присвоено имя Бугакова. Думаю, что оно будет увековечено неоднократно.

Уверена, что в будущем в Ирмени появится улица имени Юрия Федоровича Бугакова. Чтобы по ней полной ступней шагали люди, ради которых он жил и работал.

ФАНТАЗЕР С ГОРЯЩИМИ ГЛАЗАМИ

Александр Александрович Карелин

сенатор Российской Федерации, Герой России,
трехкратный победитель Олимпийских игр

Я достал костыли, и мы вместе с Бугаковым пошли к машине. По дороге он мне тихонько так говорит: «Молодой человек, — вот именно в такой манере, — молодой человек, запомни, если бы я в твои годы хотя бы на двадцать процентов более внимательно относился к своему здоровью, сейчас бы чувствовал себя лучше». И дальше: «Поэтому в следующий раз геройствовать не стоит и приезжать на костылях даже по моему приглашению — не надо».

— С Юрием Федоровичем Бугаковым меня впервые свела судьба, когда я был действующим спортсменом. Познакомились мы на приеме в областном Совете народных депутатов. Там собралось много наших земляков, прославивших Новосибирскую область, но он почему-то обратил внимание на меня. Подошел, спросил, как жизнь, какая семья, чем папа занимается. Я сказал, что все в порядке, а папа мой Александр Иванович увлечен голубями. «Да ты что! — всплеснул руками Юрий Федорович. — И я тоже!» Так я узнал, что у человека, который носит на груди не только значок депутата Новосибирского областного Совета депутатов, но и звезду Героя Социалистического Труда, оказывается, есть удивительная страсть к голубям.

Вторая встреча состоялась, когда я по просьбе кого-то из наших общих друзей привез к нему на экскурсию специалистов компании BASF из Германии — пятерых представителей крупнейшего производителя минеральных удобрений. Бугаков тогда недомогал, подкашливал, но, забыв про нездоровье, очень увлеченно и эмоционально рассказал гостям о своем хозяйстве, о влиянии климатических условий на урожай. Немцы достали планшеты с фотографиями аэрокосмической съемки и графиками температуры и влажности, а Бугаков вытащил обычный ватман, на двух реечках, а в нем столбцы цифр. Это был его «компьютер»

с наблюдениями за атмосферой в течение 35 лет. Курьезная ситуация вышла, но, несмотря на видимое техническое превосходство немцев, председатель «Ирмени» доказал, что он и без аэросъемки не хуже них ориентируется в теме.

Потом он повел делегацию сначала в коровник, затем в телятник, показал, в каких условиях содержится племенное стадо и работают доярки, а когда у него спросили: «Господин председатель, а почему нигде не видно навоза?» — в ответ только улыбнулся. Ему нравилось, что сибирскому хозяйству есть чем удивить европейских гостей.

Фантазер с горящими глазами, он одному ему известным образом умудрялся совмещать удивительную непосредственность с расчетливостью и рачительностью. И я понял, что если можно найти в России определение хозяйского подхода не только к своему предприятию, но к жизни в целом, то он — бугаковский: основательный, требовательный, неравнодушный.

Позже мы не единожды участвовали вместе в выборных кампаниях: я приехал к Юрию Федоровичу в хозяйство и просил его выступить доверенным лицом «Единой России». У него был огромный опыт депутатской работы, и именно в ту кампанию удалось понять, как он, имея под рукой прогрессивное, передовое хозяйство России, защищает и представляет интересы своего округа. Фирменной стратегией «Ирмени» он сделал командную работу в органах законодательной власти. Катапультировал, так сказать, в народные избранники специалистов своего хозяйства. Главный инженер у него, например, был депутатом отдаленного сельсовета, и понятно, что помимо непосредственной своей деятельности всячески помогал этому селу, защищал его интересы.

Чтобы оценить, насколько успешно руководитель «Ирмени» управлял экономикой своего предприятия, достаточно вникнуть в выстроенную им систему мощной поддержки сельской социалки. Помню, как после производственных объектов он повел меня в детский сад, стоящий у колхоза на балансе, затем — в школу, над которой всегда шефствовал. Показал и конно-спортивную школу. В Новосибирске такая тоже была, и на тот момент она переживала не лучшие времена, а у Бугакова в часе езды от областного центра все процветало. Посмотрели стадион и построенный рядом с ним каток — стадион тоже на балансе племзавода…

Бугакову до всего было дело.

Этот его стиль знали и ценили не только в наших краях. Однажды мне выпало побывать в кабинете министра сельского хозяйства России Гордеева. Разговорились. Я сказал, что родом из Новосибирской области, и поинтересовался, не знает ли он нашего Бугакова? Алексей Васильевич очень живо откликнулся: «Юрия Федоровича? Да ну что вы!» И вот в этом «ну что вы!» было столько уважения! Не только как к успешному руководителю, но и как к мудрому человеку.

И везде, где бы я ни называл фамилию Бугакова, его хорошо знали. Обычно, когда начинаешь о ком-то говорить, сначала нужно немного рассказать о человеке. В случае Юрия Федоровича этого не требовалось. Его репутация шла впереди и помогала объединять общими интересами до этого незнакомых людей.

Он и правда был очень мудрым. В наших жизненных беседах, когда я задавал ему разные сложные вопросы, например: «А когда было правильнее, лучше — в советские годы или сейчас?» — он ни разу не скатился до эмоциональной оценки, не говоря уж о критике. Отвечал очень рассудительно, щадяще, искренне. Он уважал каждый исторический период и знал, что время делают люди. При этом был настолько афористичен!

Запомнил его фразу: помогать нужно тем, кто хочет измениться, а не тем, кто ждет, что его жизнь изменят другие. И сам всегда следовал этому правилу: поддерживал людей, которые хорошо работают: предлагал им путевки за счет хозяйства, выделял средства на поощрение, отправлял в интересные деловые поездки.

Когда Бугаков представлял Новосибирскую область в Верховном совете СССР, он с тогдашними своими связями запросто мог сделать государственную карьеру и перебраться поближе к Москве. Но остался верным своей земле и своему колхозу. Говорил: неважно, где мы будем служить — в Краснодарском крае, на Ставрополье или в Новосибирской области, главное — служить.

Уважал работяг и сам был настоящим работягой. Рядом с ним любой труд выглядел достойным. Несмотря на то, что был уже большим начальником, маститым и убеленным сединами, садился за руль, когда объезжал поля, а с гостями — обязательно.

Мы не раз приезжали к нему целым «обозом». И какой бы многочисленной ни была делегация, он в первую очередь обрушивал на нас «беспощадное гостеприимство»: никогда не приступал к обсуждению сложных вопросов, пока не пропустит через два-три этапа испытания замечательной ирменской кухней. А как накормит, говорил: «Сан Саныч, сначала надо посмотреть, как изменилась жизнь», — и мы шли в коровник, на дойку, обязательно мимо цветущих клумб. В последние годы водил и в собственный зоопарк: смотрели лосей, оленей, косуль, замечательный пруд с пятнистыми карпами. Помню, он рассказывал, что столбы ограждения этого парка были взяты из срубов, оставшихся со времен мелиорации Сибири и извлеченных из-под земли. У этого прекрасного хозяина ничего не пропадало.

Он был удивительным человеком. Не обычным, это точно. С особым стилем общения, который я бы обозначил как «неторопливая рассудительность». Он щурил глаза, говорил: «Мы тут селяне, деревенские», — как бы подчеркивая более высокий статус гостя. Но при этом проявлял неподдельную отеческую заботу о каждом!

Однажды лет десять назад я приехал в Ордынск на день депутата. Алла Васильевна Трифонова собрала всех — и районных, и областных. А я после очередного «ремонта» был на костылях. Пока здоровались, присел, сложил их под стол. Бугаков тоже пришел. Когда все завершилось, задержался, угостил меня кумысом и, зная, что папа мой особенно его любит, передал и ему вкусный привет.

Потом я достал свои «ходули», и мы вместе двинулись к машине. А по дороге Юрий Федорович тихонько так мне говорит: «Молодой человек, — вот именно в такой манере, — молодой человек, запомни, если бы я в твои годы хотя бы на двадцать процентов более внимательно относился к своему здоровью, сейчас бы чувствовал себя лучше». Я стою, на него смотрю, не знаю, что ответить. А он дальше гнет свое: «Поэтому в следующий раз геройствовать не стоит и приезжать на костылях даже по моему приглашению — не надо». Я попытался отшутиться, тогда он ответил более строго: «Я надеюсь, ты меня серьезно воспринимаешь».

Конечно, Юрий Федорович, более чем. И благодарен за заботу.

А ключевая для меня фраза о нем, знаете, какая была?

Когда Юрий Федорович ушел навечно, это произошло в декабре, на улице было очень холодно. Прямо по-настоящему, по-сибирски, под 40 градусов. После траурного митинга, когда шли к могиле, Алла Васильевна Трифонова сказала: «Сегодня мороз — как характер нашего председателя. Такой же чистый и такой же жесткий».

Согласен. Держал сибирскую марку наш лучший председатель. Крепко держал.

НА ВИДУ У ВСЕЙ РОССИИ

Наталья Николаевна Медведева

глава Верх-Ирменского сельского совета

Когда я в первый раз пошла на выборы, он делал ставку на другого кандидата — Геннадия Николаевича Шагаева, но вмешиваться в нашу конкуренцию не стал, а предложил иное решение: выступать на производственных участках племзавода вместе. На равных условиях. А мог бы сказать: иди и агитируй сама, как хочешь, успехов! Но он сделал выбор в пользу честной борьбы.

— До последней своей минуты Юрий Федорович Бугаков оставался очень строгим руководителем. Помню, в первые годы после избрания главой я всякий раз шла к нему со своими вопросами с трепетом. Приходишь, а он тебя считывает, будто видит насквозь. Солгать или что-то не выполнить, пообещать и не сделать было совершенно невозможно.

Но со временем я поняла: если у тебя действительно важный повод, приходить в этот кабинет нестрашно. Юрий Федорович не только знал все о своем селе, но и стоял за него горой. Даже если проблемы, казалось, никакого отношения к нему не имели.

Однажды до нас дошел слух, что в Ирмени могут закрыть отделение Сбербанка. Для начала решили понизить специалистам ставку. Но всем понятно, что это значит: зарплаты снизят, кадры разбегутся, а там закрыть отделение — дело техники.

Я пошла к Бугакову: «Юрий Федорович, недопустимая ситуация! Банкоматов в селе не хватает, если и отделения не будет, люди лишатся банковского обслуживания». Он тут же, не откладывая в долгий ящик, набирает центральный офис Сбербанка в Новосибирске и без лишних учтивостей говорит, будто рубит: «Если вы закроете отделение в Ирмени, мне ваш банк не нужен. Все счета племзавода будут переведены в другой».

Этого было достаточно, чтобы вопрос решился за 15 минут.

Примерно та же история вышла с почтой.

Когда-то почтальоны на селе были уважаемыми людьми, у них была достойная зарплата, в каждом доме их ждали с нетерпением. Потом потихоньку все стало угасать, и в 2014-м году дошло до того, что люди стали получать по три с небольшим тысячи рублей в месяц. Естественно, все хорошие работники уволились, и руководству почты ничего не оставалось, как

нанимать кого попало. Полетели жалобы: то одному почту не принесут, то другому, то потеряют.

Пошла с этим вопросом к Бугакову. Он переспросил: «Три тысячи в день?» Когда узнал, что в месяц, даже звонить никуда не стал, принял самостоятельное решение доплачивать почтальонам из средств хозяйства. Хотя, казалось бы, зачем племзаводу содержать посторонних людей? Но Юрий Федорович понимал, насколько важно сохранить сельскую инфраструктуру, ведь именно она влияет на качество нашей жизни.

Слово Бугакова в Верх-Ирмени всегда было самым важным — этот факт наше поколение впитало с молоком матери. Когда я родилась в 1974 году, он уже был председателем, поэтому и для меня, и для моих ровесников «Ирмень» и Бугаков — практически одно и то же. Неразделимое целое.

Это была глыба! Безусловный авторитет! До всего ему было дело — от наличия воды в водопроводе до состояния бюджета. Даже как висит флаг над сельсоветом, и то замечал. Не дай бог, если ниточка распустится, мы точно знали — он увидит, и старались ничего подобного не допускать.

Когда я в первый раз пошла на выборы, он делал ставку на другого кандидата — Геннадия Николаевича Шагаева, но вмешиваться в нашу конкуренцию не стал, а предложил решение: выступать на производственных участках племзавода вместе. На равных условиях. А ведь мог бы сказать: иди и агитируй сама, как хочешь, успехов! Но он сделал выбор в пользу честной борьбы.

Помню, был шестой час вечера, раздается звонок: приходите в конференц-зал, собралась группа агитаторов, готовы вас послушать. Я взяла тетрадку с тезисами и пошла. Рассказала людям, что хочу сделать. А потом мы с Геннадием Николаевичем совершили целое избирательное «путешествие» по остальным производственным участкам хозяйства, где в дискуссионном стиле объясняли рабочим, зачем собираемся идти в главы. И людям было интересно, и нас мобилизовало. В итоге выборы прошли при хорошей явке, и я с небольшим отрывом победила.

А когда решила выдвигать свою кандидатуру во второй раз, Юрий Федорович уже изначально был «за». Я прямо спросила его об этом, он прямо ответил: «Поддержу! И помогать буду, но работать за тебя не стану, не надейся». И действительно, в нужный момент он всегда протягивал руку помощи, но по головке не гладил. Если был повод, критиковал жестко: за заросли наши, за необкошенные кюветы, за мусор. И всегда справедливо, поэтому не обидно. Он не только нагоняи давал, но и подсказывал, и финансово поддерживал. Ни за одну просьбу меня не упрекнул… Подумает, посмотрит: «Ну, давай сделаем». Я чувствовала такой мощный щит!

В библиотеке сенцы развалились? Не вопрос, отремонтируем! Заодно и забор поправим, уже скособочился.

Школе помочь пол застелить, крыльцо поправить, асфальт положить? Отказа не будет.

Малышей в детсаду по предложению чемпиона мира по биатлону Александра Тропникова поставить на лыжи? Очень интересно! И сразу следует распоряжение купить в детский сад спортивный инвентарь.

Ледовый дворец — его идея. Дороги построил до комплекса и до Плотниково. Больницу не дал закрыть, сколько раз порывались, а он отстоял. С бассейном пока не решилось, но крытую хоккейную коробку за счет средств «Ирмени» соорудили, и сегодня у нас восемь хоккейных команд, во всем районе столько нет.

Да разве все перечислишь…

Бугаков поддерживал наши заявки на вхождение во все федеральные и областные программы, и благодаря этому за последние 15 лет в Верх-Ирмени были и дороги обновлены, и детские площадки построены, и парк Дружбы реконструирован, и проведен капремонт части домов, и асфальт в Агрогородке почти полностью обновлен. Плюс освещение, тротуары. Водопровод. Даже кладбище сельское стало более ухоженным. Юрий Федорович был нетерпимым к беспорядку

и односельчанам сумел привить тягу к красоте и культуре. Он стремился к безоговорочному лидерству, говорил: «Топтание на месте смерти подобно». Благодаря этому правилу наша Ирмень всегда была на виду и на слуху у всей России.

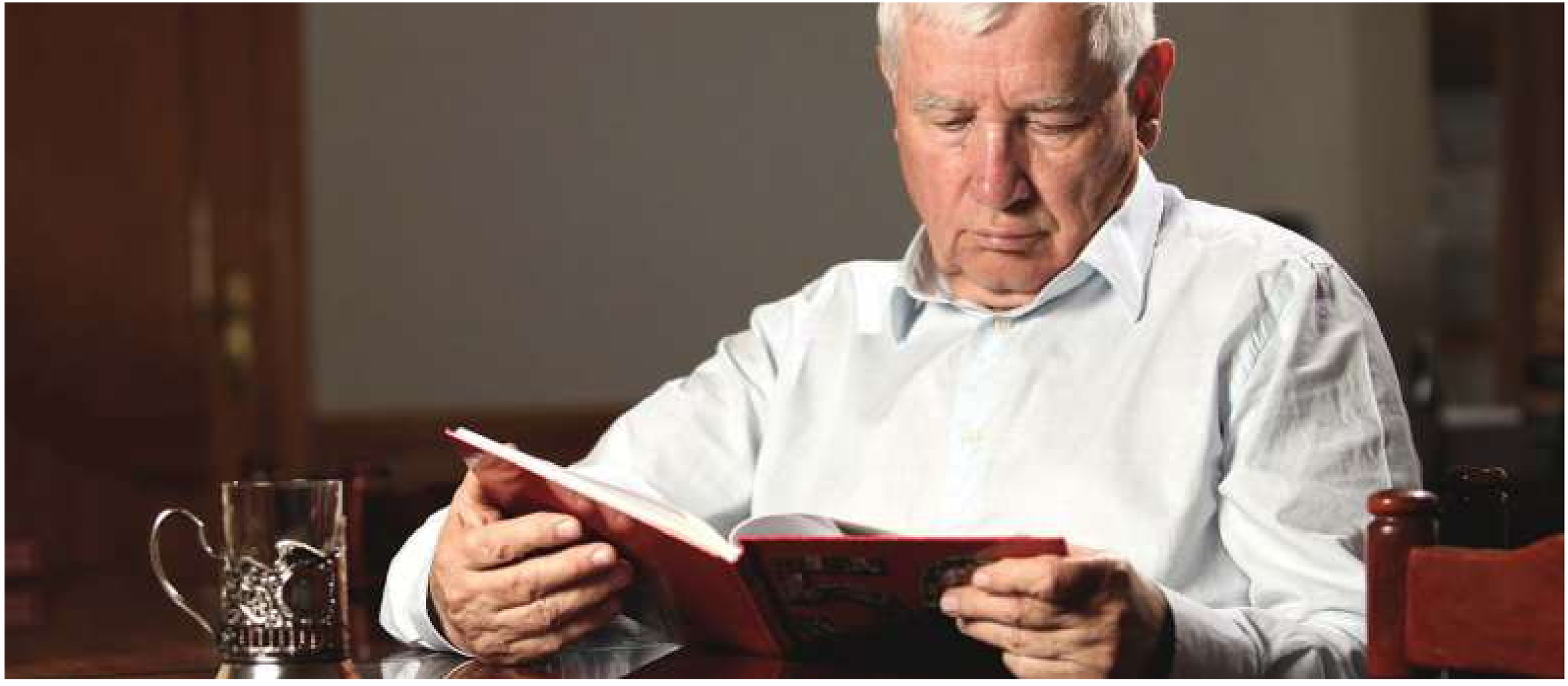
Правда, сколько для этого требовалось сил, знали немногие. Он однажды сказал на планерке, что «наше хозяйство — это красивый занавес». Отодвинь его, и будет видно, какое напряжение стоит за всеми ирменскими успехами. Далеко не все его выдерживали. Но за годы своего руководства Юрий Федорович выстроил такую систему, что приживались и оставались те, кто был готов работать в его темпе.

Да, Бугаков был сродни машине, которая сметала все препятствия на своем пути. Но мы все прекрасно видели, насколько человечной была эта машина! Когда у семьи Алтуниных посреди лета, в июле, сгорел дом, он выделил им средства на строительство. Плюс еще около миллиона люди собрали — сбросились, кто сколько мог, и к ноябрю семья смогла справить новоселье.

Александра Ефимовна, учительница, лет под восемьдесят, никакого отношения к колхозу не имеющая, пришла к нему с просьбой: крыша плохая совсем, нельзя ли что-то сделать? Он в ответ: поможем — и отправил бригаду. Да таких историй в Ирмени сотни!

Для Бугакова, казалось, не было ничего невозможного, настолько он был могущественен, значим не только для нашего села, но и для всей Новосибирской области. Все к нему шли. И если он брался — проблема решалась.

Масштаб личности Юрия Федоровича Бугакова сложно было переоценить при жизни, а после его ухода — и говорить нечего. Сейчас это особенно понятно. Потрясающий был руководитель и человек, такие раз в сто лет рождаются.



ЭНЕРГИИ — НА СЕМЕРЫХ!

Олег Михайлович Лыков

КРАЕВЕД, АВТОР НЕСКОЛЬКИХ КНИГ ПО ИСТОРИИ ОРДЫНСКОГО РАЙОНА

Свет Юрия Федоровича Бугакова, всегда стоявшего на фоне других руководителей Ордынского района особняком, я могу сравнить с лучом гиперболоида инженера Гарина, который не только освещал путь на сотни километров вперед, но и сносил с него все препятствия и преграды.

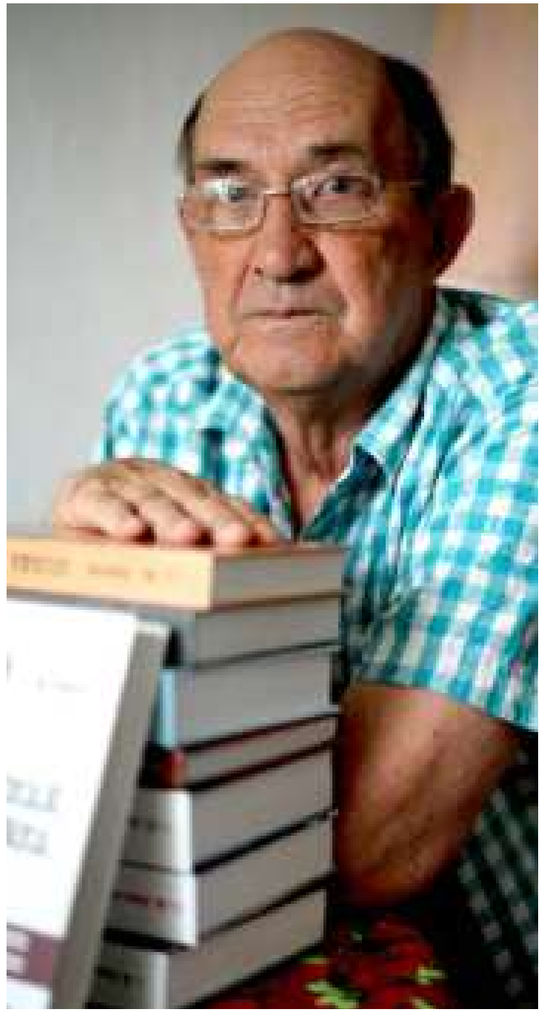
— Прожив всю жизнь в родном Ордынском районе, я стал невольным свидетелем деятельности многих руководителей местного агропрома. И хотя люди это были очень разные, с разным стилем управления и жизненными ценностями, всех их, на мой взгляд, можно поделить на три группы.

Первая и самая массовая — руководители, которые при советской власти честно делали свое дело, выполняли все планы и указания, которые им спускали сверху, держали свои предприятия на плаву и даже добивались некоторого развития. Работали ни шатко ни валко, но в целом справлялись.

Вторая — более узкая группа, человек пять-шесть. Эти не просто стремились добросовестно работать, но и вносили в свою деятельность творческий момент, совершенствовали и модернизировали производство. Хотите верьте, хотите нет, но накануне распада СССР в нашем районе в этом направлении делалось действительно очень много.

Третья, самая малочисленная часть руководителей — пара-тройка человек, к которой я отношу и Юрия Федоровича Бугакова. Это те, кто понимал свою жизнь не как круг ежедневных забот о вверенном им предприятии. Кто умел смотреть шире и видеть дальше. Кто думал не только о своей узкой производственной нише, но и в целом о селе и районе, о людях и их будущем.

Руководителей, входящих в первую группу, я бы сравнил с идущими в темноте с фонариками в руках. Вторых — с водителями, у которых в распоряжении есть фары, а у некоторых даже прожектора. А вот свет Юрия Федоровича, всегда стоявшего на фоне коллег особняком, мне кажется лучом гиперболоида инженера Гарина, который не только освещает дорогу на сотни километров вперед, но и сносит с пути все препятствия и преграды. Всевозможными новациями Бугаков начинал заниматься гораздо раньше и серьезнее остальных директоров и председателей,



и что самое важное — спустя годы не терял достигнутых результатов, а развивал и совершенствовал.

Взять обычные поливальные установки. Даже горожане знают, что у коровы молоко на языке и корма — важнейшее условие больших надоев. Поэтому в последние годы СССР агропредприятиям, которые работают в зоне рискованного земледелия, была дана общая установка: создавать орошаемые пастбища, гарантирующие запас кормов. Но в 90-х из-за денежных трудностей большинство руководителей приняло решение эти пастбища забросить. А в Верх-Ирмени они до сих пор работают и обеспечивают кормовую базу в засушливые годы. Ничего не пропало!

Своих соседей Юрий Федорович обгонял на старте, поскольку таланта, энергии и настырности у него было больше, чем у всех вместе взятых. Вспомним, с чего начиналась наша знаменитая «Ирмень»? Когда она была колхозом «Большевик» в начале 50-х, некоторые сельчане жили в натуральных землянках. Важнейшие производственные и социальные преобразования начали предшественники Юрия Федоровича — Тростников и Овчаренко, а затем эстафету практически на полвека подхватил Бугаков, удивляя всю округу своими нестандартными решениями и действиями.

Вот, например, жилье. Все колхозы в советские годы строили обычные многоквартирные дома. Ну, может, кое-где парочку коттеджей для особого шику и придирчивых комиссий. А он замахнулся сразу на целый Агрогородок, каждый дом в котором был сродни лучшим образцам сталинской застройки — с высокими потолками и потрясающим метражом. Косыгин, тогдашний председатель Совета Министров СССР, побывав в Верх-Ирмени, даже стал выговаривать руководству области: мол, что вы творите, в элитных кварталах Москвы таких площадей нет, а вы тут в каком-то селе себе позволяете!

Но дело в том, что Бугаков стремился к непозволительному, недостижимому, за гранью обыденности. Если у него Дворец культуры, то по оригинальному, а не типовому проекту. В других селах столовые, а в Верх-Ирмени — кафе. Если детсад, то с бассейном — в райцентре аналогичный появится только тридцать лет спустя. Если спорт, то не банальная покупка мячей и лыж, а сразу строительство спортивной школы и стадиона. Бугаков не только хотел, чтобы хозяйство работало «от винта», а чтобы у него все было самое лучшее: жилье, социалка, условия для работы, качество жизни.

Однажды, желая показать своему другу, московскому профессору Александру Юрьеву, наши ордынские достижения, я договорился с Юрием Федоровичем, чтобы нам разрешили пройти по ирменскому животноводческому комплексу. Мы были потрясены! На этом современнейшем производстве нет ни намека на обычные для таких помещений неопрятность и запах. Чистота, ухоженные газоны, цветочные клумбы, фонтаны, скульптуры коров в стиле постмодерна… И дети в форменной одежде ходят с газонокосилками. Бугаков добился того, что из желающих работать на комплексе очередь выстроилась! А ведь в начале его председательства тенденция была совершенно иной: колхозники соглашались на самые незначительные должности в полеводстве, лишь бы не на ферму. Кому хочется ежедневно «возиться в навозе»! И что же? Благодаря особому азарту и железному упорству Юрия Федоровича общественное мнение о животноводстве удалось изменить!

Бугаков всегда добивался задуманного. Его фигура уникальна не только для Ордынского района, но и для всей нашей страны. При Юрии Федоровиче в «Ирмени» стали получать молока от коровы больше, чем доит сегодня Европа и Америка — 12 и выше тысяч килограммов. В урожайности хозяйство тоже добилось «голубой мечты социализма» — 40 центнеров с гектара. Именно с этого предприятия в Новосибирской области началась переработка сельхозпродукции и открытие фирменных магазинов. Все президенты России лично жали председателю из Сибири руку, награждая очередным орденом «За заслуги перед Отечеством», пока он не стал полным его кавалером. Думаю, если бы советская власть на несколько лет задержалась, он мог бы стать и трижды Героем Соцтруда, как академик Курчатов.

И что важно: он не только сам получал ордена. После распада СССР, когда у нас в районе лет тридцать как прекратили удостаивать сельских тружеников правительственными наградами, у Бугакова рабочих и специалистов награждали до последних дней. Он ценил тех, кто работает не за страх, а за совесть, и находил возможность отблагодарить людей. Заботился о своей Ирмени так, будто это собственное имение.

Когда в 90-е годы экономика в стране рухнула, все хозяйства-соседи стали сбрасывать социалку, Бугаков, напротив, все социалистическое наследство сохранил. Более того, содержал его в блестящем состоянии: отремонтировал Дворец культуры, превратил в оазис детсад, щедро поддерживал школу. Он как будто на всю жизнь остался командиром «Комсомольского прожектора» Ордынского района: как в юности очень критично подходил к деятельности «начальства», так и в зрелости. И в первую очередь — к собственной, рассматривая ее сквозь призму общественных интересов.

У меня тоже была возможность ощутить проявление его душевной заботы. В 90-е годы, когда я работал начальником соцзащиты, мы решили открыть в селе Шарап отделение «Милосердие», куда намеревались поселить людей, оставшихся в старости без ухода. Нашли брошенное здание, отремонтировали его, и когда готовили праздничное открытие, пригласили Юрия Федоровича. Перед приездом он позвонил, поинтересовался, чего в нашем отделении не хватает. Я сказал, что вроде все есть, лишь холодильником пока не разжились. Я даже не мог подумать, что он воспримет эти слова как сигнал к действию. На открытие Бугаков не только приехал, но и привез в подарок огромный холодильник. Потом скромно попил с нами чайку и отбыл.

А когда за чаем беседовали, как бы невзначай поделился: «В последние десять лет в Ордынском районе

не случалось ни одного новоселья, на котором бы я не бывал. Тем более — чтобы без подарка».

Однажды я задал ему вопрос: «Юрий Федорович, вам нет равных ни в районе, ни в области, вы достигли наивысших показателей, фактически, как атлант, держите ирменское небо. Вы добились в жизни всего, чего хотели?» Он поглядел с удивлением: «Нет, конечно. Всегда есть куда расти».

А потом объяснил, почему этот рост он видит больше в социальной, нежели в производственной сфере. «Когда я был в командировке в США, нам показали, как парень доит коров. Доит и доит — как автомат. Потом — перерыв на двадцать минут, чтобы передохнуть и съесть бутерброд, и — снова на дойку. Мои люди так работать не будут никогда. У меня не просто ферма, у меня — вся деревня. Я бы тоже давно мог сократить трудовой коллектив до минимума и заставить оставшихся пахать, как роботы. Благо, современная техника позволяет. И производительность сразу бы подпрыгнула. Но я не собираюсь выжимать из людей томатный сок. Поэтому одной рукой вынужденно сокращаю рабочие места, а другой — придумываю новые. Иногда они совсем не выгодны и не прибыльны, но зато позволяют сохранить наш деревенский мир».

Он всегда был больше, чем руководитель. В Америке для таких людей, как Бугаков, существует даже специальное обозначение — self-made man, человек, который сделал себя сам. Мне более подходящим в этом случае кажется слово «самородок». Потому что по духу своему Юрий Федорович был истинно русским человеком и просто фигарить деньги, как это делают в США, ему было неинтересно.

Думаю, в глубине души он был больше поэтом, чем бизнесменом. Ведь самые вдохновенные его высказывания, которые сегодня можно отыскать в различных источниках, относятся к красоте родной земли, переполняющей его радостью каждый раз, когда он выходил в поле.

Огромнейший, кстати, недостаток нашего краеведения в том, что никто из историков и биографов так и не смог уговорить Бугакова записать свои воспоминания. Я несколько раз пытался это сделать, когда занимался историей района. Приезжал к нему и просил рассказать о себе на диктофон, но он всегда отвечал на эту просьбу одинаково: «Позже, пока еще поживу».

Мог бы. Жаль, что судьба не послала ему еще хотя бы лет пять.

Я так и вижу его — веселого, модно одетого, в короткой кожаной куртке с погончиками, джинсах и клетчатой рубахе… Энергичный, легкий на подъем человек, которого на все хватало. Это был, пожалуй, лучший руководитель за всю историю нашего района. Впрочем, слово «пожалуй» тут лишнее.

ИСТОЧНИК МУДРОСТИ

Олег Николаевич Подойма

генеральный директор ЗАО «Птицефабрика «Октябрьская», председатель комитета по государственной политике Законодательного Собрания Новосибирской области

С 80-х годов председатель «Ирмени» заслуженно обладал статусом лидера общественного мнения Новосибирской области. В советское время за советами к нему приезжали первые секретари обкома, позже — губернаторы, для которых точка зрения Юрия Федоровича по тому или иному вопросу была одной из определяющих. Причем на уровне руководства регионом Юрий Федорович Бугаков был востребован не только как специалист с глубоким знанием экономики, сельского хозяйства, но и как эксперт в области «человековедения».

— На сессиях Заксобрания мы с Юрием Федоровичем Бугаковым сидели рядом. И если вопрос, вынесенный на обсуждение, был формальным, иногда настолько увлекались беседой, что председательствующий делал замечание: «Подойма, прекратите разговаривать!» Именно Подойма, потому что Бугакову он так сказать не мог. Авторитет у Юрия Федоровича был непререкаемым. Поэтому все выговоры за общение в неурочное время неизменно прилетали мне. Но я не жалел об этом. Любой разговор с Юрием Федоровичем давал столько пищи для размышлений, столько позитива, что только ради них можно было ездить на сессии. Чего стоили одни его острые и афористичные характеристики событий и политиков!

С 80-х годов председатель «Ирмени» заслуженно обладал статусом лидера общественного мнения Новосибирской области. В советское время к нему приезжали первые секретари обкома, позже губернаторы – потолковать, посоветоваться. Точка зрения Юрия Федоровича для них была одной из определяющих. Причем на уровне руководства регионом Бугаков был востребован не только как специалист с глубоким знанием экономики, сельского хозяйства, но и как эксперт в области «человековедения».

Каждый руководитель знает, что дороже всего производству обходятся ошибки в подборе кадров. А в управлении регионом — тем более. Бывая в гостях у Юрия Федоровича, руководители области не ограничивались знакомством с хозяйством, а часто задерживались

до позднего вечера. Ради доверительного общения, чтобы узнать мнение многоопытного старшего товарища о предстоящих назначениях. Бугаков видел людей насквозь, считывал их и, когда просили совета, честно излагал свои соображения.

У такого «рентгеновского» таланта была мощная основа: за спиной Юрия Федоровича всегда стояло большое село и реальное производство. Он много лет работал на земле и практически каждый день общался с сотнями людей.

Я тоже часто обращался к нему за советом и нередко чувствовал взаимное понимание с полуслова. Говорили обо всем: о формировании коллектива, производстве, политике, о личном. Иногда вечерами висели на телефоне минут по сорок и больше. Нам было чем друг с другом поделиться. Я тоже руководитель сельхозпредприятия, депутат, более десяти лет отработал рядом с Юрием Федоровичем в аграрном комитете Законодательного собрания. Не скрою, мне очень льстило, что такой уважаемый человек, который мне в отцы годится, находит время и желание общаться. Особенно радовало, когда он добрым словом отзывался о нашем предприятии, давал ему высокую оценку.

У него можно было учиться и учиться, это был неиссякаемый источник мудрости.

Помню, однажды я как председатель аграрного комитета рано утром отправился на выездное заседание в Ордынку. Проезжая мимо Ирмени, подумал: времени достаточно, не завернуть ли к Юрию Федоровичу? Набрал его, услышал в ответ: «Олег, подожди», – и тут внезапно понял, что застал его во время планерки. Уже в восьмом часу утра в «Ирмени» кипела жизнь, и специалисты обсуждали свои задачи в кабинете председателя. Такие утренние встречи он всегда проводил лично, хотя коллектив племзавода был вполне самостоятельным. Под руководством Бугакова в хозяйстве сформировалась настоящая элита специалистов в области животноводства. Тем не менее даже текущее управление он всегда тащил сам, держал все под личным контролем.

Наверное, поэтому у хозяйства и были результаты мирового уровня. И не только в производственной сфере. Я больше не знаю ни одного предприятия в нашей области, кроме «Ирмени», где уделялось бы столько внимания вопросам социального характера. Порядка 150–200 миллионов рублей Бугаков ежегодно выделял на поддержку своих сотрудников. Мало кто из руководителей так серьезно вкладывается в людей. Заслуженным итогом этих многолетних вложений стало формирование особенного ирменского коллектива, готового сворачивать горы. И его многолетний председательский университет с отличием закончил сын. Олег Юрьевич взял на себя огромную ответственность и на практике доказал – Ирмень в надежных руках. Ирмень развивается и двигается вперед.

В Ирмени вообще люди необыкновенные. Выросшие под влиянием своего председателя, они и на работе выкладываются на сто процентов, и после трудового дня. Здесь постоянно заняты благоустройством села и своих усадеб, общественной деятельностью, спортом и поддержкой здоровья. Главное, что им обеспечил Юрий Федорович, – это не только стабильная и высокая зарплата, это уверенность в завтрашнем дне и возможность планировать жизнь в долгосрочной перспективе. Как собственную, так и общую. Бугаков очень заботился о том, чтобы каждый в Ирмени мог самореализоваться.

Когда я приезжал к Юрию Федоровичу и вместе с ним отправлялся взглянуть на поля, по дороге замечал, как по-дружески он разговаривает со своими подчиненными. Было очевидно, что он держит руку на пульсе жизни и настроений в Ирмени, знает свой огромный коллектив поименно, погружается в радости и беды каждого. Редкие руководители так умеют. И мне кажется, научиться такому очень сложно, для этого надо родиться Бугаковым.

Но взамен он требовал гиперответственного отношения к работе. Сам рассказывал в один из приездов на сессию: «Сегодня жестким образом уволил ветеринарного врача. По его вине во второй раз возникли

проблемы с качеством молока». Для Юрия Федоровича репутация предприятия была красной линией. Если страдало благополучие «Ирмени», виновнику пощады не было. Десять китайских предупреждений в таких случаях он не делал и, невзирая на заслуги, с человеком расставался.

Таким же непримиримым становился Бугаков, если видел, что люди во власти работают спустя рукава, преследуют не общественные, а иные цели. Да, он мог и мягко стелить, но в отстаивании интересов своего предприятия, района, округа был исключительно жестким. Юрий Федорович просто не мог иначе. Ведь, как правило, все нерешаемые вопросы, все недовольство людей стекались небольшими ручейками именно в его реку. Так что ему приходилось волей-неволей брать на себя лидерство, возглавлять неформальный народный «актив» и идти пробивать бюрократические стены. Помню, как полтора года он добивался, чтобы в районе произошли кадровые изменения. И добился, чем разрядил сложившуюся напряженную ситуацию.

В каком-то смысле в нашей области он был последней инстанцией. Возьмем ту же газификацию Ордынского района. Когда Юрий Федорович впервые в разговоре с губернатором поднял эту тему, ответ был таким: задача нереальная, нечего и говорить. Но Бугаков не отступил. Выждал время, пока обстоятельства и власть переменились, и в одну из поездок следующего областного главы в Ордынку снова вернулся к теме газа. Во второй раз получилось. С подачи Юрия Федоровича большая стройка была пролоббирована, и заявка в Газпром ушла.

Его упорству можно было позавидовать! И он всегда был таким, с молодости. В годы работы депутатом Верховного Совета, когда было много сложностей с обеспечением предприятий, он в каждый свой приезд в Москву заглядывал в министерство сельского хозяйства. Раз пришел к министру на прием, конструктивно поговорили и что-то он для «Большевика» выбил. Второй – опять что-то добыл. А на третий раз министр начал вопросы задавать: «Бугаков, я к тебе снабженцем, что ли, устроился?» Таким дерзким и по-хорошему настырным был председатель из Сибири.

Сложилось так, что я стал депутатом Законодательного собрания по тому округу, где многие годы работал Юрий Федорович. Он отказался баллотироваться по состоянию здоровья и «благословил» меня пойти на выборы. До сих пор благодарен ему за поддержку. В период выборов я увидел, как системно была выстроена у Бугакова депутатская работа. Он и здесь проложил рельсы, по которым многие годы смогут двигаться вперед его преемники. От нас требуется только одно – не уронить планку.

Бугаков – это был лидер, для которого огромной частью собственного успеха был успех других, успех и развитие его хозяйства, его округа, его земли.

И ПО ЗАКОНУ, И ПО СОВЕСТИ

Андрей Иванович Шимкив

председатель Законодательного Собрания Новосибирской области

Вспоминая выборы председателя Законодательного собрания 2015 года, я иногда думаю: а что было бы, если бы наш самый влиятельный депутат не сказал тогда — «прорвемся»? Скорее всего, я вряд ли решился пойти на них. Но он нашел исключительно своевременное и точное слово. А заручиться поддержкой Бугакова всегда означало половину победы.

— Причина феномена племзавода «Ирмень» — в людях. В свое время Юрий Федорович неоднократно подчеркивал это на всех уровнях. Но главным человеком, феноменальным явлением Ирмени был он сам. Личность, которая вызывает уважение и восхищение по сей день. После почти сорока лет знакомства я могу с полным основанием назвать его своим учителем и до конца жизни буду благодарен ему за жизненную и профессиональную науку.

Впервые о председателе колхоза «Большевик» я услышал в студенческие годы. В 80-х Бугаков был частым гостем нашего Новосибирского сельскохозяйственного института: читал лекции, общался с выпускниками. Уже тогда мы имели возможность изучать опыт «Ирмени» и самостоятельно убедиться, насколько это образцовое хозяйство.

Когда я, окончив аграрный факультет, пошел работать сначала агрономом совхоза «Заречный», затем директором совхоза «Шибковский», наше общение с Юрием Федоровичем не прекратилось. А в 2001 году, после моего избрания депутатом областного Совета от родного Искитимского района, стало более тесным: политическая повестка часто расходилась с тем, что происходило в жизни, и Бугаков учил меня — где можно промолчать, а где — ни в коем случае. На сессиях мы сидели рядом, и я постоянно чувствовал его доброе, почти отцовское расположение.

Это был очень интересный период. Мы оказались единомышленниками в продвижении интересов агропромышленного комплекса, и я видел, сколько сил и души вкладывает в эту работу Юрий Федорович. Он пользовался безусловным авторитетом в аграрном комитете, и во многом благодаря ему наш регион первый в России в 2006 году принял закон о поддержке сельского хозяйства, который эффективно работает до сих пор.

Уже более пятнадцати лет отрасль ежегодно получает порядка четырех миллиардов рублей бюджетных средств.

Силу политического и человеческого влияния Бугакова на развитие области я особенно ощутил в 2015 году, когда выдвинул свою кандидатуру на пост председателя Заксобрания.

Это был в определенном смысле рискованный шаг. Сейчас ни для кого не секрет, что в тот период и губернатор, и партия власти поддерживали другого кандидата. Поэтому первым, к кому я пошел за советом и поддержкой, был Юрий Федорович, чья позиция в данном случае и сыграла ключевую роль. Выслушав меня, он сказал тогда очень простое, но важное слово: «Прорвемся!» Этого хватило, чтобы я принял одно из самых сложных решений в своей жизни.

Председатель «Ирмени» никогда не боялся открыто высказывать свою точку зрения, даже если она не совпадала с официальной. И в те дни он не только дал понять, что верит в меня, но и сообщил о своей позиции действующему губернатору.

В день выборов, выступая перед депутатами, я завершил свою программную речь такими словами: «И вообще сегодня идет дождь, а дождь, как всегда говорит Юрий Федорович, — к урожаю». Не знаю, что тогда произвело на коллег большее впечатление — моя программа или упоминание о Бугакове, но на голосовании, которое состоялось буквально через несколько минут, они отдали предпочтение мне.

Сегодня, вспоминая те дни, я иногда думаю: а что было бы, если бы наш самый влиятельный депутат не сказал «прорвемся»? Скорее всего, я вряд ли решился на этот вызывающий демарш. Но он нашел исключительно своевременное и точное слово. А заручиться поддержкой Бугакова всегда означало половину победы. Если не больше.

Не знаю, откуда у него удивительная способность видеть перспективу, но это качество председателя «Ирмени» было очевидно всему новосибирскому аграрному и политическому сообществу. Бугаков был, если можно так сказать, иконой нашего сельского хозяйства. За поддержкой и советом к нему ездили все: от председателей колхозов до губернаторов. Ни одно назначение министра сельского хозяйства в области в последние 30 лет не проходило без него. При этом он ни за высоким статусом, ни за званиями не гнался. Человека куда только ни звали — от Совета министров СССР до кресла губернатора области, но он отвергал все лестные предложения, предпочитая работу на земле. Характер был такой — кремень.

Кстати, слово это удивительным образом рифмуется с еще одним, близким Юрию Федоровичу, — Ирмень. Житель старинного села, образованного в XVIII веке пугачевцами как заимка на таежной реке, Бугаков как будто проникся духом той давней вольницы. Он позволял себе действовать самостоятельно и решительно — и не просто верил в большое будущее России, а создавал его. Из скромной деревни сделал уникальное место жительства, из стареньких ферм — огромный современный животноводческий комплекс и даже знаменитый ирменский тип породы не купил за границами на кредиты, а в течение сорока лет выводил самостоятельно.

Благодаря его уникальному стилю руководства и взвешенным решениям «Ирмень» стояла и по-прежнему стоит особняком на фоне других хозяйств области. Меня как депутата и руководителя всегда впечатляло бугаковское отношение к людям. Ведь, несмотря на все сложности постсоветских лет, хозяйство не отказалось от содержания собственной социальной сферы. И детский сад, и Дворец культуры, и спорткомплекс, и медпункт, и санаторий-профилакторий, и дом быта, и музей по-прежнему остаются на балансе племзавода.

Обычные пенсионеры в нашей стране получают по двенадцать пенсионных пособий в год. А ирменские — шестнадцать! ЗАО выплачивает им дивиденды на акции, арендную плату за землю и обеспечивает различными льготами.

Кроме того, огромные средства хозяйство тратит на поддержание здоровья своих сотрудников. Я знаю, что из села в больницы областного центра многие годы ходит микроавтобус с пациентами. Они получают в Новосибирске обследование и лечение, а если возникает необходимость платной операции, то предприятие эти расходы берет на себя. Президент России заметил, что люди в Ирмени даже внешне выглядят по-особенному. Когда лучшего механизатора хозяйства Владимира Шевелева награждали в Кремле орденом Дружбы, Владимир Путин подчеркнул, что парень из сибирского села больше похож на артиста, чем на тракториста.

Все это еще раз доказывает, что у Юрия Федоровича Бугакова был редкий дар руководителя, умеющего управлять одновременно и по закону, и по совести. Да, он был очень прямолинейным, жестким, но при этом удивительно добросердечным. Никогда не бросал своих в беде. Мог многое себе позволить, но обходился малым, предпочитая отдавать доход от собственного контрольного пакета акций на нужды родной Ирмени. И я, конечно, считаю своим долгом, своей обязанностью увековечить память этого удивительного человека.

Несколько шагов в этом направлении нами уже сделано. Во-первых, единогласно принято решение создать в Новосибирске парк имени Бугакова. Сейчас мы — Законодательное собрание, областная администрация, «Ирмень», аграрии, которые полжизни бок о бок трудились с Юрием Федоровичем, — работаем над тем, чтобы оформить три гектара земли в центре города в областную собственность и затем превратить их в настоящий уголок природы — с тихими тенистыми тропинками, живописными полянками и шумом листвы. Все, как он любил.

Получила поддержку Законодательного собрания и наша совместная с губернатором Андреем Александровичем Травниковым идея учредить в Новосибирской области премию имени Бугакова за выдающиеся заслуги в развитии регионального агропромышленного комплекса. Депутаты поддержали законопроект единогласно. Начиная с 2023 года наши лучшие аграрии будут отмечаться этим уникальным знаком отличия.

Конечно, наши инициативы — лишь малая дань памяти человеку, которого всем нам так не хватает. Гордость Новосибирской области, ее слава — Юрий Федорович Бугаков — ярчайшая страница нашей общей истории. Его имя должно продолжать звучать и в Новосибирске, и по всей России.

А ОН ПРОСТО ШЕЛ ВПЕРЕД

Парадная сторона жизни крестьянина Бугакова — блеск орденов и заголовки в газетах — вызывала в регионе не только чувство гордости и одобрение, но и зависть. «Не мудрено ставить рекорды, когда деньги из казны потоком льются», — шептались за спиной председателя «Ирмени» те, у кого героем стать не получилось.

Увы, каждая золотая медаль имеет и обратную сторону.

Иногда доставали так, что Бугаков с горечью признавался в этом публично: «Всю жизнь мне завидуют, — однажды сказал он на камеру. — Первое время бесило: черт возьми, вкалываешь-вкалываешь, бац, опять сочинят небылицу типа «чего ему не жить, приехал Косыгин — денег привез, приехал Никонов — денег привез». Когда удавалось узнать, кто именно говорил, я напрямую человека спрашивал: а ты как понимаешь «денег привез»? Он что, из кармана мне их в кабинете выложил? Есть в области финуправление, не поленись, зайди ради любопытства туда и уточни, сколько, кто и чего Бугакову привез».

Но даже прямые разговоры не помогали: народная мудрость про чужой роток в России остается злободневной в любые времена.

Подливала масла в огонь и пресса. С ее легкой руки громкие эпитеты «человек-легенда», «человек-эпоха», «глыба», «колосс», «корифей», «соль земли» и еще масса других в том же духе к Бугакову приклеились — не оторвешь. Вроде цель у журналистов была благая, но в последние годы их усилиями портрет живого человека все больше покрывался бронзовой пылью, что добавляло завистникам поводов считать председателя «Ирмени» излишне «обласканным властью».

В словах и оценках и той и другой из сторон была своя правда.

Бугаков — и эпоха, и легенда, и в рядах оппозиционеров не числился, и бюджетной поддержкой пользовался, и на телеканалах светился. Но! Заслужить свой жизненный успех — благодаря и вопреки одновременно — он смог не потому, что у него был доступ в высокие кабинеты. А потому, что не плыл по конъюнктурным волнам, а оставался верен себе. «Работай, сынок! — однажды в детстве сказала ему мама. — И всего добьешься».

И он реально пахал. От зари до зари. Ни «гроздья» орденов, ни даже малое достижение «Ирмени» не свалились ее председателю под ноги. Только Бугаков знал, сколько месяцев муштры требуют минуты парадов. Все свои награды и звания, которые кое-кому казались чрезмерными, он заработал собственным горбом.

К сожалению, в сфере управления российским производственным сектором таких работяг мало: «Ирмень» была и остается скорее исключением, чем правилом — никто ей в спину не дышит, по показателям не догоняет. Поэтому бывали у Юрия Федоровича минуты, когда он чувствовал себя одиноко и горько. Справляться с ними помогали труды глубоко почитаемого им политического деятеля России — премьер-министра начала XX века Петра Столыпина. «Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу», — писал самый молодой председатель Совета министров в российской истории. И Юрий Бугаков, абсолютно разделяя его точку зрения, не «припрашивал» наград, а просто шел вперед.

Лауреат Национальной премии имени Петра Столыпина, по сути «красный директор», он держал свое хозяйство в лидерах и при плановой советской экономике, и после ее заката. Два совершенно разных мировоззрения и уклада жизни уживались в нем без внутреннего конфликта. Объединить их помогла крепкая крестьянская жилка, стальная воля, вера в родной коллектив и легкая ирония по отношению к себе. Этого набора хватало, чтобы политические эпохи приходили и уходили, а Бугаков оставался.

Есть люди, понимающие дух времени. Они засеивают маленькие усилия вовремя — и получают большие урожаи. А есть люди, которые делают дела не ко времени и им приходится прилагать титанические усилия, чтобы достичь каких-то результатов. У тех, кто умеет почуять тренд и вписаться в него, и у тех, кто такой чуйкой не обладает, — разные предпринимательские судьбы.

К Бугакову судьба была благосклонна. Кроме чуйки он был одарен мощнейшим государственным мышлением. К его доводам прислушивались даже первые лица страны, в частности президент Путин, с которым он час сидел в Ново-Огарево и глаза в глаза в свободной беседе объяснял, что необходимо сделать, чтобы сельское хозяйство России вздохнуло.

«Я много стран проехал, — рассказывал “колхозник” из Сибири. — И нигде не видел сверхбогатого и счастливого крестьянина. Нет таких, не существует. В любой стране мира крестьянский труд тяжел и неблагодарен. Но печально то, что в России к этому общемировому правилу добавили и бестолковые реформы.

Бесконечные эксперименты — укрупнения, разукрупнения, переселения, реорганизации — не дали АПК ни эффективности, ни устойчивости. А главное — не смогли накормить страну. Даже итог “благополучных” советских лет удручает: к 1984 году мы ежегодно закупали в Америке и Канаде 40 миллионов тонн зерна.

Сегодня Япония выращивает рис, который обходится стране в десять раз дороже, чем если бы она закупала его, например, во Вьетнаме. Тем не менее японцы продолжают его выращивать! Когда я спросил одного из них, зачем, он ответил: “Чтобы не потерять дух самураев”. Вот чему стоило бы поучиться! А наши правители в голос твердили одно: “Запад нас накормит”.

Накормил? Да просто свалил в Россию все собственное продовольственное барахло. Что мы ели в 90-х? Импортную колбасу, по сравнению с которой наша советская по два двадцать была элитным продуктом. “Ножки Буша”, напичканные гормонами. Однако и в этих чудовищных условиях российское сельское хозяйство сумело выжить — столь крепка в нашем народе крестьянская традиция.

И сегодня — дай любой бабушке задание отобрать из своего урожая морковку длиной не более пятнадцати сантиметров, обрезать у ней хвостики, помыть и разложить по пакетам, она сделает это не хуже любого австрийского фермера. Но никто не берет на себя ответственность организовать полную собственную продовольственную безопасность».

Однажды у Бугакова гостил посол Германии в России, который в приватной беседе признался: «Будучи в Москве, я покупаю продукты только российского производства. Потому что сегодня они — самые натуральные и чистые». Юрий Федорович, конечно, разговор поддержал и сделал вид, что горд за страну, вот только он знал, отчего у русской продукции образовалась такая «исключительная» чистота. Не от хорошей жизни. По финансовым причинам наши аграрии не в состоянии пичкать землю удобрениями так, как это делают в развитых странах. Для получения равноценного урожая нам требуются гораздо большие площади и трудозатраты.

Но раз бедность внезапно из недостатка стала достоинством и сделала российское сельское хозяйство органическим и востребованным, то нужно этим обстоятельством умело пользоваться. Ведь если растениеводство чистое, то и продукты животноводства — на порядок чище.

Свое понимание состояния отрасли и горечь от того, что «Ирмень» стоит в ней особняком, и изложил Юрий Федорович президенту.

— Зачем мы связались с «ножками Буша», что — курятины не можем произвести?

— Это политика, Юрий Федорович. О чем бы я с Бушем ни говорил, он обязательно спросит: покупает ли Россия американскую курицу?

— Но в наших ли интересах поддерживать такую политику?

Тогда Бугаков был услышан частично.

После разговора в Ново-Огарево по просьбе сибирского председателя были изменены условия лизинга сельскохозяйственной техники, а часть удобрений, уходивших на экспорт, стала оставаться в стране. Что касается кардинального изменения отношения к сельскому хозяйству в целом, то Юрию Федоровичу при жизни увидеть этого не довелось. Возможно, больше повезет его сыну.

Он сделал для своей страны все, что мог. Пытался изменить жизнь на земле, вкладывая в это все силы и душу, не требуя памятников при жизни и не придавая большого значения шепоткам завистников. Жил собственным умом. Шел туда, куда подсказывало сердце, даже если путь лежал перпендикулярно общепринятому.

Он был живым со всеми присущими любому человеку сомнениями, ошибками, победами и поражениями, внутренними и внешними конфликтами, болезнями, удачами, разочарованиями… Работал в тех же условиях, что и все, и переживал такие сложные времена, которые врагу не пожелаешь.

Однако у него получилось стать успешнее многих. Следуя напутствию матери, он всегда придерживался еще и столыпинского принципа: «для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности».

В чем в чем, а в малодушии Бугакова упрекнуть не может никто.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Лирическая

— Я очень счастливый человек. Мое счастье простое — в работе и в семье, но работа для меня — все.

Свою жену Антонину Ивановну Юрий Федорович Бугаков отбил у младшего брата. Вот как он об этом рассказывал:

— Вернулся я из армии и шел как-то в военной форме пограничной из военкомата. Смотрю, впереди меня идет стройная дивчина, сумку тяжелую несет. Я подошел: «Давайте помогу!»

Это был ноябрь 1959 года. Девятнадцатилетняя Тоня Корепанова, которая только окончила Новосибирский техникум книжной торговли, приехала в Ордынку на практику. Снимала комнатку у местной бабушки и работала в книжном магазине, предлагая покупателям имеющийся послевоенный ассортимент: от русской и зарубежной классики до учебников. Конечно, скучала по маме, поэтому каждые выходные ездила в Новосибирск.

ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ БУГАКОВА

В тот день, когда судьба свела будущих супругов на ордынской улочке, девушка возвращалась из города. Несла припасы: мамины соленья и огромного замороженного гуся. Обернулась — парень в военной форме. Ничего, симпатичный. А дембель-пограничник пришел в восторг от ямочек на раскрасневшихся от мороза девичьих щеках.

Слово за слово познакомились. Для нее сумка — почти неподъемна, для него — будто пушинка, ведь солдат вернулся с армейской службы, где привык к серьезным нагрузкам. Так что донес без труда, распрощался, но чудесные ямочки на щеках запомнил.

— Ну а вечером, — вспоминал он дальше, — пошли мы с братом на танцы и зашли по пути к его подруге. Оказалось, что это тот дом, куда я сумку принес, и та дивчина, которую я провожал! Ладно, пошли втроем, а после танцев снова вместе проводили ее до дома. Но я был старший, поэтому настойчиво говорю брату: «Саш, что ты будешь здесь стоять? Иди-ка лучше домой!» Он ушел, а мы с Антониной Ивановной остались.

Вышло, что на шестьдесят лет.

А ведь Тоня могла тогда и не проявить благосклонности к бывшему пограничнику! В год знакомства со своей невестой Юрий Бугаков был далеко не лучшей партией для образованной девушки-продавца. Великовозрастный ученик седьмого класса вечерней школы. Курсант-водитель автотранспортного предприятия. Живет с мамой. Две младших сестры и брат, которых еще ставить на ноги. Особо зариться не на что.

Но зато какая у нового ухажера целеустремленность!

Будучи не по годам взрослым, практически главой семьи, он в армии только набрался мужественности. Служил в пограничных войсках в Заполярье. На место службы отбыл в составе новосибирского и челябинского призыва в товарном вагоне с печкой-буржуйкой посередине, которая грела только тех, кому повезло сесть ближе к центру. Остальных на нарах у стен продувало насквозь. Поезд полз из Сибири на Русский Север десять ноябрьских суток, и когда новобранцев выгрузили в Мурманске, они не только хлюпали носами, но и плохо стояли на ногах — так укачало.

В гарнизоне условия были спартанские. Умываться бегали и зимой, и летом к озеру за восемь километров. До стрельбища — снова бегом, уже по восемнадцать километров и в полной амуниции. Дисциплина крайне жесткая, послаблений нет. В крае вечной мерзлоты Юрий научился управлять вельботом и водить многотонные автомобили по невероятно сложной и опасной дороге от Мурманска до Кольского полуострова через Чертов перевал.

В свои двадцать военнослужащий запаса Юрий Бугаков был вполне сформировавшимся, способным брать на себя ответственность, решительным и надежным мужчиной. А то, что необразованный, — так это дело поправимое! В первый год учебы в вечерней школе он поставил перед собой цель поступить в сельхозинститут, и по всему было видно, что своего добьется.

Кроме того, не успел он поменять фуражку с зеленым околышем на шапку-ушанку, как девушки на ордынских улицах начали засматриваться на выглядывающие из-под нее кудри. И не только на кудри. Несмотря на скромные возможности, с юных лет Юрий любил красиво одеться. И если появлялся шанс щегольнуть, то его не упускал. Незадолго до армии в гости к Бугаковым приезжала из Владивостока отцова сестра тетя Вера, муж которой работал капитаном дальнего плавания. В числе подарков она привезла родне и отрез шикарного импортного бостона.

Думали в семье про этот кусок заграничной ткани недолго: решили порадовать парней. И сшили для Юры и Саши первые в их жизни костюмы. Надевали эту роскошь братья нечасто, но если выходили в кино или на танцы, то однозначно оказывались в центре внимания всей Ордынки.

Тоня была куда скромнее. Даже на собственное бракосочетание надела простенькое розовое крепленовое платье и отказалась от фаты. В послевоенные годы пышные свадьбы вообще не были приняты: после загса молодых обычно поздравляли скромно, по-семейному — в родительском доме. Вот и супруги Бугаковы в августе 1960-го в честь торжественного события устроили лишь небольшую вечеринку.

Молодой муж привел свою избранницу в дом, где в первую очередь хозяйкой была его мама Мария Макаровна. Несмотря на то, что ради невестки родным пришлось потесниться, все неудобства компенсировала установленная ею строгая, но дружелюбная атмосфера в доме. «Матушка была волевая женщина, мы не ругались, был порядок», — вспоминал эти годы Юрий Федорович.

Вскоре Бугаковым удалось разместиться немного просторнее: они переехали в дом на проспекте Революции. Однако семейство продолжало разрастаться: сначала женился Саша, потом вышла замуж Тамара, появились первые дети, и одиннадцать человек снова с трудом помещались в ограниченном жилом пространстве. «Как в муравейнике!» — шутил Юрий Федорович. Когда у них с Тоней родился первенец, бессонницу малыш «обеспечил» всем.

По воспоминаниям родных, Олег рос очень беспокойным, укачивать его приходилось ночи напролет. Чтобы меньше мешать родным, Юре пришлось проявлять мужскую смекалку.

Дело в том, что в ожидании жены из роддома он не смог найти в магазинах детскую кроватку. Тогда молодой отец придумал выход: сколотил между собой крестнакрест деревянные брусья, натянул между ними брезент, и вот в этой самодельной колыбели и качал сына. Поставит тряпичный «гамак» рядом с кроватью, и пока сон не сморит, они с женой попеременке убаюкивают малыша всю ночь.

В 60-х в стране не было больших декретных отпусков, и женщинам полагалось выходить на работу через два месяца после родов. А Тоня Бугакова вдобавок училась заочно в торговом институте, что отнимало немало времени. Поэтому маленького Олежку было решено поручить заботам его юной тетки — школьницы Людмилы. В жаркое сибирское лето 61-го, когда все ее подружки пропадали на Оби, девчонка вынуждена была сидеть дома с племянником. И тогда она придумала, как себе помочь! Крепко пеленала крохотного Олега, укладывала его в деревянную тележку и катила на речку. А чтобы не спалиться перед братом, обязательно брала будильник. Пока Олег спал, успевала искупаться, потом на дорожку окунала пару раз в обскую воду малыша, и — бегом домой. Чтобы как ни в чем не бывало встретить взрослых с работы.

Первый собственный угол у семьи Юрия Федоровича появился, когда его, уже корреспондента районной газеты, пригласили работать в райком. Новому сотруднику, зная о его стесненных условиях, предложили трехкомнатную квартиру. Вроде бы радоваться такой удаче, но Бугаков шел домой унылый. «Как сказать матери, что я отделяюсь от нее? Об этом невозможно было даже заикнуться».

Интуиция его не обманула — разговор с мамой закончился слезами.

— Вот я вас вырастила, а вы все разъезжаетесь! — в сердцах бросила Юрию Мария Макаровна.

Но у сына уже было решение.

— Мама, никто тебя не бросает, ты переедешь вместе с нами.

После этих слов она «маленько оклемалась», успокоилась и, действительно, до смерти жила в доме старшего сына: сначала в Ордынске, а потом в Ирмени, куда пару лет спустя навсегда переехали Юра с Тоней.

Это село круто изменило жизненный уклад Юрия Бугакова: здесь его семья значительно выросла. И не только потому, что родился второй ребенок — дочь Света. Просто в сердце любящего сына, мужа и отца нашлось место еще для одной зазнобы — Ирмени. Любовь к ее людям, ее просторам, ее неброской красоте и особому укладу поселилась в его душе навсегда.

Детьми в деревне занималась в основном Антонина Ивановна, так как главу семьи застать дома было практически невозможно.

Для полноценной жизни молодому председателю колхоза было категорически мало собственных четырех, пусть и вполне благоустроенных стен. Отвлекаться от дел, отдыхать и расслабляться он не умел, и домашним посиделкам, как и любой охоте, рыбалке или даже путешествиям на моря, предпочитал работу. Когда появились новогодние каникулы, говорил: «Что десять дней дома делать? С ума сойти можно!» И утром первого января, какой бы ни был мороз, заводил машину и ехал по фермам и бригадам. А летом для него лучшим отдыхом были «инспекторские» вылазки на поля, куда он обычно брал с собой ребятишек.

«Счастлив тот, у кого есть любимое дело, — говорил Юрий Федорович. — Я очень счастливый человек. Мое счастье простое — в работе и в семье, но работа для меня — все».

Удивительно, что Антонина Ивановна с наличием такой «соперницы» согласилась: никогда от жены не было слышно упреков, что муж часто отсутствует, уходит из дома ни свет ни заря и возвращается, когда стемнеет.

Соглашалась она и с его строгим подходом к воспитанию детей. «Мы воспитываем их не тогда, когда воспитываем, а когда просто живем, — считал Бугаков. — Если жить нормально, тогда и дети будут нормальные. А если им только нотации каждый день читать — это не воспитание. Грамм собственного опыта всегда дороже тонны чужих наставлений. Я предпочитал воспитывать собственной жизнью».

Но поскольку жизнь часто вынуждала его быть жестким, то и домашним на этом фоне порой перепадало. Глава семьи любил, чтобы его слушали и подчинялись.

Антонина Ивановна была не такой взрывной по характеру, что совсем не означало отсутствия у нее собственного мнения. Оно всегда было, и она его отстаивала. В основном, конечно, в отношении детей: мать обычно вставала на их сторону, что бы они ни натворили. В такие минуты в доме все затихали: сын и дочь знали, как после очередного напряженного разговора родителям важно помириться.

Отец переживал размолвки сильнее, но первой всегда делала шаг навстречу его мудрая жена. Даже если с вечера не разговаривали, утром она его будила: «Юра, что не встаешь? Завтрак готов». Вместе с этими простыми словами вчерашние тучи рассеивались, погода в доме становилась ясной.

На работу Юрий Федорович уходил с легким сердцем.

ОТЦОВСКАЯ ШКОЛА

Олег Юрьевич Бугаков

сын, председатель ЗАО «Племзавод «ИРМЕНЬ»

Без малого полвека стоял Юрий Федорович Бугаков во главе «Ирмени». За эти годы создал уникальное сельхозпредприятие, которое по праву заняло лидирующие позиции в своей стране и получило признание на мировом уровне. Дело всей его жизни надо продолжать. Продолжать так, как того требует память о нем, сыновняя благодарность и наша общая фамилия.

— Сила «Ирмени» — не в современной технике, не в хорошей прибыли и не в рекордных надоях. Сила — в той атмосфере уважения, которую за полвека своей работы на посту председателя создал мой отец Юрий Федорович Бугаков. Он очень ценил рядовой, незаметный, не ради медалей, но, по сути, геройский труд. Не на словах, а на деле старался, чтобы те, кто работает на совесть, жили хорошо. Каждым дорожил, к каждому подходил с душой, а если требовалось, не скупясь, помогал и поддерживал.

Несмотря на жесткий характер и железную волю, людей мой отец любил.

Они чувствовали это и отвечали взаимностью — вот и весь секрет успешного хозяйства под названием «Ирмень».

Скажу не как сын, а как гражданин России. Юрий Федорович Бугаков — это государственный человек, который полностью отдал себя служению людям, земле, родине. Таких и в советские годы были единицы, а сейчас — тем более. Все 48 лет на посту председателя он достойно нес груз ответственности и за хозяйство, и за село в целом. Много вкладывал в развитие Ирмени, опираясь в основном на собственные инвестиции, потому что придерживался принципа «по одежке протягивай ножки». Считал, что стыдно, имея землю, залезать в поисках кредитов в карман государству и отнимать деньги у врачей и учителей.

С таким подходом я более чем согласен: основа основ Ирмени — это действительно земля и люди. Это фундамент, который дает нашему хозяйству возможность всегда крепко стоять на ногах. И так судьба распорядилась, что сегодня укреплять его, продолжая дело жизни Юрия Федоровича Бугакова, выпало мне.

Раньше я и слышать не хотел о том, чтобы когда-нибудь сменить отца на этом посту. Заданная им планка

в некотором смысле была недосягаемой. Работать, как он, было нереально, а хуже — не по мне. В течение двадцати лет я ощущал себя вполне на своем месте в качестве бригадира второй полеводческой бригады. У нас было самое прорывное подразделение в хозяйстве: ученые постоянно трудились, новые технологии внедряли, первый посевной комплекс начал работать при мне… Считал и всегда считать буду, что это были лучшие мои годы. Бригада наша не только рекорды урожайности ставила, но и отличалась замечательной человеческой атмосферой. Все двадцать лет главным в ней был принцип взаимовыручки, а в случае, если «накосячили», — возможность сказать все друг другу прямо в глаза.

Мне нравились и такая поддержка, и такая прямота. Как и отца, высокие посты меня никогда не интересовали. Но рано или поздно эту тему поднять пришлось. Председатель «Ирмени» всегда думал о будущем, и настал день, когда он решил вызвать меня на прямой разговор.

Размазывать не стал, сказал как отрезал: «Оставляешь бригаду и идешь ко мне замом».

Новость эту я поначалу принял в штыки. И согласие свое дал далеко не сразу. Работать с отцом было не сахар: в нашем хозяйстве все знали, насколько он требователен. А по отношению ко мне — особенно. Разговаривать предпочитал в основном в приказной манере, постоянно подчеркивал, что на работе родственников нет, и спрашивал с моей бригады строже, чем с других. Он и в детстве-то меня никогда особо не баловал, благ и удобств не создавал, считал, что парню для закалки характера требуются спартанские условия. Отец хотел, чтобы никто и никогда в Ирмени не мог назвать меня «председательским сынком».

Но иногда его чрезмерная требовательность зашкаливала. Дважды за свою биографию после «вежливых» бесед с председателем я писал заявление на расчет.

Правда, оба раза забирал. Ведь зла он долго не держал и, несмотря на суровый характер, мог не только признать, что не прав, но и попросить прощения. Сначала вскипит, затем жалеет, начинает через каждые пять минут звонить: «Ты где? Зайди ко мне». Зайдешь, заведет сначала разговор совсем на другую тему, а потом шипом-шипом снова к своему. Так потихоньку к себе в замы и уговорил.

Хотя, честно говоря, в глубине души я уже и при первом разговоре понимал: сколько ни спорь, а отцу помогать надо. У него за Ирмень душа болит. А что до разногласий, так они у нас по жизни были постоянно: он — свое, я — свое. Ничего не поделаешь, характер-то один!

Помню, как мы спорили с ним чуть не до хрипоты, когда я в 70-е годы отказался поступать в военное училище. Отцу тогда казалось, что это лучший выбор для настоящего мужчины, ведь в советское время служба в армии была одной из престижных и уважаемых в стране.

Вот только я, как и он, мечтал работать на земле. Поэтому, когда подошел срок ехать на экзамены, уперся не на шутку: «Хоть что со мной делай, ни в какое военное не пойду». В итоге с большим трудом, но выбор свой отвоевал и учиться пошел на агронома.

Такое решение было для меня единственно верным. Все детство я провел рядом с отцом: он постоянно брал меня с собой на работу, показывал весенние и осенние поля, восхищался их красотой. Мы вместе смотрели, как идут по пшенице комбайны, слушали в тишине жаворонка, а еще часто буксовали в уазике на разбитых дорогах. По сути, предопределил мое будущее. И пусть я к мальчикам-паинькам никогда не относился и своим непослушанием огорчал отца не раз, но и он был не из шибко послушных. Поэтому в конце концов согласился с моей самостоятельностью. Когда на третьем курсе сельхозинститута после одной слишком веселой вечеринки меня выгнали из общежития и целый год я вынужден был попадать в свою комнату на шестом этаже с помощью пожарной лестницы, сказал только: «Живи как хочешь».

У одного поэта есть строчки: «Папы разные бывают, но когда проходят дни, сыновья их вырастают точка в точку, как они». Меня тоже, как и моего отца, никогда не привлекали городские райские кущи. Для меня тоже Ирмень стала выбором один раз и навсегда. Так что споры спорами, но жизнь показала, что в главном мы с ним похожи: нам обоим больше всего по душе работа на земле. Поэтому, поразмыслив и поняв все его переживания, я оторвал от сердца свою родную вторую бригаду и на 11 лет ушел к нему в замы.

В эти годы бывало всякое, но хорошего — больше. Каждый наш общий успех, каждая ситуация, которую мы вместе проживали, каждый день плечом к плечу с руководителем такого масштаба, как мой отец, становились для меня мощнейшей школой. В первую очередь я учился принимать решения — одни оперативно, другие — после паузы. Видел его железную твердость, впитывал каждую его интонацию. Председатель ведь не может сказать «я не знаю», он обязан каждый день выбирать либо «да», либо «нет». Так что вся жизнь отца для меня — один большой урок. На верность себе и уважение к людям.

Если возникали неразрешимые вопросы, куда я шел? Конечно, к нему. Поговорим — и все разруливается. Поэтому в минуты, когда возникает очередная сложная проблема, моя первая мысль о том, как бы в этом случае поступил мой отец.

Я считаю себя счастливейшим человеком, потому что он у меня был. Хотя почему был? Он всегда со мной. Когда вхожу в его комнату. Когда надо принять решение, а я мучаюсь от сомнений. Когда смотрю на своих внуков — его правнуков. Вся моя жизнь — его благословение. Он доверил «Ирмень» именно мне, и это доверие — главное мое отцовское наследство. Я стараюсь его оправдывать, проводя каждый рабочий день, будто держу экзамен перед отцом.

Да, Юрий Федорович Бугаков был человеком государственного масштаба, внесшим колоссальный вклад в развитие сельского хозяйства Новосибирской области и всей России. Заменить его невозможно. Однако 2021 год доказал: благодаря сплоченности и трудолюбию коллектив, который он создал, стойко переносит любые стрессы. «Ирмень» по-прежнему уверенно стоит на ногах и добивается достойных результатов. Все, что мы намеревались сделать в 2021 году — первом году без него, мы сделали: сохранили и даже нарастили урожайность и продуктивность и продолжили большую стройку.

Мы запустили в эксплуатацию сухостойный двор на 420 голов, телятник на 130 голов и силосную яму на 200 тысяч тонн. Смогли стать вторыми во Всероссийском рейтинге ведущих молочных хозяйств. Безусловно, это повод для гордости всего нашего коллектива и доказательство того, что мы на верном пути.

Каждый день из «Ирмени» в Новосибирск и по другим адресам отправляется около 140 тонн молочной продукции. Но бывает, мы недовыполняем заявок примерно тонн на 15–20. Поэтому ближайшая наша задача — поднять численность дойного стада до четырех тысяч голов. Так завещал Юрий Федорович, который всегда мечтал о более серьезном поголовье, и мы к этому показателю придем.

Несмотря ни на что, не отказываемся мы и от поддержки социальной сферы: в 2020 году направили на эти цели 230 миллионов рублей, в 2021-м — 254 миллиона. И это тоже завет моего отца. Мы продолжим его дело, будем работать так, как он нас учил: слаженно, с полной отдачей и ответственностью.

Без малого полвека стоял Юрий Федорович Бугаков во главе «Ирмени». За эти годы создал уникальное сельхозпредприятие, которое по праву заняло лидирующие позиции в своей стране и получило признание на мировом уровне. Дело всей его жизни надо продолжать. Продолжать так, как того требует память о нем, сыновняя благодарность и наша общая фамилия.

ВЕЧНОЕ СОЗВУЧИЕ

Светлана Юрьевна Иванова

дочь

Незабываемой картинкой в моей памяти осталась зимняя ирменская рань. На улице темно, дворник еще не успел обмести снег с детсадовского крыльца, на обе группы горит один фонарь, высвечивая матрешек на окне. Мы с отцом почти всегда приходили в садик первыми. Я плакала, не хотела с ним расставаться, а он уговаривал, что день пролетит незаметно и вечером он меня заберет.

— Папа…

У нас всегда было чувство, что он всех нас переживет, нам было трудно представить мир без него. Это была наша основа, ядро, вокруг которого все крутилось. Сколько в нем было сил! На целый век. Я не могла себе представить, что этот век закончится.

Но, к сожалению, внутри нашей жизни заложен часовой механизм. И сегодня, когда он внезапно сработал, мне по-прежнему легче думать, что папа где-то рядом, просто вышел ненадолго. Когда закрываю глаза, снова, будто наяву, вижу, как он сидит в своем кресле с чашкой чая в руке, смотрит телевизор или о чем-то задумался. Иногда в пустоте и вправду прозвенит на миг неуловимый звук, будто чашка задела блюдце.

Он часто снится мне под утро. Особо не разговаривает, в основном мы: «Папа, как же долго тебя не было!» Тогда он как будто с укором посмотрит на шкаф, где до сих пор висят его домашние рубашки: «Когда ты уже их уберешь?» Как будто хочет полностью освободить место. А я не знаю, что делать с его вещами — ни раздать, ни спрятать рука не поднимается. Потом уходит. А у меня остается ощущение вины: почему я не позвала его за стол, почему он не завтракает с нами и как могла приготовить не то, что позволено при его диете…

Я страдаю от невозможности обнять своего отца. При его жизни делала это редко, хотя порой ужасно хотелось. Сейчас очень жалею об этом. Но так часто бывает: мы иногда подавляем свои искренние желания — обнять, сказать больше добрых, ласковых слов. В нашей семье не принято было слишком открыто выражать чувства. Моим родителям досталось тяжелое военное и послевоенное детство, главным для их матерей было выжить и сохранить своих детей. Не до нежностей и ласк.

Хотите знать, как в детстве мне представлялось семейное счастье? Это когда в выходные дни вся семья — папа, мама, бабушка и мы с братом — собирается за завтраком. На столе два огромных блюда с пирогами, у всех хорошее настроение, много тем для бесед, и мама с папой красиво подпевают друг другу…

Так было у нас.

Папа — строгий, принципиальный, часто вспыльчивый, словно натянутая тетива. Мама наоборот — очень мягкая, душевная. Казалось бы, две противоположности, но они удивительно дополняли друг друга. У них была масса общих тем, им всегда было о чем поговорить. Мама разделяла все отцовские интересы и поддерживала его во всех делах. И хотя он по жизни надеялся только на себя, ему было очень важно мамино мнение.

В детстве я любила слушать, как они пели дуэтом. Это было гармоничное созвучие. У папы был очень красивый голос, которым он гордился. А мама, хоть и критиковала его иногда за неправильную тональность или мотив, всегда ему подпевала. Она любила украинские песни, которые знала с детства. Дивный украинский язык, положенный на мамин голос, так брал за душу, трогал своей нежностью и мелодичностью, что остался во мне навсегда: «Ніч яка місячна» («Ночь какая лунная»), «Черемшина», «Песня про рушник», «Два кольори»…

Не помню, чтобы в детстве родители нас целенаправленно воспитывали, папа был убежденным сторонником того, что лучшее воспитание — это собственный пример. Мы видели заботливых, любящих, очень трудолюбивых родителей, которым интересны жизнь, люди и работа. Работой они были увлечены по-настоящему. На этом примере росли и мы.

Главным в нашем доме с папиной подачи было слово «надо». Если отец сказал «надо сделать», это не обсуждалось, просто шли и делали. Перечить было нельзя. И хотя в детстве нам с братом это не всегда нравилось, в итоге я выросла точно такой же — с огромным уважением к слову «надо».

Не припомню, чтобы папа хоть раз меня шлепнул. Или поставил в угол. Но при этом он мог найти такие слова и сказать их так, что запомнишь на всю жизнь. Открыла, например, окна в доме, налетели мухи, отчитает — мало не покажется. Или застанет за быстрыми постирушками в раковине — отругает от души: так не делается, на всю жизнь урок.

Но дороже мне другие воспоминания из детства.

Как мы смотрим телевизор по вечерам, я засыпаю, а он берет меня осторожно на руки и несет в кровать.

Как я кладу свою маленькую ладошку в его уверенную, сильную руку и мы вместе идем к нему на работу. Он шагает так широко, что я еле успеваю, но бегу, поспешаю, потому что мне очень хочется побывать в зале для собраний, где есть школьная доска, мелки и указка. И пока папа занят делами, я смогу с удовольствием поиграть в школу, где я учительница и в зале полно воображаемых учеников. Папа считал, что учитель, воспитатель — это лучшие профессии для женщины, и всегда поддерживал мое желание педагогом. Тем более что видел, насколько я люблю возиться с маленькими детьми.

Так и случилось, я получила профессию учителя-логопеда и всю жизнь работаю с речевыми нарушениями у детей.

Незабываемой картинкой в памяти осталась и зимняя ирменская рань. На улице темно, дворник еще не успел обмести снег с детсадовского крыльца, на обе группы горит один фонарь, высвечивая матрешек на окне. Мы с папой почти всегда приходили в садик первыми. Я плакала, не хотела с ним расставаться, а он уговаривал, что день пролетит незаметно, и обещал забрать вечером. Честно скажу, иногда обещание не выполнял, приходила мама. Своего отца в детстве я вообще видела редко. Но сегодня, не могу сказать, что мне его не хватало. Потому что если у него выдавалась пара свободных часов, то он заполнял собой все наше детское пространство.

Что у него ни спроси, ответ один:

— Папа, а ты можешь?..
— Запомни, я все могу!
— Папа, а ты знаешь?..
— Светочка, я все знаю!

Для меня, ребенка, папа был целой вселенной — он мог все на свете и знал все! А я для него — «ангелом-хранителем», так он называл меня в детстве.

Я думаю, что мои родители всегда были спокойны за меня. Я росла домашней девочкой, когда уехала учиться в Новосибирск, единственное, что их тревожило, моя недостаточная самостоятельность. Они боялись, что вдалеке от дома меня может кто-то обидеть. Умение быть самостоятельной, уверенной в своих силах пришло с годами. Папа всегда знал, что происходит в моей жизни, много раз давал мудрые и полезные советы. Не всегда я прислушивалась — знаете, извечное противостояние отцов и детей, но жизнь все чаще доказывала, что папа был прав. Он не учил, как поступать, просто давал возможность ошибаться и самой исправлять свои ошибки.

Да, у нас возникали конфликты, после чего мы оба очень переживали. Но высказать свое, отличное от папиного мнение мне порой было необходимо. Я думаю, что он понимал меня. Сейчас грустно от того, что я чем-то могла его обидеть. Сто раз бы попросила прощения.

Мы с Олегом всегда знали: за всей папиной строгостью, за всеми его требованиями «соответствовать» и «выполнять» было столько любви, что в критических ситуациях она была способна накрыть мощной волной любую битву характеров. И этим отцовским правилом я с детства пропитана: если в душе любовь, уступить не зазорно.

За пределами семьи очень жесткий руководитель, дома, рядом с мамой, в кругу семьи он отвлекался от работы. Любил шутить, рассказывать интересные случаи из жизни, вспоминать свое детство. Он был удивительным рассказчиком, слушать его мы могли часами. Очень любил внуков, правнуков, обожал проводить

с ними время, умилялся, наблюдая, как они играют. Никакие наши жизненные проблемы не оставались без папиного внимания и участия. Удивительно, как его на нас всех хватало!

Папа никогда не скрывал, что мечтал быть во всем первым. Жизнь воспитала в нем такую черту характера, как стремление к безусловному лидерству. Вторые роли для него были невозможны.

В минуты редкого откровенного общения он раскрывал внутреннюю мотивацию такого лидерства. Она была очень простой: ему в жизни никогда и ничего не давалось легко. Никогда и ничего само не падало к ногам, манна небесная с неба не сыпалась. Нужны были воля, упорство, знания — только тогда приходил успех.

Он делился: «Не знаю почему, но с первого раза у меня редко что получалось. Это было очень обидно, потому что быть в хвосте я не терпел. И тогда я выбирал единственно возможный для себя выход: сидел до последнего — хоть на учебе, хоть на работе. Пусть выйду за полночь, но сделаю! И обязательно лучше всех!»

Думаю, еще одним источником удивительного упорства и трудолюбия была наследственность. Ведь оба его деда, наших прадеда, были властными и характерными. У дальневосточного деда в доме всегда было сытно и строго по полочкам. Помню, если сало нарежет, то очень аккуратно, правильными кусочками и всем раздаст поровну. Второй дед, по материнской линии, хоть и раскулаченный, но привычку к достатку сохранил на всю жизнь и голью перекатной, несмотря ни на что, никогда не был.

Конечно, свою роль в воспитании известного на всю Сибирь характера моего отца сыграло военное детство. Когда бабушка осталась одна с четырьмя детьми, двое старших сыновей Юрий и Александр самостоятельно от первого колышка и до венца построили дом в рабочем поселке в Ордынске. Целый дом! В отрочестве! Такой опыт у любого ребенка неизбежно закрепляет в памяти вкус настоящего большого дела и победы.

Незыблемым правилом у папы считалось, что у его семьи всегда должен быть дом — полная чаша. Ради этого и трудился от зари до зари. И хотел, чтобы мы это понимали и ценили. Любил большие семейные праздники, когда мы все вместе собирались за богато накрытым столом. Не прийти к ним в такой день было нельзя, невозможно даже представить. Робкое «не получается» оправданием служить не могло.

И сегодня, когда моего папы нет рядом, я думаю: какое это счастье было приходить в родительский дом! Когда с порога понимаешь — это самая спокойная, тихая и надежная гавань твоей жизни, где всегда любят, ждут и всегда тебе рады.

Сегодня наш долг перед родителями и следующими поколениями наших детей, внуков — это память. Не только потому, что главным в жизни остается отцовское слово «надо», но и потому, что так просит душа, что для моего папы память о близких всегда была святой.

МОЕ ВТОРОЕ ОТЧЕСТВО

Ольга Павловна Бугакова

НЕВЕСТКА

Все детство, приходя в гости к дяде Ване, я встречала там и Юрия Федоровича — молодого парторга, который приехал в Верх-Ирмень в конце 60-х. И он, как потом рассказывал, тоже приметил хорошенькую девочку с большими белыми бантами. Пятьдесят лет спустя на моем юбилее даже признался, что, увидев меня тогда в бантах, подумал: «Вот бы моему Олегу такую невесту!»

— Так случилось, что родного отца я потеряла в восемь лет. Он погиб, и мы с мамой уехали из Армении. Но спустя годы судьба подарила мне и возвращение в родное село, и второго отца. Им стал Юрий Федорович Бугаков.

Назвала я его папой, уже будучи взрослой. Не могу сказать, что далось это легко — в первые дни после свадьбы я чувствовала некоторое внутреннее смущение. Но мы живем в деревне, где в семьях принято звать свекра именно так. Поэтому, несмотря на то, что я много лет не произносила этого забытого слова, оно удивительным образом снова обрело место в моей жизни.

Юрий Федорович был для нашей семьи не чужим человеком. Дело в том, что его предшественник на посту председателя колхоза «Большевик» Иван Яковлевич Овчаренко — старший брат моей мамы, мой родной дядя. И примерно лет с пяти, приходя в гости к дяде Ване, я часто встречала там его молодого заместителя, который только приехал в Верх-Ирмень. Да и Юрий Федорович, как потом рассказывал, тоже приметил хорошенькую беленькую девочку с большими бантами. Пятьдесят лет спустя на моем юбилее даже признался, что, увидев меня тогда в бантах, подумал: «Вот бы моему Олегу такую невесту!»

Для меня эти слова стали откровением. Как такое возможно! Неужели человек способен предчувствовать событие за десятки лет до того, как оно произойдет?

Хотя в случае с Юрием Федоровичем можно как раз и не удивляться: он по жизни обладал талантом предвидения. И как руководитель, и как глава семьи. Я не знаю, почему, но так получалось, что отец всегда был прав. Если он считал что-то необходимым, можно не сомневаться — это реально лучшее решение.

Но в начале 70-х никто о родстве еще не помышлял. Большие банты вскоре канули в Лету.

Мы с мамой уехали в Новосибирск. Однако наша связь с Ирменью оказалась настолько крепкой, что, несмотря на расстояние в сто километров, не порвалась. Канву общей судьбы с селом плело само время: мы регулярно встречались с земляками на юбилеях и свадьбах общих друзей. В том числе и с семьей Бугаковых. Так что когда Олег впервые привел меня к себе домой, знакомиться с Юрием Федоровичем было не нужно. Девочку с бантами он хорошо помнил.

А вот Олега в отличие от его родителей я не знала. Он немного старше меня, в ирменской школе учился в период, когда мы уехали. А когда после возвращения в село я пришла в свой старый новый десятый класс, был студентом сельхозинститута.

Впервые в жизни своего будущего мужа я увидела на танцах. Он приехал на каникулы к родителям, заглянул во Дворец культуры, там и познакомились. А в 1983-м году поженились. И с первого моего появления в доме его родителей в качестве невестки я всегда чувствовала, что Юрий Федорович одобряет и поддерживает выбор сына.

Первые наши семейные годы были студенческими. Олег оканчивал сельхозинститут, я тоже туда поступила — сначала очно, а после рождения Кати перевелась на заочное. Когда приехали в деревню, года три жили вместе с его родителями. Работать я пошла к Юрию Федоровичу, в бухгалтерию колхоза «Большевик», благодаря чему получила возможность узнать этого легендарного человека с двух сторон — домашней и рабочей. В этот период слово «папа» и стало для меня абсолютно естественным. Родным.

В конторе я видела, как люди волновались, прежде чем зайти к нему в кабинет. Но не из-за страха попасть «на ковер», а скорее из уважения. Юрий Федорович был для всех огромным авторитетом. Потому что в его стиле управления, как в хорошем лекарстве, было больше полезного, чем горького: одновременно со строгим спросом он проявлял большую заботу о людях.

На работе пропадал сутками. Но не могу сказать, что из-за этого семья была обделена его вниманием. Да, его жизнь была посвящена в первую очередь колхозу, однако этой мощной энергетики, широкой хватки, радушного характера и отеческого расположения хватало на всех.

Как мой свекор относится ко мне, я почувствовала с первых дней в их с Антониной Ивановной доме. Несмотря на неизбежный период притирок, который проходит каждая молодая семья, обосновавшаяся под крышей родителей, мы прекрасно ладили. Я по характеру — человек уступчивый. Юрий Федорович — великолепный дипломат. Поэтому период привыкания мы прошли безболезненно, более того — внутренним чутьем я сразу поняла: случись что — он всегда будет на моей стороне.

И сегодня, когда я вступила в солидный возраст и имею невестку и зятя, по отношению к ним стараюсь поступать так же, как поступал он. Я всегда на их стороне. Юрий Федорович, когда меня кому-либо представлял, всегда говорил: «Это моя дочь». И я сейчас так говорю: «Наташа — моя дочь, а Леша — сынок».

Такое теплое отношение со стороны свекра не означало, что я немедленно начала этим пользоваться. Нет. Своих проблем никогда ни на кого не перекладывала, за поддержкой не бегала. Но в случае с Юрием Федоровичем этого и не нужно было, он все видел. И если что-то его беспокоило, то деликатно и ненавязчиво помогал. Это на работе у него была репутация жесткого человека, а дома он был любящим и заботливым. В отношении меня, например, мог заметить даже такие вещи, как одежду не по погоде. Он и вправду был мне не свекром — отцом.

А нашим детям — потрясающим дедом.

Внуки для него были главным событием в жизни. С нашей первой дочкой, его первой внучкой Катей, он нянчился, улучая каждую свободную минуту. И как светились при этом оба! Хоть лампочки выключай.

А двух своих следующих внуков он, по сути, вытащил с того света. Без дедовой помощи Юры с Димой сегодня просто могло бы не быть.

Когда Катя немножко подросла, мы со Светой почти одновременно родили сыновей. И так распорядилась судьба, что на долю обоих мальчиков в младенчестве выпали серьезные испытания. Юра в девять месяцев заболел сахарным диабетом. Для России 90-х это было немыслимо, наш сын стал вторым ребенком, которому поставили в стране этот диагноз. У Димы тоже оказалось серьезное заболевание. И только благодаря деду оба ребенка выжили.

Вспоминать свое состояние в те дни мне не хочется. Мы почти потеряли надежду: наш сын долгое время находился в реанимации. В борьбе за него Юрий Федорович дошел до Москвы и добился, чтобы из столицы санавиацией прилетел профессор Волков, чье вмешательство и спасло Юру.

Диму тоже отправил в московскую клинику. И как потом отмечали специалисты, очень вовремя. Если бы ребенок остался в Новосибирске, возможно, сейчас говорить было бы не о чем. Но, слава богу, что у нас был дед, который никогда не сдавался и не опускал рук. Относясь крайне чутко к вопросам здоровья, неважно — родных людей, чужих, он поднимал на ноги всех врачей и, не стесняясь, звонил им по нескольку раз в день, узнавая, как продвигается лечение.

Когда наш мальчик вырос, Юрий Федорович продолжил делать все, чтобы пожизненный диагноз не омрачал внуку жизнь. Будучи в курсе развития мировой медицины, он держал руку на пульсе новейших оздоровительных методик и технологий. Это сейчас хорошая диагностика и инструментарий, а двадцать лет назад инсулин нужно было ставить обычными шприцами. И тогда дед нашел для Юры современный вариант решения проблемы. Вычитав в прессе, что израильские врачи разработали специальную диабетическую помпу, отправил внука для ее установки за границу.

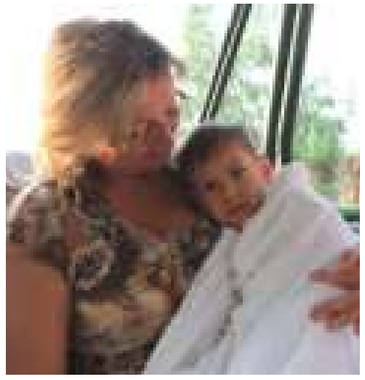
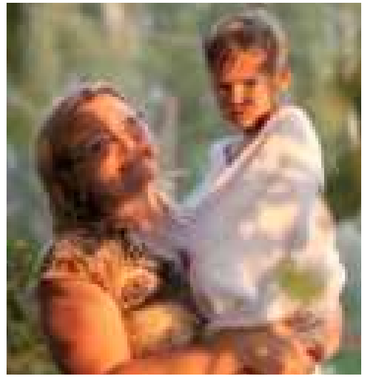
Как говорили наши дети, а сейчас говорят внуки, дедушка любил их «до Луны и обратно».

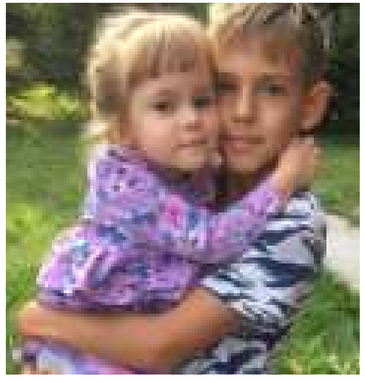
И я храню в душе огромную благодарность за все, что он сделал для нашей семьи. За все, что он сделал для меня.

Сегодня из всего моего рода на свете остался только двоюродный брат Виктор. Потеряв в тридцать два года маму, затем дядю Ваню, я смогла пережить это опустошающее одиночество только благодаря тому, что обрела новую семью. И я бы даже сказала — новое отчество.

Да, папа у человека в жизни может быть только один. Но, отдавая дань памяти и уважения родному папе, которого я лишилась очень рано, сейчас, уже вполне в солидном возрасте я могу с полным правом сказать, что приняла от судьбы удивительный подарок. Моего второго отца. Настоящего, сумевшего вновь дать мне, потерявшей родителей, ощущение заботы, тепла и доверия.

Свекром в жизни может стать любой, а вот отцом – только особенный человек.



СТАРШИЙ ПО ЗВАНИЮ

Петр Петрович Иванов

зять

Я — старший лейтенант запаса, человек военных правил, признающий незыблемость устава. Юрий Федорович — капитан. Я младше по возрасту, он — старше. В сравнении со мной он обладал недостижимым жизненным опытом, был мастером мудрых взвешенных решений. Его прогнозы — хоть в политике, хоть в домашнем хозяйстве — всегда были в десятку. Поэтому его старшинство в семье сомнению не подвергалось.

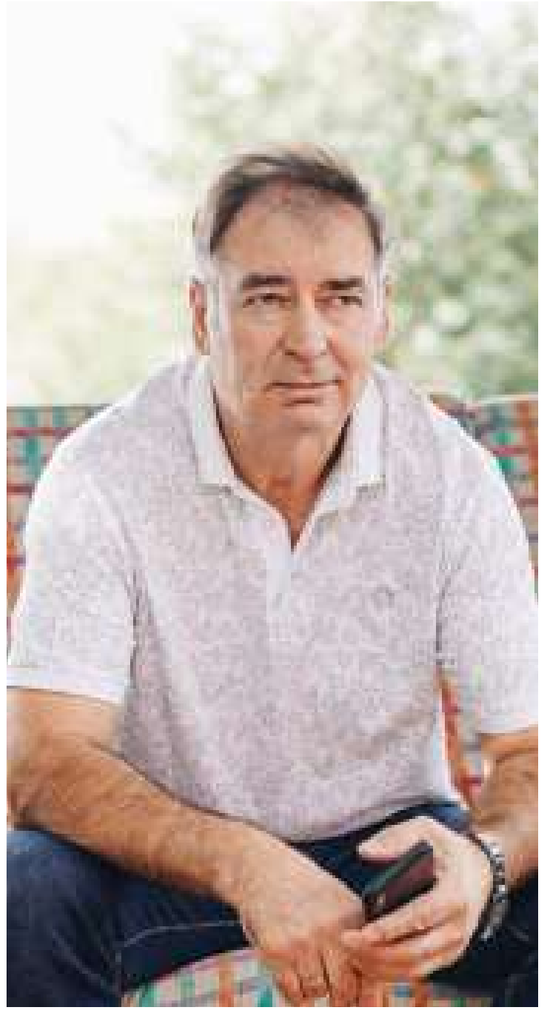
— 1987-й год. Я — солдат-срочник Советской армии. Юрий Федорович Бугаков — заслуженный председатель колхоза «Большевик». Я — уроженец Керчи, переехавший вместе с семьей в столицу Хакасии Абакан. Юрий Федорович — житель села Верх-Ирмень Новосибирской области. Мы даже не подозреваем о существовании друг друга. Но в нашей жизни уже случилось одно удивительное объединяющее событие.

В те годы был очень популярен журнал «Советский воин». И вот однажды на развороте его цветного иллюстрированного приложения редакция опубликовала большую фотографию одного из выпускников Новосибирского высшего военно-политического общевойскового училища имени 60-летия Великого Октября. Фамилию этого парня сейчас не вспомню, а вот его фото произвело на меня огромное впечатление: статный офицер стоит на красивом фоне в обнимку с невестой. А я уже знал, что буду поступать в это училище, и рука сама потянулась оставить эту картинку на память.

Так я и сделал. Выдернул страничку из журнала, положил в свои бумаги и благополучно забыл. На четыре года. До 1991-го, когда моей невестой, а затем женой стала Светлана Бугакова.

Дело в том, что на обороте вырезки был размещен один очень интересный материал. Статья о замечательном председателе колхоза из Сибири Юрии Федоровиче Бугакове.

Это поразительное совпадение мы со Светой обнаружили после свадьбы. Когда отзвучали венчальные колокола Вознесенского собора, закончились все торжества, мы полетели к моим родителям в Абакан. Я показал жене город, а потом решил познакомить ее с семейными фотографиями. Полез перебирать давно забытые бумаги и нашел эту вырезку из «Советского воина».



Достал, мы посмотрели. Потом решил свернуть, чтобы положить на место, и вдруг на обратной стороне вижу… улыбку своего тестя.

Мы были потрясены! Получается, картинка из журнала, которая произвела на меня незабываемое впечатление, полностью определила мою судьбу. И профессиональную, и личную.

Этой историей мы по возвращении поделились с родными Светланы. Выслушали нас с улыбкой, но без особого удивления. Потому что все давно привыкли к тому, что Юрий Федорович по природе своей был провидцем. Судьбоносным человеком. Он как бы считывал из воздуха то, что должно свершиться.

И в доме своей будущей жены я тоже появился именно по приглашению ее отца.

Впервые в село Верх-Ирмень мы с группой товарищей-курсантов НВВПОУ приехали в 1988 году. Наше училище гордилось тем, что его выпускником был уроженец этого села, Герой Советского Союза Александр Демаков, погибший 21 апреля 1982 года при исполнении воинского долга в Афганистане. Молодой офицер отдал свою жизнь, чтобы спасти боевых товарищей, обеспечив им прикрытие для отхода.

После его героической гибели училище сочло делом чести взять шефство над мамой героя Фаиной Егоровной Демаковой. Потеря для матери стала особенно тяжелой не только потому, что Александр был единственным сыном, но и потому, что он погиб в день ее рождения. С той поры этот праздник в жизни Фаины Егоровны перестал существовать. И чтобы разделить горе и радость, мы приезжали в Ирмень именно в эту дату. Стояли почетным караулом на митинге, давали салют, участвовали в поминальном обеде…

С годами традиция стала крепче, мы сроднились и с Фаиной Егоровной, и с Ирменью, стали ездить чаще. В конце 80-х мы делали это каждый месяц, стараясь помогать женщине по хозяйству в любой сезон: то забор починим, то огород вскопаем, то грядки прополем. Утром приедем, день работаем, потом заночуем, а следующим утром — снова автобусом на службу. Мы любили эти поездки.

Однажды приехали поздравить Фаину Егоровну с 8 Марта. Зашли, а у нее гости: и знакомые, и незнакомые. Посидели немного в непринужденной обстановке, она попросила спеть. Я взял гитару, и мы с ребятами исполнили несколько ее любимых песен. А на следующий день, когда собрались уезжать, нас вдруг приглашают в гости. Куда именно, я тогда, честно говоря, не понял, но отчего не пойти? Курсантам — где кормят, там и хорошо.

Купили небольшие букетики для женщин и как только вошли в дом к Бугаковым — оказалось, что это Юрий Федорович нас пригласил, — сразу попали за праздничный стол. Помню, что была очень душевная обстановка, мы поговорили, попели. По хозяину дома сразу было видно, что человек очень уважаемый, грамотный и с характером. И к нам, троим парням, он проявил такую доброту, что мы реально почувствовали себя чуть ли не его сыновьями. Это очень подкупало.

Потом девчонки проводили нас до остановки и пригласили заходить к ним в любое время. А мы от таких приглашений обычно не отказываемся.

Спустя пару лет, будучи на четвертом курсе училища, я стал зятем Юрия Федоровича Бугакова, которого всегда очень любил и уважал, всегда чувствовал, что это взаимно.

Но случались у нас и терки, естественно. Два главы семьи не могут полностью совпадать по всем вопросам. Только эти моменты быстро сглаживало время, к тому же мой тесть прилагал немало усилий, чтобы сохранять внутри семьи доверие и теплоту. Если был неправ, не стеснялся это признать. Да вся Ирмень, что при своем взрывном характере Бугаков был отходчив: сначала сгоряча мог уволить работника, а потом брал обратно и даже помогал.

Кроме того, я — человек военных правил, признающий незыблемость устава. Я — старший лейтенант запаса, Юрий Федорович — капитан. Я младше по возрасту, он — старше. В сравнении со мной он обладал недостижимым жизненным опытом, был мастером мудрых взвешенных решений. Его прогнозы — хоть в политике, хоть в домашнем хозяйстве — всегда были в десятку. Поэтому его старшинство в семье сомнению не подвергалось.

Нам довелось много работать вместе. Когда я приезжал, помогал ему управляться дома со скотиной, с огородом, на двоих построили сарайчик. А после того, как уволился из армии, успел поработать и в его непосредственном подчинении директором фирменного магазина «Ирмень» в Новосибирске. Он пригласил меня на это место больше двадцати лет назад, поскольку искал человека, который бы довел до ума сложный проект. Нужно было завершить строительство, завезти оборудование, набрать штат… Проблем было столько, что у меня, невеликого специалиста в торговле, голова шла кругом. Казалось, нужно заниматься всем и сразу. И в этот период я очень многому у Юрия Федоровича научился.

Придешь к нему, бывало, практически как в кино: «Шеф, все пропало!» А у шефа ни один мускул на лице не дрогнет. Молниеносных решений он не приветствовал, предпочитал выждать и подумать. Вот и меня часто возвращал в реальность: не стоит торопиться, давай «переспим с проблемой» до утра, скорее всего, радикальных шагов не потребуется. Так и выходило. И для меня это бесценный опыт.

А еще он был необыкновенно гостеприимен! Точнее, они оба — и Юрий Федорович, и Антонина Ивановна. В их доме существовало железное правило: сначала накормить, все разговоры — потом. Большой стол на кухне был всегда заставлен едой так, что еле виднелись края. Помню, как-то заявился к ним после караула в пять утра. Ночь добирался до Ирмени на нескольких попутках, остаток пути прошел пешком, но даже в такую рань Антонина Ивановна встала и накрыла шикарный стол. И это в обычное утро. Чего говорить о торжествах!

Все наши многочисленные дни рождения и праздничные даты мы отмечали в деревне. Для таких случаев Юрий Федорович заказал специальный, на всю длину комнаты стол — метра четыре. Семья рассаживалась вокруг него по строго заведенному порядку: во главе стола хозяин, по правую руку от него — жена, по левую — сын, далее — с одной стороны Ивановы, с другой — Бугаковы и так — до правнуков.

Часто бывали и высокие гости. Из таких визитов мне особенно запомнилось, сколько добрых слов они говорили в адрес Антонины Ивановны. На фоне успехов мужа ее роль была почти незаметной, но большинство выступающих считали нужным сказать именно о ней. Подчеркивали ее скромность и мудрость, которые дали возможность полностью проявиться всем талантам Юрия Федоровича, заваливали цветами и благодарностями. Антонина Ивановна безгранично его любила и поддерживала. Он обладал мужеством решений, она — мужеством терпения.

В числе его талантов был один очень редкий но, на мой взгляд, очень ценный. Он умел разряжать обстановку. Обычно, когда собираются вместе важные люди: губернаторы, депутаты, директора — все стараются держать лицо, и это придает атмосфере излишнюю напряженность. Юрий Федорович справлялся с такой проблемой моментально. После его выступлений обстановка обычно сразу становилась более дружественной, все раскрепощались, начинали улыбаться. А как он пел! «На дальней станции сойду», «Я куплю тебе дом у пруда в Подмосковье»… У него был очень хороший голос, и он, не стесняясь, запевал в любой компании, иногда даже под ансамбль или оркестр.

Это были наши лучшие общие минуты! Он обычно довольно и хитро улыбался и говорил: «Куда с добром!» — что означало, что все не просто хорошо, все прекрасно, и даже можно показать свои достижения и настроение всем остальным.

Таким человеком, с огромным багажом добра, он в моей памяти и остался.

ЛАВИНА ЛЮБВИ

Екатерина Олеговна Жукова

ВНУЧКА

Я считаю свое детство невероятно счастливым, потому что с рождения со мной была любовь моего деда. Благодаря ей я и во взрослой жизни не испытывала особо трудных минут. Возможно, для кого-то Юрий Федорович Бугаков и был жестким руководителем, требовательным хозяином, строгим депутатом. Но не для меня. Я знала своего деда как самого мягкого человека из всех на земле, который ни разу не сказал своей внучке «нет».

— В детстве я безумно любила доить коров. Встать вместе с бабушкой в шесть часов утра, пойти в пригон и услышать, как теплые тонкие струйки молока звенят о стенку ведра… Это было невероятное счастье.

Лет в семь-восемь на вопрос, который обычно задают всем детям «Кем хочешь быть, когда вырастешь?», я всегда отвечала одинаково восторженно — дояркой! И не понимала, почему взрослые начинали странно улыбаться. Как будто мечта о ферме — это что-то смешное. Было обидно. Ну как объяснить людям, что доить коров — это по-настоящему увлекательно! Дома меня в школу по утрам было не поднять, а у бабушки с дедом я с радостью подпрыгивала ни свет ни заря, чтобы не проспать дойку.

В 90-е годы хозяйство у них было огромное: кроме двух коров обязательно еще теленок, козы, кролики, поросята. И птиц штук сто: кур-бройлеров, индоуток, гусей. Маленькой мне казалось, что так и должно быть, а когда выросла, удивлялась: зачем двоим столько? Догадалась быстро: причина такого беспокойства о хлебе насущном, скорее всего, лежит в дедушкином военном детстве. Он не хотел, чтобы в его доме кто-нибудь вставал из-за стола голодным.

Дед хозяйством занимался, конечно, реже бабушки, ему было некогда, но мужская работа была на нем. Отчетливо помню, как он носит на вилах сено коровам, а я за ним будто хвостик. «Катя, сходи, принеси…» И я с удовольствием по его поручениям бегала, за что он очень меня хвалил.

Первая его внучка, ранний ребенок своих родителей, я застала любимого деда еще молодым. И с младенчества в полной мере успела ощутить на себе всю силу его безграничной любви, обрушенной на меня, будто лавина. Примерно года два-три мои

родители жили вместе с дедушкой и бабушкой. Я, конечно, тогда была слишком мала, чтобы что-то помнить, но в нашем доме навсегда сохранились чудесные свидетельства этих дней.

В середине 80-х у деда появился редкий по тем временам импортный фотоаппарат, который и сберег для нас лучшие семейные моменты. Даже спустя десятилетия достаточно лишь взглянуть на многочисленные снимки, где я у деда на руках. Светящиеся глаза, тихая улыбка, большие добрые руки… Фотографии первых лет моей жизни излучают дедову любовь.

В более позднем, осознанном детстве самые радостные минуты тоже связаны с ним. Каждые выходные я бежала к нему в гости и, хотя папа с мамой такого не приветствовали, обожала оставаться у них с бабушкой ночевать.

Это трудно объяснить словами. Просто невероятное тепло. Защита, надежность, покой…

Когда я приходила, дед в первую очередь начинал меня кормить. Он безумно любил готовить, несмотря на то, что я была малоежкой и дома от маминой стряпни нос воротила, у него уговаривала все. И еще добавки просила. Потому что было невероятно вкусно: мясо, рыба, овощи… Супы рыбные, например, у него получались настолько великолепно, что их позже оценил мой сын Леня, который по жизни рыбу не ест вообще. А в дедовом доме уплетал уху за обе щеки!

Даже обычная жареная картошка в руках деда Юры становилась шедевром. Потому что главным ингредиентом его кулинарии была душа: он придумывал рецепты, варил, пек, солил, мариновал… Бабушке в этом смысле очень с ним повезло.

А после того как накормит, мы с ним играли. Помню, ходили в выходные на лыжах в лесок рядом с домом. Для этого он специально купил мне ботиночки, лыжи. И хотя за тяжелую трудовую неделю очень уставал, провести субботу или воскресенье с внучкой — для него было святое. Несмотря на усталость, он вставал, собирался, и мы шли. В такие минуты

я иногда слышала, как дед тихонько пел. Просто так, для себя.

Мы очень много времени провели вместе. И ни разу я не припомню в ответ на мои просьбы: «Катя, я устал». Достаточно было предложить: «Деда, давай!» — как в ответ следовало: «Ну давай!»

Его желание доставить радость ребенку поражало. Он не приносил домой с работы никакой «работы»: ни раздражения, ни недовольства — только доброе расположение, которого хватало на всех. Как будто у нас был не один, а много дедов.

Он всегда приходил к нам в школу на первое сентября, последний звонок и выпускной. Я гордилась, конечно, но из школьной колонны было не подойти к нему, не обнять. Приходилось гордиться на расстоянии. А вот когда он брал меня с собой в уазик, чтобы проехать по Ирмени, это была реальная гордость. Дед усаживал меня на пассажирское сиденье, ехал очень медленно, как настоящий хозяин по своим владениям, и в эти минуты было прекрасно видно, как относятся к нему люди. Все — водители и пешеходы, взрослые и дети — здоровались уважительно! Можно сказать, даже раскланивались. В первую очередь с ним, но и со мной, получается, чуточку. Это было незабываемо.

А порой, когда я прибегала к маме в контору и у деда вдруг не оказывалось ни посетителей, ни совещаний, мне удавалось прошмыгнуть в его кабинет. Я смотрела снизу вверх на каждую вещь и замирала. Все такое интересное: кубки, грамоты, медали… Дедушка никогда не запрещал мне залезать в его высокое кресло, рядом с которым на столе звонили телефоны, периодически пищала и мигала рация… Это был потрясающий дедов мир. Увлекательный, таинственный, почти сказочный.

Я считаю свое детство невероятно счастливым, потому что с рождения со мной была любовь моего деда. Благодаря ей во взрослой жизни я не испытывала особо трудных минут. Возможно, для кого-то Юрий Федорович Бугаков и был жестким руководителем, требовательным хозяином, строгим депутатом. Но не для меня. Я знала своего дедушку как самого мягкого человека на земле, который ни разу не сказал своей внучке «нет».

Когда я оканчивала школу и встал вопрос о выборе профессии, я, честно говоря, не понимала, чего хочу. Мечты о доярке остались в прошлом. Дед говорил мне — «Иди в агрономы», родители — «Бухгалтер никогда не останется без работы». Разрываясь между двумя точками зрения, я выбрала торговый институт. Но сейчас все чаще прихожу к выводу, что стоило послушать деда: профессия агронома или ветеринара подошла бы мне больше. Сегодня я испытываю огромное желание уехать из города, вернуться в Ирмень, чтобы быть ближе к земле. В свои тридцать с хвостиком я вижу себя только в деревне. Но в семнадцать… Уверена, что, если бы дед тогда настоял на своем, я бы восприняла это как давление. Видимо, поэтому он и предоставил мне полную свободу выбора, доказывая, что очень уважает мнение ребенка.

Да тот же Юра. Дед мог настоять, чтобы мой брат продолжил его дело, но он, как и в случае со мной, решил не вмешиваться. Он был примером деликатности и справедливости, человечности и простоты. Мне очень повезло в жизни, что у меня был такой дед.

До сих пор я ребенок перед ним. Когда приезжаю на кладбище и подхожу к памятнику, то будто слышу его живой голос: «Катя, как дела? Никто тебя не обижает?» И появляется теплая волна слез, возникает желание рассказать в подробностях все-все, что произошло без него, успокоить, что у нас все хорошо.

Хотя, честно говоря, не совсем хорошо. Когда дед был рядом, мы все ощущали себя будто под надежным куполом, внутри которого была защита, уверенность, безопасность. Никогда в жизни, даже когда он болел, я не могла представить, что будет, если его не станет. К его уходу не был готов никто. Мы знали, сколько он прошел тяжелых жизненных испытаний, сколько раз оказывался на операционном столе, и в этот раз были на сто процентов уверены, что выкарабкается снова. Накануне приходили к нему в гости, он плохо себя

чувствовал, устал от боли и был слаб. Но, как обычно, спросил, голодные или нет, пытался накормить. Мы старались поменьше его беспокоить, не докучали, поздоровались, попроведали и ушли. Никому даже в голову не пришло попрощаться. Мы были уверены: наша птица Феникс возродится снова.

Но на очередную болезнь сил у деда не хватило.

Сегодня, когда свежее горе немного схлынуло, я понимаю, что в моей жизни образовалась черная дыра. Как будто оторвали частичку родного и, как ни старайся, ничем ее не заменить. Когда становится особенно тяжко, я достаю из шкатулки его подарок — тоненькое золотое колечко с маленьким бриллиантиком, которое он подарил мне на окончание школы. Сказал: «Это, Катя, твой первый бриллиант. А дальше драгоценностей в твоей жизни будет столько, сколько захочешь».

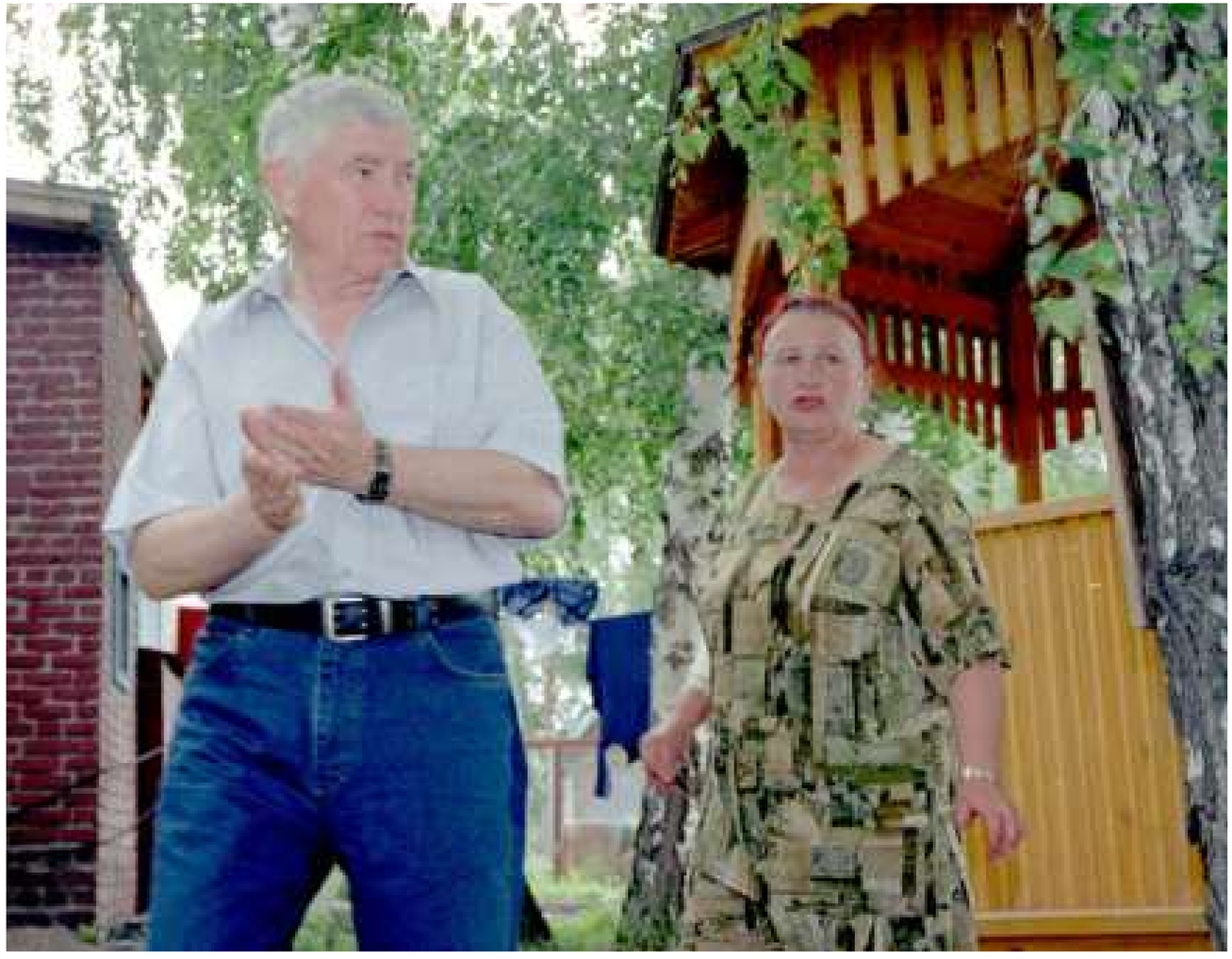
Годы прошли, колечко со временем стало немодным, мне даже приходила в голову мысль переплавить его, но что-то внутри сказало: «Катя, стоп!» Дедова память должна оставаться нетронутой. Чтобы всегда можно было достать из шкатулки и вспомнить ту радость, которую он излучал, когда дарил мне мое первое кольцо.

А еще я постоянно ношу с собой другую память о дедушке — крестик, который он привез со Святой земли, из Иерусалима. Он был верующим, и для него были очень важны такие вещи: подарками с глубоким смыслом он как бы говорил, насколько беспокоится о нашем благополучии, здоровье и семейном взаимопонимании. Семья в жизни деда была самым ценным, что только можно себе представить.

Он всегда повторял: «Берегите друг друга! Что бы ни случилось — держитесь друг друга! Мелкие проблемы уйдут, главное останется». И заботился не только обо мне, но и обо всей моей семье. Когда был депутатом Заксобрания, а у моего мужа Алексея после окончания железнодорожного института возникла проблема с трудоустройством, взял его к себе помощником. Двое мужчин быстро нашли общий язык, и дед сильно повлиял на Лешу в плане становления личности и глубокого понимания происходящего.

Я счастлива, что прадеда успел застать мой сын Леня: я уверена, что в памяти ребенка он оставил неизгладимый след.

Часто думаю, а что если бы я знала, что та встреча перед отъездом дедушки в больницу была последней? Что бы я сказала? Что сделала?.. В такие тяжелые мгновения в горле встает ком, я задаю один-единственный вопрос, на который у меня нет и никогда не будет ответа… «Как, дед, без тебя жить?..»



СЕРЕБРО В ВОЛОСАХ И ЗОЛОТО В СЕРДЦЕ

Юрий Олегович Бугаков

ВНУК

Деда своего я любил безумно. Из раннего детства помню, как он часто возил меня и Диму по полям. Останавливались посреди пыльной дороги, он выходил из машины и устраивал нам небольшой экзамен: а это какая культура, а вот эта? Осенью брал на уборку. Подсаживал в кабину к комбайнерам, и пока занимался рабочими вопросами, мы, будто юнги на корабле, бороздили с капитаном золотое пшеничное море.

— Я, как и мой дед, тоже Юрий Бугаков. Первый его внук. Получивший имя в его честь. Мечтающий быть на него похожим.

Когда его не стало, мое сердце раскололось надвое. Одна сторона, переполненная воспоминаниями, осталась, другая — умерла вместе с ним. Ночью, когда приходит тишина, я часто просыпаюсь и погружаюсь в глубины своей памяти. Вспоминать о дедушке легко, мешает только непреходящая тоска.

Я скучаю по нему. В моем сердце он по-прежнему жив.

Деда своего я любил безумно. Из раннего детства помню, как он часто возил меня и Диму по полям. Останавливались посреди пыльной дороги, он выходил из машины и устраивал нам небольшой экзамен: а это какая культура, а вот эта? Осенью брал на уборку. Подсаживал в кабину к комбайнерам, и пока занимался рабочими вопросами, мы, будто юнги на корабле, бороздили с капитаном золотое пшеничное море.

Сердце деда навсегда осталось в моей памяти таким же золотым, как осенние ирменские поля.

Рассказывают, что для своих подчиненных он всегда был грозным начальником. Но об этом я с удивлением

узнал уже взрослым. Для нас, внуков, это был самый добрый на свете человек. Нам с братом, даже если мы что-то натворим, не попадало от него никогда. Помню, один раз нечаянно разбили у него в хозяйственной постройке стекло на двери. Прятаться не стали: пошли и рассказали напрямую. Дед осмотрел следы «преступления», собрал осколки, но даже бровью не повел. Свое рабочее правило неотвратимого наказания за проступок он на семью не распространял.

Мы с сестрой, несмотря на то что он всегда был невероятно занят, выросли под его присмотром: дневали и ночевали у них с бабушкой. Я после школы сразу шел туда как домой. Бабушка кормила меня обедом, потом мы с ней делали уроки. К вечеру, если удавалось освободиться пораньше, приезжал дед, интересовался моими успехами, подбадривал, и я — сытый и любимый — бежал к родителям. Из этого чудесного времени чаще всего вспоминаю почему-то жареную картошку. Ее и бабушка удивительно готовила, и дед. Теперь такого неповторимого вкуса не найдешь, он навсегда остался в детстве.

Сейчас мне тридцать. Все эти годы, сколько себя помню, я знал: что бы ни случилось — звони деду. С ним можно было поделиться любой проблемой, и часто короткого разговора было достаточно, чтобы он с ходу подсказал лучший выход. И он тоже постоянно звонил, интересовался: «Как дела, не нужно ли чего-нибудь?» А если нечаянно заболею, то в этот же день к дому непременно подъезжал дедушкин автомобиль с лекарствами или продуктами.

Знаю, что и у Кати, и у Димы было так же. Дед говорил: вам, внукам, все одинаково — и любовь, и помощь.

В последние годы он был особенно внимательным и даже сентиментальным. Придумал, например, в свой день рождения делать подарки родным. Конечно, сначала его одаривали мы. Он радовался, благодарил. А потом — менялся с нами местами. Потому что дарить он любил больше, чем получать. И мы постепенно привыкли: едем на день рождения к деду, а именинниками чувствуем себя. Это было так здорово! Мы от души принимали его знаки внимания и видели, как наша радость делала его счастливее.

От одной из таких семейных встреч у меня осталась память до сих пор. Это икона нашего общего с дедом святого Георгия Победоносца. А еще у всей мужской части нашего рода есть золотые часы. Он их всем подарил. Возможно, чувствовал, что золотые минутки его пребывания на земле утекают все быстрее.

Судьба распорядилась так, что именно мне выпало провести с дедом последний день его жизни.

Когда он попал в больницу, мы старались не оставлять его одного ни на час. Дежурили с отцом сутки через сутки, переодеваясь на это время, будто космонавты, в скафандры и защитные костюмы. Дед был слаб, говорил тихо, жаловался, что очень устал. Врачи в ответ подбадривали: «Юрий Федорович, потерпите!» Мы тоже: «Все будет нормально, дед, мы еще поднимем тост за твое здоровье!»

В тот декабрьский предновогодний вторник мне надо было после ночи идти на работу. Уезжая из больницы, я был уверен, что через день вернусь туда снова. Даже толком не попрощался с дедушкой, не обнял… Передал дежурство нашему главврачу Виктору Викторовичу Гудкову, который утром, часов в девять, повез его на КТ. И все. Оттуда дед в палату уже не вернулся, сразу — в реанимацию.

Сейчас думаю: надо было задержаться, настоять, чтобы не спешили увозить и дали время попрощаться. Но тогда мне это даже в голову не пришло, я всерьез собирался встречать с ним Новый год в больнице. Вот только жизнь распорядилась иначе. На следующий день раздался неожиданный звонок: дедушки больше нет.

Первое ощущение — я не поверил. И, честно говоря, не верю и сегодня. Глубокое осознание этого факта не пришло до сих пор. Мы по-прежнему не можем привыкнуть, что нам с женой и сыном больше нельзя приехать в гости к ним с бабушкой, как мы делали это много лет каждые выходные. Что некому ответить

на ежедневный звонок: «Дед, у меня все хорошо». А особенно не хватает общих посиделок нашей большой семьи за легендарным дедовым столом.

Однажды пару лет назад в одну из таких встреч мы устроили для них с бабушкой особенный подарок — совместную фотосессию пяти семей: трех Бугаковых — старших, средних, младших; Жуковых и Ивановых. Съемка удалась. Дед с удовольствием принял игру, раскрылся, артистично позировал с правнуками. Мы нашутились, навеселились и получили шикарные снимки семьи, во главе которой всегда был, есть и будет ее основатель — наш мощный, неповторимый, любимый дед. Я знаю, что ему так понравились фотографии, что некоторые из них — с моим годовалым сыном Савелием и другими его правнуками Леней и Лерой — он унес к себе на работу.

К нашим семьям и к правнукам дедушка относился трепетно. Помню, как он впервые встретил мою невесту, которая перед этим знакомством тряслась, как суслик. Наташа потом поделилась своим впечатлением: «Как только посмотрела Юрию Федоровичу в глаза, волнение сразу ушло. Потому что увидела в них такое тепло, такую поддержку!» А мне дед шепнул: «Хорошая девочка», — и они очень быстро подружились. Он всегда выступал за семейные ценности, говорил: «Юрка, не подведи, ты — продолжатель рода».

И имя моего сына — Савелий — дед одобрил. Это третий по счету его правнук после Лени и Леры. Он очень ему радовался и любил, хотя побыть вместе им выпало недолго.

Однажды в День Победы, когда весь Новосибирск вышел на улицы Бессмертным полком, я тоже встал в колонну с фотографией моего прадеда, дедова отца Федора Сергеевича. Он был на фронте, получил ранение, из-за чего рано ушел из жизни. Этот марш произвел на меня мощнейшее впечатление. Мне кажется, каждый человек, кто хоть раз ходил в одном строю вместе с дедами, испытал чувство огромной общей гордости и за них, и за свою страну.

Мой дед Юрий Федорович Бугаков не воевал. Но на его долю выпало тяжелое военное детство, послевоенное возрождение и огромная трудовая жизнь. Поэтому сегодня я думаю, что и он с полным правом может быть участником шествия Бессмертного полка. Он — Герой Социалистического Труда, человек, которым гордится вся Россия. И мне хотелось бы, когда в следующий раз встану под знамена полка, нести фотографию Юрия Федоровича Бугакова.

Я бы сказал: я должен это сделать. Как первый его внук. Как тезка, получивший имя в его честь.

TOMMY

ЖИЗНЬ В ПОДАРОК

Дмитрий Петрович Иванов

ВНУК

Я благодарен своему деду в первую очередь за те ценности, которые он исповедовал. Например, уважение к труду. Оно появилось во мне, кажется, с тех самых минут, когда мы вместе ездили на поля. Он подсаживал меня в комбайн или КамАЗ на сиденье рядом с водителем — и все, дальше и говорить ничего не надо было. Я видел, с каким старанием работают люди.

— Наша дочка Лера обожала прадеда. Они вместе ездили по полям, как нас когда-то, он брал ее с собой на ферму — коровок показывал. Лера от него не отходила: залезала на колени, гладила лицо, всматривалась в каждую морщинку, в глаза, как будто хотела запомнить все до мелочей.

— Деда, ты старенький?

Он хитро улыбался:

— Старенький? А почему ты так решила?

— Потому что у тебя волосы белые, и когда ты ходишь, ноги не поднимаешь.

— А если буду поднимать, буду молодым?

— Да, будешь. Вставай, я буду учить тебя, как надо.

Она протягивала ему свою маленькую ладошку и очень осторожно вела его по дому, как будто чувствовала свою ответственность за деда. Когда выходили на улицу, командовала:

— Деда, поднимай ноги повыше! Что ты совсем как дедушка!

— Хорошо, Лера, — смеялся он. — Я тебя послушаю.

И начинал поднимать ноги. А когда возвращался, выглядел будто моложе. Во всяком случае, шагал точно бодрее.

Дети для него были живой водой. И мы, внуки, в свое время, а затем и правнуки.

Самые яркие воспоминания моего детства, связанные с дедом касаются Ирмени… В любые каникулы — осенние, весенние, летние — я приезжал к ним с бабушкой в гости. Утром проснешься, на улице еще темно. Заглянешь в комнату, на кухню — нет никого: дед уехал на работу, а бабушка ушла управляться по хозяйству. Обычно она будила меня, чтобы помог: курочек покормить, гусей, голубей… Но иногда жалела. Встанет и тихонько уйдет одна. В такие дни я все равно просыпался, одевался и шел помогать. Не всегда успевал,

правда: только выйду, осмотрюсь, а бабушка уже мне навстречу: «Все, Дима, я управилась…» И мы вместе идем готовить завтрак.

Она ставила на стол самое вкусное на свете молоко, пекла оладушки, и я понимал, что нахожусь в доме, полном настоящей любви.

Дальше, с самых ранних утренних минут я начинал сильно ждать деда. Часа через два-три после своих неотложных дел он, как правило, заезжал домой, забирал меня, и мы ехали в поле или на ферму. По дороге он много рассказывал про разные культуры, показывал их, и хотя я половину того, что он мне говорил, не понимал, наши поездки не становились менее захватывающими.

В таком режиме я жил у них обычно неделю-две, и дед, несмотря на свою загруженность, каждый день находил время для своего городского внука.

Хотя, честно говоря, в детстве я не понимал ни его загруженности, ни его заслуженности. Помню, в Новосибирске с нами в одном доме жил мальчик, который часто хвастался, что его папа — водитель. И не какой-нибудь простой, а крутой: он возил депутата! Я слушал и даже завидовал. Но ни разу мне не пришло в голову сказать в ответ, что у меня у самого дед — депутат. Которого возит собственный водитель! Я был настолько не осведомлен о дедовых делах, что так ни разу перед соседскими мальчишками и не похвастался. Для меня дед был просто центром семьи, хозяином большого деревенского дома, где меня всегда ждут. А все остальное, в том числе и его служебное положение, значения не имело.

Бабушка и дедушка с малых лет научили меня особому восприятию мира. Семья — это стержень, опора, мощная сила, которую никто не разрушит. Семья — святое. А они сами — это не просто люди, это особая философия, огромный мир, построенный на доброте и порядке. Секрет их долгой совместной жизни был во взаимопонимании и уважении. И любви. Я видел, что дед безумно любил бабушку, и она его — тоже. В день ее рождения он обязательно приходил домой с красивым букетом и вручал его с очень теплыми словами, объятиями и поцелуем. Для меня такое отношение было, есть и останется примером на долгие годы.

Благодарен ему в первую очередь за те ценности, которые он исповедовал. Например, уважение к труду. Оно появилось во мне, кажется, с тех самых минут, когда мы вместе ездили на поля. Он подсаживал меня в комбайн или КамАЗ на сиденье рядом с водителем — и все, дальше и говорить ничего не надо было, я видел, с каким старанием работают люди.

О жизненных принципах и собственном мировоззрении мы с дедушкой напрямую не говорили. Но на удивление оно у нас сложилось одинаковое: главное — это любовь к близким, уважение к окружающим, справедливость, честность с самим собой. Все духовное, на чем держится наша семья, заложено дедом. И мы обязаны не только сохранить эту основу, но и передать ее своим детям. Это как клад, значение которого в будущем для нас и наших потомков может оказаться важнее, чем мы предполагаем.

Я себя всегда спрашивал, в чем необыкновенная сила деда? Люди всегда чувствовали в нем особую харизму, надежность, уверенность и шли за ним. Нет сомнений, что он смог бы командовать не только «Ирменью», но и целой армией. Он привлекал всех своей мощью, умом, волевым характером, был настоящим генералом, только не военным, а гражданским, народным. Подобные люди в принципе встречаются редко, а чтобы один из них был еще и твоим дедушкой, так это чудо чудесное.

Видел я и то, как уважают его работяги. Конечно, держать такое предприятие на плаву — задача не для слабаков! Управляя огромным производством, он не забывал и про людей и находил доброе слово для каждого. Сегодня этим добрым словом вспоминают и его.

Я сам, вы не поверите, вспоминаю его каждый день. И бабушку. Еще не было ни дня, чтобы не вспомнил. Как мы приезжали к ним в Ирмень, а дед, всегда радостный и позитивный, бросал все дела и выходил

с улыбкой навстречу. Обнимал, хлопал по спине: «Здравствуй, Димок!» Даже когда болел, был уставшим или очень торопился по делам, все равно всегда — с радостью. Времени и внимания для нас у него всегда хватало.

Сегодня я, как и дед, работаю в его любимой «Ирмени» менеджером по реализации. Он позвал меня в 2011 году, когда я был студентом факультета коммерции и менеджмента. Я согласился. Сначала попробовал, потом втянулся и получил возможность увидеть и узнать блестящие деловые качества своего деда, о которых в детстве даже не догадывался.

Да, с ним часто бывало непросто. Как и любого другого своего подчиненного, он жестко меня контролировал: что делаю, что планирую, каковы результаты. Звонил каждый день с рабочими вопросами, и я понимал, что общими словами тут не отделаешься, нужно держать серьезный отчет. По его интонации и точным строгим вопросам было видно, что для него реально важно, чтобы компания работала как часы.

На планерках и на собраниях он требовал по-взрослому, но персонально меня не выделял: если продавали плохо, прилетало всему отделу. Как у руководителя у него была очень хорошая черта — прямота. Если что не так — он тебе это в лоб скажет, не станет терпеть или притворяться. И я старался, во-первых, тоже научиться этому качеству, а во-вторых, не давать деду поводов для огорчений.

У нас с ним разные фамилии. Поэтому не все наши клиенты и поставщики были в курсе, что я внук Юрия Федоровича Бугакова. И я это направо-налево не афиширую — ни к чему. Ведь в среде предпринимателей всегда встречаются такие люди, которые, узнав, что ты по-родственному близок к центру принятия решений, захотят это использовать — просить для себя каких-то преференций, связанных с поставками и оплатой. И такое реально бывало. Когда сталкивался с подобным, сразу предупреждал, что не очень хорошо к этому отношусь. Для начала отшучивался, но если человек продолжал настаивать, закрывал тему более жестко. Дед тоже панибратства не приветствовал и чужому бизнесу обогащаться за счет «Ирмени» не позволял.

Он, кстати, всегда подчеркивал наше с ним сходство. Окружающие это подтверждали. Если мы с Юрой и дедом шли по Ирмени и встречали кого-то на пути, всегда слышали его гордое: «Смотрите, как внуки на меня похожи!» Нам было очень радостно это слышать, потому что его замечательные качества — отзывчивость, трудолюбие, жизнерадостность — хотелось бы унаследовать. Надеюсь, что у меня в характере есть немного от деда — мне тоже нравится общаться с людьми, заводить новые знакомства, устанавливать партнерские отношения. Сегодня мы, как и наш дед, продолжаем кормить страну. И у меня, как и у него, лежит к этому душа.

Я и на свете-то живу благодаря ему. Он спас меня еще в младенчестве, когда потребовалась срочная операция. Без дедушкиной помощи она не состоялась бы — тогда он дал мне возможность «родиться» во второй раз. И я всегда говорил и говорю: надо беречь своих дедушек и бабушек, ценить возможность общения, проводить с ними как можно больше времени, ведь они рядом будут не всегда.

Когда деда не стало, мы долго берегли Леру от печальной новости. Но сколько ни тяни, сказать пришлось. Дочке тогда было около пяти. Вначале она, конечно, расплакалась. А потом, несмотря на юный возраст, стала переживать несчастье абсолютно по-взрослому. Сядет в уголке в одиночестве, задумается, на чем-то сосредоточится, лицо печальное… Спрошу:

— Ты чего грустишь?

— Я деду Юру вспоминаю.

Тогда посидим с ней вместе, поговорим, и вроде немного веселее становится.

— Дедушки, Лера, похожи на звезды. Их не всегда можно увидеть, но они всегда есть.

РУКОВОДИТЕЛЬ СЕМЬИ

В русской традиции есть одна замечательная примета истинной любви: «Жили долго, счастливо и умерли в один день». Так говорят о супружеских парах, которые назло времени и невзгодам сумели сберечь подлинное чувство и которых за это судьба избавила от долгого одиночества.

Жили долго, счастливо и умерли в один год — так можно сказать о семье Антонины и Юрия Бугаковых.

После ухода из жизни любимого мужа сердце жены не согласилось отмерять время без него. Антонина Ивановна пережила Юрия Федоровича всего на 363 дня и покинула этот мир тоже накануне Нового года. Он — 30 декабря 2020-го, она — 28 декабря 2021-го. «Видимо, папа не захотел свой первый Новый год там встречать без мамы», — так решили дети, провожая ее в последний путь.

Похоронили супругов рядом. Бок о бок. Чтобы теперь они навечно остались одним целым. Как и на протяжении шестидесяти лет, поддерживали друг друга в радости и горести, в здравии и болезни, растили сначала детей, потом внуков. Действительно, за долгие годы совместной жизни Юрий и Антонина Бугаковы сумели настолько сродниться, слиться друг с другом, что научились обходиться без слов. Достаточно было жеста, взгляда, интонации, чтобы понять, как чувствует себя близкий человек.

Со дня скромной свадьбы в доме, где из-за послевоенных проблем с электричеством постоянно мигали лампочки и дальневосточный дед даже загнул матюга по этому поводу, теперь поселился неугасимый свет взаимопонимания и доверия. Дети и внуки очень тепло вспоминают их полную юмора семейную атмосферу, естественную, искреннюю заботу дедушки и бабушки друг о друге.

Он ругался, чтоб она тяжелое не поднимала.

Она придирчиво проверяла, как он выглядит, когда выходит из дома. И хотя одет был всегда с иголочки, у Юрия Федоровича была привычка — перед важным выходом непременно пройдется перед женой, плечи выправит:

— Тонь, посмотри, как я?

— Отлично, Юра!

Он, словно шутя, признавался в любви. Всегда дарил цветы. Мог без повода. Обычно приносил розы, но часто выбирал и ромашки, потому что полевые и скромные Антонина Ивановна любила больше.

Она доставала лучшую вазу и ухаживала за дареным букетом так, что тот стоял неделями.

Он, будучи хлебосольным, мог без предупреждения привести в дом на обед нечаянных гостей.

Она принимала это как неизбежность, встречала всех неизменным радушием и спешила угостить.

Он часто ворчал, если что-то было сделано неидеально. Даже в гостях.

Она сглаживала углы, которые не мог или не хотел обходить ее суровый супруг. Однажды, будучи в Ордынке, Юра и Тоня зашли в гости на обед к сестре Юрия Федоровича Людмиле. И, как назло, в квашеной капусте Бугакову попалась деревянная щепочка. А дело в том, что капусту в доме Волковых рубили сечкой в деревянном корытце, от его края мог нечаянно отколоться кусочек. Юра собирался было уже возмутиться, но Тоня, молодец, не растерялась, выхватила из его руки ложку, аккуратно достала щепочку и продолжила есть капусту как ни в чем не бывало, не забывая нахваливать хозяев за вкусный засол.

Конечно, для большинства людей она всегда оставалась в тени своего знаменитого мужа. Она обеспечивала ему надежный тыл, давала моральную опору, вела дом, занималась хозяйством. Но в Ирмени ее знали не только как жену председателя, но и как удивительно чуткого, отзывчивого человека, и в родном селе она оставила о себе яркую и светлую память.

Антонина Ивановна очень любила петь, ходила в местный хор и не пропускала ни одного концерта. Выучив в молодости с помощью пластинок английский язык, она помогала переводить сложные иностранные тексты не только своим детям, но и всем, кто обращался.

Вместе с мужем стояла у истоков возрождения в Ирмени церкви. Когда в селе после десятилетий советских гонений решили снова открыть приход, она вместе с другими женщинами устроила сбор средств на строительство храма. Ходила по дворам, стучалась в дома, разговаривала с односельчанами. Люди несли кто что мог: кто деньги, кто иконы, кто чудом сохранившуюся церковную утварь. Так удалось насобирать самое необходимое. И каждое воскресенье, даже если была не очень здорова, она обязательно спешила в храм, не позволяя себе пропустить ни одного церковного праздника, ни одной службы.

Несмотря на то, что родилась в городе, супруга Юрия Федоровича разделяла его любовь к земле. В одной из первых публикаций в районной газете журналиста Бугакова, только-только создавшего семью, сохранилось поэтичное описание весеннего поля и его

собственных чувств — того состояния музыки внутри, которое емко передает фраза «душа поет».

«Каждой весной, когда сойдет и вешними водами прошумит снег, — писал молодой автор, — а на бугорках зазеленеет первая трава, когда уже позади предпосевная пора и до начала главной нашей работы — сева — остаются считанные дни, меня неудержимо тянет в поле. Мне нравится смотреть, как полной грудью, вволю дышит земля, как колышется над ней теплое весеннее марево, как, если поднять вверх голову и посмотреть в голубизну бездонного неба, — быстро-быстро работая крыльями, почти на месте стоит, опираясь на воздух, жаворонок. Смотрю на поле, слушаю в тишине его песню, а мне уже представляется, каким гулом наполнятся эти поля осенью, как задрожит под ногами земля и какой радостной, какой долгожданной для всех колхозников будет эта пора, эти хлопоты. А пока мне очень дороги эти минуты, когда можно просто так стоять на пустынном поле, в густом, опьяняющем весенним воздухе слушать жаворонка…»

Эта музыка земли отзывалась и в душе его молодой жены.

Говорят, что любить — это не значит смотреть друг на друга, это значит — смотреть в одном направлении. У Бугаковых было именно так. Антонина Ивановна, как и ее муж, считала, что, несмотря на все возможности, которые дает положение руководителя большого хозяйства, жизнь надо вести простую и скромную. Бугаков был человеком удивительной щедрости — и его спутница жизни всегда была готова поддержать любой его широкий жест. Когда сын с дочерью подросли и покинули родительский дом, Юрий Федорович принял решение отдать свой двухэтажный директорский коттедж многодетной семье. Сказал: «На фиг нам нужны такие хоромы!» — и в бывшие директорские апартаменты заехал механизатор Владимир Александрович Ларенца с женой, которая работала в колхозе телятницей, и детьми.

Антонина Ивановна с радостью приняла это решение. Их большому чувству не нужны большие квадратные метры. Оно вмещалось в любой метраж.

Юрий Федорович и Антонина Ивановна не афишировали своих теплых отношений. Поскольку всегда считали, что счастье любит тишину и истинно счастлив лишь тот, кто счастлив у себя дома. И семейных дат предпочитали не замечать, просто вели им рутинный ежегодный счет. Но вот на праздновании золотой свадьбы родные настояли, и в августе 2010 года супруги скромно отметили полувековой юбилей совместной жизни. Собрались ближним кругом: дети, внуки… Нарядили веранду, накрыли стол, посидели, попели.

И хорошо сделали, что настояли, уверены сегодня их дети. Потому что 60 лет супружеской жизни родители отметить уже не смогли.

Нет, семья Бугаковых не была идеальной. Муж с женой и спорили отчаянно, и могли не разговаривать друг с другом, захлопнув двери комнат. И по молодости перетягивали одеяло безусловной правоты на себя. Но с годами пришли к выводу, что лучше всего, если в семье руководит кто-то один.

И лучше всего, если этот руководитель – любовь.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

НЕБЕСНАЯ

За чертой, которую каждому из нас суждено в свое время перейти, значение имеет другое: сокровенная суть души.

Никакая вечность не длится дольше, чем человеческая жизнь. Рано или поздно перед каждым из нас во всей остроте встает вопрос: а зачем это было? Рождение и взросление, уроки и открытия, уныние и триумфы… И неминуемое непостижимое ничто впереди.

Юрий Федорович не был исключением. Он тоже искал смысл собственной жизни — от первого сочинения в вечерней школе с цитатой Островского «Жить надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» до «стола достижений» в председательском кабинете. Да, был у Бугакова в последние годы внушительный стол, уставленный кубками, дипломами, памятными знаками и другими наградами, подтверждающими заслуги «Ирмени». Как будто эти приметы жизненного успеха каждый день напоминали ему: вот твой смысл, твои не напрасные годы.

ДУШЕВНЫЕ СОВПАДЕНИЯ

Но даже ежедневно глядя на этот «иконостас», Юрий Федорович понимал: в личной зачетке, подписываемой вечностью, нет строки «медали и звания». Земные награды важны лишь для придирчивых человеческих глаз. А за чертой, которую каждому из нас суждено в свое время перейти, значение имеет другое: сокровенная суть души. Бескорыстие и отвага. Отношение к ближнему как к самому себе. Благие дела и вера.

И в этом смысле глубоко показателен разговор, который однажды состоялся у Бугакова с архиепископом Новосибирским и Бердским Тихоном.

— Верите ли вы в Бога, Юрий Федорович? — спросил владыка.

— Пожалуй, нет, — ответил он, подумав.

— А в человека верите?

— В человека — да!

— Значит, вы — глубоко верующий человек.

Действительно, «красный председатель», член КПСС с 20 лет, парторг Бугаков имел к религии несколько отстраненное отношение. Не воинствующий атеист, конечно, но и не истовый прихожанин. Однако по сути своей души он был истинно верующим, поскольку в каждом человеке видел все человечество.

О таком обычно не рассказывают. Это глубоко личное, непоказное. Точно не для газет. Но некоторые житейские приметы дают нам возможность эту внутреннюю веру Юрия Федоровича заметить. В первую очередь, конечно, — любовь к птицам.

Голуби — увлечение маленького Юры Бугакова, можно сказать, с рождения. «Он любил их больше памяти, — рассказывают сестры, — что Сашка, что Юра строили клетки еще пацанами».

Первые два сизаря появились у мальчишки еще в военные годы в Новосибирске. Мать была против, потому что в ту пору голуби были чуть ли не местной «валютой»: особые проныры их воровали, шастая ночами по чужим крышам. Но, поддавшись уговорам сына, этих двух она купила.

Как счастлив был Юра! Залезет на вышку и начинает их гонять: свистит, свистит, поднимая ввысь белой тряпкой на шесте.

Следующих голубей он приносил домой втихаря от матери: наскребет копеек, купит, и спрячет в избушку за домом, чтобы она не заметила. Но Мария Макаровна видела, что число птиц растет. Когда к сизарям добавились белые турманы, она, как и сын, с замиранием сердца следила за их небесными танцами. То они играют под облаками, то неподвижно замирают в воздухе, то один за другим кубарем падают на землю, чтобы у ее кромки вдруг, распластав крылья, плавно опуститься на жердочку напротив окна.

Делать нечего, мать смирилась с увлечением сына.

Но только все наладилось, в жизни начинающего голубятника Юры Бугакова произошла трагедия. О ней до сих пор вспоминают его сестры. Один раз пришел парень со школы, полез на крышу, а там тишина. Никто не курлычет, крыльями не хлопает, навстречу не торопится. Оказалось, это бабка Александра Трофимовна, которая считала, что забава только мешает внукам учиться, открутила птицам бошки. «Сколько было горя и слез, до сих пор не понимаю, как он пережил! — рассказывает Людмила Федоровна. — Наш двоюродный брат, маминой сестры сын, который тогда учился в летном училище, даже пообещал, что как только сядет за штурвал истребителя, разбомбит бабкин дом».

Время прошло, боль стихла и без бомбежки. Юра, наплакавшись, нашел в себе силы вернуться к любимому занятию. Следующую голубятню он сколотил, когда Бугаковы переехали в Ордынку. Позже, в Верх-Ирмени птицам, тоже было отведено почетное место. И это был совсем другой уровень! Небывалый для послевоенного мальчишки.

В зрелом возрасте Юрий Федорович покупал своих голубей по всей России — от Москвы до Дальнего Востока, и некоторые из птиц стоили дороже автомобиля. К ним никого не подпускал, только сам: не успеет прийти с работы, еще машина не отъехала, первым делом — в голубятню. Это была минута расслабления и отдыха для него, его обязательный ритуал.

Почему он так любил голубей, сегодня уже не спросишь. Возможно, совпадал с ними душою. Ведь именно голубь, упомянутый в Ветхом Завете, принес на Ноев ковчег масличную веточку — символ жизни на земле. Да и в Новом об этой птахе говорится не раз: Святой дух при крещении Господа сошел с неба в виде голубя. Конечно, маленький Бугаков со Священным Писанием знаком был вряд ли. Но то, что душа его, несмотря на атеистическую эпоху, всегда тянулась к духовной жизни, это точно. Нет в ирменской округе ни одной церкви, которой бы не помог «неверующий» председатель колхоза.

Вот Пророко-Ильинский храм…

Он был приспособлен Верх-Ирменским сельсоветом под клуб в 1937 году. Большевики снесли тогда шатер колокольни и купола, сделали в алтарной части сцену, а с северной стороны храма пристроили большое помещение со столовой и баром. В статусе колхозного очага культуры здание просуществовало 40 лет, пока в Агрогородке не было завершено строительство ДК. После этого бывший клуб-церковь закрыли, а точнее, забросили.

Жизнь в полуразрушенный храм помог вернуть Бугаков.

В 1998 году в село приехала братия Михаило-Архангельского монастыря из села Малоирменка.

Монахи дерзнули взяться за восстановление и перестройку большого Пророко-Ильинского храма. И что они сделали первым делом? Совершенно верно, пошли на прием к председателю колхоза.

Юрий Федорович встретил иноков приветливо и охотно согласился им помочь: священной «бригаде» были выделены стройматериалы и «светские» помощники со строительным опытом. При постоянной помощи и поддержке председателя над центральной частью церкви вскоре вновь появился большой купол, а рядом — шатровая колокольня, почти такая же, как на старинных фотографиях, сделанных до разрушения. В срубе частично заменили бревна, полностью — обшивку, крышу покрыли оцинкованным железом, территорию вокруг облагородили. Иконописец Вознесенского кафедрального собора Новосибирска написал для ирменского храма иконы, и первое богослужение в восстановленной церкви состоялось на Пасху 2002 года.

Однако до этого торжественного события Бугаков успел взять под свое крыло еще одну церковную стройку. В начале 2000-х морозным сибирским днем в приемную председателя пришли двое. Монахи. Мужчина и женщина. Обратились с просьбой помочь в восстановлении православного храма и создании женского монастыря в Малоирменке, где оставалось на ту пору несколько десятков дворов. На удивленное возражение Бугакова:

— Там и людей-то почти не осталось! — ответили уверенно:

— Храм будет, и деревня возродится.

Смиренная решимость и целеустремленность этих людей подкупили Юрия Федоровича, и он не отказал, хотя еще не был закончен Пророко-Ильинский храм.

Строительство в Малоирменке с самого начала сложилось непросто. Фундамент разрушенной церкви оказался замурованным под асфальтом, так что посреди зимы дорогу пришлось долбить и только потом начинать отстраивать на древнем основании новые стены. Но с божьей помощью справились.

Позднее при поддержке председателя «Ирмени» были возведены новые церкви в Верх-Ирмени и в Кочках.

Сегодня на центральной усадьбе племзавода действуют две церкви. Большая — в честь Илии Пророка и маленькая — в честь Серафима Саровского. Рядом с обеими — асфальт и цветы.

А еще председатель никогда не оставлял без помощи подсобное хозяйство православных служителей, помогал им, будто своим работникам, обеспечивая маленькое подворье сеном и закупая у него излишки продукции. И об этой части своей жизни никогда и никому не рассказывал, отвечая на все вопросы сухо: «что попросили, дал» или «чем смог – помог».

ПТИЦА ВЫСОКОГО ПОЛЕТА

Владимир Александрович Фомин

ГОЛУБЕВОД

Во время нашей первой встречи я, признаться, поначалу перед ним робел. Как-никак, легендарный председатель «Ирмени». До этого столько хорошего слышал о нем, что растерялся, когда выпала возможность пообщаться напрямую. Но когда пошли к голубям, вся моя робость исчезла. В голубятне я увидел до глубины души простого, земного и искреннего человека, которого не испортила власть.

— Впервые я взял в руки голубя в пять лет — мне дал его подержать сосед. Я прижал птичку к груди: она была теплая, доверчивая, улетать не спешила, и мне не хотелось ее отпускать. Влюбился. Как оказалось позже — на всю жизнь. Сегодня мне за шестьдесят, но я так и не могу расстаться с этими птицами: в пяти моих голубятнях их живет больше сотни. Вроде и возраст уже не юный, тяжеловато — они ежедневного ухода требуют: почистить клетки, покормить, напоить… Но я не представляю, как без них жить. Голуби — это отрада для души. Повод просыпаться утром навстречу новому дню. И Юрий Федорович Бугаков чувствовал это так же, как я.

Первая наша встреча состоялась в 2000 году. Тогда я впервые приехал в Ирмень и, помню, привез ему в подарок пару белых омских чубатых. Это такие статные, как у нас говорят, форменные голуби, отличающиеся особой красотой: вертикальный хвост, широкая грудь и изогнутая лебединая шея.

Юрий Федорович благодарил меня за птиц, был очень приветлив и гостеприимен, только я все равно перед ним робел. Как-никак, легендарный председатель «Ирмени». До этого столько доброго слышал о нем, что, когда выпала возможность пообщаться со знаменитостью напрямую, растерялся. Но когда пришли к голубям, вся моя робость исчезла. В голубятне я увидел до глубины души простого, земного и искреннего человека, которого не испортила власть. Рядом с птицами он светлел лицом, радовался каждой, будто ребенок,

мог рассказывать часами, где приобретал, кто родители… Именно так и ведут себя настоящие голубятники.

Потом позвал в дом. Антонина Ивановна накрыла стол, попили чай, поговорили, и с той поры завязалась наша «голубиная» дружба.

Юрий Федорович рассказывал мне, как в его жизни появились птицы. Что своего первого голубя завел в детстве, в Новосибирске, где семья жила в войну. Отец у него был фронтовик, умер рано, и после его смерти мама с четырьмя детьми решила уехать подальше от голода — в Ордынку.

Казалось бы, городской парень Юрий Бугаков…

А ведь прижился в селе будто родной! Думаю, одной из причин стали голуби. По себе знаю: когда у меня стояло три железных голубятни в городе, я постоянно чувствовал — что-то не то. Нет между многоэтажными бетонными коробками такого простора, чтобы поднимать птиц. Поэтому я хорошо понимал Юрия Федоровича. Он рассказывал, что всякий раз, когда ему предлагали сменить место работы и пересесть в кресло повыше, одна из первых мыслей была — куда в Москву с голубями? Как я приехал в деревню за простором для души и для птиц — так и он. Тяга к земле и голуби стали одним из магнитов, которые удержали этого удивительного человека от переезда в столицы.

Больше того, я абсолютно уверен, что если ты полюбил птиц еще в детстве, а потом взрослая жизнь поставила тебя перед выбором между ними и карьерой, то тут и думать не о чем. Расстаться с голубями невозможно. Мы с раннего детства благодаря им учились серьезной выдержке, терпению, усидчивости. Отцы были загружены, так что сами все мастерили: умели держать в руках топор и ножовку и самостоятельно сделать клетку. Каждый уголочек старались запечатать, чтобы кот не залез. Даром такая наука не проходит.

Красно-рябые, галчата, курчи, ростовские, омские статные… Белые, красные, черные, желтые… Мир голубей настолько разнообразен, что его можно изучать всю жизнь и при этом делать ежедневные открытия.

А если полюбил птиц в детстве, то они становятся членами семьи. Помню, случалось, что какая-нибудь голубка бросала своих птенцов, и тогда нам приходилось их кормить — и не с ладошки, а прямо изо рта, проталкивая еду языком в клювы. Иначе они есть не станут. Потом малыши подрастали, но привычка «целоваться» оставалась: они постоянно садились на плечо и терлись о щеку. Знаю, что в цирке так птиц выкармливают специально, чтобы они стали ручными. А у нас нечаянно, само собой получалось.

Люблю голубей и за то, что они очень верные. Самец и самочка образуют пару один раз на всю жизнь и совместно выращивают несколько выводков. Вообще, начиная знакомиться с голубями, узнаешь об этих птицах весьма любопытные вещи. К примеру, они обладают очень тонким слухом и способны улавливать низкие частоты. Поэтому надвигающуюся бурю могут почувствовать задолго до метеорологов. Отличаются они и отменным зрением, а благодаря особому устройству глаз даже могут, не рискуя ослепнуть, смотреть прямо на солнце. Вот как ими не восхищаться?

Канадские геронтологи выявили поразительный факт: после пчеловодов и пастухов третье место в мире по долголетию занимают голубеводы. А все потому, что наблюдать за птицами, заботиться о них — это ни с чем не сравнимое удовольствие, которое реально продлевает жизнь.

У пернатых все как у людей. Например, когда голубь и голубка вместе садятся на яйца, они распределяют обязанности поровну. Если муж заботливый, он прилетает сменять супругу в гнезде вовремя. Если жена «честных правил» — она тоже не теряется. Прилетит, крыльями встряхнет — все, я вернулась, теперь можешь и ты погулять. Но бывает и по-другому: голубка сидит и сидит, а ее супруг болтается где-то, воркует, песни поет. Она его зовет, он прилетит часа на два-три — и снова соскочит. В общем, отслеживать все нюансы, тонкости их поведения крайне интересно. И буквально каждая наша последующая встреча с Юрием Федоровичем завершалась разговором о голубях.

В 2009 году он пригласил меня в «Ирмень» главным специалистом по торговле. Позвонил: «Поедешь?» Конечно, пешком пойду! С ним было интересно работать. Он разбирался во всех отраслях, был новатором и постоянно внедрял что-то новое, современное. Мне посчастливилось трудиться под его началом четыре года. Помню, приду к нему в кабинет по рабочим вопросам, все обсудим, а в финале обязательно — разговор про птиц. В такие минуты, несмотря на то, что я лет на тридцать его младше, мы становились мальчишками-ровесниками.

Это был удивительный человек. Редкостный. Больше всего меня впечатляло, что при всей своей значимости, огромной загруженности, авторитете и таланте он находил время для любимого увлечения. Коллекция голубей у него была потрясающая. Но больше остальных любил «статных» белых — они и сегодня в память о нем живут на сохранившемся подворье.

Возвращаясь из командировки, Юрий Федорович первым делом шел к ним. Я тоже был там частым гостем, знал все стадо. В одной голубятне у него жили особи, которые очень хорошо летают. В другой — шикарные, статные, которых не гоняют, а просто ими любуются. Бросишь им горсть подсолнечных семечек, и птицы сплетаются в изумительный цветной ковер — белые, красные, черные, желтые, как живые розы… «Очень красиво!» — восхищался Юрий Федорович. У него в крови была тяга к этой ангельской птице, он как будто с этим родился.

А еще Бугаков успевал заниматься селекцией. Заметит внимательным взглядом: у этого голубя красивый хвост, а у этой голубки — прекрасная шея, и скрестит их, чтобы вывести улучшенную форму. Поиск нового экстерьера в работе голубевода — это самое интересное, его ждешь каждую весну. Вылупится маленький пискуненок из яйца, ему еще день-два от роду, а ты уже в нетерпении бежишь, смотришь: какой клювик,

какая шея. И если удается достичь желаемого результата, то это супер, редкая удача. Приедешь к Бугакову, он показывает, гордится — видно, что для него это просто бальзам на душу.

В последние годы в поисках необычных, красивых птиц Юрий Федорович нередко специально ездил в другие районы, выписывал голубей из Челябинска. При этом не спрашивал, сколько стоит. Для него неважны были деньги, он стремился получить новые экстерьерные качества и добивался в этом направлении многого. На выставках тоже часто бывал. Люди, кстати, его там узнавали и потом гордились, что Бугаков к ним подходил и расспрашивал. А если купил голубя, то о лучшей рекламе можно было только мечтать.

Но Юрий Федорович птиц никогда не продавал. Поменяться — это да, можно, мы с детства так воспитаны. Продавать — нет, хотя голуби у него были дорогие, от 25 тысяч рублей и выше. При этом, несмотря на цену, подарить любого он мог легко: если есть свободный и он тебе интересен, Юрий Федорович отдавал просто так. Спросишь:

— Сколько?

— Нисколько. Разве голубя продают?

Никогда денег не брал. Зато если сам просил пискуненка, ответная благодарность следовала сразу — бери и ты, что нравится.

В сравнении со мной он был голубеводом более опытным, к тому же работал с высококвалифицированным ветеринаром. Так что если у меня случалась проблема, я всегда знал, где искать помощи и консультации. Юрий Федорович понимал, сколько сил требуется, чтобы поддерживать стадо здоровым. Вот, например, проклюнутся голубята, родители должны кормить их три недели: сначала молочком, потом кашицей. Затем у взрослых снова наступают любовь и воркование: так в птичьей среде принято — молодежь должна вставать на крыло самостоятельно. И тут голубеводу следует быть особо бдительным: если птенцу не хватило родительской заботы, чтобы окрепнуть, приходится брать специальных птиц-«кормилок». Но подойдут для этого не всякие, надо, чтоб совпадало время откладки яйца, иначе детей будет невозможно вытянуть. Вот такая тонкость.

Знал он не понаслышке и о том, как тяжело потерять голубя. Ведь у наших птиц много недругов: не только болезни, но и коты, ястребы, соколы. Опасность кругом. Не зря говорят, что все инфаркты и инсульты у голубятников — это шрамы на сердце от потерянных птиц. У меня есть сейчас редкостный 13-летний экземпляр, а так в лучшем случае голуби лет десять живут, не больше. И я, ешкин кот, всегда удивлялся, как успешно председатель огромного хозяйства с тысячью ежедневных проблем умудряется поддерживать в своей голубятне идеальный порядок. «Любовь и голуби» — это был его любимый фильм. И выражение «ешкин кот» постоянно было в ходу.

После ухода Юрия Федоровича из жизни его семья решила, что большую часть птиц они раздарят голубятникам в память о нем. Но нескольких оставили себе. Сейчас на бугаковском подворье живут шесть белых, красный, желтый и два черных голубя. За ними с большой любовью ухаживает зять Юрия Федоровича. Приходя в первые дни после похорон в осиротевшую голубятню, я скорбел, мне казалось, что птицы тоже это чувствуют. Было видно, что они тоскуют. Даже дерево провожает хозяина с опущенными листьями.

Но так устроено все на земле, что рано или поздно каждая большая любовь уходит в небо. Ушла и любовь Юрия Федоровича Бугакова. Чтобы вернуться книгами и удивительными птицами в голубятнях по всей округе вместе с благодарной памятью тех, кто и сегодня поднимает их ввысь.

ДОРОГА К ХРАМУ

Игумен Серафим

настоятель Пророко-Ильинской церкви села Верх-Ирмень

Святой Иоанн Кронштадтский говорил: «С вещественной милостью непременно должна об руку следовать духовная: ласковое, братское с чистосердечною любовью обращение с ближним. Не давай ему заметить, что ты одолжаешь его, не покажи гордого вида». Эти слова в полной мере относятся к Юрию Федоровичу. Никакого гордого вида у него сроду не было. Было искреннее и сердечное внимание.

— Есть такое известное выражение: «Чтобы приучить себя к отказам, надо вначале попросить подаяния у статуи». Действительно, просить нелегко, особенно если искреннее прошение натыкается на глухую стену. Это не каждому по силам. Но еще сложнее, когда отказ прикрыт улыбкой. Нам иногда на пути встречаются люди, которые радушно тебя принимают, обнимают, на просьбы отвечают «добро-добро», но как доходит до дела, берут свои слова обратно: «Извините, ничем помочь не сможем».

Это точно не про Юрия Федоровича Бугакова. Перед визитом в его кабинет не нужно было долго настраиваться. Он никогда не был равнодушен: принимал доброжелательно, в суть дела вникал мгновенно, в просьбах не отказывал и, если что пообещал, держал слово. А обращаться к нему нам приходилось часто.

И не только нам. Думаю, в Ирмень приезжали священнослужители со всей Новосибирской области, и для каждого Юрий Федорович находил доброе слово, каждому оказывал поддержку. Мы испытываем огромную благодарность и уважение к этому человеку, память о нем будет всегда жива в наших сердцах. Потому что всей округе было известно: главным благотворителем возрождения православных храмов Ордынского района был именно Бугаков. И наша обязанность сейчас — это молитвенная память обо всех совершенных им добрых делах, число которых, наверное, знал только он сам.

Познакомились мы еще в 90-х, практически в первые дни моего приезда в село Малоирменка. Родом я из Подмосковья, по послушанию начинал служить в одном из монастырей Ивановской епархии, а затем, по направлению священноначалия, нас с еще одним иеромонахом направили в Сибирь. Прибыли мы, огляделись и поняли, что одним нам с нелегким делом возрождения монастыря не справиться. Нужна была помощь человека, который бы обладал опытом и влиянием и благосклонно относился к православию. Молва привела к председателю «Ирмени».

Село нас порадовало с первого взгляда. Сразу видно, что не зря оно занимает одно из первых мест среди

хозяйств России, все здесь выглядело по-особенному ухоженным и уютным, везде чувствовалась рука хозяина. Прием оставил самое лучшее впечатление. Бугаков и встретил очень радушно, и помог деятельно, выделив строительные материалы. И с того дня, была ли Пасха — не было ли, когда мы с ним встречались, всегда троекратно целовались. Думаю, что так он здоровался со всеми служителями Церкви.

Святой Иоанн Кронштадтский говорил: «С вещественной милостью непременно должна об руку следовать духовная: ласковое, братское с чистосердечною любовью обращение с ближним. Не давай ему заметить, что ты одолжаешь его, не покажи гордого вида». Эти слова в полной мере относятся к Юрию Федоровичу. Никакого гордого вида у него не было. Было искреннее и сердечное внимание.

В 1998 году Преосвященнейшим Сергием, епископом Новосибирским и Бердским, я был назначен служить в Верх-Ирменский приход. Здесь нам предстояла огромная, казавшаяся неподъемной работа. Старинный сельский храм в честь пророка Илии, который во время гонений использовался как клуб, к нашему приезду был заброшен и начал разрушаться. Богослужения в Ирмени велись, но в приспособленном помещении и приезжим батюшкой. Кстати, под часовню это бывшее детское учреждение еще до нашего приезда приспособили также с помощью Юрия Федоровича. Поскольку есть церковное правило, запрещающее бросать бывшие храмы, мы решили восстановить Пророко-Ильинскую церковь.

Юрий Федорович, как узнал, сразу откликнулся и взялся помогать. Больше того, чуть ли не в первый воскресный день после нашего с монашествующими приезда они с Антониной Ивановной пришли к нам в гости: принесли рыбу, продукты, поинтересовались, удобно ли мы устроились. Антонина Ивановна Бугакова всегда активно участвовала в жизни прихода, пела на клиросе, ее сильный голос многие помнят и сегодня.

Потом Юрий Федорович взял за правило поздравлять нас с великими православными праздниками. Особенно он любил Рождество Христово, в честь которого всегда делал подарки, навещал и на Пасху. От него исходило доброе расположение, монастырскому подворью он помогал не только материально, но и советами. Причем ненавязчиво, не поучая, просто рассказывая о себе, что вызывало уважение. И с Божией помощью, при его поддержке мы со своей сложной задачей справились. Сегодня большой, просторный Пророко-Ильинский храм в Ирмени в целом восстановлен, пока он действует как летний и ждет завершения работ по обустройству газового отопления.

В 2015 году он был освящен, и председатель «Ирмени» также присутствовал на торжественном богослужении.

Я уверен, что Юрий Федорович был верующим человеком. Может быть, не церковным в строгом смысле, но верующим безусловно. Он мне рассказывал не однажды, как еще до нашего приезда путешествовал со священниками из Новосибирской епархии по святым местам. А когда увидишь места рождения Христа, его крещения, распятия и воскресения, невозможно остаться неверующим. Бугаков считал, что его хозяйству помогает Бог, и периодически просил отслужить молебны, помянуть кого-то или окрестить.

Мы тоже бывали у него в гостях. И дома, и на работе. Приходили поздравить с праздниками, иногда без повода, навещали, когда болел. Приносили книги, дарили иконы. Бывали не только по своей инициативе, но и по его просьбе. Например, он приглашал освятить икону Божией Матери «Спорительница хлебов», покровительствующую земледельцам. Он хотел, чтобы в месте общей работы коллектива «Ирмени» была своя святыня. К сведению, оригинал этой иконы написан в XIX веке по благословению великого русского святого преподобного Амвросия Оптинского.

Черта у Юрия Федоровича была такая — он всем сердцем любил свое отечество и родное село и делал все, чтобы пробудить эти чувства и в окружающих.

Так получилось, что отпевать его выпало мне. Отпевание было зимой и, естественно, происходило не в большом летнем храме, который пока не отапливается, а в находящейся рядом маленькой церкви во имя святого Серафима Саровского. Поэтому внутрь смогли попасть не все желающие. Но, как я знаю, прощаться с ним пришло очень много народа, что говорит об искренней любви людей. И конечно, сегодня раб Божий Юрий, по-церковнославянски Георгий, в наших поминальных списках навечно.

Его помощь и поддержку Православная Церковь отметила тем, что при жизни наградила его орденами святого благоверного князя Даниила Московского III степени и святителя Николая Мирликийского.

Преподобный Исаак Сирин говорил: «На суде Христовом потребуется в оправдание милость — как деятельное выражение любви, и заслужит помилования одна милость — как опытное доказательство любви». Мы надеемся, что милость, которую при жизни проявлял Юрий Федорович, не осталась без награды на небесах. Он действительно был Божиим благословением для Ирмени.

МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Леонид Иванович Кожухов

МЕХАНИЗАТОР, РАБОТАЛ В ХОЗЯЙСТВЕ С 1976 ПО 1991 ГОД

Пришел к Бугакову, ком в горле: «Володя умирает, уже до 28 килограммов похудел». Юрий Федорович тут же набирает главного хирурга области: «Механизатор мой у вас полтора месяца в коме, пожалуйста, разберись». Тем же вечером брату сделали очень серьезную операцию, после которой он прожил 12 лет.

— По жизни я обычно стараюсь речей не толкать — не люблю. И слушать больше предпочитаю природу: птиц, ветер, пшеницу… Но сегодня случай другой. О Юрии Федоровиче сказать надо. Необходимо. Потому что слова благодарности человеку должны быть произнесены. Я ему их и при жизни говорил, но как-то скупо. Мужская сдержанность мешала. Поэтому скажу сейчас. Уверен, он слышит.

Наше знакомство случилось, когда Юрий Федорович еще парторгом был, а я в школе учился. С седьмого класса на летних каникулах я обычно работал в колхозе, вот на сенокосе и познакомились. У меня отец был помпотехом на третьем участке, брат старший там же на тракторе, а я у него — на граблях. Бугаков подошел: «Видишь, Иван Константинович, какой ты молодец, оба сына рядом». Такая у нас была первая встреча.

А как школу окончил в 76-м, пришел на работу устраиваться, вот тогда по душам поговорили: председатель отложил ради меня все дела и стал расспрашивать, чем бы я хотел в жизни заняться. Большой был человек, на руководящем посту, но разговаривал запросто, по-отечески, не свысока, что в душе у меня удивительный настрой появился — готов был горы свернуть. У него была особая доброта в отношении к механизаторам и дояркам. По своей семье знаю. Брат Володя у меня всю жизнь трактористом в «Большевике» — как пришли оба со школы, больше никуда. И Бугаков ценил это очень.

Мне довелось в жизни много горести пережить: вначале жена утонула, а потом я заболел. Потребовалась операция. Тяжелая, с серьезными последствиями — после нее полгода нельзя было садиться. Но и ту делать не хотели. Главный врач областной больницы, доктор лет под 75, посмотрел мои снимки и сказал: «Операция очень сложная, мы не институт, не возьмемся». Я ему давай объяснять: ребятишки на мне, мать болеет, нельзя мне никак в инвалиды. Тогда он говорит:

«Ладно, направлю вас в институт, там могут сделать. Но только платно: 11 миллионов».

Я как эту сумму услышал, очумел. Но решил — была не была, пойду к Юрию Федоровичу: да — да, нет — нет. Обид не будет, он человек опытный, может, какой другой выход подскажет. Бугаков первым делом спросил: «Может, Леша, просто денег хотят выкачать?» Я пожал плечами. Тогда он позвонил врачу, которому доверял, диагноз мой объяснил и получил подтверждение: да, полгода садиться не сможет, зато потом будет чувствовать себя более-менее, и инвалидность исключена. Тогда Бугаков сразу вызывает по селектору главбуха и дает распоряжение — сегодня же срочно перечислить деньги. Следом звонит в институт: «Копия поручения, подтверждающая платеж, вас устроит?» — «Да». И я поехал.

Вторая такая же ситуация была с братом, который почти два месяца лежал в коме. Когда я приехал в очередной раз сдавать для него кровь, врач говорит: «Это, наверное, последний, больше держать его не сможем». Опять пришел к Бугакову, ком в горле: «Володя умирает, уже до 28 килограммов похудел». Как так? И он тут же набирает главного хирурга области, с которым был хорошо знаком: «Механизатор мой у вас полтора месяца в коме, пожалуйста, разберись». Тем же вечером брата положили на стол, сделали очень серьезную операцию, и Володя после этого прожил 12 лет.

А потом и с сыном случилось. Когда ему из-за саркомы удалили часть кости, нам сказали, что качественную реабилитацию может провести только один профессор в Израиле. А поездка туда миллион с лишним стоит, где такие деньги взять? Молодежь наша ирменская стала вскладчину собирать, Дворец культуры благотворительные концерты давал, от колхоза деньги выделили, от депутата областного Совета Морозова. И тут звонит Бугаков:

— Ну что, набрал миллион?

— Сто тысяч еще, Юрий Федорович, не хватает.

— Скажи, на какой счет перечислить.

И буквально за считанные часы нам пришли его личные сто тысяч рублей. А потом он постоянно интересовался, как там Дима, — вот человечность! И так, я знаю, не только нашей семье, он многим механизаторам помогал. К нему не зазорно было прийти в минуту беды, у нас полсела ему обязаны.

Конечно же, если он о чем-то просил, отказа тоже не было.

Когда мы КИТы — коллективы интенсивного труда — создали, вначале вроде все хорошо шло, но в 85-м году мужики не выдержали большой нагрузки и отказались, пол-лета только и отработали. А КИТы эти на всю область и даже Россию гремели. Бугаков приехал:

— Леш, Вов, одно звено отказалось, второе, вы как?

— Мы работаем, Юрий Федорович!

— Докажем, что мы ирменцы?

Господи, конечно! Ему достаточно было сказать — и мы делали все, что умели и могли. Три года тогда отработали и впервые за Уралом получили на своей площади в тысячу гектаров урожай зерновых по 33 центнера. Это было что-то невероятное.

Потом, когда мы Госпремию за КИТы в Москве получали, вышли втроем из Кремля, идем в гостиницу «Россия», смотрим — Бугаков навстречу, он тогда в Верховном Совете заседал. Как он нам был рад! Своему коллеге говорит: «Вот мои механизаторы, мои орлы! Смотри, какие красавцы!» Другой бы поздоровался и прошел. Но только не Юрий Федорович! Он никогда не скупился на доброе слово.

Или вот Гена Бабкин, который у нас награду получал от Путина. Я помню, Бугаков подъехал: «Как, Ген, дела? Что у тебя с Любашей? Как, по-твоему, это поле лучше засеять?» Агроном по образованию, он спрашивал совета у тракториста! И внимательно слушал, что тот скажет.

Вообще он людьми гордился, и когда мы ездили на комбайнах куда-то помогать в уборке, всегда давал на дорожку наказ: «Имейте в виду, ребята, вы — ирменцы! Люди, которые умеют и хотят работать! Поэтому трудитесь, как никто. Если где-то нарушите

дисциплину — прощу, но если честь хозяйства уроните, прощения не ждите». Что касается работы, спрашивал он всегда очень строго.

Но и сам работал на износ. Из Москвы в шесть утра на самолете прилетит, напрямую с аэропорта в поле — все объехать и посмотреть, а в девять — уже на перекличке и все знает. Мы понимали: человек самого себя отдает, он с нами не по должности, а по душе, и грех его подставить.

А ведь бывало. Не нарочно, но бывало. Вот только Юрий Федорович человек был отходчивый. Не злопамятный. Даже если накосячишь, а потом стараешься, никогда больше не упрекнет. Были и у меня устные выговоры. Помню, когда бригадирил, на севе много техники ходило, поле утоптали, и всходы поднялись неровные. Он проехал: «Леш, как ты мог так посеять?» Я пытаюсь объяснить, что земля уплотнилась, взойдет попозже. А он строго так: «Что, 26 гектаров уплотнения? Если ничего не вырастет, зарплатой накажу!» Но когда осенью урожай был шикарный, сказал: «Это хорошо, что все выросло», — и ни разу потом за всходы не ругал.

Была у него способность предвидения, он понимал, куда хозяйство вести. Молочную переработку первый создал, добился через Москву и купил за валюту шведскую машину. Потом колбасный цех. «Можно, — говорил, — всю прибыль проесть, но лучше вложиться, вот тогда жить будем». Так и получилось. До сей поры хозяйство за счет молцеха и колбасного производства живет. И кого ни спросите в городе, чье молоко пьете, чью колбасу берете, все ответят — ирменские.

Пускался он во все это не очертя голову. Сначала попробует, потом нарастит. Вот холодный метод выращивания. Как можно теленка на мороз? Оказалось, можно и даже полезно. Озимую пшеницу до него в Сибири не сеяли, только рожь. Решил попробовать. «Вот вам, Леш, 25 гектаров, выберите место». Получилось? «Теперь давайте 150».

Когда я бригадиром работал, трактор у него просил. Он говорит: «Ты меня убеди, зачем. Почему прежний не устраивает? Приходи и обоснуй». А когда разложишь по полочкам, денег не жалел. «Но смотри, я с тебя за это дело спрошу. Докажи результат». Доказал — честь и хвала. Не получилось — давай искать причину.

Был период тяжелый у нас, неурожай: кукуруза не выросла, трава — тоже, поэтому силоса заготовить не получилось. Бугаков нашел выход: «Давайте засеем поля однолетними, чтобы пережить зиму». И с тех пор завел правило — иметь двухгодичный запас кормов. Комплекс, помню, перестраивали, дело к зиме, а у него крыши открыты. Мобилизовал всех, вплоть до главных специалистов, и дружно все сделали.

Бугаков — это опора. Спасательный круг. Незыблемая уверенность в том, что все будет хорошо.

Он ввел санатории: пожалуйста, ребята, поддерживайте здоровье. Выбивал для нас путевки. Мы с мужиками новый 1986 год на Кубе встречали, а до этого я во Францию ездил. А когда молодой был, мне по настоянию Бугакова за отличные результаты путевку в Болгарию давали. Это потом я узнал, что у Юрия Федоровича были противники — мол, больно молодой еще! Но он их одной фразой остановил: «Ну и что, что 18 лет? Что он, не человек, что ли? Пусть наша молодежь растет!» Я, правда, не поехал тогда, в армию забрали, но как было сказано!

Рядом с Юрием Федоровичем я отработал почти полвека. И все эти годы он за своих стоял горой. Мы отвечали тем же. Если Бугаков попросит: «Мужики, надо сделать», — люди душу отдадут. Но он просто так не просил и потом всегда находил способ отблагодарить.

И сегодня по иронии судьбы позднее, чем надо, хочу сказать ему слова благодарности за то, что он был в моей жизни. Что семью мою трижды спасал. Что самые памятные мои события связаны с ним. Это не простые слова «вечная память». В моей душе это так и есть.

Я БЫ МУЗЫКУ ПИСАЛ
НА СТРОЧКАХ ПАХОТЫ.
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

«Я ГОРЖУСЬ, ЧТО ЖИВУ
И РАБОТАЮ БОК О БОК
С ИРМЕНЦАМИ.

ГОРЖУСЬ НАШИМ
ХОЗЯЙСТВОМ И НАШИМИ
ЛЮДЬМИ, НАШЕЙ ЗЕМЛЕЙ,
КОТОРАЯ ТАК ЩЕДРО
ОТЗЫВАЕТСЯ НА НАШИ
ЛЮБОВЬ И ЗАБОТУ».

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

Галина Кузьминична Москаленко

председатель профсоюзной организации ЗАО «Племзавод «ИРМЕНЬ»

У него было особое отношение к матери. Не только своей — к матери вообще. Он заботился и помогал беременным женщинам, многодетным. Как-то вызывает меня, спрашивает: «Галя, у нас все многодетные готовы к зиме?» Я ему докладываю: с теми переговорила, а у этих еще не успела выяснить. «Выясни! Особенно у тех, кто без отцов детей растит».

— Юрий Федорович помогал людям всю жизнь. Человек, зашедший к нему в кабинет со своей бедой, выходил уже с другим настроением. Бугаков умел разговаривать с людьми, находить нужные слова, он был великолепным психологом. Если дал обещание — хоть гром с неба, обязательно выполнит. Это все знали. Не передумает никогда, не поменяет своего решения.

Как-то у нашего передового механизатора сгорел дом. Бугаков подъехал на машине:

— Все живы?!

— Все.

— Не расстраивайся — дом восстановим.

И мы собрали деньги, хозяйство выделило материалы на строительство — вскоре механизатор справлял новоселье.

Наши животноводы работают по скользящему графику — выходят и в праздники, и в выходные, и в Новый год. Бугаков завел традицию: ездить и поздравлять их на рабочем месте. Первого января мы собирались в шесть утра: Юрий Федорович, главный зоотехник, ветврач и я как председатель профкома. На зоотехника шапку Деда Мороза нахлобучим — и поехали поздравлять, подарки вручать! Мне кажется, Бугаков от этого настоящее удовольствие получал. И люди были довольны — рады не столько столько подаркам, сколько вниманию. Бугаков обычно предлагал: «Ну давайте, спрашивайте, кого что волнует?» И они всегда задавали много вопросов — он всем отвечал обстоятельно. Кто стеснялся к нему в контору со своим делом прийти, тут мог без помех обсудить все напрямую.

Юрий Федорович был убежден: только высокой зарплаты и хороших условий труда для людей недостаточно. Надо еще, чтобы школа в селе была хорошая, чтобы в больницу можно было детей свозить, чтобы кружки работали, было чем заняться — хоккеем, футболом,

дзюдо, конным спортом. Вот сейчас наш хор подтвердил звание народного: участвовал в фестивале, занял высокое место. Для Бугакова такие достижения были чрезвычайно важны. Это такой системный, стратегический подход к воспитанию человека. На животноводческом комплексе — асфальт, газоны, долина роз. Не полынь растет, не грязь под резиновыми сапогами чавкает, а прошел человек проходную в чистой обуви, и настроение у него улучшилось.

Наши работники постоянно ездили в Новосибирск в театры: оперный, «Красный факел», Дом актера. Детей возили в театр, цирк, зоопарк, дельфинарий. Некоторые, может быть, с места бы не сдвинулись, а детей обязательно повезут и вместе с ними в прекрасных местах побывают. И со временем среди механизаторов и доярок настоящие любители оперы и балета появились!

Бугаков и церковь в селе помогал строить. Каждый год на Рождество Юрий Федорович вместе со мной отправлялся в храм поздравлять священнослужителей и прихожан. В этот праздник всегда много детей в церкви, их тоже поздравляли. Может, он и не был глубоко верующим человеком, но точно жил с Богом в душе.

Он всегда расстраивался, когда видел по телевидению одних и тех же артистов да спортсменов и современные передачи: кто на ком женился, кто с кем развелся, кто от кого родил. Его это сильно огорчало, он все время повторял: «Где человек труда? Почему о простых людях позабыли?» Сожалел, что нет комсомола и пионерии. Люди должны не только хорошо зарабатывать, но и гордиться своим трудом — для него это было чрезвычайно важно. Поэтому он нашим работникам и грамоты вручал, и о присвоении званий и наград ходатайствовал.

Он старался как-то выделить людей. Очень гордился победами доярок или механизаторов, когда они занимали первые места на профессиональных конкурсах. А когда не занимали — сильно огорчался, считал, что мы всегда и во всем должны быть первыми. Помню, наша команда спортсменов-ветеранов поехала в Ордынское на районные соревнования. Мы часто выигрывали, но в тот год наши виды спорта — теннис, шахматы — убрали, заменили на другие, и команда стала третьей. Юрий Федорович у меня на следующий день спрашивает:

— Ветераны в Ордынку ездили?

— Да, ездили.

— И что заняли?

— Третье место.

— Тре-е-е-тье?! А впереди кто?!

— Ордынка и Филиппово.

Он расстроился:

— Третье место… Зачем вообще ездили?!

Нам нельзя было никому уступать первенство.

Я знала, что если он обращается ко мне по имени-отчеству, Галина Кузьминична, то это строго, официально, а если «Га-а-ля!» — это по-отечески. Номер его телефона никогда в свой мобильный не записывала: боялась, что внучка нечаянно наберет. Как видела, что звонит Бугаков, сразу волновалась. Что спросит на этот раз? Потому что идешь в понедельник на планерку, уже готовишься: так, спортсмены первое место заняли, культура привезла диплом, праздник провели на хорошем уровне — вроде все замечательно. А прилетит, откуда не ждешь. В другой раз наоборот: е-мое, думаешь, сегодня точно попадет, а он не заострит на этом внимания.

У него было особое отношение к матери. Не только к своей — к матери вообще. Он заботился и помогал беременным женщинам, многодетным. Как-то вызывает меня, спрашивает:

— Галя, у нас все многодетные готовы к зиме?

Я ему докладываю: с теми переговорила, а у этих еще не успела выяснить.

— Выясни! Особенно у тех, кто без отцов детей растит.

Я тут же все дела бросила и пошла по остальным многодетным семьям. Всех опросила, составила список, прихожу к нему, показываю. Бугаков внимательно прочитал, говорит:

— Иди, одевай их.

— А где одежду покупать?

— Да хоть в бутиках! Главное, чтобы к зиме одеты были.

Поехали по магазинам — не в бутики, конечно, в Ордынск, все обошли, но выбрали хорошую одежду. Ко мне потом одна мамочка подходит: знаете, мне обязательно нужно Юрию Федоровичу спасибо сказать, но я боюсь к нему идти. Проводила ее к Бугакову, говорю:

— Вот Наталья пришла вас поблагодарить.

Смотрю, а у него на глазах слезы.

Или вот женщина у нас свинаркой работала — вдова, пятеро детей. Юрий Федорович помог ей получить господдержку, дом за счет хозяйства купили, детей к школе помогали готовить.

Менялся ли он с годами? Дисциплина, требовательность к себе и другим — это нет, это ему на протяжении всей жизни присуще было. Но после семидесяти он стал сентиментальнее. Когда перенес операцию на почке, долго-долго его не было — и вот вернулся. Зашел в зал — худой, еще не восстановился полностью — все встали и зааплодировали. Он очень растрогался. Такие проявления эмоций я часто замечала у него в последние годы. Мне кажется, в 50–60 лет он был железным, а тут я видела, что ничто человеческое ему не чуждо. Сидишь рядом на концерте, на сцене исполняют трогательную песню — он расчувствуется. Или когда старые фотографии перебирает — на своем юбилее, допустим. Это очень к нему располагало.

Я в Верх-Ирмень случайно попала. Работала после учебы в Новосибирскоблстрое, и от нашей организации посылали людей на уборку в Ордынский район. Мы с подругой приехали в Ордынку, а там заявка от колхоза «Большевик». И мне послышалось, что деревня называется «Верхний Ремень». Знакомые спрашивают:

— Тебя куда посылают?

— В какой-то Верхний Ремень.

А что это судьба моя, даже подумать не могла.

Фамилия Бугакова уже тогда звучала, это был самый уважаемый человек в сельском хозяйстве нашей области. Но я не была с ним знакома, знала только понаслышке и представляла себе солидным, почти пожилым — он же на 20 лет старше меня. А увидела в первый раз на лыжне — в красивом лыжном костюме, в хорошей спортивной форме. «Какой молодец! — думаю. — Успевает еще и на лыжах». Потом узнала, что спорт ему не чужд, он и сам занимался, и колхозников к здоровому образу жизни приучал.

Когда я впервые оказалась на заседании правления, Бугаков поразил меня своими знаниями в животноводстве. Потом я только удивлялась: он разбирался в экономике не хуже наших экономистов, в строительстве — не хуже главного инженера, в агрономии — тут ему сам бог велел.

Мне кажется, самообразованием он занимался всегда. Прихожу к нему подписывать документы — у него на столе лежат «Дети Арбата», еще в самиздате. Он читал очень много! И заражал других своим примером. В разговоре, помню, обмолвился: «Зачитался вчера Достоевским». И я тоже давай читать Достоевского! Не скажу, что полюбила, но прочла благодаря Юрию Федоровичу.

В другой раз услышала, как он Михаила Булгакова хвалил. Я два раза «Мастера и Маргариту» прочитала, но пока фильм не вышел — не воспринимала целиком, не понимала. В 90-е годы мода на всякую зарубежную психологию пошла — смотрю, на столе у Юрия Федоровича лежит книга Карнеги. А сколько он специальной литературы изучил! И вот, возвращаясь к первому заседанию правления с моим участием, сижу я, замещая ушедшего в отпуск руководителя своего отдела, и слушаю, как отчитываются перед Бугаковым животноводы. Этот день я никогда не забуду!

Что-то не ладилось, и от председателя попало всем: и зоотехникам, и ветврачам, и племотделу. Я сижу, слушаю, и мне кажется, что его познания в ветеринарии и животноводстве больше, чем у специалистов! Он их разносит в пух и прах, а у меня комок в горле от страха: не хочу больше сюда!

Но потом меня затянуло. Мне хотелось быть в курсе всех событий, происходящих в хозяйстве, хотелось слушать перекличку, хотя по работе она мне особо и не нужна.

Перекличка у Бугакова каждое утро проводилась, руководители производственных участков и главные специалисты отчитывались о работе за предыдущий день и обсуждали планы на сегодняшний. Эту традицию Юрий Федорович и завел: раз в неделю по понедельникам — большая планерка, а каждое утро — перекличка. Такой порядок очень дисциплинировал людей, не давал расслабляться.

Авторитет у Юрия Федоровича среди наших работников был огромный. Когда я на выборах агитировала за того или иного кандидата, для меня главное было — упомянуть, что его поддерживает Бугаков. Услышав это, большинство не сомневалось, за кого голосовать. Раз Бугаков за него — значит, так надо, ему виднее. Больше года прошло, как его нет с нами, а я каждый раз думаю, когда случается что-то хорошее: вот Юрий Федорович обрадовался бы. Или, наоборот — ох как влетело бы за это…

Сейчас у нас Ольга Ефремова заняла первое место на Всероссийском конкурсе зоотехников-селекционеров, у меня сразу мысль: как бы Юрий Федорович гордился, узнав о победе!

А может быть, он знает? Я каждое утро еду на работу, а по пути баннер с его портретом — и я с ним здороваюсь.

Думаю, что не только я.

Он был отцом для всей Ирмени

Татьяна Александровна Мартюшова

заведующая детским садом «Золотой петушок» ЗАО «Племзавод «Ирмень»

Юрий Федорович часто приходил в детский сад, и никогда с пустыми руками. То игрушки привезет, то большой батут, а весной каждому выпускнику обязательно — ортопедический портфель. Он гордился ирменским детсадом и, показывая многочисленным гостям наши замечательные группы, бассейн, музыкальный зал, постоянно приговаривал: «Посмотрите, какие у нас красивые дети, какие розовощекие! Нигде таких нет!»

— В школе по пятницам мы не учились. Это был день труда. Все одноклассники шли в колхоз: кто к агрономам, кто к бухгалтерам, кто в мастерские. Это было чудесное время, которое я назвала бы «генеральной репетицией» будущего. У меня именно так и получилось. Выбор собственной профессии я сделала благодаря тому, что в старших классах с удовольствием ходила по пятницам в детский сад «Колосок».

Дети тогда покорили меня настолько, что сомнений не осталось: только педагогика. И в 1987 году по направлению колхоза «Большевик» я поступила в педагогическое училище имени Макаренко № 1.

Потом почти все два студенческих года колхоз платил мне повышенную стипендию — 47 рублей. По тем временам это были сумасшедшие деньги, на которые я умудрялась не только прожить месяц, но привезти домой на гостинцы дорогущий двухъярусный торт «Лакомка». Очень серьезная поддержка со стороны колхоза! Взамен от меня требовалось немного: хорошо учиться и по окончании вернуться в родное село молодым специалистом. С чем я успешно и справилась.

Выпускные экзамены сдала неплохо, что давало возможность на льготных условиях поступать в институт. Но я сказала «Нет! Я — домой». У нас в Ирмени в тот год открылся новый детсад, где меня уже ждали.

Пришла сначала воспитателем. Однако в 90-е рождаемость упала, и вместо девяти групп в саду осталось пять. Поэтому часть воспитателей, в том числе и я, были переведены в няни. При этом платить нам продолжали по-прежнему, коллектив был прекрасный, в общем, не могу сказать, что я сильно из-за этого перевода огорчилась: в целом меня все устраивало.

Но однажды меня пригласила к себе в кабинет заведующая:

— Завтра утром до восьми ты должна прийти на прием к Юрию Федоровичу.

Я перепугалась:

— Что случилось, Любовь Григорьевна?

— Не знаю, Танечка.

Она знала, конечно, но сочла, что эту новость мне должен сказать председатель.

А я по натуре очень переживательный человек, поэтому ночь накануне не спала. Что там такое? За что меня на ковер? Утром пришла в контору: руки трясутся, ноги подкашиваются. Нина Карловна Самкова успокоила: «Поправь волосешки, Таня, и не волнуйся, сейчас все узнаешь».

Вошла я в кабинет, села на стул перед Юрием Федоровичем.

— Ну что, Татьяна Александровна, — говорит, — ваша заведующая уходит на заслуженный отдых. А на замену ей из трех кандидатур правление выбрало тебя.

Я аж подскочила! Слезы брызнули:

— Рано мне еще, Юрий Федорович, не получится у меня.

Он засмеялся:

— Не получится — выгоним. Получится — поможем. Тряпкой намахаться всегда успеешь. Так что иди, принимай дела.

Мне было тогда 25 лет, сейчас — 52. И с благословения Юрия Федоровича Бугакова я по-прежнему остаюсь заведующей своим любимым детским садом «Золотой петушок». Постепенно во все тонкости дел вникла, освоилась и взяла за правило решать вопросы по максимуму самостоятельно. А на прием к председателю ходить лишь в действительно важных случаях.

Свои визиты обычно старалась делать ранним утром. Готовилась загодя, будто к экзамену: все укладывала в голове по полочкам — я очень уважала Юрия Федоровича и не хотела отнимать у него лишней минуты. Даже решила, что буду печатать свои просьбы и соображения на машинке, чтобы ему было удобнее.

Заходила в кабинет, вставала по стойке смирно и быстро-быстро проговаривала все, что приготовила. Он смотрел, слушал, потом говорил: «Таня, успокойся, я понял. Давай свою бумагу». Потом, когда у него выдавалось время, он глубочайшим образом изучал мои записи вдоль и поперек, ставил на полях вопросики, и мы вместе досконально разбирали каждый пункт: что может потерпеть, а что нет.

Со дня основания наш детский сад полностью находится на балансе племзавода, лишь в последние четыре года мы стали получать небольшие субсидии от министерства образования. Обходимся мы своему предприятию очень дорого — более 20 миллионов рублей в год, плюс ежегодные ремонты и реконструкции. В 90-х Юрий Федорович имел возможность передать нас в район и, насколько я знаю, подумывал об этом. Но в итоге решил оставить: «Ну как я их отдам? Не могу, рука не поднимается».

Благодаря этой сильной руке мы и сегодня остаемся в исключительном для детских учреждений положении. Лучших условий, на мой взгляд, просто быть не может. Нас всем обеспечивают. У меня нет тревог и сомнений по поводу будущего. Я не боюсь никаких проверок, потому что знаю: в детсад поставляется все самое качественное — продукты, оборудование, игрушки.

Последним нашим предложением, которое Юрий Федорович поддержал, было строительство фонтана. Он очень долго над этим думал, эскиз одобрил не с первого раза, и сегодня наш шикарный, созданный по последним современным разработкам фонтан уже действует. Даже в городе такого не встретишь! И на детской площадке, где поработали приглашенные Юрием Федоровичем ландшафтные дизайнеры из Новосибирска, сейчас тоже шик и блеск. Жаль только, что Бугаков уже не успел этого увидеть…

Дети для него были безусловным приоритетом всегда. Каждый год я присутствовала на итоговых собраниях акционеров, где озвучивали суммы дивидендов и традиционное заявление Бугакова о том, что от своей части он отказывается в пользу социального развития села. На детей в последнее время он направлял в среднем по четыре миллиона рублей ежегодно! Мы очень многое на эти средства смогли сделать. Плюс председатель часто приходил к нам на праздники, и никогда с пустыми руками. То игрушки привезет, то большой батут, а весной каждому выпускнику обязательно дарили ортопедический портфель. Он гордился детским садом, часто приводил к нам делегации, показывал им группы, бассейн, музыкальный зал и приговаривал: «Посмотрите, какие у нас красивые дети, какие розовощекие! Нигде таких нет!»

Как придет, я начинаю волноваться: какой вопрос задаст в этот раз? Детей много, вдруг опять захочет уточнить чью-нибудь фамилию, а у меня в такие минуты от волнения все вылетало из головы. Замешкаюсь с ответом, он посмотрит строго и скажет по-отцовски: «Татьяна, тренируй память!» Потому что сам всегда помнил все до мелочей. Меня это его качество особенно поражало, я младше, но такой памятью похвастаться не могу.

Мы с детьми тоже очень часто ходили к нему в кабинет, чтобы поздравить с очередным праздником — 23 февраля, Новым годом, Днем пограничника, днем рождения. Надо было видеть, с какой радостью он выслушивал поздравления малышей! Поаплодирует, конфетами всех одарит, а на дорожку еще и обязательно даст сладкую корзинку — для тех, кто остался в саду.

В 2015 году, когда законодательством были установлены новые образовательные стандарты, Юрий Федорович фактически во второй раз «благословил» меня на профессиональный рост. Ведь с этого года все воспитатели должны были получить специальное образование, а руководители детских учреждений — и того больше: специальное высшее по направлению «Менеджмент организации». Я всех своих девочек отправила переучиваться, а сама «зависла». С одной стороны, у меня за спиной

только педучилище, этого мало. С другой — мне уже 45! Как быть? И учиться поздно, и не учиться нельзя.

Пошла к Юрию Федоровичу:

— Что мне делать?

— Учиться.

— Какое учиться, мне под 50! Может, переведете обратно в воспитатели?

— Успокойся и поезжай. Учиться никогда не поздно. А платить за твое обучение будет племзавод.

Ну, раз Юрий Федорович говорит… Проплакалась я и поехала, сдала экзамены, а пять лет спустя привезла в отдел кадров долгожданный диплом.

Он был удивительным человеком! Вдохновляющим. Поддерживающим. И при этом очень скромным и доступным. В 1990 году они вместе в Антониной Ивановной не отказались прийти ко мне на свадьбу и сидели в числе ста приглашенных, как обычные гости. А потом Юрий Федорович еще и спел. Как сейчас помню, это была песня «На дальней станции сойду».

Был он на свадьбе и у моей сестры. А для папы нашего Александра Александровича Боброва, всю жизнь проработавшего в колхозе механизатором, стал ангелом-хранителем. В 2004 году отец оказался на грани жизни и смерти. Диагноз: сепсис. Он очень долго лежал в районной больнице, перенес неудачную операцию и на глазах угасал. Когда я поняла, что дело плохо, бросилась к Юрию Федоровичу. Захожу со слезами в кабинет, а он мне навстречу: «Таня, все знаю». Созвонился со своим другом-врачом в Новосибирске, и прямо в Рождество, 7 января, отца на вертолете отправили в областную больницу. Там — еще полтора месяца в реанимации, и все это время наш председатель выделял транспорт и отпускал людей с работы, чтобы они могли съездить в Новосибирск и сдать кровь.

Папа выжил. Низкий поклон Юрию Федоровичу! Он был человеком, который до последнего болел душой за все. Таких, мне кажется, я в жизни больше не встречу.

СРАЖЕНИЕ ЗА ЖИЗНЬ

Виктор Викторович Гудков

главный врач ЗАО «Племзавод «ИРМЕНЬ»

Бугаков принял меня на работу и сказал: «У нас на пенсии нет ни одного механизатора — не доживают. Надо сделать так, чтобы люди жили дольше». И мы это сделали! Сегодня ирменские мужики выходят на пенсию и продолжают радоваться жизни.

— Бугаков принял меня на работу и сказал: «У нас на пенсии нет ни одного механизатора — не доживают. Надо сделать так, чтобы люди жили дольше». И мы это сделали! Сегодня ирменские мужики выходят на пенсию и продолжают радоваться жизни.

До приезда в Сибирь мы с женой работали в городе Фрунзе, снимали квартиру. Я — хирург, она — педагог. В 86-м «Медицинская газета» приглашала врачей на Дальний Восток, и я отправился на Сахалин — узнать, какие условия для работы и жизни. Оказалось, работы много, а жилья нет. Мне пообещали дать квартиру в доме, который только собирались строить. И вот лечу я в раздумьях из Владивостока домой, в Новосибирске — пересадка, и между рейсами выпадает два свободных дня. Встречаю родственника, который был архитектором и контролировал ход строительства монумента Славы в Верх-Ирмени, и он приглашает меня поехать с ним. Для начала просто посмотреть.

Приехали: он — на стройку, я — в больницу. Главный врач мне говорит: «Нам хирург не требуется, но вы зайдите в контору к председателю колхоза Бугакову. Он санаторий задумал строить, ищет врача».

Юрий Федорович оказался на месте — чернявый молодой красавец-парень. Выслушал меня, спросил:

— Жена кем работает?

— Педагог.

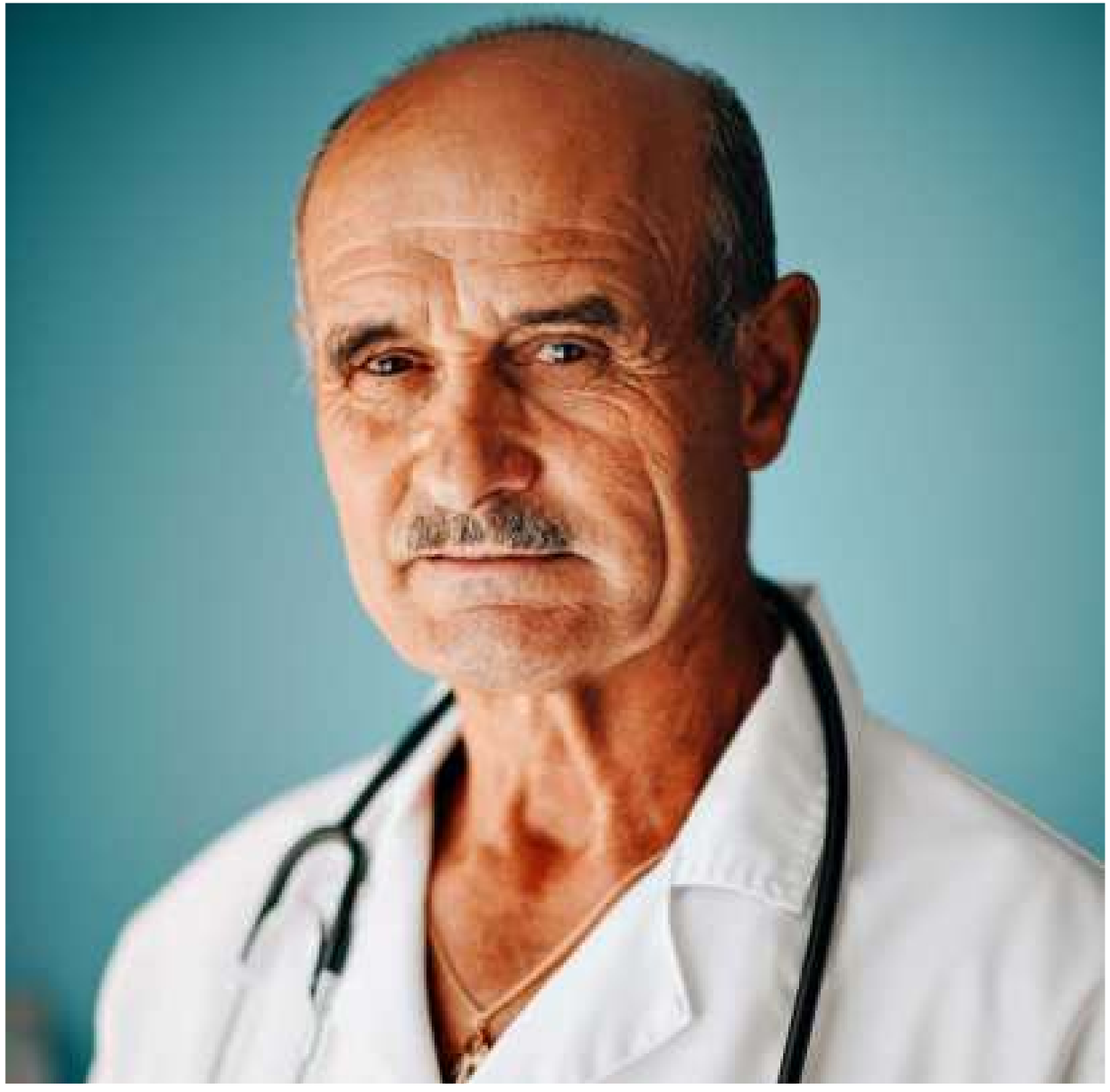
— Учителя нам нужны. Если в ближайшие две недели приедете, возьму обоих. Не приедете — буду искать другого врача.

Тут же вызвал коменданта по телефону:

— Покажи двухкомнатную квартиру!

Вот с тех пор здесь и работаю.

Один доктор сказал мне: судьба вас связала, вы оказались нужны Юрию Федоровичу, он — вам. Правда, специальность пришлось поменять — был хирургом, стал обычным земским врачом. Надо глаз полечить — нет вопросов, ухо заболело — приходите. Зашить, вправить, укол сделать и так далее — пожалуйста.



За счет фирмы я получил массу специализаций: освоил терапию, иглотерапию, мануальную терапию, физиотерапию и «детство».

Мне в нашей медицине что не нравится? Человеку плохо сегодня, а его ставят на очередь через две недели, месяц. Такой подход к больным — это в корне неправильно! «Ирмень» в этом плане всегда была исключением. Что можем сделать сами — делаем, чего не можем — перепоручаем ведущим областным клиникам, с которыми у нас договоры. Можем госпитализировать человека, когда требуется, в любое время дня и ночи. И завтра ему станет легче! Или прооперируют вовремя, или снимут симптоматику, которая его беспокоит.

Бугаков всегда думал меньше о себе, а больше об окружающих. Даже о производстве во вторую очередь, на первом месте у него были люди.

В 90-е годы мы с Юрием Федоровичем выстроили целую систему льгот и мер по охране здоровья сотрудников хозяйства. Внедрили принцип: если человек отработал нужное количество лет, то все обследования и лечение в стационаре оплачивает предприятие, человек берет на себя только подоходный налог с этой суммы. Стали бесплатно обследовать и лечить всех верх-ирменских детей. Взяли на медицинское обеспечение учителей — по стажу им все оплачиваем.

Когда в 2000-х младенцев стало рождаться меньше, чем умирало стариков, Бугаков распорядился кормить беременных женщин бесплатно и снабжать их витаминами. И мы переломили ситуацию! Демографическая статистика у нас пошла в плюс.

Если речь шла о жизни человека, у нас с Юрием Федоровичем никогда не возникало вопроса о деньгах. Деньги — деньгами, сегодня их нет, завтра будут, а человека завтра может не стать. И установка Бугакова — не откладывать на завтра, если можно помочь человеку сегодня, у нас действует по сей день.

Юрий Федорович на своих болячках не зацикливался, но и не относился к здоровью спустя рукава. Он каждый год ложился на плановое обследование, а если была необходимость, то и на лечение.

В 2010-м при очередном обследовании врачи обнаружили у него опухоль почки. Собрали консилиум из профессуры двух больниц — областной и железнодорожной. Вердикт оказался неутешительным: почку нужно удалять. Для Юрия Федоровича это стало серьезным ударом, он сильно переживал. Однако операцию перенес стойко. Гистология показала, что опухоль злокачественная.

После операции Бугакову приходилось ограничивать себя во всем: это нельзя, то нельзя. Он соблюдал все запреты и рекомендации. Мы ездили на дополнительные обследования, в том числе дважды в Германию, искали оптимальный вариант лечения.

После удаления почки он прожил десять лет. Вот только последний год выдался для него очень тяжелым — болезни не отпускали, как будто цеплялись одна за другую. Осенью 2019-го Бугаков поехал на животноводческий комплекс, не переобулся и пошел по лужам прямо в туфлях. Пока делал обход, давал распоряжения, промочил ноги и получил воспаление легких. Выздоравливал тяжело, практически два месяца пролежал в железнодорожной больнице. И только справился с пневмонией, как упал и сильно повредил ногу. Рана инфицировалась, началось воспаление. Справились и с этим, вытянули его.

Едва выздоровев, Юрий Федорович сел за руль и поехал в поле проверять посевы, на выбоине автомобиль подскочил, его сильно тряхнуло, и он получил компрессионный перелом позвонков. Отвезли в областную больницу, травматологи поработали, отправили его в корсете домой, и… Бугаков начал сражаться за жизнь — ему заново пришлось учиться ходить!

Потихонечку подняли его в корсете, стал понемногу передвигаться — и тут же поехал на работу. Но начались нелады с давлением, на фоне давления — изменения в сердце, и кардиолог областной больницы рекомендовала новую госпитализацию. Ситуация была тяжелая. Пришлось вызывать в Верх-Ирмень санавиацию, Бугакова отвезли в областную больницу — сначала в реанимацию, там отходили — перевели в отделение. Сам в корсете, организм ослаб, сердце шалит, показания почек ухудшились — одно за другим. И поверх всего — снова пневмония. Взяли анализ на ковид — оказался положительный.

Врачи уговаривали его перевестись в первую инфекционную больницу на улице Семьи Шамшиных. Даже губернатора подключили. Но было поздно. Состояние Юрия Федоровича ухудшалось. Я был с ним до последнего дня, до последнего момента, когда его увезли в реанимацию. Оттуда он уже не вернулся.

ДВА МОИХ ГЕРОЯ

Фаина Егоровна Демакова

мать Героя Советского Союза Александра Демакова

Похороны сына прошли, надо памятник делать. А вы знаете, в 80-х время какое было? Из пластов складывали, а мне хотелось хороший поставить. Бугаков лично отыскал камень — повез меня в Академгородок, в «Мостострой». Пришли туда, а я плачу. Камень был розового цвета, Юрий Федорович сказал тогда: «Никаких темных, черных тонов — только так!»

— Первая черта человека — отношение к матери.

В 1977 году мой сын окончил школу и решил поступать в военное училище. Мы пошли его провожать и попали на похороны: Юрий Федорович хоронил свою маму. Было очень много людей — Саша, сын, к нему протиснулся, потом возвращается и говорит:

— Мама! Юрий Федорович плачет.

Казалось бы, такой строгий, а слез не сдерживал.

Прошли годы, сын окончил высшее военно-политическое училище в Новосибирске, стал политработником и отправился на войну в Афганистан. В 82-м приехал в отпуск и в один из дней приходит домой заплаканный. Я спрашиваю:

— Что с тобой, сынок?

Он отвечает:

— Я к Юрию Федоровичу ходил. Попросил его в случае чего о тебе позаботиться.

Он уехал обратно на войну и 21 апреля того же года погиб.

Юрий Федорович свое обещание сдержал — устроил меня на работу. Работать я, конечно, не могла. Надо было считать, сколько скошено, сколько обмолочено, сколько надоено, а я сидела и путала: скошено-намолочено порой в одну графу писала. Он мучился со мной, но терпел. Я же как былинка была — совсем больная, задыхалась постоянно.

Юрий Федорович вызвал врача, мне даже не сказал. Врач приехала, увидела у меня портрет Сашин, китель — и сама заплакала. Так и сидели: она меня утешает, а я ее. Она говорит: «Вам в больницу нужно!» И отправила меня лечиться в больницу. Работать я больше не смогла, пошла на инвалидность.

Похороны Саши прошли, надо памятник делать. А вы знаете, время какое было? Из пластов складывали, а мне хотелось хороший поставить сыну на могилу.

Бугаков лично отыскал камень — повез меня в Академгородок, в «Мостострой». Пришли туда, а я плачу. Камень был розового цвета, Юрий Федорович сказал тогда:

— Никаких темных, черных тонов — только так!

Он любил все красивое, ухоженное. Когда памятник открывали, он сказал речь:

— Саша ко мне приходил, просил позаботиться о матери. И я даю слово: сколько буду жить, столько буду его помнить и столько буду о Фаине Егоровне беспокоиться.

Вы понимаете, это был 82-й год. Скоро чиновники начнут говорить: «Я вас в Афганистан не посылал». Бугаков никогда такого никому не сказал. Наши афганцы были всем обеспечены — они ведь на чужой земле погибали, чтобы родную сберечь.

Трудно говорить, когда так близко человека знала, когда столько добра он для тебя сделал. Какой он был? Скромный, добрый, чистоплотный, серьезный, ответственный. На вид очень строгий, а в душе доброта. Не могу поверить, что Юрия Федоровича нет, это такая потеря. Когда узнала, мне даже скорую вызывали. Его зимой хоронили, я пойти не могла — я слепая совсем четыре года как… Мне надо и одеться помочь, и проводить, и увезти, сама никак. Да и не до меня в тот день было — нянчиться со мной. Но 21 апреля, в день памяти сына, меня отвезли на кладбище, и я зашла к Бугакову на могилку. Сказала ему:

— Юрий Федорович, здравствуйте! Фая пришла — так вы всегда меня называли. Как же вы так? Как это получилось? Нам плохо без вас. Два героя на одном кладбище.

«УМЕНИЕ ОБХОДИТЬСЯ
СОБСТВЕННЫМИ СИЛАМИ,
НЕ ОЖИДАЯ НИ ОТ КОГО
НИ МИЛОСТИ, НИ МИЛОСТЫНИ,
ПОЗВОЛИЛО НАМ РАСТИ
И РАЗВИВАТЬСЯ ДАЖЕ В САМЫЕ
ТРУДНЫЕ ГОДЫ».

Человек-чудо

Михаил Петрович Попов

животновод, работал в хозяйстве с 1971 по 1997 год

Когда моей жене потребовалась срочная операция, местные врачи тянули время, боялись оперировать. Я пошел к Бугакову. Прихожу со слезами, рассказываю, что жена умирает. Он снял трубку, позвонил в центральную районную больницу да как дал им всем нагоняй! «Не можете сами оперировать — везите в город. Если с ней что-нибудь случится — я вас всех засажу!» Так и сказал.

— Бугаков заключил договор с городскими больницами — нас туда на обследование возят, на лечение. Приходишь в колхозный медпункт к Виктору Викторовичу Гудкову, записываешься, и тебя в очередной вторник отвозят в областной центр. И зимой и летом каждый вторник наша «Газель» везет людей: этого в одну больницу, этого — в другую. Хозяйство за всю эту медицину платит, а с нас — только подоходный налог. Допустим, десять тысяч заплатили за мое лечение, с десяти тысяч я лично плачу 13 процентов — и все.

Для рабочих и в Верх-Ирмень врачей привозят, они здесь живут, всех обследуют, назначают лечение. А раньше как было? Жена моя Мария Иосифовна, бывший колхозный техник по осеменению, заболела — ее в Ордынку увезли. Ей срочная операция нужна, а она под капельницей лежит — доктора местные тянут время, боятся оперировать. Что делать?

Я пошел к Бугакову.

Прихожу со слезами, рассказываю, что жена умирает. Он снял трубку, позвонил в центральную районную больницу да как дал им всем нагоняй! «Не можете сами оперировать — везите в город. Если с ней что-нибудь случится — я вас всех засажу!» Так и сказал.

Тут все забегали. Ночь жену прокапали, рано утром — на операцию. Стех пор тридцать лет прошло, а она, слава богу, жива. Бугаков приглашал нас на свое 70-летие, и Маша, поздравляя его, сказала: «Юрий Федорович, спасибо вам! Вы мне вторую жизнь подарили».

Бугаков сам в больнице лежал в конце 70-х годов. Сильно болел. К нам из конторы заходят на производственный участок:

— Бугакову нужна кровь для переливания. Кто готов свою сдать?

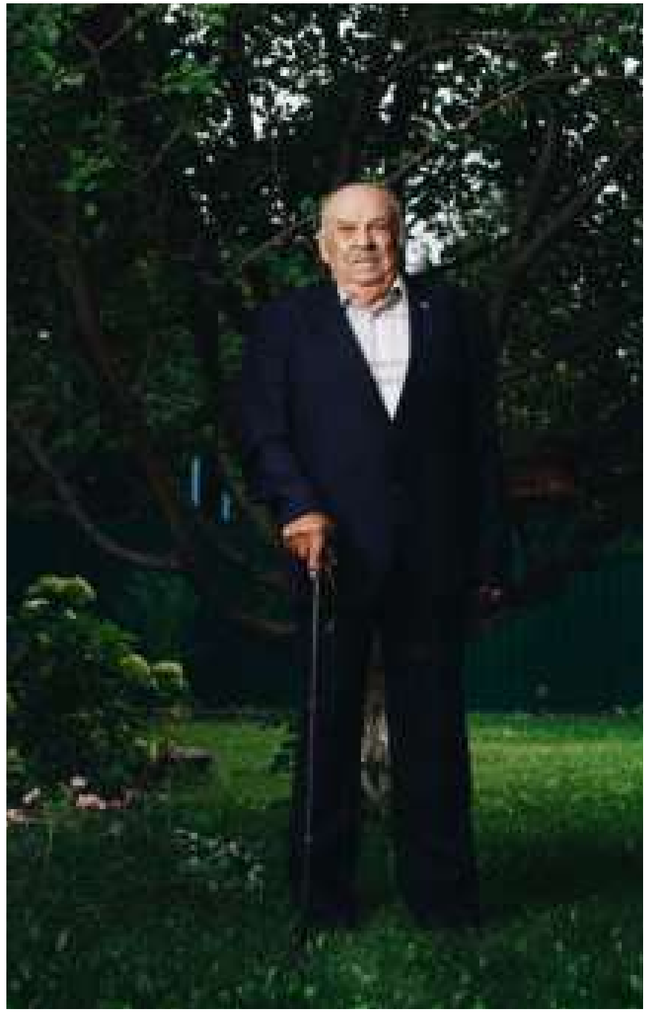
Говорю:

— Я поеду!

— Бросай работу — автобус ждет.

Прихожу — человек двадцать! Полный автобус поехал для него кровь сдавать!

Когда перестройка началась, все деревушки вокруг — Пичуги, Шарап, Козиха, Красный Яр, Приобское —



загибаться стали. Руководители ушли и всю технику забрали. Бугаков никуда не ушел и колхозную землю никому не отдал. Некоторые из наших в фермеры подались, а что фермер? Год-два без тракторов и другой техники поработал, а потом бежит к Бугакову: «Юрий Федорович, помоги!»

Я спросил потом у знакомого фермера:

— Как дела?

— А я продал свою землю.

И второй продал, и третий. А мы остались при своей земле.

А Бугаков, дома меньше был, чем в хозяйстве! Все фермы объедет, все поля. Шофера бросит, один поедет. Расспросит: как, что? В чем нуждаетесь? Что надо? Собрал всех нас и стал объяснять: «Вот смотрите, это хозяйство развалилось, то растащили, а мы свое не отдадим! Иначе приедут ребята в кожаных куртках и скупят все».

Так по его слову и вышло: мы свое хозяйство не отдали и теперь на акции каждый год дивиденды получаем.

Человек-чудо, правда.

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Евгений Владимирович Шаленкин

КНИГОИЗДАТЕЛЬ

Удивительное совпадение в моей жизни — Бугаков и Астафьев. Мои герои похожи друг на друга! Трудными судьбами. Характерами. Достижениями. Предельной честностью. Писатель и Председатель. Последние из поколения настоящих Граждан. Хлебнувшие полной чашей и знающие людей. И посвятившие свой талант устройству достойной жизни на родной земле.

— Я звонил ему рано утром. Он выслушивал поздравление и всегда по-отечески тепло отвечал: «Спасибо, Женя!» И эта искренность была душевной, бугаковской искренностью! Так было всегда: он никогда и ничего не делал неискренне. Он был цельный. Как скала. У него даже интонация была могучей силой и заряжала энергией. Тебе доверяют! Крохотную работу сделай как большую. И сделай хорошо. Чтобы заслужить его молчаливую оценку. Он редко ее ставил. Но метко. А молчание у него было иногда крепче слов. Доверие — главная ирменская валюта. И она заслуживается каждым новым делом. А Бугаков ценил две вещи: опыт и пот. Профессионализм и трудолюбие.

В этот год 25 января я ему уже не звонил. И долго длилось ощущение неправильности происходящего. Никак не утишалась мысль, что его нет на рабочем месте. Не может такого быть. Такие люди живут всегда. Бугаков — явление чисто российское, естественное, как природа, и глубоко крестьянское, выстраданное жизнью. Оттуда и заповедь: собрался помирать, а рожь сей! Даже по отношению к смерти крестьянин ироничен. Сначала дело сделай. Если бы не коронавирус, Бугаков бы сеял рожь.

Я с ним познакомился в 1986 году. Когда с братьями Кожуховыми дневал и ночевал в полях ради очерка в молодежную газету. Черпал опыт жизни.

И в тот же год я побывал в Красноярске у писателя Виктора Петровича Астафьева. Черпал писательскую мудрость. Удивительное совпадение в моей жизни — Бугаков и Астафьев. Мои герои похожи друг на друга! Трудными судьбами. Характерами. Достижениями. Предельной честностью. Писатель и Председатель. Последние из поколения настоящих Граждан. Хлебнувшие полной чашей и знающие людей. И посвятившие свой

талант устройству достойной жизни на родной земле. Поэтому пишу Писатель и Председатель с заглавной. Они и были главными героями времени. Для меня точно. Пахари! Они при жизни имели награду похлеще кремлевской — настоящее народное Уважение. Почтение. Боюсь сказать — Любовь. Авторитет у них был высшей пробы: они знали правду, следовали правде и даже президенты тянулись к ним за советом.

Юрию Федоровичу на председательскую дату дарю книгу «Нет мне ответа». Астафьев в письмах. Вся жизнь по годам. Предлагаю сделать нечто похожее. Только вместо писем опубликовать живую речь людей. И его собственные непричесанные монологи о себе, о людях, о времени. Юрий Федорович отвечает: «Дай мне время подумать».

И в этом они похожи. В скромности. Жить по совести для них — как дышать. Правило на каждый день. Закон. Вкалывай и не выпячивайся. Обнародованию подлежал только результат. Письма Астафьева вышли после его смерти. Монологи про Бугакова делаем без него. Писатель растворил свою судьбу в рассказах и романах. Бугаков отпечатался в людях и определил на век судьбу предприятия и сотен, если не тысяч последователей, друзей и соратников из разных поколений. Мы и заговорили в книге об этом. И о тех, кто достоин добрых слез, светлых воспоминаний и неугасимой памяти.

Он меня учил: «Вот так надо делать книги!» Вытаскивал огромный фолиант, килограммов на десять, про белгородского председателя. Говорил: «Я читал и иногда плакал…Такие книги надо писать!» Я загорался надеждой, как лампочка. Сейчас он даст «добро», и мы начнем записывать жизнь с его слов. Он любил иногда это делать, вспоминать. В прошлом всегда есть что-то драгоценное, что невозможно восполнить. Ему всегда удавалось проявлять уважение к прошлому. Знал: биографии — золотой фонд любой семьи.

Но моя лампочка в десятый раз гасла. Бугаков просил дать ему время подождать и подумать. Даже его старость имела пружинистый характер.

В нем кипел реактор, неудержимое внутреннее стремление к деятельности. А мемуары — удел дедушек в домашних тапочках. Не любил он и не подпускал к себе окончательную пенсионерскую формулу жизни. А я-то вновь за свое. За книгу. А он опять: «Тебе что, делать не хрена?» Стыдно становилось за нахрап. Сопел, помалкивая.

«Не меня снимай — людей!» — вот так Юрий Федорович отфутболивал меня всякий раз, как только я его тянул под фотоаппарат в поле или в студию. Двадцать лет назад мы делали первый проспект для Ирмени и с вышки снимали коровок на поливном поле. И чудо! Он приехал посмотреть на процесс. Я победил, затащил-таки его в кадр. Он крепко стоит на земле. Светлый, простой человек. Впереди его ждали плодородные годы. Победа за победой. Он брал высоты, которые сам же и намечал. С тех пор его лед недоверия к фотосуете был немного растоплен. Но принцип — сначала доярка с механизатором — остался навсегда. Людей он любил, и они были его Полным собранием сочинений. А вопросы про свою персону неизменно переводил в ранг «пусть люди говорят». И это меньше всего скромность. Больше — талант соединять себя и людей в общем деле. А вышло — в общей жизни. В общей судьбе.

Но феномен Бугакова в неоднозначности и состоит. Юрий Федорович — сосредоточенно открытый человек и в то же время — закрытый. Изучать себя он не позволял. Какой есть, такой есть — изучайте дело. Все его интервью — про Ирмень. Про себя — неохотно и только известные факты. И потому трудно говорить-писать про Бугакова-Человека. Потому так много штампов. Напустят тумана про человека-легенду и думают, что Председателю это приятно и всем про него все понятно. Маршал на белом коне и весь в медалях ездит по полям…

А он не любил такую праздную, поверхностную болтовню. Он гордился Ирменью. Людьми гордился. Гордился собой, что жизнью смог талантливо распорядиться. А это редкое счастье — пережить расцвет и в старости и выдержать ее мудрую жестокость.

Феномен Бугакова в превосходстве таланта Души над талантом Ума. Отсюда ясные мысли. Ясные чувства. Интуитивно и природно он был мудр. Терпеливее других. Спокойнее, а значит — естественнее. Цель определяет масштаб человека. А он с первых шагов довериться своей интуиции и самостоятельность в мыслях и действиях поставил в железное правило. И все вокруг съезжало с осей и опор, а он тихой сапой строил свою ирменскую Устойчивость. Научившись управлять собой, он научился управлять Ирменью. Он понял возможности одного человека. Достоинство под давлением обстоятельств — вещь полезная. Если к достоинству относиться серьезно.

А серьезным он умел быть. Рано поняв, что жить по совести требует ох каких усилий. Каждодневных. Уйму труда думать и прислушиваться к тому, что в душе твоей заложено. Вот этой душевной чуткостью были щедро одарены военное и послевоенное поколения. Они знали цену жизни.

Таким бы людям страной управлять.

У Астафьева была любимая книга «Последний поклон». Гимн Жизни. Любви. Детству. Родным. Природе.

Наша книга — монологи людей, которые добрые воспоминания жизни бережно направляют в вечность.

Наша книга — своеобразный Последний Поклон Юрию Федоровичу. Поклон благодарности. Поклон уважения. Поклон вечной памяти. Поклон Человеку, который сделал жизнь лучше!

ХОЗЯИН ВОЛИ И СЛУГА СОВЕСТИ

Геннадий Александрович Шишебаров

АДВОКАТ

Юрий Федорович не был святым — обычный человек со своими недостатками. Как заведется, например, — все подчиненные стоят на ушах! Но в сельском хозяйстве он был Пушкин. Гений, несовместный со злодейством. Который не однажды удивлял меня своей кристальной честностью, выдававшей в нем наличие самого важного человеческого качества — совести.

— Я немного знал семейную историю Юрия Федоровича Бугакова. Он мне рассказывал и про дедов, и про отца. И вот что меня поражало. Имея такого мощного, с предпринимательской жилкой дальневосточного деда, который, по его словам, до самой смерти люто ненавидел коммунистов, он стал инструктором райкома КПСС и председателем колхоза «Большевик». Репрессированный дед в свое время смог утаить от советской власти немного золотишка, которое потом помогло ему поднять детей и дать им образование. А его внук, напротив, ежегодно добровольно отдавал свой честно заработанный «капитал» на общее благо.

Все смешалось в биографии Бугаковых! Как так получилось, что из инструктора райкома партии вырос передовой капиталист? Почему он свои трудовые деньги безвозмездно отдавал на общественные цели? Каким образом в одном человеке без внутренних противоречий уживались жесткий прагматизм и невероятная щедрость?

Мы много беседовали об этом. Иногда могли часа по три-четыре разговаривать. И я часто просил Юрия Федоровича: давайте запишем ваши мысли! Они очень важны и будут востребованы не только вашими правнуками, но и всеми неравнодушными людьми. Но он отмахивался. Почему-то воспринимал эти просьбы как намек на мемуары, время которых, как ему казалось, еще не пришло. Поэтому сегодня я могу озвучить только свою версию ответа на эти вопросы. Она короткая.

У Бугакова была совесть.

Ее еще иногда называют присутствием Бога в человеке. Юрию Федоровичу было дано что-то свыше. Не знаю, как это назвать: божественное ли начало или что-то иное. Но если бы таких людей, как Бугаков, не рождалось, наверное, и России бы не было.

Наша страна вопреки всем историческим катаклизмам стоит благодаря таким, как он.

Нет, он не был святым — обычный человек со своими недостатками. Как заведется, например, так все подчиненные стоят на ушах. Но в сельском хозяйстве он был Пушкин. Гений, несовместный со злодейством. Который не однажды удивлял меня своей честностью, выдававшей в нем наличие самого важного человеческого качества — совести.

Могу поделиться двумя известными мне случаями.

В конце 90-х ему позвонили из Москвы, из министерства сельского хозяйства, и предложили очень выгодный, практически беспроцентный кредит. По тем временам это было шикарное экономическое везение, своего рода подарок. Но при этом председателю «Ирмени» дали понять, что взамен за этот супер-пупер-займ он должен некоторую часть суммы вернуть в Москву наличными. Причем привезти лично. И хотя накануне вечером Юрий Федорович принял решение сказать «да», ночь он не спал. Мучился, ворочался, глаз не сомкнул. А утром встал, позвонил в столицу и от «чудесного» предложения отказался.

Потом с горечью мне рассказывал: «Я просто не могу представить, как это я возьму деньги и куда-то повезу. Как я буду их отдавать? Я со стыда сгорю!» Совесть для него была важнее выгоды.

Знаю еще одну историю.

Однажды «Ирмень» получила серьезную денежную компенсацию в соответствии с новым законом, только что принятым Заксобранием области. В нем было условие, что право на бюджетную поддержку имеют лишь те хозяйства, которые обладают четко оговоренными производственными показателями. Подчиненные Юрия Федоровича документы оформили быстро, и деньги поступили на счет. Но что-то в этой истории председателя беспокоило, не давало спать, и он решил влезть в ситуацию более дотошно. В итоге выяснилось, что показатели «Ирмени» по молоку недотягивают. И тогда Бугаков, не раздумывая, полученную компенсацию вернул в бюджет.

В финансовом смысле Бугаков был очень щепетильным. Он знал: сказочные богатства, пришедшие нечестным путем, так же «сказочно» и уйдут. У него было мощное внутреннее, я бы сказал, врожденное чувство справедливости. Золотое правило нравственности «делай другим то, что хотел бы, чтобы они делали по отношению к тебе» стало и его личным золотым правилом.

Его возмущало, когда его коллеги до неприличия мало платили людям за труд. Вместе с приходом в Россию рынка они превратились в новых капиталистов, главное для которых — прибыль. А Бугаков внутри не был пустым. Он не бежал за сверхприбылью, платил сполна и всегда. Для него было важно — не кинуть. Наверное, поэтому сегодня «Ирмень» — одно из немногих, пожалуй, единственное хозяйство в России, в котором многие труженики, кроме зарплаты, имеют два серьезных источника дохода — дивиденды на акции и арендную плату за земельные доли.

А ведь многие руководители в свое время чего только не делали, чтобы лишить людей их надела!

Земельная реформа у нас вообще шла очень тяжело. Юрий Федорович долго искал собственное решение, советовался с юристами. Тогда нам пришлось очень много поработать вместе, были горячие споры, которые в итоге завершились единым подходом. Некоторые наши идеи вошли даже в российский закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения».

Для Бугакова такое решение было спасительным, так как он очень переживал, что колхозные земли могут растащить. Но все сложилось как нельзя лучше: и интересы людей были учтены, и весь земельный массив хозяйства площадью в 20 тысяч гектаров сохранен. Хорошие деньги сегодня в «Ирмени» исправно получают все: и непосредственные работники, и пенсионеры, и их наследники. Землю в этом селе просто так не купишь, люди знают: она дает стабильный доход, который растет вместе с инфляцией.

Честность, как ни парадоксально, в жизненной перспективе более выгодна. И если бы капитализм в России пошел по бугаковскому пути, мы жили бы сегодня в другой стране. Юрий Федорович, как никто другой, умел найти равновесие между получением прибыли и интересами тех, кто ее добывает.

Он обладал уникальным даром — способностью видеть ситуацию чужими глазами. Я однажды ему сказал даже, что он — как знамя, к которому хотят прикоснуться все: и белые, и красные, и бандиты, и большевики. Внешняя «окраска» человека для него не имела такого значения, как внутренняя сущность, которую он видел своим особенным «бугаковским» зрением. Я думаю, если бы в свое время он принял лестное предложение возглавить область, то стал бы одним из лучших губернаторов в стране. Но он отказался. Он видел свое место только на земле. Стремился создать уникальное село. И добился своего: сегодня слово «Ирмень» звучит громко и гордо.

Не понимал Бугаков одного: как можно работать спустя рукава? Мог очень жестко, в бога душу мать, отчитать своих, а потом с горечью делился: «Я ж, елки-палки, не надсмотрщик какой, а приходится!» Он считал, что добросовестность — это самая очевидная на свете вещь, зачем еще что-то объяснять? Добивался идеального выполнения задачи, иногда ломая через колено. Мерил по себе. Удивлялся современным нравам, когда вокруг все хотят побыстрее, подешевле и чтоб левой пяткой.

Наше с ним знакомство состоялось в начале 2000-х, когда «Ирмени» понадобилась помощь адвоката в одном из гражданско-правовых споров. Вообще по жизни он был законопослушным человеком, особых юридических проблем в хозяйстве не было, но в наших реалиях формальная опасность подстерегает везде, и с помощью юристов он старался упредить ее. В том конфликте я выступил своего рода миротворцем, спор был решен во внесудебном порядке, и, несмотря на разницу в возрасте в двадцать лет, между нами завязались дружеские

и уважительные отношения. Особо близкий характер они приобрели после совместной поездки в Карловы Вары.

Когда вернулись в Новосибирск и вышли в Толмачево разгружать вещи, Юрий Федорович сказал мне на дорожку: «Знаешь, я поймал себя на мысли, что за две недели от тебя не устал. Так что можем повторить». На следующий год повторили. Неоднократно вместе отдыхали и на Алтае.

И как мне рассказывали женщины из конторы «Ирмени», я действовал на Юрия Федоровича успокаивающе: когда я в очередной раз приезжал в село, он сменял гнев на милость.

Бугаков был сгустком энергии! В Чехии я однажды видел, как он, спускаясь по склону в кроссовках, споткнулся, но не упал, а крепко спружинил на ногах и, будто атлет, сбежал вниз до края. А ведь ему было за семьдесят!

Он любил жизнь во всех ее проявлениях. Принимал ее вызовы. Ему все было интересно.

Поэтому невероятно сложными стали для него последние два года, когда голова еще была полна задумок, а тело уже подводило. В наиболее грустные минуты нездоровья он говорил: «Самое страшное, что от меня силы уходят. Я это чувствую». И сильно переживал за то, как хозяйство останется без него. Неоднократно повторял, что Олегу Юрьевичу нужен хороший грамотный юрист, чтобы помочь избежать ошибок. И так волею судьбы сложилось, что сейчас, когда наше поколение от дел уже отошло, эстафету подхватили наши дети: у Олега Юрьевича, который достойно продолжает все отцовские традиции, в качестве помощника работает моя дочь, тоже адвокат, Наталья Шишебарова. Им предстоит решать не менее, а может, и более сложные задачи, чем нам.

Трагедия России заключается в том, что каждые 70 лет в стране, пусть даже и в сторону прогресса, полностью ломается вся система социального регулирования. Сначала отмена крепостного права, неудачная земельная реформа. Только к 1917 году все образовалось — снова рухнуло. К 1990-му построили, и опять все — на свалку истории. Подавляющему большинству людей, попадающих в такие сложные исторические переплеты, очень трудно сохранить в душе что-то святое.

Не так давно я наткнулся в Интернете на текст выступления перед молодежью в 1991 году патриарха Московского и всея Руси Алексия II. «Мне вас жалко, — сказал владыка. — Бремя свободы всегда жестко, всегда трудно. Общество, в которое вы войдете, будет еще небывалым в истории. Это не похвала ему. Это предостережение вам. Дело в том, что впервые общество конкурентной экономики будет создаваться в условиях духовной разрухи».

Точнее не скажешь. Действительно, рынок в России возникал на пустом месте, и в отличие от Запада у нас не было сдерживающих начал. Преградой на пути духовной разрухи могли встать только такие выдающиеся люди, как Юрий Федорович Бугаков.

И они встали.

Не замыкаясь в 70-летней российской системе координат, знаменитый председатель «Ирмени» до последнего своего дня удивительным образом совмещал в себе рыночное мышление, желание получать прибыль с разумным тормозом — совестью.

«СЕКРЕТ У МЕНЯ ОДИН — НАДО БОЛЕТЬ СВОИМ ДЕЛОМ. Я НЕ РЫБАК, НЕ ОХОТНИК, ПОМЕШАН ТОЛЬКО НА РАБОТЕ. НЕ УСТАЮ ПОВТОРЯТЬ В СВОЕМ КОЛЛЕКТИВЕ: ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ — СМЕРТИ ПОДОБНО. МЫ ДОЛЖНЫ ПОСТОЯННО, ХОТЬ НЕМНОЖКО, ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД».

ЖИЗНЬ ПО СОВЕСТИ

Чтобы стать героем, достаточно мгновения.
Чтобы стать достойным человеком, необходима целая жизнь.

Юрий Федорович Бугаков такую жизнь прожил.
Невероятно насыщенную, большую, полную преодолений и побед.

Его решения и поступки часто не были бесспорными, но именно поэтому сегодня о нем, как об одном из героев советских фильмов, вспоминают известной фразой: «Вроде бы тяжелый мужик, а свету от него много». Он умел видеть солнце даже в самый хмурый день и шел, освещая путь не только себе.

Человек с совестью в душе.

Тот, кто в споре всегда давал говорить другому.

С кем невозможно было перейти на «ты», даже если знаком десятки лет.

Кому можно было верить на слово.

Его жизнь — это вечность в миниатюре. Все 82 года своего пребывания на земле Юрий Федорович больше отдавал, чем брал. В числе его личных качеств никогда не было скупости, ему нравилось щедро «бросать добро в воду», замечая, как от камушков расходятся и расходятся новые круги. Считал поговорку «не оскудеет рука дающего» абсолютно верной и часто подчеркивал: «чем больше тратим, тем богаче становимся».

В его кабинет вереницей тянулись просители: нужна помощь в восстановлении церкви, лечении ребенка, строительстве дома для погорельцев… «Никого за дверь не выставляю», — признавался Бугаков. Каждая просьба получала сердечный ответ.

Два десятилетия подряд он отдавал все собственные, абсолютно законные дивиденды на благоустройство родного села и всю жизнь заботился об Ирмени как неравнодушный ее сын, привлекая и все иные возможные средства. И не только о самой Ирмени. В его депутатском округе были еще Ордынка, Кочки и «неперспективные» Малоирменка, Малый Чик и Кузьминка. Жители каждого из сел знали, что такое отеческая забота Бугакова.

В 2003 году, когда депутатам Новосибирского Законодательного Собрания была дана возможность направлять по миллиону бюджетных рублей на решение проблем своего избирательного округа, Юрий Федорович разделил эти деньги между Кочками и Ордынкой. В Кочках тогда начали строить православный храм Рождества Христова, а в Ордынке решили оснастить школы: купили необходимое оборудование, наглядные пособия, доски, спортивный инвентарь, звуковую аппаратуру…

В 2004-м бюджет выделил депутатам по два миллиона. И вновь Бугаков почти половину суммы вложил в строительство церкви в Кочках. Сегодня в этом величественном храме уже идут службы, и всех прихожан встречает подарок Юрия Федоровича на освящение — икона Рождества Христова.

Вторую половину своего депутатского фонда он отдал Ордынке: общим решением сельчан в тот год был наведен порядок в медицине, все 20 медпунктов получили полный комплект необходимых медикаментов и материалов. Приличную поддержку получила также ордынская культура.

«Я езжу по селам и вижу, что там творится, — рассказывал Бугаков, который зимой 2020 года, за месяц до своего ухода из жизни еще вел депутатские приемы. — Вот в Верх-Алеусском сельсовете нет воды, снег топят. Света нет. В библиотеке потолок обвалился. Дороги не чищены. Ни копейки денег в казне». Это была не отстраненная констатация фактов. Из таких поездок Бугаков никогда не возвращался без результата. И из своего последнего выезда в Верх-Алеус — тоже. По итогам встреч он выделил более полумиллиона рублей, чтобы в селе восстановили бесперебойную подачу воды, купили кресла в ДК, игрушки в детский сад и лыжи в школу, отремонтировали потолок и заменили окна в библиотеке, поставили на колеса трактор Т-40 для нужд сельсовета, а дети получили новогодние подарки. И таким был практически каждый визит Бугакова за пределы Ирмени.

«Я считаю, — говорил Юрий Федорович, — что в любом селе должен быть медицинский пункт, школа и очаг культуры. Это — моя забота». И подтверждал свою позицию настолько мощно, что она по инерции продолжила работать после его ухода из жизни.

В апреле 2021-го в Верх-Ирменской участковой больнице появился новый автомобиль скорой помощи — подарок Юрия Федоровича Бугакова коллективу медицинских работников. Современная, оснащенная всем необходимым оборудованием машина «пробила» дорогу сквозь время. И ничего, что ключи от нее торжественно вручил медикам не даритель, а его сын Олег Юрьевич, главное — новая техника будет помогать спасать жизни.

До последнего своего дня, вопреки всем недомоганиям, Юрий Федорович сеял и сеял разумное, доброе, вечное. Буквально в последние свои рабочие дни принял важное решение: женщины-животноводы, которые отработали

в «Ирмени» 20 и более лет, получили пожизненное обеспечение бесплатными ежегодными путевками в любой санаторий нашей страны.

Активно помогал Новосибирскому государственному аграрному университету — своей альма-матер, членом попечительского совета которого работал много лет. В благодарность за это еще при жизни Юрия Федоровича кафедре растениеводства и кормопроизводства присвоено его имя.

Чудил. На свои средства создал и содержал природный заказник в сто гектаров, по которому и сегодня свободно ходят пятнистые олени, зубры, маралы, лоси, косули и якутские лошади. Прижились в бугаковской заповедной зоне и птицы: утки, лебеди, гуси. Этот маленький зоопарк-вольер стал местом притяжения ребятни со всей области. Зачем? Для души. И чтобы природу сохранить. Чтобы новое поколение видело и знало, как богата сибирская земля.

Посадил свое «Поле чудес» — разбил в Верх-Ирмени парк, где пустили корни 35 видов деревьев — практически все, которые растут в Сибири.

В свой последний год Юрий Бугаков успел даже побороться с коронавирусом, который отнял у него жизнь. В пандемическую весну 2020-го он передал в региональный волонтерский центр помощи сто продуктовых наборов для стариков. Отправляя им полезную продукцию «Ирмени», обратился с просьбой, чтобы не подвергали себя опасности: «Пожалуйста, оставайтесь дома. Нам необходимо разорвать цепочку заболеваемости. Это очень важно. Будьте здоровы и берегите себя».

А вот сам этого не сделал.

И хотя он еще мог заявлять в интервью: «Мечтаю в космос слетать — и, пожалуй, этого на мою жизнь хватило бы», в его планы на вечность вмешалось тиканье земных часов.

Он всю жизнь торил дорогу к храму, объясняя успех «Ирмени» истинной верой. Говорил: «У нас на предприятии большинство сотрудников, включая меня, верующие. И мы чувствуем, что нас поддерживает сам Господь Бог». Выработал в себе удивительный «рефлекс прощения»: «Я человек взрывной, могу психануть и даже оскорбить, но это проходит. Если нагрубил, я извинюсь. Люди не делают ничего такого, чего им нельзя не простить. Зла ни на кого не держу».

Юрий Федорович, возмужав, набравшись опыта, стал глубже понимать, что значение имеет лишь одно — сокровенная суть души. Неспешность и подлинность. Хозяйский догляд за Россией и верные решения.

Он жил не только здесь и сейчас. Как всегда, будучи чрезвычайно дальновидным, он заглядывал в будущее. В котором его потомки, спустя многие и многие десятилетия, будут знать и уважать фамилию «Бугаков».

Он все сделал правильно. И когда в одном из интервью его спросили: «Юрий Федорович, а вот доведись вам снова прожить свою жизнь, что бы вы в ней поправили?», не задумываясь ответил:

— Я бы повторил все сначала.

ЛУЧШИЕ –
ИЗ ПОКОЛЕНИЯ,
ЦВЕСТИ ВАМ –
НЕ УВЯДАТЬ!
ВАШЕГО ПОКОРЕНИЯ
БЕДАМ –
НЕ УВИДАТЬ!
РАЗНЫЕ БУДУТ СЛУЧАИ –
БУДЬТЕ СИЛЬНЫ И ДРУЖНЫ.
ВЫ ВЕДЬ НА ТО И ЛУЧШИЕ –
ВЫСТОЯТЬ ВЫ ДОЛЖНЫ...

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Юрий Федорович Бугаков

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА «ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВОМ»

1987 год
Звание Героя Социалистического Труда (государственая награда СССР, высшая степень отличия за труд) с вручением высшей награды СССР — Ордена Ленина и знака особого отличия — золотой медали «Серп и Молот»

1997 год
Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени

2003 год
Орден «За заслуги перед Отечеством» III степени

2013 год
Орден «За заслуги перед Отечеством» II степени

2018 год
Орден «За заслуги перед Отечеством» I степени

1986 год
Орден Ленина

1975 год
Орден Трудового Красного Знамени

2008 год
Почетная грамота Президента РФ

1998 год
Почетная грамота Государственной Думы РФ

2014 год
Благодарность Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ

1969 год
Юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»

1985 год
Премия Совета Министров СССР

1983 год
Почетное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР» (За заслуги в области сельского хозяйства)

3 золотых медали ВДНХ

Нагрудный знак «Отличник народного просвещения РСФСР»

2012 год
Почетное звание «Почетный гражданин Новосибирской области»

2003 год
Знак отличия «За заслуги перед Новосибирской областью»

2013 год
Медаль А. И. Покрышкина

2016 год
Почетное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Новосибирской области»

2000 год
Почетное звание «Гражданин XX века Новосибирской области»

2012 год
Памятная медаль «За вклад в развитие Новосибирской области»

2009 год
Государственная премия Новосибирской области

2008 год, 2010 год, 2011 год
Почетная грамота Губернатора Новосибирской области

2014 год
Медаль «За вклад в развитие законодательства Новосибирской области»

Почетный знак Законодательного Собрания Новосибирской области

Медаль «Общественное признание»

2008 год
Медаль Кемеровской области «За веру и добро»

2010 год
Почетная грамота Законодательного Собрания Новосибирской области

Памятный знак «За труд на благо города» (Новосибирск)

2001 год
Почетное звание «Почетный гражданин Ордынского района»

2001 год
Ученая степень «Почетный доктор СибНИИЗиХ СО РАСХН»

Ученая степень «Почетный доктор Новосибирского аграрного университета»

Медаль им. Т. С. Мальцева (отделение с.-х. наук ОСХН)

2000 год
Орден Святого благоверного князя Даниила Московского III степени

Епархиальный памятный знак «За усердные труды» I степени

Орден Святителя Николая, архиепископа Мирликийского

2016 год
Лауреат Национальной премии им. П. А. Столыпина

2004 год
Медаль «100 лет профсоюзам России»

2010 год
Нагрудный знак «За развитие социального партнерства»

Памятная медаль «Ветеран границы»

Почетный знак героя энциклопедии «Лучшие люди России»

Золотой почетный знак «Общественное признание»

2000 год
Лауреат конкурса «Карьера – 2000»

УДК 338.43:636.03
ББК 65.325.2(253.3-4Нов)
Ю71

Ю71 ЮРИЙ БУГАКОВ. ИРМЕНЬ, СЕМЬЯ И ГОЛУБИ / текст Ольга Лоскутова; дизайн Алексей Яковлев; фото Антон Уницын, Роман Шаленкин; ред. Нина Пашкова; автор идеи и рук. проекта Евгений Шаленкин. – Новосибирск: PVN, 2022. – 640 с.: ил., портр.

Эта книга о талантливом Человеке. Который любил жизнь и людей. Умел много работать и помогал хорошо это делать другим. Книга о талантливом предпринимателе. Который сумел из колхоза сделать предприятие мирового уровня. Книга о том, как совместить кропотливую работу, любовь, многочисленные таланты и стать счастливым человеком. И это все о нем – о Бугакове Юрии Федоровиче и его знаменитой «Ирмени». Главные герои книги – уважение и любовь. Именно об этом монологи близких, друзей и соратников. О том, каким остался в памяти народной известный на всю Россию Председатель.

© Издательство PVN, 2022

Юрий Бугаков

ИРМЕНЬ, СЕМЬЯ И ГОЛУБИ

Автор идеи и руководитель проекта Евгений Шаленкин

Текст Ольга Лоскутова

Фото Антон Уницын, Роман Шаленкин

Дизайн Алексей Яковлев
Верстка Татьяна Рыбникова
Интервью Игорь Маранин
Редакторы Ольга Дмитриева, Нина Пашкова
Корректор Ольга Дмитриева
Предпечатная подготовка Вячеслав Рязанцев

В книге использованы фотографии С. Кристева, В. Дубровского, С. Пермина, В. Решетникова, В. Михайлова, В. Панова, А. Баулина, А. Шапрана, С. Кряжева, П. Березина, К. Круглянского, материалы и фотографии из архива ЗАО «Племзавод «Ирмень», газеты «Ведомости», фотографии из личных архивов героев книги.

PVN
ИЗДАТЕЛЬСТВО

630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 153А
Тел.: 8 (383) 2-144-921, 2-923-100, 236-20-90
e-mail: es@pvn.ru
www.pvn.ru